НАРОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Советский писатель

НАРОДНЫЕ ИСТОРИ-ЧЕСКИЕ ПЕСНИ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

НАРОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Б. Н. Путилова*

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД · 1962

Р 1
Н 30

«Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории...» — писал М. Горький. Жизнь и борьба русского народа, его понимание ярких исторических событий живо отражены в исторических песнях. В настоящий сборник входят характерные образцы народной исторической поэзии: песни о героической борьбе Рязани с татарами, о Грозном, о Ермаке, Разине и Пугачеве, об Отечественной войне 1812 года и о других значительных событиях русской истории.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

1

Исторические песни составляют один из самых значительных разделов русской народной поэзии. Их большая содержательность и проблемность, широта изображения в них некоторых существенных сторон жизни народа, неповторимость сосредоточенных здесь народных исторических суждений, оценок, характеристик, целая галерея образов, составляющая своеобразный пантеон народной истории, сила и яркость непосредственного поэтического восприятия действительности — все эти общие качества исторических песен обеспечили им видное место в фольклоре и обусловили непреходящий интерес к ним в русской культуре.

Самый термин «историческая песня» принадлежит науке, но его знают и народные певцы. Правда, народное употребление этого термина не вполне соответствует научному употреблению. Иногда певцы называют историческими вообще песни с их точки зрения «старинные», в том числе и бытового, семейного содержания. С другой стороны, некоторые исторические песни, близкие по своей поэтике и по манере исполнения к былинам, могут называться в народе, как и эти последние, «старинами». Чаще же всего исторические песни в народе называют просто песнями.

Хотя понятие «историческая песня» кажется на первый взгляд вполне ясным и определенным, на деле вопрос о том, что же такое историческая песня и на основании каких признаков должны быть отнесены к этому жанру те или иные народные песни, достаточно сложен.

Исторические песни нередко выделяются из массы произведений народного поэтического творчества чисто эмпирически — по признаку связи их содержания с событиями, фактами и деятелями исто-

рии. Однако такое выделение совершенно недостаточно. Оно должно быть обязательно соотнесено с анализом, направленным на выявление эстетических особенностей данных песен, на установление их художественной природы и уяснение их специфики. Фольклорный жанр представляет собою исторически сложившееся единство определенного содержания и специфической формы, он характеризуется единством основных принципов изображения действительности в определенных ее сторонах и аспектах.

С этой точки зрения не всё, что в народном творчестве связано с исторической темой, принадлежит в строгом смысле к жанру исторической песни.

Так, историческое содержание присуще многим былинам. Былины — в определенной своей части — являются произведениями народного *исторического* эпоса. Этот жанр — один из древнейших в русском фольклоре. Именно в былинах народ раньше всего обратился к изображению исторической действительности и с необычайной силой выразил свои исторические идеалы. Эстетические и исторические принципы русского эпоса, наиболее полно воплотившиеся в былинах Киевской Руси и периода борьбы с татаро-монгольским нашествием, надолго определили художественное отражение истории в фольклоре и оказали значительное воздействие на другие, возникавшие позднее виды народной исторической поэзии.

Среди произведений исторического содержания может быть выделена также — по совокупности характерных признаков — «историческая» баллада. Некоторыми своими особенностями она соприкасается с исторической песней, но, как будет показано ниже, не сливается с ней, представляя самостоятельное жанровое образование.

Иногда в лирические песни бытового, семейного, любовного содержания включаются различные исторические воспоминания, упоминания об отдельных исторических лицах, некоторые реалии и т. д. Такие включения, указывающие на тенденцию к «историзации» части бытовой лирики, обычно не являются для нее органичными, они нередко случайны и легко исчезают, не меняя жанровой сущности песен.

Самостоятельную, независимую от исторических группу песен представляют произведения рабочего фольклора и массовой политической поэзии, сыгравшие чрезвычайно большую роль в период революционной борьбы пролетариата.

Наконец, не относятся к народным историческим ставшие песнями произведения на историческую тему, сочиненные известными (либо малоизвестными) поэтами: «Ревела буря, дождь шумел...»

(слова К. Ф. Рылеева), «Шумел, горел пожар московский...» (слова Н. С. Соколова), «Из-за острова на стрежень...» (слова Д. Н. Садовникова) и т. п.

Исторические песни — это народные песни определенного художественного типа, характеризующиеся совокупностью присущих им жанровых качеств. Качества эти сложились исторически и образовали законченную поэтическую традицию. Многие черты жанра находятся как бы на поверхности, но сущность исторических песен и их неповторимое своеобразие раскроются перед нами лишь постепенно, в результате рассмотрения большого материала.

Для этих песен историческое содержание — не просто тема, но определяющий идейно-эстетический принцип. Вне этого содержания такие песни просто не могут существовать. В них историчны сюжеты, герои, историчны конфликты и способы их разрешения.

Предметом исторических песен является политическая история — как она отпечатлевается в народном восприятии и преломляется в специфических художественных формах. Исторические песни в их совокупности отражают историю не в эпически статичном виде, но в ее движении — как это движение осознавал народ. Существенной специфической чертой исторических песен, определяющей художественную природу этого жанра, надо считать то, что песни эти возникают не как произведения о *прошлом*, а как отражение *современной* истории. Разумеется, процесс создания песен предполагает какую-то хронологическую дистанцию, хотя нередко такой дистанции нет и произведение складывается в ходе событий. Дело здесь не в сроках, а в том принципиальном факте, что песня черпает жизненный материал, образы, идеи для своей «истории» из современности, что она создается в пределах той эпохи, какую она изображает. Содержание исторической песни подсказано настоящим, которое, однако, отливается в формы истории.

Действительность воссоздается в песнях так, как она уже не может быть воссоздана людьми другого времени, следующими поколениями. Идеалы, владеющие народными массами в данную эпоху, и предрассудки, им свойственные, накал классовой борьбы и ее конкретные направления, категоричность и своеобразие оценок, пристрастное отношение к лицам истории — все это в песнях есть не результат ретроспективного познания происходившего, но непосредственное выражение позиции современников — живых свидетелей и активных участников исторических событий и конфликтов. В сущности, песни эти возникают и какое-то время живут в известной степени как песни политические и лишь в восприятии новых поколений становятся собственно историческими.

Нельзя сказать, чтобы в песнях получала выражение история во всем ее многообразии и в ее непрерывности. Напротив, мы сталкиваемся здесь с результатом значительного отбора — и исторического материала, и исторических аспектов. Некоторые направления такого отбора уловить сравнительно нетрудно. Так, неизменным оказывается интерес песен к народным движениям; целые песенные циклы сложились вокруг Ермака, Разина, Пугачева; в песнях получили отражение второстепенные, но по разным обстоятельствам запомнившиеся народу факты из истории освободительной борьбы масс (уход Некрасова с Дона, волнения уральских казаков в начале XIX века, восстание Семеновского полка и т. д.). Тема борьбы крестьянства, особенно казачества, за свободу, против бояр и воевод, за осуществление определенных социальных чаяний проходит как одна из основных через всю многовековую историю русской исторической песни.

Чрезвычайно большое место в исторической поэзии занимает военно-героическая тема. Непрерывная линия в ее разработке может быть прослежена начиная с песни о взятии Казани (середина XVI века) вплоть до песен о русско-турецкой войне 1877—1878 годов. И здесь можно заметить какую-то избирательность в подходе к материалу. Некоторые военные события стали предметом целых поэтических циклов, другие — как будто вовсе оказались за пределами исторических песен. По крайней мере дважды обращалась народная поэзия к теме борьбы за Азов, сравнительно широко откликнулась на события Северной войны, Семилетней войны, на некоторые русско-турецкие войны, с большим размахом отразила Отечественную войну 1812 года и т. д. Но о многих фактах военной истории России, в том числе и значительных, песни умалчивают. Зато немало случаев, когда песни сосредоточивают внимание на эпизодах как будто совсем второстепенных, случайных, забытых официальной историей. То, что представляется второстепенным и малоинтересным с точки зрения историков, совершенно неожиданно приобретает первостепенное значение и особый интерес в глазах создателей песен. Вопрос о том, *что* в исторической действительности становится предметом изображения песен, на каких принципах основывается отбор жизненного материала, поэтому очень важен. В общей форме ответить на него можно следующим образом: содержание исторических песен ограничено известными пределами, которые обусловлены в первую очередь характером исторических интересов народа, уровнем его исторического сознания и степенью его осведомленности, а также и теми художественными возможностями, какими обладает коллективное творчество на разных этапах его развития.

В исторической поэзии непосредственно запечатлена историческая активность народных масс, но запечатлена далеко не в полной мере, с существенными ограничениями.

Своеобразие исторической народной поэзии сказывается не только в отборе материала, но и в еще большей мере — в его трактовке, в осмыслении коллизий, в характеристике отношений между разными социальными силами, в оценках различных деятелей. По справедливому замечанию М. Горького, у народа «свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами».[1]

Народное мнение, преломившееся в песнях, противостоит в первую очередь, конечно, не точке зрения историков-специалистов и даже не официальным трактовкам, которые шли из лагеря господствующих классов, хотя в ряде случаев отдельные песни как будто несут в себе некоторый полемический заряд. Песенная история противостоит той действительности, которая никак не могла устроить народные массы и которую они стремились изменить, сломать в соответствии со своими представлениями и надеждами. Поэтому в песнях мы обнаруживаем сложный и причудливый сплав реальности и вымысла, трезвой и суровой правды и утопических иллюзий. Стремление в иных случаях дойти «до корня» соединяется с картинами, явившимися результатом облегченных обобщений. Существенные социальные конфликты, развивающиеся в песнях, получают подчас — вопреки исторической действительности — благополучное разрешение.

Историческую песню как произведение искусства характеризует своеобразное и свободное отношение к фактической стороне истории. Песня — не летопись, и ей чужда установка на сколько-нибудь точное, «документальное» воспроизведение фактов. Напротив, чаще всего бросается в глаза несоответствие содержания песен фактам. Песни изображают события не совсем так, а то и совсем не так, как они происходили в реальности. Иногда в них речь идет о событиях, вовсе неизвестных истории и в истории невозможных. Исторические лица совершают в песнях такие поступки, каких они на самом деле не совершали и не могли совершать. Среди песенных героев встречаются и такие, которых история вовсе не знает. Обычны здесь анахронизмы, неопределенность и неточность хронологии.

---

[1] М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1954, стр. 707.

Все это не есть простое следствие незнания или плохого знания истории. Особенности художественного историзма песен вытекают из самой сущности жанра, из его внутренней установки на широкий поэтический вымысел, в формах которого решаются исторические проблемы, вершится народный суд над историей и создается определенная концепция исторического процесса. Поэтому оценивать песни следует не по степени верности их фактам, а по степени глубины проникновения в действительность и выражения народного ее осознания. Следует подчеркнуть, что песенный вымысел получал свое воплощение неизменно в рамках конкретно-исторического повествования — с установкой на его подлинность и достоверность.

По своим поэтическим формам, по особенностям поэтики песни, относимые к историческим, не представляют чего-то вполне однородного — в том смысле, как это можно говорить, например, о былинах, причитаниях или протяжных лирических песнях. Одни из исторических песен приближаются к былинам, другие — к песням лиро-эпического и лирического склада. Различия касаются принципов композиции, сюжетики, характера образности, особенностей метрики.

Многообразие конкретных художественных форм исторических песен есть реальный факт истории жанра, обусловленный специфическими особенностями развития народного творчества. Исторические песни создавались на протяжении примерно пяти-шести столетий, они складывались в среде крестьянства, городских демократических низов, казачества, солдатской массы. Уже это одно само по себе предопределило стилевую неоднородность в песнях и вызвало появление нескольких основных разновидностей жанра, которые вполне отчетливо представлены уже в фольклоре XVI—XVII веков.

2

Историческая песня как жанр зарождается сравнительно поздно и проходит долгий период формирования и художественного становления. Нет ничего странного в том, что, по-видимому, в X—XII веках народ еще не складывал песен конкретно-исторического содержания. История преломлялась, в частности, в устных преданиях, возможно даже в сказках, исторический опыт и идеалы народа получали выражение в былинах. Художественные формы в фольклоре, как и вообще в искусстве, исторически обусловлены. В Киевской Руси господствующей, соответствовавшей уровню народного сознания была форма эпоса. В эпической форме было заключено

эпическое содержание. Эпос не отражал конкретной истории в ее реальном течении, хронологической определенности и фактической достоверности. Содержанием его были основные, по-своему понятые народом общие коллизии эпохи, поднятые на высоту эпических идеалов и изображенные через вымышленные сюжеты и вымышленных героев, с большой долей фантастики и традиционной эпической условности. Реальным героям истории предшествовали в фольклоре герои идеальные — богатыри, конкретно-историческому повествованию — повествование былинно-фантастическое. Для того чтобы могли явиться песни с иным отношением к истории, с иными сюжетами и героями, нужны были соответственно иные общественные условия, иной уровень народного сознания, а вместе с тем — и определенные возможности реализации новых задач в самом фольклоре.

Первые тенденции к созданию новых песен обнаруживаются в фольклоре периода борьбы русского народа против татаро-монгольского ига. В это время едва ли не наивысшего подъема достигает героический эпос (былины о борьбе с татарским нашествием). Параллельно с этим появляются песни иного характера. Можно предположительно говорить, в частности, о появлении небольшой группы песен, связанных в своем содержании с героическим подвигом жителей Рязани, пытавшихся остановить полчища Батыя. Одна из этих песен — об Авдотье Рязаночке — сохранилась в народной памяти и известна в нескольких записях (см. в настоящем издании). Другие песни, в частности о Евпатии Коловрате, гипотетически восстанавливаются из «Повести о разорении Рязани Батыем».

Песни эти рисуют трагическую картину уничтожения Рязани Батыем. Татарский царь

...разорил Казань-город подлесные,[1]
Разорил Казань-де город напусто.
Он в Казани князей-бояр всех вырубил,
Да и княгинь-боярыней
Тех живых в полон побрал.
Полонил он народу многи тысячи...

Главное, однако, в этих песнях — изображение народной силы, не сломленной нашествием и противостоящей ему. Евпатий Коловрат, охваченный скорбью и гневом при виде разоренной Рязани, устремляется вслед за татарами, вступает с ними в неравную битву, одолевает в поединке татарского богатыря. И хотя в итоге борьбы

---

[1] О замене Рязани Казанью в песнях см. примечание на стр. 320.

Евпатий погибает, в его подвиге явственно звучит тема непобедимости народа, и самый образ его становится песенным воплощением народного оптимизма.

Героиня другой рязанской песни — простая горожанка, «женка» Авдотья Рязаночка. Она совершает великий подвиг, проявляя при этом мудрость, терпение и большую душевную стойкость: Авдотья уводит из полона жителей Рязани и заново возрождает город.

У рязанских песен есть некоторые общие особенности, пролагающие грани между ними и былинным эпосом. Первая из этих особенностей касается категории времени. В былинах изображаемые события происходят в рамках единого эпического времени Владимирова Киева. Так, былины о татарском нашествии повествуют о том, как татары подступают к Киеву и как киевские богатыри изгоняют захватчиков. Киев здесь предстает воплощением русской государственности, он — не просто один из феодальных городов XIII века, но идеальный эпический центр всей Русской земли. То, что происходит в былинах, не может быть приурочено ни к XIII веку, ни к другому конкретному историческому периоду. В песнях рязанского цикла события изображаются в рамках исторического, вполне определенного времени, и изображаются с гораздо бóльшим приближением к реальности. Появление исторического времени в песнях было настоящим и значительным открытием, которое нанесло ощутимый удар по традициям эпического повествования: стали необязательными не только отнесение событий к Киеву, но и выдвижение князя в качестве условно-центрального персонажа, и условно-идеальная трактовка результатов враждебного нашествия, и другое. Историческое время как эстетический фактор стало с этого момента одним из наиболее ярких проявлений художественного историзма нового жанра. Любую историческую песню более позднего периода можно узнать раньше всего по тому, что в ней с полной отчетливостью выступают признаки исторического времени, и признаки эти обнаруживаются не только внешне, но и проявляют себя в художественном содержании песни.

По-новому в песнях рязанского цикла дается также изображение героя и трактуется героизм. В былинах героем выступал богатырь, как бы воплощавший в себе одном могущество народа, его патриотизм и его подвиги. Образы богатырей строились на основе предельного эпического обобщения. В Евпатии Коловрате есть богатырские черты, но в целом этот образ не претендует на обобщение эпического типа. Рядом с ним появляется войско. Евпатий гибнет на поле боя — финал, в русском эпосе невозможный. В Авдотье Рязаночке и вовсе нет ничего богатырского.

С точки зрения возникающей эстетики жанра изображаемые в песнях рязанского цикла события и люди историчны и конкретны. Однако в то же время сюжеты о Евпатии Коловрате и Авдотье Рязаночке являются вполне вымышленными. Специфика новых песен — не в их документальной, эмпирической верности истории, а в их эстетической установке на конкретно-историческое изображение. Сюжет и герои могут принадлежать вымыслу — и едва ли не бóльшая (и лучшая) часть исторических песен в той или иной степени является плодом художественного вымысла, — однако рамки исторического времени и стремление к выражению конкретно-исторического содержания изображаемого определяют характер песен. С этой точки зрения уже не является определяющим то, что в песнях рязанского цикла, равно как и в более поздних песнях, дает себя знать влияние эпических традиций.

Выяснение конкретных путей формирования исторической песни осложняется тем, что после рязанского цикла цепь фактов обрывается почти на сто лет. Вновь обнаруживается она в первой половине XIV в. От этого времени до нас дошла песня о Щелкане, представляющая исключительный интерес во многих отношениях. Обычно песню эту рассматривают как поэтический отклик на происшедшее в 1327 году восстание жителей Твери против Щелкана (по русским летописям — Шевкала), представителя золотоордынского хана. Действительно, связь содержания песни с этим восстанием отрицать нельзя, хотя нетрудно заметить, что изображается оно здесь совсем не так, как происходило в действительности. Песня по-своему трансформирует ход событий, состав участников, обстоятельства, в которых произошел конфликт, характер развязки. В Твери произошло восстание, вылившееся в целое сражение горожан с татарами. В песне братья Борисовичи (по-видимому, персонажи вымышленные) приходят от имени горожан к Щелкану и творят над ним расправу.

Песня о Щелкане в своем содержании ни в коей мере не может быть ограничена рамками событий 1327 года. В ней отразился довольно широкий круг политических явлений, характерных для периода конца XIII — начала XIV века. Ее правильнее рассматривать как произведение о *татарском иге*. Главное в этой песне заключается в решительном осуждении и морально-политическом разоблачении татарского ига и в выражении идеи его неизбежного и скорого краха. В этом плане значительным художественным обобщением стал образ Щелкана, в котором народ сосредоточил свои представления о поработителях. Впервые в известном нам материале в изображении врагов песня отходит от традиционных эпических канонов

(чудовище, татарский царь, возглавляющий нашествие, грозный посол) и вступает на почву конкретно-исторического осмысления: образ Щелкана есть концентрация реальных представлений народа о татаро-монгольских поработителях.

Стоит, пожалуй, заметить, что путь от эпических способов художественного ви́дения мира к конкретно-историческим приемам отнюдь не означал, что народная поэзия тем самым становилась на путь реалистической эстетики. Она и здесь оставалась полностью в пределах дореалистического искусства. Поэтому самое понятие «конкретно-исторические принципы» применительно к этому жанру фольклора, конечно, условно.

После песни о Щелкане вновь ощутимо обнаруживается значительный пробел в фактах. Вплоть до середины XVI века в нашем распоряжении нет записанных из уст певцов песен. Однако, как и в случае с рязанским циклом, недостаток прямых записей несколько восполняется литературными данными. Следы исторических песен, в частности связанных с Куликовской битвой 1380 года, обнаруживаются в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище». Особый интерес представляет одно место в «Сказании», которое справедливо рассматривается исследователями как песенная вставка, лишь слегка подвергнутая обработке книжником. В этой песне говорится о том, как новгородцы собираются на вече, узнают, что князь Дмитрий уже переходит Оку, сокрушаются, что могут не успеть к нему на помощь, посылают «посадников» с большим войском, которое приходит к Дмитрию; князь встречает их добрыми словами.[1] Своеобразны композиция и сюжет этой песни: в ней нет сложной фабулы, нет драматических коллизий и прямых столкновений персонажей; первая часть песни статична — показано вече и приведены слова новгородцев. Драматизм достигается тем, что песня рисует обстановку в Новгороде в очень сложный и напряженный момент. Перед нами — песня лиро-эпического склада; песням этого композиционно-сюжетного типа предстоит большое будущее начиная уже с XVI века.

В обстановке татаро-монгольского ига начали появляться и песни иной художественной системы, не похожие ни на былины, ни на первые образцы исторических песен. Они отличались прежде всего своим художественным содержанием, особенностями своего историзма. На первый план в этих песнях выдвинуты не судьбы

---

[1] История русской литературы, т. 2. Литература 1220—1580-х гг., ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 218 (автор главы С. К. Шамбинаго).

государства, а частные человеческие судьбы; точкой приложения исторических коллизий оказывается здесь *семья.* Типичные коллизии эпохи — набеги татар, разграбление и разорение городов и сел, увод в полон — не получают в песнях хронологической и локальной конкретизации, но предстают как постоянно повторяющиеся, ставшие *бытом* эпохи. Герои этих песен не имеют ни индивидуальных биографий, ни индивидуальных примет; они сродни персонажам народной бытовой лирики («красная девица», «полоняночка», «добрый молодец»). Их частные судьбы, как они раскрываются в песнях, оказываются, в сущности, концентрированным выражением одного из трагических моментов судьбы народной. Песни этого типа по их основным художественным особенностям могут быть названы «историческими» балладами. Ядро этих баллад составляют песни о татарском полоне и прежде всего — песни о девушках-полонянках.

Если расположить песни о полонянках в определенной последовательности их содержания, то они образуют небольшую «сюиту», в которой развивается и варьируется одна тема: девушку захватывают во время набега; она становится предметом дележа; перед нею два пути — стать женой татарина или погибнуть; ее продают в рабство, иногда — убивают; она бежит из плена или ее выручают; полонянка скорбит о своей участи, всеми помыслами она устремлена к родному дому. В столкновении с похитителями обнаруживается ее нравственная стойкость, ее порыв к воле. В итоге «сюита» оказывается чрезвычайно емкой по содержанию. В ее драматических эпизодах воссоздаются тяжкие стороны жизни народа под игом, но общий ее пафос — героико-патриотический, и этим «исторические» баллады оказываются внутренне близкими эпосу и историческим песням. Народ противостоял татаро-монгольскому игу не только на полях сражений, он противостоял ему во всей своей жизни — общественной, домашней, внутренней. Духовная и нравственная жизнь народных масс заключала в себе решительное и последовательное отрицание ига. Вот почему народная историческая поэзия той эпохи была проникнута героикой и освободительным пафосом не только тогда, когда воспевала ратные подвиги, но и тогда, когда обращалась к судьбам «частных» лиц, к драматическим коллизиям из жизни одной семьи. Песни о татарском полоне, в центре которых стоит образ русской девушки как прекрасное художественное воплощение народной стойкости и нравственной силы, также принадлежат к героической поэзии.

По-видимому, песни о полонянках генетически связаны с традициями героического эпоса. Те конкретные сюжетные формы, в которые отлилось изображение татарского ига в его бытовом пре-

ломлении, — мотивы набега с целью увоза девушки, сватовства татарина к полонянке — представляют собою переработку, в соответствии с реальными историческими впечатлениями, старой эпической традиции: в некоторых былинах чужеземные враги также являются похитить женщину и выдать ее замуж за одного из похитителей. Возможно, что между этими былинами и песнями о татарском полоне были промежуточные звенья — произведения переходного типа (например, «Козарин» или «Князь Роман и Марья Юрьевна»).

«Историческая» баллада, возникнув примерно в одно время с исторической песней, развивалась в дальнейшем параллельно с ней. Оба жанра в процессе своего развития взаимодействовали и взаимно влияли. Фольклор XVI—XVIII веков знает ряд произведений промежуточного и переходного типа.

3

XIII—XV века могут рассматриваться как период предыстории новых исторических песенных жанров, как период их формирования, художественного самоопределения. Переломным для исторической песни явился XVI век (точнее, середина XVI века — время царствования Ивана Грозного). Именно с этого времени создание новых произведений становится процессом непрерывным и массовым, неотступно сопутствующим исторической жизни народа; с полной определенностью выявляются черты жанра как сложившейся художественной системы. Ощутимо расширяется и углубляется проблематика песен, с чем связано и развитие разноообразных художественных форм. Одну из основных тематических линий жанра определяет отражение событий, конфликтов общенационального, общегосударственного значения: окончательная ликвидация остатков татаро-монгольского ига, создание сильного государства и расширение его пределов, крупные военные мероприятия. В трактовке этих событий историческая песня всегда ярко патриотична, проникнута духом героики (хотя непосредственный показ героических подвигов в ней обычно не дается) и сознанием активной роли народных низов в осуществлении больших государственных дел. Роль эта подчеркнута в ряде песен тем, что Иван Грозный обращается к казакам за помощью, награждает их за подвиги и т. д.

В исторических песнях XVI века на первый план решительно выступает социальная проблематика. Она представлена здесь вполне определенными сторонами — народ и царь, народ и бояре, социальные чаяния народа. Другие стороны, характерные для эпохи, —

в том числе борьба внутри феодального лагеря, взаимоотношения Ивана IV с реакционным боярством — самостоятельного содержания песен не составляют, хотя и не обходятся песнями вовсе. Известно несколько песенных циклов, в которых социальная тема получила особо яркое выражение: песни о Ермаке, о гневе Ивана Грозного на сына, группа песен «Иван Грозный и добрый молодец» (с сюжетом о правеже в центре ее), а также песня «Терские казаки и Иван Грозный». Народные песни разрабатывают темы классовой борьбы таким образом, что сложнейшие социальные конфликты получают в них идеально-утопическое разрешение. Вместе с тем нельзя преуменьшать той силы классового накала, которая заключена в этих песнях. Так, в свете социальных чаяний угнетенных масс, песни о Ермаке — с постоянным воспеванием в них вольных приволжских степей, казачьего круга, разбойных подвигов казаков, их независимой позиции по отношению к царской власти — полны революционизирующего пафоса, поскольку в них возможность успешной борьбы с царскими воеводами и свобода от крепостнических пут предстают как достижимый идеал. В песне «Иван Грозный и добрый молодец» образ гонимого, осужденного на правеж молодца есть поэтическая концентрация судьбы холопов. Молодец поэтизируется как удалой герой вольнолюбец и горемычный скиталец. Финал песни, в котором царь освобождает героя от наказания и щедро награждает, очень характерен для народного творчества XVI века: здесь отчетливо проявились утопические представления закабаленной крестьянской массы, ее надежды на торжество справедливости, связанные с царем.

XVI век с полной отчетливостью намечает и общность, и внутренние различия в песнях исторической тематики. Уже в это время можно говорить о нескольких типах исторических песен.

Первый такой тип представлен песнями «Кострюк» (в двух основных версиях — «исторической» и «эпической»), «Гнев Ивана Грозного на сына», «Оборона Пскова от Стефана Батория». Это песни с достаточно сложной композицией, с развернутыми сюжетами, с установкой на последовательное, непрерывающееся и довольно обстоятельное повествование. Можно заметить, что в песнях этих чрезвычайно ощутимо воздействие традиций эпоса — некоторых принципов его эстетики, отдельных приемов повествования, стилистики и образности. В иных случаях традиции эти довольно решительно и творчески интересно преобразуются и тем самым взрываются, открывая доступ для новых художественных находок. Замечательны в этом смысле песни о Кострюке («историческая» версия) и о гневе Ивана Грозного на сына.

Первая построена вся на пародийном переосмыслении знакомых былинных ситуаций — эпизодов героического сватовства, княжеского пира, на котором появляется чужеземный нахвальщик, богатырского поединка. Пародийны и сам Кострюк, и его противники. Такой прием не направлен против самого эпоса, он используется здесь для реализации исторического замысла песни. Пафосом «Кострюка» является смех над поверженным врагом. Кострюк приезжает в Москву как вражеский нахвальщик. Подобно персонажам из былин, представлявшим полчища Калина-царя или Батыги, он хвастает своей силой, требует себе поединщика и грозит возродить времена чужеземного ига:

Он хочет каменну Москву в полон себе взять,
Он хочет взойти во Кремль-городок,
Он и хочет с нас пошлины брать —
С ворот поворотные,
А с дымов подымовные,
С молодиц повалешные,
А с девиц повенешные.

(Киреевский, вып. 6, стр. 122)

Но песня трактует весь конфликт в комически-пародийном плане: Кострюк — мнимый богатырь, московские борцы не просто с легкостью одолевают его, но и выставляют на всеобщее посмешище, снимают с него платье, и Кострюк, побежденный и опозоренный, прячется под крыльцо. Так в песне полностью развенчивается и подвергается осмеянию некогда страшная, но теперь низвергнутая татарская сила.

Общей направленности «Кострюка» соответствует и весь его стиль. В народе песни этого типа называются обычно скоморошинами. Песня исполнялась на веселый плясовой напев, у нее частый, задорный ритм, в ней много остро-комических ситуаций, основной тон ее — шутливый. Зачин ее часто таков, что сразу же настраивает слушателей на веселый лад:

А не тките-то, девушки,
Не прядите, молодушки,
Уж вы сядьте послушайте,
Я вам сказку скажу,
Прибаулушку немаленькую,
Ай диди-диди-диди,
И про того Кострюка Кострюкановича,
Про того Дебрюка Дебрюкановича.

(Гильфердинг, т. 3, № 317)

Совсем иного содержания и иного поэтического настроя песня о гневе Ивана Грозного на сына. Фактически неверным и обедняющим содержание песни является распространенная трактовка ее как своеобразного отклика на убийство Грозным сына в 1581 году. На самом деле песня была сложена до этого события, а содержание ее выходит далеко за пределы поэтического изображения одного факта. Перед нами — суровая, исполненная драматизма поэма, в которой выразилось народное понимание существенных сторон политической жизни 60—70-х годов XVI века. Эпоха правления Ивана IV раскрывается здесь через картины жестоких дел опричнины, кровавых расправ с населением целых городов, преследований людей по первому наговору, через изображение открытого антагонизма царя и бояр, через повествование о драматических коллизиях, определяющих отношения даже в царской семье. На фоне этих резко очерченных политических ситуаций эпохи идет раскрытие внутренней темы песни — судьбы народной в условиях крепнущей самодержавно-крепостнической системы. В песне выражены затаенные надежды масс на возможность утвердить справедливость. Надежды эти приобретают характер утопии и связываются с исторически необоснованными, легендарными мотивами о царевиче-заступнике Федоре, о близком к народным нуждам боярине Никите Романовиче и о способном на великодушие и щедрость царе Иване Васильевиче.

Песня о гневе Ивана Грозного на сына показывает, что, внутренне преодолевая традиции эпического историзма, эпического видения действительности, народная поэзия XVI века в ряде случаев сохраняла элементы эпического отношения к миру. Оно видно в том, что реальные отношения людей оказываются скрытыми под отношениями условными, иногда поэтически идеальными, поступки героев не получают реальных мотивировок. В песне есть, так сказать, эпический подтекст, который во многом определяет ее смысл.

В песне о гневе Ивана Грозного приемы повествования, организация сюжета, стилистика, отдельные мотивы идут явно от эпоса. Но самая проблематика песни настолько нова, конкретная историческая содержательность ее настолько значительна, образ Ивана Грозного полон такой психологической сложности, и сложность эта так обусловлена политически, что эпические традиции здесь не имеют решающего значения, и можно говорить об их существенной творческой переплавке в соответствии с новыми художественными задачами. Но есть в фольклоре XVI века и случаи, когда обращение к эпическим традициям приобретает характер механических применений, почти эпигонства. Такова во многом песня об обороне

Пскова от Стефана Батория, обильно насыщенная реминисценциями из былин.

Второй тип исторической песни XVI века особенно отчетливо вырисовывается в песне о взятии Казани.

Взятие Казани было воспринято народом как акт большого политического значения. Это событие как бы подвело итог многовековой борьбе с татаро-монгольским игом. Под стенами Казани впервые в русской истории с таким размахом был применен порох. Народное понимание политической стороны события и впечатление от использования невиданной силы нового оружия отразились в песне, которая уже ничем не напоминает былины.

Эпизоды похода русских войск под Казань, осады города, поведения осажденных, царского гнева и столкновения царя с пушкарями, взрыва, составляющие сюжетную основу песни, созданы совершенно заново, без ощутимой опоры на предшествующую традицию. В сюжетно-композиционном строении песни есть элементы эмпиричности. Их можно рассматривать как естественный результат принципиально нового подхода к созданию исторических песен, основанного на осознании художественной ценности реальных событий самих по себе. Содержания песни о взятии Казани хватило бы на большую, в несколько сот стихов былину, но оно укладывается всего в два-три десятка стихов. Это происходит благодаря полному отказу от обстоятельной экспозиции, от подробных описаний, от детализации, от обилия пространных диалогов. Динамизм, скупость в отборе деталей, быстрые переходы от одного эпизода к другому — без эпических замедлений и повторений, — схематично набросанные картины, передающие обстановку и сущность коллизии, — эти художественные новшества становятся после песни о взятии Казани характернейшими признаками одного из типов исторической песни.

Песня «Взятие Казани» определила, однако, не только многое в типологии жанра. Как это ни странно на первый взгляд, самая сюжетная схема песни и отдельные ее эпизоды, родившиеся, казалось бы, из эмпирических описаний, приобрели впоследствии характер традиционных изображений, новых «общих мест» (loci kommunes) и стали применяться при создании других произведений, посвященных событиям, которые происходили в иное время и при иных обстоятельствах. С того самого момента, как историческая песня утвердилась и стала интенсивно развиваться, в ней наметилась тенденция к выработке своих собственных традиций, устойчивых повторяющихся приемов, художественных формул и «общих мест».

К третьему типу, вполне сложившемуся в XVI веке, относится

большинство песен о Ермаке. Значение этого пессенного цикла чрезвычайно велико. Он открывает, в сущности, длинный ряд народно-поэтических произведений, посвященных темам освободительной борьбы, социальных конфликтов, непосредственных столкновений угнетенных масс с самодержавной властью. Идейное содержание цикла о Ермаке отражает ранний опыт классовой борьбы казачества, первые выступления кабальных людей накануне Крестьянской войны, а также исторический опыт масс, участвовавших в крупнейших событиях общенационального значения второй половины XVI века. В этих песнях впервые в русском фольклоре предстала волнующаяся социальными помыслами, действующая, активно утверждающая себя народная масса, возглавляемая своим вождем.

Одна из наиболее специфических особенностей песен о Ермаке состоит в открытой проблемности. Эта проблемность соответствующим образом определяет их структуру, характер их сюжетов. Проблематика здесь не столько раскрывается через события, сколько выражается совершенно прямо — в решающих композиционных узлах песен, большинство которых лишено динамики повествования. Песни о Ермаке обычно начинаются с изображения круга, собирающегося где-то на Волге, на Каспийском море, в Саратовских степях. Эта экспозиция сразу же вводит нас в мир вольности и широких просторов.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
На крутом на красном бережечке,
Собирались тут казаки, люди вольные,
Становилися казаки во единый круг,
Они думали бы думушку заединую...

За экспозицией следует речь Ермака, которая и составляет ядро песни. Нередко речью песня и оканчивается. В этой речи обычно раскрывается положение казаков, излагается суть конфликта их с царской властью, намечаются пути его разрешения.

«Да и где же мы эту зимушку ее зимовать будем?
На Яик идти, ребятушки, — да он переход велик,
А на Волге быть, ребятушки, — да нам всё ворами слыть,
Под Казань-город идти — да там Грозный царь.
...Нам, казакам, быть да нам переловленным,
По разным тюремочкам всем быть порассаженным,
А мне, Ермаку-казаку, да мне быть повешену...»

Здесь говорится о прежних разбойных делах Ермака, о его планах, о его решимости отстоять право на вольную жизнь. В иных песнях есть и победный финал — казаки получают от царя в награду за совершенные ими подвиги Дон. В песнях этих многие исторические обстоятельства смещены: о важнейшем событии, в котором решающая роль принадлежала Ермаку, — присоединении Сибири, песни говорят попутно и глухо. Зато Ермак, по песням, оказывается главным участником взятия Казани; красочно изображаются разбойные подвиги Ермака; он защищает Дон от турок; он сидит в азовской тюрьме, и турецкий султан вынужден отпустить его на Русь. Основная проблема, которая решается в песенном цикле о Ермаке, приобретая в разных сюжетах различные оттенки, варьируясь и повторяясь, — это отношения народных масс и самодержавия в условиях усиления крепостнического гнета. Разрешается она противоречиво — в духе представлений масс той эпохи: бунтарские настроения и воспевание разбойной жизни соединяются с утопической по существу программой мирного улаживания противоречий, с верой в царя, который вопреки боярской воле может ответить на самые кровные надежды масс.

В песнях о Ермаке главное — не события, а те общие коллизии, которые с этими событиями связаны, их причины и следствия, позиции противостоящих сил, политические развязки, определяющие дальнейшую судьбу героев. Поэтому в песнях статичные описания, пространные монологи, обмен речами, выражение просьб и ответы выдвинуты на первый план. Описания статичны, но экспрессивны, они имеют характер зачинов, но обстоятельность подчеркивает их большую важность в общем содержании. Значение их в том, что они рисуют народный лагерь, выделяя в нем то, что служит воспеванию вольной жизни. В речах сосредоточено непосредственное политическое содержание песен. Иногда эти лиро-эпические композиции разрастались путем своеобразного наращивания или прямых эпических дополнений (см. песни «Взятие Ермаком Казани» и «Ермак у Ивана Грозного»), но, как показывают факты, эти приемы оказались для песен данного типа непродуктивными, и довольно быстро определился как один из ведущих в историческом песенном фольклоре XVII—XVIII веков тип лиро-эпической песни с монологом в качестве главного композиционного ядра.

Песни XVI века в большинстве своем принадлежат к классическим образцам жанра исторической песни. Большое историческое содержание нашло в них прекрасное художественное воплощение. Законченность сюжетов, гармоническая стройность целого, велико-

лепно разработанная стилистика, яркость характеристик героев составляют особенности этих песен.

Отдельного разговора в связи с песнями XVI века заслуживает образ Ивана Грозного, без преувеличения его можно отнести к ряду блестящих достижений народной поэзии. Образ этот исторически конкретен (в том специфическом смысле, в каком вообще применительно к фольклору могут употребляться категории историчности и конкретности) и неожиданно для народной песни психологически сложен и противоречив, в нем совмещаются реальные черты характера и поведения Ивана IV, точно подмеченные создателями песен, и черты идеальные, выражающие складывавшийся комплекс народных утопических представлений о «хорошем» царе.

Иван Грозный выступает как горячий защитник национальной чести («Кострюк»), как активный, деятельный политик, способствующий укреплению и расширению русского государства. В отношениях с людьми из народа он подчас проявляет глубокое понимание их нужд и великодушие: он прощает пушкаря, решившегося сказать правду («Взятие Казани»), велит отпустить доброго молодца, обвиненного в похищении монастырской казны («Правеж»); он «жалует» казакам за их подвиги тихий Дон («Ермак»); он позволяет устроить вотчину, в которой московский люд мог бы спасаться от опричнины («Гнев на сына»).

И вместе с тем в песенном образе Ивана Грозного ярко выявлены черты суровости и безудержной жестокости, противостоящие представлениям народа о справедливом и добром царе. Исполненная трагизма картина разгрома царем Новгорода рисует Ивана Грозного как бездушного карателя, утверждающего свою власть кровавыми средствами:

«Ты-то ехал уличкой,
Иных бил-казнил да иных вешал ли,
Достальниих по тюрьмам садил».

(Гильфердинг, т. 1, № 13)

Самоуправство, не знающее нравственных ограничений, крутость нрава, страшные вспышки гнева, приводившие к несправедливым и бессмысленно жестоким решениям, — все это отражает не только исторически правдивые черты облика Ивана IV, но и народное стремление понять сложную сущность царской власти. По выражению В. Г. Белинского, в песнях «образ Грозного просвечивает

сквозь сказочную неопределенность со всею яркостию громовой молнии». [1]

В XVI веке идет создание песен, являющихся промежуточными между историческими и балладными. Одна из характерных особенностей «исторических» баллад — выражение в них собственно бытовых, «частных» коллизий, порожденных историческими обстоятельствами. Другой, по сравнению с историческими песнями, ракурс рождает и другие сюжеты и образы. В этом плане чрезвычайно характерна песня «Молодец зовет девицу в Казань». Сюжет ее может быть воспринят в бытовом аспекте: молодец уговаривает девицу ехать с ним в Казань, он рисует перед ней идиллическую картину будущей семейной жизни в прекрасном и богатом городе. Ответ девицы разрушает эту картину, противопоставляя ей образ города, над которым пронеслась жестокая, разрушающая буря войны. История о несостоявшемся счастье двух молодых людей неожиданно оборачивается обобщенной, построенной на суровой символике картиной общенародных бедствий, разорения и слез, порождаемых войной. Лично-бытовой аспект перекрывается широкой общественной темой.

4

Можно заметить, что интенсивное развитие исторической песни обычно связано с какими-то узловыми моментами политической жизни, более или менее непосредственно касающимися народа. Песня — не иллюстрация истории и не летопись, она не следует послушно и непрерывно за потоком событий, но неизменно производит в этом потоке отбор. Та или иная эпоха отпечатывается в песенном творчестве не столь уж большим числом произведений, и произведения эти вовсе не претендуют на сколько-нибудь полную ее характеристику, отражая народный подход к некоторым ее сторонам и заключая в себе определенную конкретно-историческую проблематику, почему-либо важную для народа.

Сказанное в какой-то мере помогает объяснить характер исторического песенного творчества XVII века. В известном нам фольклоре отразилась лишь малая доля бурных, быстро сменявшихся, исполненных драматизма событий «мятежного» столетия. Иногда говорят, что фольклор этот был значительно богаче и разнообраз-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1954, стр. 431.

нее, но плохо сохранился. При этом лишь перечисляют тот круг событий, которые — в силу их значительности — якобы не могли не послужить материалом для песен; другой, более основательной аргументации не выдвигается. Можно предполагать, что мы знаем основной состав исторического песенного фольклора XVII века, что потери здесь хотя и были, но они не столь велики, и материал, который имеется в нашем распоряжении, позволяет достаточно судить о развитии исторической поэзии в XVII веке и о поэтическом выражении «народного мненья» в эту далекую эпоху.

К числу наиболее значительных и популярных произведений фольклора Смутного времени должны быть отнесены песни о Гришке Отрепьеве и о Михайле Скопине. Обе они с полным правом могут называться политическими песнями: в них политическая сторона событий, политический характер конфликтов, политические оценки выдвинуты на первый план. Вне этого политического контекста оба произведения просто теряют какой-либо интерес. Но эта принципиальная общность не мешает тому, что две песни дают два различных типа художественной разработки. Сюжет первой песни посвящен последним дням правления Лжедмитрия. Но в ней есть зачин, который существенно раздвигает границы сюжета и в котором сжато излагается предыстория описываемых событий и недвусмысленно выражается народное отношение к герою песни.

Ты боже, боже, спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Послал нам, боже, прелестника,
Злого расстригу Гришку Отрепьева,
Ужели он, расстрига, на царство сел?
Называется расстрига прямым царем,
Царем Димитрием Ивановичем Углицким.

Своеобразная экспрессивность зачина, его содержательность, резкость и страстность оценок отражают несомненно острые впечатления современников. Перед нами — редкий образец народной политической инвективы, каких не столь уж много в русском историческом фольклоре.

Повествовательная часть песни начинается с эпизода женитьбы. В данном случае традиционность завязки совпадает с действительным ходом событий. Дальнейшее развитие сюжета не заключает в себе ничего традиционного, оно подчинено фактической последовательности событий. Песня строится почти в плане хроники, отсюда — ее некоторая неорганизованность. Она не опирается на

устойчивые, выработанные традицией узлы «общих мест» и схемы повествования. Хроникальность сюжета не означает его полной фактической достоверности. Песня по-своему отбирает факты, по-своему трактует их взаимную связь и включает в их ряд вымышленные эпизоды. Из сложного комплекса тех политических обстоятельств, которые возбудили всеобщую ненависть к Лжедмитрию и привели к его свержению, песня извлекает в качестве главного мотива надругательство самозванца над национальными обычаями. Надругательство это передано как факт чисто бытовой, особенно кощунственный в своей простоте и вызывающей открытости. Такого рода подробности — может быть и не вполне соответствующие действительным событиям, но очень точно, в соответствии с народными понятиями раскрывающие суть происходившего — типичны для эстетики исторической песни.

В полной оригинальности, нешаблонности сюжета, раскрывающего драматическую историю разоблачения Лжедмитрия и расправы с ним в манере хроникального песенного рассказа, с явной установкой на подлинность, заключаются и сильные и слабые стороны песни. Сила ее в том, что острых политических коллизий традиционная поэтическая ретушь не коснулась; слабость же обнаруживается в некоторой сюжетно-композиционной рыхлости, в стилевой эклектичности. Этим следует, в частности, объяснить, что среди записанных вариантов преобладают неполные, с пропусками эпизодов, с недостаточно мотивированными переходами: певцам трудно было сохранить в целости и полноте песню, не обнаруживавшую ясных и прочных связей с традицией.

Песня о Михайле Скопине создавалась на совсем иных художественных началах. Реальный исторический материал в ней, хотя и не всегда последовательно и не механически, переплавляется в традиционно-эпические формы: польские интервенты приобретают черты эпических врагов; борьба Скопина за освобождение Москвы изображается в виде богатырских походов в четыре стороны. В отдельных эпизодах обнаруживается следование эпической инерции: к «свицкому» королю является посол с ярлыками — почти совсем как в былинах о нашествии татар; столкновение Скопина с теми, кто ищет его смерти, происходит на княжеском пиру, который очень напоминает традиционный Владимиров пир, и хвастовство Скопина, стоившее ему в конце концов жизни, есть вариация опять-таки традиционного богатырского хвастовства. Оттуда же, из эпической традиции, приходит эпизод, в котором мать — вещая старуха — предупреждает Скопина о смертельной опасности, а сын — как и полагается богатырю — пренебрегает этим предупреждением.

При всем том конкретно-историческое содержание в песне довольно ощутимо, и оно не ограничивается лишь каким-то количеством реалий да общей верностью фактам. Перед нами — не былина, а историческая песня, но в ней эпическое и историческое сталкиваются, противоборствуют, взаимопроникают, не давая в итоге вполне органического сплава, нового и цельного художественного единства. Песня эклектична, и это впечатление еще более усиливается, когда мы рассматриваем ее многочисленные варианты, в которых начинает преобладать эпическое начало, что подчас приводит к полному разрушению ее исторического содержания.

Обе песни — о Гришке Отрепьеве и о Скопине — несут на себе печать переходности, по-разному выраженную. Создается впечатление, что для народного творчества Смутного времени, столкнувшегося с новыми, необычными и небывалыми по социальной обнаженности и драматизму событиями и историческими коллизиями, художественные возможности, открытые исторической песней предшествующего периода, оказываются недостаточными. В новых песнях отражены стихийные поиски народной поэзией новых способов и приемов конкретно-исторического изображения и исторического повествования. Мы имеем дело здесь с двумя противоположными решениями этих задач: песня с развернутой сюжетной основой, претендующая на широкое поэтическое полотно, создается либо в манере эмпирически-хроникального рассказа, либо в рамках традиционной эпичности.

Параллельно с поисками в области создания нового исторического эпоса шло развитие лиро-эпической исторической песни. Уникальные записи 1619—1620 годов сохранили несколько образцов этого типа, почти современных отраженным в них событиям. Одна из песен представляет собою отклик на смерть Скопина. Тема, уже знакомая нам по рассмотренной выше песне, разработана здесь совершенно по-иному. Здесь нет развернутого сюжета, нет эпизодов, воссоздающих подвиги Скопина, как нет и драматических эпизодов его гибели. Песня складывается из реплик по поводу неожиданной смерти князя, принадлежащих представителям различных социальных сил («гости-москвичи», «князи-бояре», «свецкие немцы»). В этих репликах сталкиваются противостоящие позиции, обнажается различное отношение к происшедшему. Краткий монолог приобретает силу политической характеристики, обладающей предельной поэтической выразительностью.

Основная часть песни, составленная из реплик, лишена сюжетного движения. Заключительные строки нарушают это состояние статичности и дают ей повествовательное завершение.

Две песни о Ксении Годуновой построены в форме монолога — плача царевны. В народной поэзии форма выражения, стилистика непосредственно служит идейным задачам. Весь лирически-задушевный строй медитаций Ксении таков, что из них вырисовывается окруженный открытой симпатией образ несчастной девушки, у которой с появлением Гришки Отрепьева разрушены все надежды на простое человеческое счастье. Сочувствие горестной судьбе царевны есть вместе с тем осуждение самозванца. Социальные коллизии переводятся здесь в план нравственно-бытовой, собственно политические характеристики подчинены характеристикам моральным. То обстоятельство, что героиня песни — дочь ненавистного народу царя, не имеет значения для идеи произведения. Значение имеет то, что она беспощадно и несправедливо обижена самозванцем, и в этой позиции заключена одна из сторон «народного мненья», которое в конечном счете решает участь Лжедмитрия. А. С. Пушкин, не знавший еще песен, о которых идет речь, в своей трагедии «Борис Годунов» с поразительным проникновением раскрыл нравственно-социальные позиции народа именно в том плане, в каком они выступают в песнях начала XVII века.

Следующий заметный этап в развитии жанра составляют исторические песни середины и второй половины XVII века. Центральное место здесь принадлежит разинскому циклу, другую крупную группу образуют произведения героико-патриотической (военной) тематики. Песни этого периода в своей совокупности глубоко и ярко запечатлели исторический опыт масс; в них отразилась классовая борьба периода Крестьянской войны под руководством Степана Разина, преломились социальные чаяния и представления народа о вольной жизни, о борьбе за свободу, о героизме и патриотизме — подлинном и мнимом, об участии широких масс в решении общенациональных задач и об их взаимоотношениях с царской властью. Этот сложный комплекс идей получил свое художественное развитие в произведениях конкретно-исторического содержания, связанных с различными событиями социальной и военной истории XVII века. Любая из исторических песен этого времени вполне конкретна, она порождена реальными политическими впечатлениями народа. Но содержание песен менее всего может быть сведено к откликам на какие-либо события — восстания, битвы, осады городов, походы и т. п. В изображении их не соблюдаются ни точность, ни достоверность. Смысл этих песен — не в соотнесении их содержания с фактами и лицами истории, а в самостоятельном художественном воплощении определенных, волнующих народное сознание, исторических проблем и конфликтов.

Художественная значительность героико-патриотических песен XVII века заключается в том, что, ни в какой мере не претендуя на роль военной летописи, они заключают в себе крупные и актуальные для своего времени обобщения, раскрывают народное понимание некоторых важных вопросов военно-политического характера.

Для героико-патриотических песен XVII века характерно тяготение к крупным формам, к ярким сюжетам, к картинам, резко выявляющим расстановку сил. Такова песня «Под Конотопом под городом...» — одна из лучших в фольклоре XVII века. Реальная ее основа устанавливается без труда: известно, что в 1659 году под Конотопом произошла крупная стычка русских войск с объединенными силами крымских татар и поляков, окончившаяся неудачей для русских; захваченный в плен князь Пожарский на допросе вызвал своим смелым поведением раздражение хана, который приказал отрубить ему голову. В песне есть указание на место, где произошло столкновение, названы татары — участники сражения; судьба Пожарского в песне в общем совпадает с участью его исторического прототипа. Но песенный сюжет в целом и в существенных подробностях есть результат творческого вымысла, в нем воплощен определенный художественный замысел, не связанный требованиями строгого следования фактам. Сюжет этот в своих основных очертаниях принадлежит давней песенно-эпической традиции. Героическая ситуация, составляющая зерно сюжета, — воин вступает в единоборство с врагами, раненным попадает в плен, отвечает гордым отказом на предложение вражеского царя перейти к нему на службу — знакома уже эпосу (былина «Илья Муромец и Калин-царь»), наличие ее в песнях времени татаро-монгольского ига прослеживается по литературным данным. Таким образом, в песне «Под Конотопом под городом...» мы имеем тот случай, когда жизненный материал преломляется сквозь традиционные сюжетные формы, трансформируя их и наполняя конкретным историческим содержанием.

Нечто сходное по характеру сюжетосложения мы обнаруживаем в песне о взятии Азова. Сюжет ее явно вымышлен и основан на традиционной ситуации, знакомой не только русскому фольклору: донские казаки захватывают крепость, пробираясь под видом купцов и укрываясь в телегах, нагруженных товарами. Очевидно, что сюжет этот даже в своей общей форме не соотносится с действительными обстоятельствами захвата Азова казаками, скажем, в 1637 году. В данном случае происходит переосмысление реальных фактов, которое подчиняется определенному художественному за-

мыслу: песня прославляет не столько воинскую доблесть казаков, сколько их хитроумие, сметку. При всем том содержание песни подчеркнуто исторично, вследствие чего традиционность ситуации несколько затушевывается. К тому же сюжет развивается полностью в рамках композиции, типичной для казачьих песен, — с традиционной экспозицией (казачий круг), с преобладанием монологов, которым частично передаются повествовательные функции, с незавершенностью фабулы.

И песня «Под Конотопом под городом...», и песня о взятии Азова опираются на известные сюжетные ситуации. Некоторая традиционность их является, в сущности, выражением типичности описываемого. Историческим коллизиям, подвигам героев придается характер некоей повторяемости и, следовательно, закономерности, неслучайности. В сюжетных повторениях, в различных конкретных применениях устойчивых ситуаций и мотивов проявляется отнюдь не косность и беспомощность народной эстетики, а ее постоянная склонность к обобщающим изображениям, к показу того, что типично для народной жизни и что отражает наиболее устойчивые ее стороны. Притом в подлинно художественных произведениях народного творчества повторения неизменно сопровождаются какими-то свежими находками, открытиями. В песнях, которые мы рассмотрели, такие открытия есть. В песне «Под Конотопом под городом...» новым для разработки сюжета является резкое усиление драматизма, повествование приобретает почти трагический оттенок. В песне о взятии Азова новым для данной ситуации оказывается ярко выраженный в ней казачий колорит.

Разумеется, в отказе от создания сюжетов на основе свободного повествования, следующего за самым ходом реальных событий, и в опоре на готовые сюжетные традиции кроется опасность схематизации, подчинения живого содержания шаблону, опасность механических повторений. Насколько можно судить по имеющемуся материалу, в XVII веке исторические песни были еще свободны от таких тенденций. Для молодого жанра находки в области традиционной сюжетики, связанные неизменно с ее обогащением, составляли один из заметных моментов творческих исканий и открытий, одно из проявлений поступательного развития.

Художественные потери и механическое повторение придут позднее.

Одновременно с произведениями типа «Под Конотопом под городом...» и «Взятие Азова» возникают песни, развивающие те принципы сюжетосложения, которые определились в песнях о взятии Казани и о Гришке Отрепьеве.

Характерна в этом отношении песня «Во сибирской украине, во Даурской стороне», в которой с особой обстоятельностью развернута история защиты Комарского острога от внешнего нападения. При том, что фабула здесь развивается в хроникальном плане и отдельные эпизоды разработаны особенно подробно, песня в целом обладает известной стройностью и сюжетной организованностью. Достигается это, во-первых, тем, что общая композиция — за исключением нескольких эпизодов — проста и прямолинейна, а во-вторых, тем, что стилистически повествование в значительной своей части соткано из «общих мест», отработанных песенных формул, более или менее свободно ложащихся на реальный исторический материал. С одной стороны, в плане собственно повествовательных приемов, песня о защите Комарского острога как будто означает несомненное движение по сравнению с аналогичными предшествующими опытами. С другой стороны, песне явно недостает значительности содержания. Она — одна из первых предвестниц появления таких исторических песен, хроникальное содержание которых, связанное с периферийными фактами исторической жизни, не поднималось на высоту больших художественных обобщений. Такого рода песни будут создаваться позднее в большом количестве, оставаясь преимущественно местными по своему значению.

Песенный фольклор о Разине, слагавшийся в гуще событий Крестьянской войны, проникнут пафосом освободительной борьбы и глубоким сочувствием к потерпевшему поражение народному вождю и его войску. Песни разинского цикла в своем большинстве принадлежат казачьему творчеству: они крепко связаны с традициями казачьего фольклора, и самое движение Разина осмыслено здесь преимущественно с позиций казачьей голытьбы. Мотивы борьбы и свободы, с такой размашистой силой развернутые в песнях, несут на себе явственную печать представлений и идеалов казачества. Историзм разинских песен далек от хроникальности и строгой фактичности. В них запечатлены основные этапы движения, отдельные яркие его моменты, но запечатлены в общем поэтическом плане, в преломлении сквозь вымышленные сюжеты, в которых сравнительно немного конкретных реалий, точных указаний и т. п. В ряде песен собственно *поэтическая* сторона изображения заметно преобладает над конкретностью политической проблематики. Разин и его войско выступают в подчеркнуто опоэтизированном обличье, глубоко поэтична самая обстановка, в которой действуют Разин и разинцы, поэзией овеяны картины их подвигов, сборов, столкновений с царскими войсками, их драматической участи. Последовательная и широкая поэтизация осуществляется во имя возвеличения и

утверждения большой правды и притягательной силы разинского движения. Песни стремятся передать красоту вольной жизни, исполненной борьбы, красоту даже самой гибели в этой борьбе.

Разин рисует перед голытьбой заманчивые перспективы разгульной жизни в борьбе с воеводами:

«Судари мои братцы голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемте, братцы, бесурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем».

Разумеется, в разинских песнях мы находим немалую долю непосредственной политической заряженности: здесь изображаются прямое — лоб в лоб — столкновение Разина с богатым казачьим кругом, его непримиримость по отношению к боярам, его беспощадные расправы с воеводами. Здесь есть строки, по силе выражения классовой ненависти имеющие не много равных в русской народной поэзии. Здесь достаточно ярко выражены разбойные настроения и разбойные формы борьбы:

Как срубили с губернатора буйну голову,
Они бросили головку в Волгу-матушку реку,
И что сами молодцы насмеялися ему:
«Ты добре ли, губернатор, к нам строгой был,
Ах, ты бил ли нас, губил, много в ссылку посылал,
Ах, ты жен наших, детей на воротах расстрелял».

Большинство сюжетов разинских песен отличается краткостью, неразвернутостью фабулы, статичностью. В них обычно дается одна картина, один эпизод — то в казачьем кругу, то на корабле на море, на острове, на Волге. Экспозиция неизменно вводит слушателя в поэтическую обстановку, описания отличаются эмоциональной напряженностью, красочностью, приподнятостью.

Вот как рисуется появление на Волге разинских стругов:

Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось,
Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге черноярские стружочки,
Забелелися на мачтах тонкия белыя парусочки.

А вот исполненный лиризма разговор героя с природой, вводящий в атмосферу тяжких предчувствий Разина накануне поражения:

«Не шуми ты, шумка, во поле, зеленой дуброве,
Не мешай же ты мне, младцу, думу думати».
— «Мне нельзя, шумке, не шумети:
Среди зеленой дубровушке армеюшка долго стояла,
Да и всю зеленую травку-муравку притоптала,
Да и все корешочки засушила».

Героический пафос и лирическая задушевность, настроения боевой бодрости и вместе с тем тоски и тяжких предчувствий пронизывают все песни, придавая образу Разина черты славного борца и свободолюбца, и вместе с тем — личности трагической.

Можно думать, что разинский цикл сильно способствовал тому, что в русской исторической песне *лирическое начало,* ранее лишь в малой степени обнаруживавшее себя, получило значительное развитие и оказалось вскоре если не преобладающим, то равнодействующим с началом повествовательным.

Именно разинский цикл показал, какие широкие возможности кроются в художественном слиянии народной лирики с принципами конкретно-исторического изображения. Среди песен разинского цикла были уже и такие, в которых целые сюжеты или основные мотивы пришли непосредственно из бытовой лирики. Но в большинстве своем разинские песни усваивали и перерабатывали лишь отдельные приемы лирического изображения и лирических характеристик, воспринимали конкретные формулы и выразительные средства лирической поэзии. В разинском фольклоре есть и песни с развернутой фабулой, песни, в которых основу составляет не изобразительная экспрессия, а повествовательный сюжет. Наиболее яркая среди них — о сынке — относится вообще к числу лучших исторических песен. Некоторые ее особенности — несколько балагурный тон, частый ритм, наличие элементов рифмы — сближают ее с песнями скоморошьего характера. К числу скоморошин могут быть отнесены «Взятие Казани», «Кострюк», «Поп Емеля». Исторические песни этого рода затем встретятся в фольклоре XVIII—XIX веков. В этих песнях история, не теряя своих героических, серьезных аспектов, неожиданно приобретает анекдотический, шуточный оттенок. Песня о сынке — разумеется, в основе своей героическая. Но анекдотический элемент в ней достаточно силен: это выражено прежде всего в сюжете — разинский посланник храбро гуляет под окнами губернаторского дома, пирует в кабаке, грозно предупреж-

дает губернатора о скором появлении Разина, — а также и во многих деталях, в самой манере повествования, в стилистике.

Своим художественным строем песня о сынке существенно отличается от большинства песен разинского цикла. Иногда эти отличия объясняют тем, что песня сложилась якобы за пределами XVII века. Для подобных суждений нет серьезных оснований. Песня о сынке в художественном отношении не одинока, ей несколько близка песня о Разине и девке-астраханке: в этой последней переплетаются мотивы собственно героические с мотивами романическими и сюжет в целом носит тоже несколько анекдотический характер. Заметно, что в этой песне отношение к Разину двойственное, так же как и в песне «Разин на Волге». Здесь Разин и его подвиги рисуются как бы со стороны, в восприятии тех, кто непосредственно не участвовал в движении и не находился в лагере его сторонников. Не лишено некоторых оснований предположение, что такие песни складывали стрельцы, выражая этим самым свое уважение и определенные симпатии к тем, с которыми они должны были вести борьбу.

К основному ядру разинского цикла примыкают песни, хронологически с движением Разина не связанные: песня об убийстве Карамышева, возникшая, вероятно, двумя-тремя десятилетиями раньше, а также безымянные удалые (или разбойничьи) песни. Их роднит общность настроения и общность поэтического тона — в них героика и поэзия вольности неизменно соединяются с ощущением неустойчивости, с предчувствием скорой гибели.

В отношении сюжетно-композиционных принципов и стилистики они составляют полное единство.

Казачья вольнолюбивая, героическая по своему пафосу, лиро-эпическая песня — одно из самых значительных достижений народной исторической поэзии XVI—XVII веков.

5

В дальнейшем развитии русской исторической песни может быть выделен большой и значительный период с конца XVII до первой четверти XIX века. Начальным рубежом здесь является Петровское время, конечным — Отечественная война 1812 года и ближайшее после нее десятилетие. Конечно, внутри этого значительного отрезка времени может быть прослежено определенное развитие и могут быть установлены свои рубежи, но все же в целом надо говорить о едином периоде, довольно четко отделяемом и от

предшествующего (XVII век), и от последующего (XIX век) этапов.

Историческая песня конца XVII — начала XIX века — это преимущественно песня солдатская и казачья. Произведений, сложенных непосредственно в крестьянской среде либо в среде городского простонародья, немного. Если они и есть, то они никак не определяют ни общей картины, ни основных процессов. Будучи по происхождению солдатской либо казачьей и, естественно, отражая в своем художественном содержании исторические интересы, классовые настроения, симпатии и антипатии этих социальных слоев, исторические песни в своем большинстве, однако, представляли общенародный репертуар. В них преломлялись общенародные представления. Принадлежность их солдатскому или казачьему творчеству многое обусловливала в их конкретном содержании, в отборе материала, в точке зрения, в стиле, в приемах изображения, но эта принадлежность не ограничивала общего значения песен, близких для всей угнетенной народной массы.

В исторических песнях конца XVII — начала XVIII века естественно выступают на первый план темы, связанные с войной, поскольку именно война была главной сферой непосредственного и почти непрерывного выявления исторической активности солдат и служилого казачества. Песен военного содержания много — их десятки, а может быть, и сотни. Почти все они могут быть соотнесены с определенными войнами, кампаниями, сражениями и т. д., хотя конкретные фактические связи выражаются не столько в сюжетах, которые представляют собою построенные на художественном вымысле обобщения, сколько в обычно немногочисленных реалиях, в именах персонажей, в названиях городов, крепостей и т. п. Впрочем, реалии не всегда точны, в употреблении имен и названий допускаются анахронизмы, историческим персонажам приписываются дела, к которым они не имели отношения. В этих нарушениях есть, конечно, и случайности, и простая путаница, но можно обнаружить в них и известную закономерность: некоторые имена и названия получают в сознании народа значение типическое, почти идеальное. Так, в песнях XVIII века чаще всего — и далеко не всегда в соответствии с фактами — называются имена полководцев Шереметева, Краснощекова, Суворова. Герои, носящие эти имена, как бы воплощают народные представления о настоящем военачальнике, признанном военном руководителе, подлинном патриоте, проявляющем стойкость, мужество и личный героизм.

Б. П. Шереметев, фельдмаршал Петровского времени, оказывается главным персонажем солдатских песен начала XVIII века.

Он близок создателям песен не только как опытный полководец и храбрый воин, командир, умеющий в трудный момент поддержать и ободрить солдат. В его раздумьях о предстоящем походе, в жалобах на вынужденное расставанье с домом, с молодой женой неожиданно высказывается психология крестьянина-новобранца.

Образ казачьего атамана Краснощекова овеян героической романтикой: в его личном подвиге кристаллизовались народные представления о мужестве и патриотической стойкости перед лицом смерти.

Песенный Суворов не повторяет того Суворова, который широко известен по историческим документам, воспоминаниям и многочисленным устным преданиям. В песнях Суворов поднят над повседневным военным бытом, в его образе больше романтичности, чем реальной простоты; вместе с тем он более лиричен. В песнях он предстает как полководец, всегда готовый организовать отпор врагу, посылающий солдат на дело, находящий для них высокие слова призыва и ободрения. И умирает Суворов не так, как в жизни, — смертельно раненного его приносят с поля битвы.

Что Суворова ли князя на руках несут,
Добра коня в поводу ведут,
Самоцветно платьице в тороках везут.
Понесли его тело на круту гору,
Положили его тело между трех дорог.

Не всегда можно объяснить причины популярности, благодаря которой историческое лицо, в действительности второстепенное, в песнях неожиданно выдвигается на первый план. Так в песнях об Отечественной войне самое популярное имя — Платов. Такие лица, как Краснощеков или Платов, становятся персонажами нового песенного эпоса, им посвящены яркие героические сюжеты, к ним начинают прикрепляться сюжеты, ранее созданные, им приписываются подвиги, совершенные другими.

Главный интерес военно-исторических песен, их основная художественная направленность состоит, разумеется, не в большей или меньшей степени соответствия фактам, а в поэтическом, специфически народном изображении войны и военной истории. Война открывается с точки зрения рядового солдата, казака-воина, за плечами которого тяжелый и богатый опыт, помноженный на опыт поколений: восприятие его отличается трезвостью и вместе с тем наивностью, остротой наблюдения и узостью выводов, его сознание способно проникнуть в существенные стороны действительности и

в то же время опутано предрассудками и не свободно от влияния официальных трактовок. Мы видим и в самых художественных способах выражения народной точки зрения на войну немало противоречивого: рядом с настоящими художественными открытиями, с превосходно разработанными сюжетами, с отдельными картинами, характеристиками и изображениями, исполненными истинной поэзии, можно заметить и художественные утраты, найти немало неслаженных композиций и невыразительных сюжетов, эпигонских повторений и т. п. Развитие исторической песни не представляло собою одного лишь непрерывного восхождения и накапливания все новых ценностей, но включало и существенные потери, и моменты кризисные. Все это наглядно отразилось в разделе песен военно-исторических.

Реальные причины и обстоятельства возникновения войны, ее цели и конечные политические результаты остаются за пределами песен. Иногда инициатором ее выступает чужеземный король, царь, хан, который намеревается захватить русскую землю; при этом он хвастает своей силой, предъявляет ультиматум, требует капитуляции. Враг предстает в песнях традиционно, схематически-условно. Шведский, прусский, французский короли, турецкий царь или татарский хан мало чем отличаются один от другого. Лишь в редких случаях схематические рамки раздвигаются и образ вражеского короля получает более подробную сюжетную разработку. Обычно в таких сюжетах преобладает ироническая насмешка над поверженным, одураченным, попавшим в беду противником («Взятие Берлина», «Платов в гостях у француза»).

В тех случаях, когда кампания начинается по инициативе русских, обычно кратко говорится о решении царя или военачальника выступить в поход («Собирается православный царь под крепкой Азов-город. . .»). Военные мероприятия предстают в песнях как следствие чьих-то индивидуальных решений, чьей-то личной воли, которая никогда не обсуждается. Тем не менее в песнях XVIII века солдатская масса выступает не безразличной по отношению к войне. Походы, осады, сражения неотвратимы, но они приносят разлуку с близкими, тяжкие испытания, гибель под стенами чужих городов. Поэтому многие песни заключают в себе жалобы солдат, уходящих на войну, их горькие сетования, страх перед расставаньем, предчувствие смерти. Мотивы эти нередко резким диссонансом врываются в эпизоды победных битв, в батальные героические картины; они неизменно вносят в песню лирическое начало. Эти лирические медитации оформляются чаще всего в виде прямых реминисценций из бытовых лирических песен.

«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не слези лица румяного.
...И мне, молодцу, грустнехонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужу дальну незнакомую,
Что на службу я государеву».

Иные военно-исторические песни представляют собою не всегда органичный сплав песен собственно исторических с бытовыми. В иных мы находим развернутые лирические зачины, являющиеся своеобразным эмоциональным ключом ко всему сюжету («Что не белая береза к земле клонится...», «Травынька-муравынька, ковылочик!..», «Долина моя широкая...»). Но есть случаи, когда лирическая тема организует песню от начала до конца, органически подчиняя весь сюжет в целом и внося в его конкретно-историческое содержание совсем особое настроение. Прекрасными образцами такого рода произведений являются песни из цикла «Не плугами поле распахано...», в которых народные воспоминания об ожесточенных, кровопролитных сражениях отлились в суровый и скорбный образ пашенки, распаханной копьями, засеянной солдатскими головушками, политой кровью. Тоска по мирной жизни, противопоставление образам войны образов домашнего крова, семейного счастья, изображение крови и опустошений составляют в исторических песнях заметный фон, на котором разворачиваются картины баталий, побед и поражений. Картины эти отличаются сдержанностью красок, скупостью деталей, эскизностью. Выписывание подробностей, углубление в ход событий, в обстоятельства дел — не в духе песен этого времени. В песнях осады, приступы, передвижения войск, стычки совершаются быстро и заканчиваются почти молниеносно. Изображение этих событий предельно схематизируется, подчас оно укладывается в привычные формулы — сжатые, окрашенные экспрессией, редко совпадающие со специфическими обстоятельствами данного «дела». Тенденция к тому, чтобы укладывать однотипные жизненные ситуации в одинаковые формы, проявляется, например, в описаниях взятия крепостей: и Азов, и Орешек, и Рига берутся совершенно так же, как Казань XVI века, — с помощью подкопа, закапывания бочек с порохом и т. д., хотя на самом деле все было по-другому. С одной стороны, по-видимому, не в возможностях народной песни передать в конкретных поворотах сложную механику сражения. С другой стороны, необходимость такой передачи и не вытекает ни из эстетики песни, ни из ее народной сущности. Война видится не глазами позднейшего летописца, и не глазами участника, обо-

зревающего поле битвы с какого-нибудь возвышения, и не глазами стратега, руководящего делом. Она видится глазами солдата, который идет на приступ, сходится грудь с грудью с противником, совершает утомительные переходы и для которого целое открывается в самом общем плане. Любование искусством войны, равно как и материальными последствиями победы, солдатской песне чуждо. Она миролюбива по своей природе. Во многих песнях батальных сцен нет вовсе. Они заканчиваются мотивами ожидания сражения, призывами готовиться к приступу, нередко репликами солдат или командиров, в которых выражается спокойная уверенность в победе. При всем том песня не чуждается интереса к таким эпизодам, в которых проявляются геройская доблесть, воинская сметка, патриотическая стойкость. Судьба дела решается самоотверженным воинским трудом и подвигами солдат. Царь обращается к солдатам за советом, как взять «Орех-город».

Что не ярые пчелушки во улье зашумели,
Да что взговорят российские солдаты:
«Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Нам водою к нему плыти — не доплыти,
Нам сухим путем идти — не досягнути.
Мы не будем ли от города отступати,
А будем мы его белою грудью брати».

Солдатские песни обычно со сдержанным уважением или с откровенным восхищением говорят о военачальниках. Из песен выступает некий собирательный образ полководца, спокойно ведущего войска, всегда готового к встрече врага, подбадривающего солдат в трудную минуту, иногда — бросающегося в гущу боя. Немало песен о гибели командира, о несчастном его возвращении и т. д. Теневые стороны взаимоотношений армии и начальства в исторических песнях почти не затронуты. Эта большая задача «передана» в народном творчестве другому жанру — рекрутской причети. Тем не менее солдатская песня не могла вовсе пройти мимо столь важной и острой темы, она коснулась ее — в тех пределах и в тех формах, как это позволяла специфика жанра. Прямое обличение, косвенный намек, ироническое изображение тех, от кого зависят судьбы страны, успехи армии, нет-нет да и встретятся в песнях — то в настойчиво повторяющемся эпизоде с растерянной императрицей, испугавшейся ультиматума вражеского короля; то в жалобах солдат над гробом Петра на неумелых коман-

диров, растерявших «силушку»; то в гневных обвинениях умирающего от ран Лопухина по адресу бездарных и продажных военачальников.

Значительное место в исторических песнях конца XVII — начала XIX века занимает собственно социальная тематика. В них по-своему запечатлены отдельные факты освободительной борьбы, выступления народных масс, в том числе не только такие, которые отличались большим размахом и имели широкий резонанс, но и более частного, местного характера. Нередко второстепенные, малозначительные с точки зрения истории факты получают в песнях неожиданно яркий отклик. Так, известен целый цикл, посвященный уходу Игната Некрасова с Дона за Кубань; в то же время Булавинское восстание, одним из эпизодов которого явился этот уход, в песнях не отразилось и самое имя Булавина в них даже не упоминается. Из позднейших событий (конец XVIII — начало XIX века) песни запомнили несколько вспышек протеста на Дону и Урале, а также глухо откликнулись на восстание Семеновского полка и на события 14 декабря 1825 года.

Может показаться странным, что сравнительно немного песен о Пугачеве, значительно меньше, чем о Разине. Обычное объяснение, будто бы песни о нем до нас не дошли, потому что бытовали тайно и не сообщались собирателям, вряд ли основательно, хотя, конечно, можно допустить утрату нескольких песен. По-видимому, песенный фольклор о пугачевском восстании и не был значительным по составу, что может быть связано отчасти с определенным кризисом художественных возможностей исторической песни второй половины XVIII века, а отчасти — с непреодолимыми трудностями, которые должно было встретить народное песенное творчество при освещении этой большой политической темы. Известные поэтические схемы и сюжетные ситуации, на основе переосмысления и применения которых возникали в XVIII веке новые песни, оказались неприменимыми для реализации этой темы. Пугачев в глазах народа, в представлении участников движения был не вольным казаком, не разбойным атаманом вроде Разина или Игната Некрасова, а законным царем, боровшимся за право осуществить народные чаяния. О нем нельзя было складывать удалые, разбойничьи казачьи песни. Единичные попытки, известные нам, развить пугачевскую тему в рамках традиционной лирической песни о добром молодце трудно признать удачными. Других же, более соответствующих специфике темы традиционных возможностей народное творчество просто не имело. Те немногие произведения о Пугачеве, которые дошли до нас созданы преимущественно заново, и созданы, главным обра-

зом, в стилевой манере солдатской песни. В них отношение к Пугачеву противоречивое, но отношение не как к царю, а как к «бунтовщику». Казаки, свято хранившие память о «царе Петре Федоровиче», с которым они выступали против дворян, этих песен не признавали и противопоставляли им исполненные глубочайшего уважения к народному царю и наивной веры в него красочные предания. Можно сказать, что фигура Пугачева оказалась для исторической песни слишком необычной и сложной, и народное творчество о нем вылилось преимущественно в формы устных преданий.

Многие песни о народных движениях прямо и резко направлены против представителей царской власти, но рядом с этим в них заметны иллюзии по отношению к самому царю. Непосредственную основу сюжетов большинства песен составляет острое столкновение народной массы (либо героя, принадлежащего к этой массе) с воеводой, губернатором, атаманом. Иногда это столкновение кончается расправой с представителем власти («Игнат Некрасов»), иногда же, напротив, добрый молодец держит ответ и несет наказание («Добрый молодец и Волконский-князь»). Идея классовой непримиримости по отношению к угнетателям народа прекрасно выражена в песне «Судил тут граф Панин вора Пугачева...».

В иных песнях дух непокорности и борьбы уступает настроениям пассивности, на первый план выдвигаются мотивы горьких жалоб («Семеновцы в крепости»).

К песням о народных движениях непосредственно примыкают исторические песни обличительного характера. Обличению подвергаются конкретные лица — и в связи с какими-либо конкретными обстоятельствами: Гагарин, прославившийся своим лихоимством на посту сибирского губернатора, Меншиков, не брезговавший ничем ради умножения своего богатства, Аракчеев, прославившийся насаждением военных поселений, и т. д. Произведения эти не лишены элементов сатиры, а иногда сатирическое задание подчиняет в них все содержание («Возвращение князя Голицына»). Конкретно-исторический материал, отложившийся в этих сюжетах и свидетельствующий об осведомленности создателей песен в подробностях жизни их героев, несколько однотипен, а сами сюжеты довольно сходны между собою, что указывает, в частности, на обнаруживающуюся в этих песнях тенденцию к выявлению некоторой типичности, повторяемости в действиях людей разного времени и разной биографии. С точки зрения народной песни, Гагарин, Меншиков, безвестный казанский губернатор, пораженный молнией, атаман Иловайский, Аракчеев — все они составляют единый ряд, воплощая чуж-

дую и ненавистную народу власть, основанную на злоупотреблениях, на ограблении и притеснении народа, захлебывающуюся в роскоши и не знающем удержу самоуправстве.

Отдельные факты русской истории, вполне далекие от народной борьбы и от народного протеста, иногда в песнях конца XVII—XVIII веков неожиданно получали специфическое осмысление. Известно, например, что восстание стрельцов 1698 года было реакционным — и по субъективным целям, и по своему объективному характеру. В песенном цикле, посвященном стрельцам, о восстании вообще нет речи и внимание сосредоточено на изображении горестной участи стрельцов, которым угрожают казни. О причинах царской опалы не говорится, она кажется скорее несправедливой, а сами стрельцы вызывают явное сочувствие, как невинно гонимые и жестоко наказываемые. Весь строй песен таков, что он вызывает именно эти эмоции. Характерны в этом же плане и песни «Казнь Долгорукого» и «Казнь боярина». Они навеяны впечатлениями от фактов острой борьбы за власть в правящей верхушке. Казненные Долгорукие были столь же чужды народу, как и их восторжествовавшие соперники. Но самый факт казни определил сочувственное к ним отношение, что и отразилось в соответствующих произведениях. Народное сочувствие к гонимым и потерпевшим от господствующей власти приводит к тому, что силы, реально чуждые народному делу, предстают в песнях в ином обличье, поэтизируются и получают право на место в памяти народа где-то рядом с теми, кто действительно заслужил ее.

В песнях XVIII века происходит дальнейшее обновление традиций, возникновение новых, развитие и утрата прежних художественных связей. Непосредственные связи с эпосом в это время, по-видимому, окончательно прерываются, хотя в некоторых сюжетах и может быть иногда обнаружено первоначальное эпическое зерно (например, сюжет об ультиматуме вражеского короля русской царице). Повествовательные песенные сюжеты возникают на новых художественных основах, отчасти используя то, что дает XVII век. Яркими примерами нового творчества являются песни «Шереметев и шведский майор», «Царь Петр в земле Шведской», песня о битве при Гросс-Егерсдорфе («Как не пыль в поле пылит...»), «Платов в гостях у француза», «Царя требуют в Сенат». Разные по своему содержанию, они сходны в приемах сюжетосложения. Перед нами — солдатский рассказ о каком-то событии, отлившийся в песенную форму. В рассказе этом есть моменты героические и комические или сатирические, есть элементы анекдота. Песня развивается в духе скоморошины, и в трех последних из названных выше произведений

это очень определенно сказывается во всем стиле (балагурный тон, рифмованные строчки, частый ритм):

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит —
Король с армией валит.

(Киреевский, вып. 9, стр. 100)

На лужку было, лужку,
Стоит армия в кружку,
Лопухов ездит в полку,
Курил трубку табаку.

Платов, одурачивший французского императора, уезжает от него с такими словами:

«Уж ты разиня ворона,
Загуменная карга!
Не сумела, ворона,
Ясна сокола держать.
Выезжай-ка ты, ворона,
Во чистó поле гулять,
Со мной силушки пытать».

(Киреевский, вып. 10, стр. 71—72)

Форма этих песен в целом производит впечатление некоторой неуклюжести — несоразмерностью эпизодов, неорганичностью отдельных сюжетных переходов, какой-то нескладностью самой манеры повествования. Недостатки эти есть результат поисков приемов достоверного, натуралистического рассказа, преодолевающего традиции сюжетной условности и схематизма эпических ситуаций. Можно наблюдать на ряде примеров, с каким трудом даются народному творчеству эти новые приемы и как быстро они исчерпывают себя. Песня о битве при Гросс-Егерсдорфе или «Платов в гостях у француза» не свободны от названных художественных недостатков, но здесь они носят частный характер и перекрываются превосходной разработкой целого. В песне «Царя требуют в Сенат» форма, в сущности, разрушена и сюжетная и стилистическая нескладица обнаруживается явно.

XVIII век знает ряд произведений, построенных на ранее сложившихся сюжетных ситуациях и композиционных схемах. «Краснощеков в плену» выглядит как вариация на ту же тему, что и «Под

Конотопом под городом...». Как повторения, не всегда обладающие качественными отличиями, воспринимаются песни о плаче солдат над гробом царя, об удалых молодцах, плывущих по реке, о казаках, собравшихся в круг. Конечно, конкретно-историческое содержание в них иное, соответствующее новой эпохе. Жалобы, с которыми обращаются солдаты к Петру Первому, или семеновцы, заключенные в Петропавловскую крепость, — к Екатерине, не похожи на жалобы казаков Ивану Грозному. Речи в кругу Игната Некрасова отличаются от речей Разина или Ермака и т. д. Тем не менее традиционность этих песен не есть только традиционность формы. Она указывает на определенную традиционность представлений, самого типа исторического мышления, на известную консервативность и инертность восприятия.

Большинство песен конца XVII — начала XIX века тяготеет к формам статичного, неразвернутого изображения, сжатых описаний, в центре которых обычно — один эпизод, одна картина. Почти обязательны лирические зачины, задающие тон всему произведению. Движение событий во времени чаще всего передается вступлением и заключительными строчками, приобретающими характер подытоживающей информации. Но нередко повествовательный финал вовсе отсутствует, песня заканчивается прямой речью — чьим-то призывом, ответом, предсказанием. Построенные таким образом песни, лиро-эпические по своей художественной сущности, не претендуют на воспроизведение цепи фактов, на хроникальный интерес. Как бы предполагается, что и внешняя сторона событий, и предыстория их известны, а участники их хорошо знакомы слушателям. Песня вводит в круг изображаемых событий и действующих лиц без всякой подготовки. Характеристики сжаты и резки, описания эмоциональны и почти лишены конкретных примет, в них преобладают типические, отстоявшиеся подробности, люди внешне не изображаются — за исключением тех случаев, когда необходимость таких изображений обусловлена сюжетно («Платов в гостях у француза»), — и раскрываются в прямолинейных поступках, в речах, а иногда — через поэтические сравнения. Можно заметить, что общий характер исторических песен этого времени — повышенно эмоциональный, лирический склад их очень определенно выявляется в стилистике, в подборе эпитетов и сравнений, в обилии восклицаний, ласкательных слов.

Для исторических песен этого времени характерны особенное внимание к художественным подробностям, умелый и тонкий подбор деталей, тщательная отработка отдельных эпизодов и картин, подчас в ущерб целому. Песни обращают на себя внимание в пер-

вую очередь великолепными художественными *частностями.* Солдатская лиро-эпическая песня воспринимается раньше всего как совокупность отдельных истинно поэтических картин. Они сливаются в целое тогда, когда в песне есть надежная сюжетная основа, позволяющая гармонически объединить отдельные части и подчинить их одному большому замыслу. Именно благодаря сюжету — этой первооснове песни — произведение вырастает в значительное явление искусства. Фольклор рассматриваемого периода богат такого рода произведениями. Но в нем немало и таких песен, которые художественного целого не составляют и в которых отдельные частности, значительные сами по себе, не соотносятся между собою, не связаны узлами единого развития. Этот ощутимый недостаток формы, весьма серьезно отражающийся и на содержании, с течением времени все усиливается и уже в песнях 1812 года становится одной из определяющих общих художественных особенностей, свидетельствуя о несомненных кризисных явлениях в эстетике жанра.

В фольклоре 1812 года есть несколько песен, превосходных по цельности художественного воплощения большой идеи. Такова уже упоминавшаяся нами «Платов в гостях у француза». Удачно применена в песнях этого времени традиционная ситуация — русский царь получает ультимативное письмо от чужеземного короля. Испугавшегося царя успокаивает Кутузов — он верит в силу русской армии и в ее победу:

«А мы встретим злодея середи пути.
...А мы столики поставим ему — пушки медные,
А мы скатерти ему постелим — вольны пули.
...Угощать его будут канонерушки,
Провожать его будут всё казачушки».

Многие песни 1812 года открываются зачинами, исполненными поэтического размаха и рисующими картины народных испытаний и народной решимости победить:

Разорёна путь-дорожка
От Можайска до Москвы.
Еще кто ее ограбил?
Неприятель-вор француз.
Разоримши путь-дорожку,
В свою землю жить пошел.

Как заплакала Россиюшка от француза...

Собиралась наша сила-армия
В поход под француза,
Занимала себе лагерь
Да среди во чистого поля...

Эти зачины как бы заключают в себе заявку на большую тему. Но широкая и обещающая экспозиция не получает, как правило, соответствующего развития. Собственно повествовательная часть песен 1812 года отличается случайностью и малозначительностью эпизодов, схематизмом и даже шаблонностью в изображении батальных сцен, отрывочностью и незавершенностью отдельных эпизодов и недостаточной мотивированностью переходов. Патриотический пафос, героизм народа, осознание огромной национальной значительности совершающегося выражены в этих песнях — подчас с большой силой — в отдельных образах и картинах, в репликах и диалогах, но не в художественном целом. Как раз целое чаще всего мельчит тему, уводит от больших обобщений к случайному, поверхностному. Главный художественный недостаток песен 1812 года состоит в том, что народное творчество не нашло для них полноценных сюжетных форм, в которых мог бы быть организован большой жизненный материал. Старые принципы сюжетосложения себя исчерпали, некогда плодотворные и живые традиции потеряли свою свежесть и стали распадаться, а вновь складывающиеся обнаружили художественную недостаточность.

Песенный фольклор Отечественной войны — при всей своей значительности как поэтическое проявление «вечной памяти двенадцатого года» — не принадлежит к бесспорным достижениям народного творчества. И это, конечно, не случайно. Историческая песня начала XIX века свидетельствует о начавшемся художественном затухании жанра.

6

Любой из известных нам народно-поэтических жанров исторически обусловлен в своем возникновении, развитии и в своих позднейших судьбах. «Вечных», бесконечно развивающихся жанров в фольклоре нет и быть не может. Жанр существует и плодотворно развивается до тех пор, пока формы, ему свойственные, оказыва-

ются способными воплощать новое содержание. Формы эти сами развиваются, применяясь к новым историческим условиям. Но рано или поздно продуктивный период прекращается, и жанр постепенно начинает угасать. Ранее созданные произведения продолжают жить, жанр в его прежнем составе занимает определенное место в народном творчестве, но новых полноценных произведений, равных в художественном отношении лучшим образцам, уже не создается. В народном творчестве выдвигаются на первый план новые жанры, в большей степени соответствующие задачам новой действительности. Так было в свое время с былинами, с обрядовой поэзией, с различными видами сказок. Судьба исторической песни не явилась исключением. На протяжении примерно полувека — с начала 20-х и до конца́ 70-х годов XIX века — наблюдается постепенный, но неуклонный процесс ее угасания. Процесс этот получает различное выражение. Постепенно сокращается число вновь создающихся песен. Сужается круг объектов действительности, получающих отражение в этих песнях. Они сосредоточиваются почти исключительно на военной тематике. В песнях военно-патриотического содержания новых идей, новых художественных открытий немного, песни эти слагаются на путях в основном известной (но взятой весьма в узких пределах) традиции. Разумеется, песни эти содержат определенный конкретно-исторический материал, они в известной степени передают настроения и впечатления народных масс, в них есть и яркие образы, и острые подчас характеристики социального плана. Наибольшее число песен связано с событиями русско-турецкой войны 1828—1829 годов, Кавказской войны, Крымской войны, русско-турецкой войны 1877—1878 годов, с борьбой за присоединение Средней Азии. Просмотр песенных сборников, различных «народных» и солдатских песенников середины XIX — начала XX века показывает, какие серьезные изменения претерпел песенный репертуар со стороны состава.

Наряду с песнями собственно народными, явившимися результатом коллективного творчества, стали распространяться песни индивидуального сочинения, в большинстве своем не отличавшиеся ни высокими художественными качествами, ни подлинной народностью содержания. В песнях этих, складывавшихся скорее всего грамотными солдатами или низшими офицерами, — по-видимому, не без влияния официальной идеологии и с благословения начальства — проводится совсем иной взгляд на войну, чем в песнях народных. Без всякой дифференциации воспеваются все войны и кампании, русский солдат предстает здесь как бесшабашный удалец, слепо преданный царю и командирам, противники характеризуются

в несвойственном русской песне оскорбительном тоне. Ура-патриотическая, с шовинистическим налетом разухабистая песня, вероятно, и не выходила особенно за пределы армейского быта, в котором она настойчиво насаждалась стараниями свыше. Но эта продукция свое воздействие на солдатские и особенно казачьи массы оказывала, и отголоски сходных мотивов и настроений встречаются в песнях, принадлежащих этой массе. Конечно, в песнях подлинно народных речь может идти преимущественно о заблуждениях, исторически понятных. В своей основе эти песни исполнены народного патриотизма, в них мы найдем и горестные чувства, порождаемые войной, и думы о мирной жизни.

Народные песни второй половины XIX века особенно ощутимо обнаруживают сочетание фольклорных традиций с воздействием книжной поэзии. Последняя влияет на язык, фразеологические обороты, на ритм и рифму, хотя высокие достижения русского стиха остаются в стороне. Похоже, что создатели поздних исторических песен знали книжную поэзию не в лучших ее образцах и восприняли больше внешние ее особенности. Но характерна сама тенденция — традиционные песенные формы сохраняются со старыми песнями, а для новых песен они не приемлются. Отсюда уже один шаг до самого широкого обращения к книге как источнику нового песенного (в том числе и исторического) репертуара и до полного перехода песенного творчества на литературные рельсы. Этот шаг и был совершен в конце XIX — начале XX века. Новая политическая песня — революционная, военная — в основе своей литературная. С фольклором ее сближает устность и анонимность бытования, наличие вариантов, массовость. Случаи обращения к старым народнопесенным традициям чрезвычайно редки, но все же встречаются. Известна, например, песня времен гражданской войны, сложенная путем переделки старой солдатской песни XVIII века. Но в новом песнетворчестве решительно преобладает опора на те художественные традиции — сюжетно-композиционные, стилистические, стиховые, — которые создала массовая литературная песня.

7

Русская историческая песня, являясь нераздельной частью народного песенного богатства, издавна привлекала к себе внимание и интерес деятелей литературы и культуры.

Влияние исторической песни ощутимо в древней русской литературе. Воинские повести XIII — начала XV века — «О разорении

Рязани Батыем», «О Мамаевом побоище», «Задонщина» — заключают в себе прямые песенные реминисценции из фольклора о татаро-монгольском иге. В повести начала XVII века о Скопине-Шуйском использованы мотивы песни о Скопине, в «Сказочной» повести об Азове переработан известный песенный эпизод хитроумного захвата турецкой крепости казаками, в «Поэтической» повести можно видеть непосредственное использование художественных принципов казачьих лиро-эпических песен. Создатели сибирских летописей обратились к песням о Ермаке как своеобразному историческому источнику. В одном из списков так называемой Строгановской летописи полностью, почти без обработки, использована песня «Ермак в казачьем кругу».

В XVIII веке основной сюжетный состав русской исторической песни XVI — первой половины XVIII века уже был неплохо отражен в тогдашних рукописных и печатных песенных сборниках — Кирши Данилова, Чулкова, Трутовского.

Передовая литература и общественная мысль России XIX века обнаруживает особенно пристальное внимание к таким разделам исторической песни, которые связаны с освободительной борьбой и свободолюбивыми идеалами народных масс. Декабристов привлекает «удалая» разбойничья и казачья песня. А. С. Пушкин слушает песни о Разине, некоторые из классических разинских песен переводит на французский язык, сам создает несколько стихотворений, содержание и весь строй которых подсказаны поэту его фольклорными впечатлениями. Пушкину принадлежат и ценнейшие записи пугачевского фольклора, в том числе несколько отрывков песен.

Первым вдумчивым исследователем русской исторической песни был В. Г. Белинский. Не преувеличивая ее значения, высказывая критические замечания (не следует забывать, что Белинский не мог еще знать всей огромной массы текстов, которые стали известны науке позже), он высоко оценил произведения XVI века. Особенно важна характеристика В. Г. Белинским песен о Ермаке: «В них весь быт и вся история этой военной общины, где русская удаль, отвага, молодечество и разгулье нашли себе гнездо широкое, раздольное и привольное». По поводу начальных эпизодов песни «На Бузане-острове», изображающих казачий круг, подготовку к походу и выезд на стругах, Белинский восклицал: «Какая широкая и размашистая поэзия, сколько в ней силы и простору душевного! Так и говорит: берегись — ушибу!» [1]

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1954, стр. 436.

А. И. Герцен в своем произведении «О развитии революционных идей в России» замечал, что «все поэтические начала, бродившие в душе русского народа, находили себе выход в необычайно мелодичных песнях», и специальное внимание обращал на «особый разряд русских песен — разбойничьи песни»: «То уже не грустные элегии; то смелый клик, в нем буйная радость человека, чувствующего себя наконец свободным, то угроза, гнев и вызов». «В песнях разбойнику отводится благородная роль... все симпатии обращены к нему, а не к его жертвам; с тайной радостью превозносятся его подвиги и его удаль». В ряду этих произведений Герцен называл «множество песен» о Стеньке Разине. [1]

Интерес к исторической, социальной и художественной сторонам народных песен проявляли многие русские писатели, в том числе Н. В. Гоголь, переплавивший героические образы и мотивы русского и украинского фольклора в «Тарасе Бульбе», и М. Ю. Лермонтов, в «Песне про купца Калашникова» творчески переосмысливший некоторые типичные коллизии песни XVI века и глубоко проникший в поэтический дух старого исторического фольклора. Л. Н. Толстой серьезно интересуется казачьими песнями, собирает их и создает повесть «Казаки», всю пронизанную стихией народного творчества. Толстой настолько сумел проникнуть в художественную специфику, в самый склад современной ему солдатской песни — полуфольклорной, полулитературной, — что во время обороны Севастополя сочинил несколько песен, которые получили распространение среди защитников города.

Естественный и глубокий интерес исторический фольклор вызывал у тех писателей, которые стремились самостоятельно, путем анализа, сопоставлений фактов представить себе особенности народной политической идеологии во всей ее конкретности и сложности. Чрезвычайно показателен в этом отношении пример В. Г. Короленко, много собиравшего исторические предания и песни, включавшего этот материал в свои произведения — не в качестве иллюстраций или украшающих вставок, но в целях более глубокого раскрытия психологии различных представителей народа. В очерке «В облачный день» есть такой эпизод. Ямщик, взглянув на березы, которыми обсажена дорога, запевает песню об Аракчееве. Седоку «барину» песня по понятным причинам не нравится. Ямщик пытается растолковать ему содержание песни, но при этом путается и обна-

---

[1] А. И. Герцен. Сочинения, т. 3. М., 1956, стр. 429—431. Ср.: В. Е. Гусев. Русские революционные демократы о народной поэзии. М., 1955, стр. 73—83.

руживает как будто весьма туманное представление о герое песни: «Ракчеив... Стало быть, помещик был в нашей стороне. Годов, сказывают, со сто, а то, может, и всех два-ста будет. Важнеющий был генерал у царицы, у Екатерины». Барин, воспользовавшись явной несуразностью объяснения ямщика, отчитывает его.

Короленко великолепно передал здесь точно подмеченную им нескладность реальных исторических познаний крестьянина. «Сто» или «два-ста» лет — для ямщика почти безразлично. Он твердо уверен, что «Ракчеив» жил «в нашей стороне» и что это был генерал «у Екатерины». Такого рода несуразные анахронизмы обычны не только для дорожных разговоров ямщика, они нередки и в самих песнях. Для тех, кто не хотел видеть дальше и не стремился понять больше, такого рода ошибки и несообразности были проявлением мужицкой бестолковости — и только. Именно в таком духе подытоживает краткую беседу с ямщиком барин. Но Короленко в своем очерке показывает, что истинный, так сказать глубинный смысл песни хорошо понятен ямщику, и что запел он ее не случайно, и что бесхитростные и немножко нескладные ее слова полны жгучего, современного (очерк писался в 90-е годы) содержания. Дальнейшие эпизоды очерка — встреча с мужичком, выворачивающим из земли недавно посаженные березки, вопрос ямщика, заданный «с особенной нотой в голосе»: «Ай отменили?», уверенные его слова: «Закон, значит, милая барышня, на крестьянскую сторону потянул», реплика барина: «Закон!.. Вот ты про Аракчеева пел... Он бы вам показал законы» и, наконец, таящий торжество ответ ямщика: «Верно!.. Тот сурьезный был» — все это связано и с темой песни, и с восприятием ее, равно как и русской истории за последние «сто», «два-ста» лет, ямщиком. В свете этих эпизодов мужик, как будто без всякого смысла затягивающий песню об Аракчееве и не могущий с толком объяснить ее, оказывается вовсе не так прост и бестолков, как думает о нем барин. Короленко открывает в нем не только бездну ума, здравого смысла, но и вполне законченный комплекс политических понятий, которые распространяются не только на современность, но и на прошлое.[1]

Несомненно значительное место историческая песня занимала в системе обширных фольклористических познаний и концепций М. Горького. Он прекрасно знал исторические песни не только по сборникам, но и по разноообразным живым впечатлениям, знал не только основной состав, но и немало произведений, находящихся на

---

[1] В. Г. Короленко. Собрание сочинений, т. 3. М., 1954, стр. 241—257.

периферии жанра. Одна из настойчиво проводившихся М. Горьким мыслей была мысль о теснейшей связи народной песни с народной историей: «Русская песня — русская история»; «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества». Эти горьковские высказывания относились, разумеется, ко всему фольклору в целом, но они с большой силой подчеркивали и непосредственную историческую направленность содержания многих произведений народного творчества.[1]

В советской литературе есть немало примеров использования историко-песенного фольклора в различных художественных целях. Особенно часто он привлекается для создания эпических картин народной жизни далекого или недавнего прошлого, для изображения народных характеров в их исторической конкретности (исторические романы А. Толстого, А. Чапыгина, Ст. Злобина, В. Шишкова, эпопея М. Шолохова «Тихий Дон», автобиографические повести Ф. Гладкова и др.).

Отдельными образами, мотивами, настроениями русская историческая песня, вместе с былиной и народной бытовой и обрядовой лирикой, довольно широко входит в литературу, а музыкальная ее сторона привлекает внимание Глинки, Мусоргского, Балакирева, Римского-Корсакова и других композиторов. Не без влияния фольклорных впечатлений создают свои полотна на исторические сюжеты Репин, Суриков, Васнецов, Верещагин.

Во второй половине XIX — начале XX века знания об исторической песне чрезвычайно расширяются благодаря появлению пяти выпусков «Песен, собранных П. В. Киреевским», классических собраний по русскому эпосу П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. Д. Григорьева, ряда казачьих сборников, множества местных публикаций и т. д. Развивается планомерное историческое изучение жанра. В изучении его в дореволюционной науке были достигнуты некоторые ценные результаты, особенно в систематизации материала, в соотнесении его с фактами истории, в сопоставлении с былинным эпосом и т. д. Но в целом старая наука не смогла ни осмыслить подлинного значения исторической песни и места ее в русском фольклоре, ни показать процесс ее художественного формирования, ни раскрыть ее истории. Эти задачи решаются советской наукой, которая ведет плодотворное и широкое изучение исторической песни.

В. И. Ленин, которому принадлежит характеристика народного творчества как своеобразного выражения чаяний и ожиданий народ-

---

[1] См. Н. Пиксанов. Горький и фольклор. Изд. 2-е. Л., 1938, стр. 165 и др.

ных, предлагал сопоставить «завоенные плачи», характеризующие «проклятую старую военщину, муштру, уничтожавшую человека», с песнями тех же крестьян, «которые убегали от помещика, от рекрутчины, от солдатчины и организовывали «понизовую вольницу», собираясь на Волге, на Дону, в Новороссии, на Урале в особые ватаги, дружины, отряды, в вольные общества вольных людей. Тот же народ, а совсем другие песни, полные удали и отваги, смелые действия, смелый образ мыслей; постоянная готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов. Что перерождало их? К чему они стремились? Как и за что боролись?» [1]

Русская историческая песня, просматриваемая — в соответствии с ленинскими указаниями — «под социальным углом зрения», многое дает для ответа на эти важнейшие вопросы, раскрывая в образах и картинах большой художественной силы активность народа — деятеля истории, его стремление к свободной и мирной жизни, его желание по-своему понять и преобразовать действительность.

Б. Путилов

---

[1] В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 120.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА

Славные старые король Бахмет турецкие
Воевал он на землю российскую,
Добывал он старые Казань-город подлесные.
Он-де стоял под городом
Со своей силой-армией
Много поры этой было времени,
Да й разорил Казань-город подлесные,
Разорил Казань-де город напусто.
Он в Казани князей-бояр всех вырубил,
Да и княгинь-боярыней
Тех живых в полон побрал.
Полонил он народу многи тысячи,
Он повел-де в свою землю турецкую,
Становил на дороги три заставы великие:
Первую заставу великую —
Напускал реки, озера глубокие;
Другую заставу великую —
Чистые поля широкие
Становил воров-разбойников;
А третьюю заставу — темны́ лесы
На́пустил зверьёв лютыих.
Только в Казани во городе
Оставалась одна молодая женка Авдотья Рязаночка.
Она пошла в землю турецкую
Да ко славному королю ко Бахмету турецкому,
Да она пошла полону просить.
Шла-де она не путем, не дорогою,
Да глубоки-ты реки, озера широкие

Те она пловóм плыла,
А мелкие-ты реки, озера широкие
Да те ли она бродком брела;
Да прошла ли она заставу великую —
А чистые поля те широкие
Воров-разбойников тех о полдён прошла:
Как о полдён воры лютые
Те опочив держа;
Да прошла-де вторую заставу великую —
Да темны-ты леса дремучие
Лютых зверей тех о полночь прошла:
Да во полнóчь звери лютые
Те опочив держа.
Приходила во землю турецкую
К славному королю Бахмету турецкому
Да в его ли палаты королевские.
Она крест-от кладет по-писаному,
А поклоны-ты ведё по-ученому,
Да она бьё королю-де челом, низко кланялась:
«Да ты осударь король-де Бахмет турецкии!
Разорил ты нашу стару Казань-город подлесную,
Да ты князей наших бояр всех повырубил,
Ты княгинь наших боярыней тех живых в полон побрал,
Ты брал полону народу многи тысячи,
Ты завел в свою землю турецкую,
Я молодая женка Авдотья Рязаночка,
Я осталася в Казани единешенька.
Я пришла, сударь, к тебе сама да изволила,
Не возможно ли будет отпустить мне народу сколькó-нибудь пленного,
Хошь бы своего-то роду-племени?»
Говорит король Бахмет турецкие:
«Молодая ты женка Авдотья Рязаночка!
Как я разорил вашу стару Казань подлесную,
Да я князей-бояр я всех повырубил,
Я княгинь-боярыней да тех живых в полон побрал,
Да я брал пóлону народу многи тысячи,
Я завел в свою землю́ турецкую,
Становил на дорогу три заставы великие:
Первую заставу великую —
Реки, озера глубокие;

Вторую заставу великую —
Чистые поля широкие
Становил лютых воров-разбойников;
Да третью заставу великую —
Темны леса-ты дремучие
Напустил я лютых зверей.
Да скажи ты мне, женка Авдотья Рязаночка,
Как ты эти заставы прошла и проехала?»
Ответ держит женка Авдотья Рязаночка:
«А й ты славныи король Бахмет турецкие!
Я эти заставы великие
Прошла не путем, не дорогою.
Как я реки, озера глубокие
Те я пловом плыла;
А чистые поля те широкие
Воров-то разбойников
Тех-то я о полде́н прошла:
О полде́н воры-разбойники
Они опочив держа;
Темные леса те лютых зверей
Тех-де я в полночь прошла:
О полночь звери лютые
Те опочив держа».
Да те ли речи королю полюбилися,
Говорит славныи король Бахмет турецкие:
«Ай же ты молодая женка Авдотья Рязаночка!
Да умела с королем ричь го́ворить,
Да умей попросить у короля полону-де головушки,
Да которой головушки боле век не нажить будё».
Да говорит молодая женка Авдотья Рязаночка:
«А й ты славныи король Бахмет турецкие!
Я замуж выйду — да мужа на́живу,
Да у мня буде свёкор — стану звать батюшко,
Да ли буде свекровка — стану звать матушкой,
А я ведь буду у их снохою слыть;
Да поживу с мужом — да я сынка рожу,
Да воспою, вскормлю — у мня и сын будё
Да стане ме́ня звати матушкой;
Да я сынка женю да и сноху возьму —
Да буду ли я и свекровой слыть;
Да еще же я поживу с мужом —
Да и себе дочь рожу,

Да воспою, вскормлю — у мня и дочь будё
Да стане меня звати матушкой;
Да дочку я замуж отдам —
Да й у меня и зять будё,
И буду я тёщой слыть;
А не нажить-то мне той буде головушки —
Да милого-то братца любимого,
И не видать-то мне братца буде век и по веку».
Да те ли речи королю прилюбилися,
Говорил-де он женке таково слово:
«Ай же ты молодая женка Авдотья Рязаночка!
Ты умела просить у короля полону ли головушки,
Да которой-то не нажить и век будё.
Когда я разорял вашу стару Казань-город подлесные,
Я князей-бояр-де всех повырубил,
А княгинь-боярыней я тех живых в полон побрал,
Брал полону народу многи тысячи, —
Да убили у мня милого братца любимого,
И славного пашу турецкого,
Да й не нажить мне братца буде век и по веку.
Да ты молодая женка Авдотья Рязаночка,
Ты бери-тко народ свой полонéные
Да уведи их в Казань до единого.
Да за твои-ты слова за учливые
Да ты бери себе золотой казны
Да в моей-то земли во турецкие,
Да ли только бери тебе сколько надобно».
Туто женка Авдотья Рязаночка
Брала себе народ полонéные,
Да и взяла она золотой казны
Да из той земли из турецкие
Да колько ей-то было надобно.
Да привела-де народ полонéные
Да во ту ли Казань во опустелую,
Да она построила Казань-город наново,
Да с той поры Казань стала славная,
Да с той поры стала Казань-де богатая,
Да тут ли в Казани Авдотьино имя возвеличилось,
Да и тем дело кончилось.

ДЕВУШКА СПАСАЕТСЯ ОТ ТАТАР

Да лелим мне, лелим!
Сидела Аннушка у тереме под окошком,
У тереме под окошком,
У Юрьевой головушки.
Завидела Аннушка —
Далеко у чистом полю́
Белые шатры стоять,
Жаркие огни горять,
Сивые кони ходють.
«Братец Юрьючка,
Куды ж-то мне деться,
Куды ж-то мне деться
Да куды схорониться?»
— «Схороню тебе, сестрица,
У каменных палатах,
Посажу тебе, сестрица,
На белом камушку,
Поставлю, сестрица,
Да тридевять каменных палат,
Закутаю, сестрица,
Да тридевять дубовых дверей,
Замкну тебе, сестрица,
За тридевять золотых замков,
Поставлю, сестрица,
Да тридевять караульщичков».
Як приехал царь крымско́й
Со чистого поля,
Со чистого поля,
От зеленой дубровы,
Ударил царь крымской
Об Юрьины воротики.
Да тридевять караульщичек
Да усе разбегалися,
Да тридевять дубовы́х дверей
Усе раскутались,
Да тридевять золотых замков
Усе разомкнулись,
Да тридевять каменных палат
Усе развалились.
Отсталась Аннушка

На белом камушку,
Ударилась Аннушка
Об сырой белóй камúнь.
Иде Аннушка палá —
Там церковь посталá,
Иде ручки да ножки —
Там елки, сосонки,
Где буйная головка —
Там крутые горки,
Где русая кóса —
Там темные лéсы,
Иде цветные платья —
Там зеленый лес,
Иде кровь проливала —
Там синия мóря.

МАТЬ ВСТРЕЧАЕТ ДОЧЬ В ТАТАРСКОМ ПЛЕНУ

1

Как за речкою
Да за Дарьею
Злы татарове
Дуван дуванили.
На дуваньице
Доставалася,
Доставалася
Теща зятю.
Вот повез тещу зять
Во дикýю степь,
Во дикýю степь
К молодой жене.
«Ну и вот, жена,
Те работница,
С Руси русская
Полоняночка.
Ты заставь ее
Три дел делати:
Первóе дело —
Куделю прясть,

Другое дело —
Лебедей стеречь,
А и третье дело —
Дитю качать».
Полоняночка
С Руси русская
Она глазками
Лебедей стережет,
А ручками
Кудель прядет,
А ножками
Колыбель колыша́т.
Ох, качает дитя,
Прибаюкивает:
«Ты баю-баю,
Боярский сын!
Ты по батюшке
Зол татарченок,
А по матушке
Ты русеночек,
А по роду мне
Ты внученок
И моих черев
Ты урывочек:
Ведь твоя-то мать
Мне родная дочь,
Семи лет она
Во полон взята,
На правой груди в ней
Есть и родинка,
На лево́й ноге
Нет мизинчика.
Мне бить тебя —
Так грех будет,
Мне дитей назвать —
Мне вера не та».
Услыхали то
Девки сенные,
Прибежали оне
К своей барыне.
«Государыня
Наша барыня!

Полоняночка
С Руси русская
Она глазками
Лебедей стережет,
А ручками
Кудель прядет,
А ножками
Колыбель колышáт,
Ох, качает дитя,
Прибаюкивает:
„Ты баю-баю,
Боярский сын!
Ты по батюшке
Зол татарченок,
А по матушке
Ты русеночек,
А по роду мне
Ты внученок
И моих черев
Ты урывочек:
Ведь твоя-то мать
Мне родная дочь,
Семи лет она
Во полон взята,
На правой груди в ней
Есть и родинка,
На левóй ноге
Нет мизинчика.
Мне бить тебя —
Так грех будет,
Мне дитей назвать —
Мне вера не та“».
Что стучит-грючит,
По сеням бежит,
По сеням бежит
И дрожа дрожит, —
Дочка к матери
Повалилася,
Повалилася
Во резвы ноги:
«Государыня
Моя матушка!

Не спознала тебя,
Моя родная.
Ты бери ключи,
Ключи зóлоты,
Отпирай ларцы,
Ларцы кованы,
Ты бери казны
Сколько надобно,
Ты ступай-ко, мать,
Во конюшенку,
Ты бери коня
Что ни лучшего,
Ты беги, беги, мать,
На святую Русь».
— «Не поеду я
На святую Русь,
Я с тобой, дитя,
Не расстануся».

2

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татаровья полон делят,
То тому, то сему по добру коню;
А как зятю теща доставалася,
Он заставил ее три дела делать:
А первое дело — гусей пасти,
А второе дело — бел кужель прясти,
А третье дело — дитя качать.
И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бел кужель пряду,
И я ноженьками дитя качаю:
«Ты баю-баю, мило дитятко,
Ты по батюшке злой татарченок,
А по матушке родной внученок,
У меня ведь есть приметочка,
На белой груди что копеечка».
Как услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
«Ты родная моя матушка,
Ах ты что давно не сказалася?

Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованые ларцы
И бери казны сколько надобно,
Жемчугу да злата-серебра».
— «Ах ты милое моя дитятко,
Мне не надобно твоей золотой казны,
Отпусти меня на святую Русь:
Не слыхать здесь петья церковного,
Не слыхать звону колокольного».

3

Не шум шумит, не гром гремит —
Молодой турчан свой плен делит:
Досталася зятю теща.
Еще зять теще три дела дал:
Перво́ дело́ — гусей пасти,
Другое дело — постелька стлать,
Третье дело — дитя качать.
«Баю-баю, бай, молодой турчан!
Мне бить тебя — мне грех будёт,
Бранить тебя — мне жаль будёт,
Дитёй назвать — той веры нет.
Твоя-то мать мне дочь была,
Семи годов во плен взята,
Тридцатой год в плену живет».
Услышала турчаночка,
Услышала молодая:
«Ах ты матушка, мать родимая!
Не твое дело гусей пасти,
Не твое дело постелька стлать,
Не твое дело дитя качать,
Твое дело по саду гулять.
Скидывай шубу сыромятную,
Надевай шубу соболиную,
Поди по двору княгинею».
— «Не сниму я шубы сыромятныя,
Не пойду по двору княгинею;
Отпустите меня на волюшку,
Что на волюшку — на бе́лую Русь,
На белую Русь к царю белому,
К царю белому Петру Первому».

РУССКАЯ ДЕВУШКА В ТАТАРСКОМ ПЛЕНУ

1

Посидимте-ка мы, братцы, да побеседывам,
Уж мы скажемте, ребята, про старинушку,
Уж мы скажемте, ребята, про старинушку,
Мы про старую старинку, про бываличинку,
Мы про старую старинку да про бываличинку,
Да как то не пыль, братцы, и не копоть подымается,
И не пыль то, братцы, знать, не копоть
подымалася —
Воевали, бушевали три татарченка,
Воевали, бушевали три татарченка,
Они били-разбивали нов Чернигов-город,
Они били-разбивали да нов Чернигов-город,
Выбивали басурманы да стены каменны,
Выбивали басурманы да стены каменны,
Выбирали басурманы много множества,
Много множества, собаки, золотой казны,
А еще того побольше чиста жемчуга.
Выезжали басурманы во дику́ю степь,
Во дикую степь, степь Саратовску,
Становилися, собаки, при раздольице,
При таком большом раздолье при широкима,
Рассыпа́ли басурманы золоту казну,
Золоту казну, злы собаки, на три стороны,
Возметали басурманы на три жеребья.
А один-то вор-собака да к жеребью нейдет,
А один-то вор-собака к жеребью нейдет,
Он берет же красную девицу без жеребья,
Молодую душу он Фамельшу дочь Никитичну.
Он и взял же девчонку за белы руки,
Он повел ее, собака, во бело́й шатер,
Он повел ее, собака, во белой шатер,
И стал же басурманин насмехатися,
И стал же басурманин насмехатися
Да над ее ли да белым телом надругатися.
Закричала же девчонка громким голосом:
«Уж ты брат ли мой, братец, сын купеческий!
Ты не отдай-ка ты меня, братец, злым татарченкам

Надо мною, над девчонкой, насмехатися,
Надо мною, над девчонкой, насмехатися,
Над моим ли-то белым телом надругатися».
Наезжал на них, собаков, злой охотничек,
Одного же он да он конем стоптал,
Одного же он собаку да он конем стоптал,
А другого басурмана он к хвосту привязал,
А другого басурмана он к хвосту привязал,
А третьего-то он собаку топором срубил.
Он размыкал их кости по дикою степи,
А молоду душу он девчонку он к себе ее взял,
А молоду душу он девчонку он к себе ее взял,
А молоду душу Фамельшу дочь Никитичну.

2

Не спалось-то мне, красной девушке,
Ночку не дремалось,
Уж и много-то мне во сне виделось:
Уж как будто бы подымалися ветры-ветерочки,
Со палат верхи посносило,
В терему двери растворялись,
На столах яствы расплескались.
За столом сидит злой-лихой татарин,
Перед ним стоит красна де́вица,
Русская полонянка;
Перед ним-то стоючи,
Сама слезно плачет.
Уж как злой-лихой татарин
Девушку плакать унимает,
Белым платком слезы
Он ей утирает:
«Ты не плачь, не плачь, красная де́вица,
Русская полонянка,
Я сошью-то, сошью тебе кунью шубочку
С дорогими соболями,
Я солью, солью золот перстень
С дорогим алмазом».
Ему девушка отвечала:
«Ты не шей, не шей кунью шубочку
С дорогими соболями,
Ты не лей, не лей золот перстень

С дорогим алмазом,
Ты пусти, пусти девушку на волюшку,
На свою прежнюю сторонушку!»
Он девушке отвечает,
А на волю ее не пущает.

3

Среди торосинушки, середь площади
Тут ходит, тут бродит злой татарченок,
За собой водит он красну девушку,
Красну девушку полоняночку,
Отдает он красну девицу во постельницы,
Он и просит за девонюшку пятьдесят золотниц,
За всякую золотницу по пятьсот рублей.
Тут не выбралось купчинушку из всей Москвы,
Только выбрался один удаленький добрый молодец,
Он выдамши свои денежки сам задумался:
«Не пропали мои денежки пятьдесят золотниц:
На девушке шелков пояс на тысячу,
На головушке ала ленточка в две тысячи,
На ручушке золот перстень — цены нет;
А мне красна девушка в барышах пришла».

4

Не белая лебедка в перелет летит —
Красная девушка из полону бежит;
Под ней добрый конь растягается,
Хвост и грива у коня расстилаются,
На девушке кунья́ шуба раздувается,
На бело́й груди скат жемчуг раскатается,
На бело́й руке злат перстень как жар горит.
Выбегала красна девушка на Дарью-реку,
Становилась красная девушка на крутой бережок,
Закричала она своим звычным голосом:
«Ох ты сгой еси, матушка Дарья-река!
Еще есть ли по тебе броды мелкие,
Еще есть ли по тебе калины мосты,
Еще есть ли по тебе рыболовщички,
Еще есть ли по тебе перевозчички?»
Неоткуль взялся перевозчичек,

Она возговорила своим нежным голосом:
«Перевези-ка ты меня на ту сторону,
К отцу, к матери, к роду-племени,
К роду-племени на святую Русь.
Я за то плачу тебе пятьсот рублей,
А мало покажется — восемьсот рублей,
А еще мало покажется — ровно тысячу.
Да еще плачу я добра коня,
Да еще плачу с плеч кунью шубу,
Да еще плачу с груди скат жемчуг,
Да еще плачу свой золóт перстень,
Свой золóт перстень о трех ставочках:
Первая ставочка во пятьсот рублей,
А вторая ставочка в восемьсот рублей,
А третья ставочка ровно в тысячу,
Самому́ перстню сметы нету-ка».
— «А пойдешь ли, красна девица, замуж за меня?»
— «Сватались за меня князья и боярины,
Так пойду ли я за тебя, за мордовича?»
Бежали за девушкой два погонщичка,
Два погонщичка, два татарина.
Расстилала красна девица кунью шубу,
Кидалась красна девица во Дарью-реку,
Тонула красна девица, словно ключ ко дну.

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ И ТАТАРЫ

1

Воздалече то было, воздалеченьки,
Пролегала степь-дороженька.
Да никто по той дороженьке не хаживал,
Как и шел там, прошел с тиха Дона малолеточек.
Обнимала того малолеточка да темная ноченька.
«Как и где-то я, младец, ночку ночевать буду?
Ночевать я буду во чистом поле на сырой земле.
Как и чем-то я, добрый молодец, приоденуся?
Приоденусь я, младец, своей тонкой бурочкой,
В голова-то положу с-под седла подушечку».
Наезжали на младца три татарина-басурманина.
Как один-то сказал: «Я его ружьем убью»;

А другой-то сказал: «Я его копьем сколю»;
Как и третий-то сказал: «Я его живьем возьму».
Как и тут-то ли душа добрый конь полохается,
Оттого-то ли младой малолеточек пробуждается,
На злых басурманинов младец напускается:
Одного-то он с ружья убил,
Другого шельму басурманина он копьем сколол,
Как и третьего татарина он в полон взял.

2

Из Крыму было, Крыму, из Нагаю,
Бежал тут млад невольничек из неволи,
Из той ли из Орды, братцы, из поганой.
Подходит млад невольничек ко Дунаю,
Изыскивал песчаного переходу.
Бессчастьицо на молодца приходило —
На тое время тихой Дунай становился,
Он тоненьким ледочком покрывался,
Молоденьким снежочком засыпался,
Лютыми морозами укреплялся.
Слезет молодец со добра коня,
Запел-то он с горя песню:
«Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ль ты родимая,
Родимая, прохладливая!
Знать-то, мне на тебе не бывати,
Отца с матерью не видати».

3

Эй, млад-то невольничек,
Эй, как бежал-то, бежал
Млад-то невольничек
Из плена, из неволи,
Эй, из плена, из неволи.
Эй, выбегал-то он,
Млад-то невольничек,
На Дунай на реченьку,
Эй, на Дунай на реченьку.
Эй, становился же
Млад-то невольничек

На крут бережечек,
Эй, на крут бережечек.
Эй, как глядел-то, глядел
Млад-то невольничек
Что вниз по Дунаю,
Эй, что вниз по Дунаю.
Эй, он искал-то, шукал,
Млад-то невольничек,
Себе переходу,
Эй, себе переходу.
Эй, он искал-то, шукал,
Млад-то невольничек,
Себе мелкого броду,
Эй, мелкого броду.
Не нашел-то его
Млад-то невольничек,
Сам слезно заплакал,
Эй, сам слезно заплакал:
«Что не быть-то мне,
Доброму молодцу,
На святой Руси,
Эй, на святой Руси.
Эй, не видать-то мне,
Доброму молодцу,
Отца с матерью,
Эй, отца с матерью.
Эй, не видать-то мне,
Доброму молодцу,
Мне роду-племени,
Эй, роду-племени».

ЩЕЛКАН

1

А и деялося в Орде,
Передеялось в большой.
На стуле зо́лоте,
На рытом ба́рхате,
На червчатой камке,

Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Одного не пожаловал —
Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал —
Его дома не случилося,
Уезжал-то млад Щелкан
В дальную землю Литовскую,
За моря синея;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты;
С князей брал по сту рублев,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублев;
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царския невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублев,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет:

Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога —
Царская жалованье,
Государево величество,
А нельзя, дескать, тое узды
Ни продать, ни променять,
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев,
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи».
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацади,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебе пожалою
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи».
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,

Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия,
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи.
И втепоры млад Щелкан
Он судьею насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьею сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадские
Они жалобу приносили
Двум братцам родимыем,
Двум удалым Борисовичем.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками,
И понесли они честные подарки —
Злата, серебра и скатного земчуга.
Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича, —
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся,
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

2

На стуле на бархате,
На златом, на ременчатом,
Сидел туто Возвяк,
Да Возвяк сын Таврольевич,
Да дело присуживал да приговаривал,
Да князей-бояр жаловал
Он селами, поместьями,
Города с пригородками.
Он Фому дарил Тотьмою,
А Ерему Новым-городом.
Да любимого зятюшка
Щелкана Дудентьевича
Его тут не случилося,
А уехал Щелканушко
Во землю дальнюю
Ради дани да выходу,
Ради чертова правежа.
Он с поля брал по колосу,
С огорода — по курице,
С мужика — по пяти рублей;
У кого как пяти рублей нет —
У того он жену берет,
У кого как жены нет —
У того так самого берет.
(Вот как он там дань собирал!)
У Щелкана не вырядишься,
Со двора вон не вывернешься.
Да приехал Щелканушко
Из земли из дальние
Да и прямо к царю на широкий двор.
«Уж ты царь Возвяк,
Да Возвяк сын Таврульевич!
Ты, царь, суды рассуживал,
Дела приговаривал,
Да князей-бояр жаловал
Ты селами, поместьями,
Города с пригородками.
Ты Фому дарил Тотьмою,
А Ерему Новым-городом.
Ты любимого зятюшка

Да Щелкана Дудентьевича
Подари Тверью-городом,
Только Тверью-то славною,
Только Тверью богатою».
И говорит тут царь Возвяк,
Да Возвяк сын Тавролъевич:
«Ой же Щелканушко,
Щелкан сын Дудентьевич!
Заколи чада милого,
Только сына любимого,
Нацеди чару руды,
Только чару серебряную,
Да и выпей-ка ту чару руды,
Стоючи перед Звягой-царем,
Перед Звягой Таврульевичем,
И подарю Тверью-городом,
Только Тверью-то славною,
Только Тверью богатою».
Да и тут-то Щелканушко,
Щелкан сын Дудентьевич,
Заколол-то чада милого,
Только сына любимого,
Нацедил-то чару руды,
Только чару серебряную,
Да и выпил ту чару руды,
Стоючи перед Звягой-царем,
Перед Звягой Таврульевичем.
И подарил-то Тверью-городом,
Только Тверью-то славною,
Тою Тверью богатою.
И поехал Щелканушко
Он во землю во дальнюю.
А заехал ко Марье Дудентьевне,
К сестрице родноей.
«Ты прости-ко, сестрица родна».
Говорит ему Марья Дудентьевна,
Говорит ему сестрица родна,
Токо Марья Дудентьевна:
«Да ой же ты брателко
А Щелкан сын Дудентьевич!
Как бы тебе, брателко,
Туда уехати,

Назад не приехати.
Остыть бы те, брателко,
На вострохм копье,
На булатном на ножичке,
Как заколол ты сына милого,
Только чада любимого,
Ради Твери-города,
Ради Твери-то славные,
Только ради Твери богатые».

ПЕСНИ XVI ВЕКА

КОСТРЮК

1

В годы прежния,
Времена первоначальныя,
При бывшем вольном царе
При Иване Васильевиче,
Когда холост был государь,
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он женитися.
Берет он, царь-государь,
Не у себя в каменной Москве,
А берет он, царь-государь,
В той Золотой Орде,
У того Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича,
Он Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
Купаву крымскую,
Царицу благоверную.
А и царского поезду
Полторы было тысячи:
Князи-бояра, могучие богатыри,
Пятьсот донских казаков,
Что ни лутчих добрых молодцов.
Здравствует царь-государь
Через реки быстрыя,
Через грязи смоленския,
Через лесы брынския,
Он здравствует, царь-государь,
В той Золотой Орде,

У того Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича.
Он понял, царь-государь,
Царицу благоверную
Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
И взял в провожатые за ней
Триста татаринов,
Четыреста бухаринов,
Пятьсот черкашенинов
И любимого шурина
Мастрюка Темрюковича,
Молодого черкашенина.
Уж царского поезду
Без малого три тысячи,
Везут золоту казну
Ко царю в каменну Москву.
Переехал царь-государь
Он реки быстрыя,
Грязи смоленския
И лесы брынския,
Он здравствует, царь-государь,
У себя в каменной Москве,
Во палатах белокаменных,
В возлюбленной крестовой своей:
Пир навеселе,
Повел столы на радостех.
И все ли князи-бояра,
Могучие богатыри
И гости званые,
Пятьсот донских казаков
Пьют, едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают.
А един не пьет да не ест
Царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
И зачем хлеба-соли не ест,
Зелена вина не кушает,
Белу лебедь не рушает?
У себя на уме держит:

Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов
И по себе борца не нашел;
И только он думает —
Ему вера поборотися есть
У царя в каменной Москве,
Хочет царя потешити
Со царицею благоверною
Марьею Темрюковною,
Он хочет Москву загонять,
Сильно царство Московское.
Никита Романович
Об том царю доложил,
Царю Ивану Васильевичу:
«А и гой еси, царь-государь,
Царь Иван Васильевич!
Все князи-бояра,
Могучие богатыри
Пьют, едят, потешаются
На великих на радостех.
Один не пьет, не ест
Твой царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин,
У себя он на уме держит —
Вера поборотися есть,
Твое царское величество потешити
Со царицею благоверною».
Говорит тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты садися, Никита Романович,
На добра коня,
Побеги по всей Москве,
По широким улицам
И по частым переулочкам».
Он будет, дядюшка
Никита Романович,
Середь Урья Повольского,
Слободы Александровы, —
Два братца родимые
По базару похаживают,
А и бороды бритые,

Усы торженые,
А платья саксонское,
Сапоги с раструбами,
Об ручку ту дядюшке челом:
«А и гой еси ты, дядюшка
Никита Романович!
Кого ты спрашиваешь?
Мы борцы в Москве похваленые,
Молодцы поученые, славные».
Никита Романович
Привел борцов ко дворцу,
Говорили тут борцы-молодцы:
«Ты Никита Романович,
Ты изволь об том царю доложить —
Сметь ли нага спустить
С царским шурином
И сметь ли его побороть?»
Пошел он, Никита Романович,
Об том царю доложил,
Что привел борцов ко дворцу.
Злата труба протрубила
Во палате белокаменной,
Говорил тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты Никита Романович,
Веди борцов на двор,
На дворец государевой,
Борцов ученыех,
Молодцов похваленыех,
И в том им приказ отдавай:
Кто бы Мастрюка поборол,
Царского шурина,
Платья бы с плеч снял
Да нагого с круга спустил,
А нагого, как мать родила,
А и мать на свет пустила».
Послышал Мастрюк борцов,
Скачет прямо Мастрюк
Из места большего,
Из угла переднего,
Через столы белодубовы,
Через ества сахарныя,

Чрез питья медяныя;
Левой ногой задел
За столы белодубовы,
Повалил он тридцать столов
Да прибил триста гостей:
Живы, да негодны,
На карачках ползают
По палате белокаменной —
То похвальба Мастрюку,
Мастрюку Темрюковичу.
Выбежал тут Мастрюк
На крылечка красное,
Кричит во всю голову,
Чтобы слышал царь-государь:
«А свет ты вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю!»
С борцами сходится
Мастрюк Темрюкович,
Борьба его ученая,
Борьба черкасская,
Колесом он бороться пошел.
А и малой выступается
Мишка Борисович,
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь,
И смотрят их борьбу князи-бояра
И могучие богатыри,
Пятьсот донских казаков.
А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю
Он царского шурина,
Похвалил его царь-государь:
«Исполать тебе, молодцу,
Что чисто борешься!»
А и Мишка к стороне пошел, —
Ему полно боротися.
А Потанька бороться пошел,

Костылем попирается,
Сам вперед подвигается,
К Мастрюку приближается.
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю.
Мастрюк без памяти лежит,
Не слыхал, как платья сняли.
Был Мастрюк во всем,
Стал Мастрюк ни в чем,
Ожерелья в пятьсот рублев
Без единые денежки,
А платья саксонского
Снял на три тысячи;
Со стыду и сорому
Окарачках под крылец ползет.
Как бы бела лебедушка
По заре она прокликала,
Говорила царица царю,
Марья Темрюковна:
«Свет ты вольной царь
Иван Васильевич!
Такова у тебя честь добра
До любимого шурина?
А детина наругается,
Что детина деревенской,
Почто он платья снимает?»
Говорил тут царь-государь:
«Гой еси ты, царица во Москве
Да ты Марья Темрюковна!
А не то у меня честь во Москве,
Что татары те борются, —
То-то честь в Москве,
Что русак тешится!
Хотя бы ему голову сломил,
Да любил бы я, пожаловал
Двух братцов родимыех,
Двух удалых Борисовичев».

2

У нас то было на святой Русе,
На свято́й Русе, в каменно́й Москве,
Был-жил царь тут Иван Васильевич.
Поизволил царь Иван Васильевич женитися
Во дальней земле во Литовской,
У того ли короля у литовского,
На дочери его на Марье Демрюковне.
Собирал он свою силу могучую,
Посылал во землю во Литовскую.
Похо́дит сила во землю во Литовскую,
Отбирает сила Марью Демрюковну,
На придаток берет триста татаровей.
Поезжал Кастрюк-Мастрюк,
Поезжал Демрюков сын,
Молодой черкашенин.
Приезжали ребята в каменну́ Москву,
Заводил ли царь Иван Васильевич
Про шурина почестный пир,
Про Кастрюка-Мастрюка сына Демрюкова.
Кастрюк-Мастрюк за столом сидит,
Хлеба с солью не ест, пива с медом не пьет,
Зелена́ вина не кушает,
Белой лебеди не рушает,
На кого лихо думает.
Говорит царь Иван Васильевич:
«Ой ты гой еси, Кастрюк-Мастрюк,
Ой ты гой еси, Демрюков сын,
Молодой черкашенин!
Ты зачем хлеба с солью не ешь,
Ты зачем пива с медом не пьешь,
Зелена́ вина не кушаешь,
Белой лебеди не рушаешь?
На кого лихо думаешь?»
Отвечает Кастрюк-Мастрюк:
«Грозен царь Иван Васильевич!
А затем хлеба с солью не ем,
А затем пива с медом не пью,
Зелена вина не кушаю,
Белой лебеди не рушаю, —
На тебя лихо думаю.

Я хочу у тебя, царя, спрашивати,
Есть ли у тебя в каменной Москве
Таковы умельны борцы
С Кастрюком поборотися,
С Мастрюком по-татарскому,
Со царевым со шурином?»
Говорит царь Иван Васильевич:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
Свет Никита Романович!
Да поди-ко ты, дядюшка,
На крылечко на красное,
Стань на сер на горюч камень,
Закричи-ко ты, дядюшка,
Во всю буйну голову,
Чтоб учули в каменной Москве.
Борца ты спрашивай,
Борец нам надобно
С Кастрюком поборотися,
С Мастрюком по-татарскому,
С моим со шурином».
Походит дядюшка,
Свет Никита Романович,
На крылечко на красное,
Привздымался дядюшка
На сер на горюч камень,
Закричал дядюшка
Во всю буйну голову,
Чтоб учули в каменной Москве.
Из избёнышка маленького,
Из дворёнушка худенького
Бежат два молодчика —
Васенька маленький
Да Потанюшко хроменький.
Бежат они, ребятушки,
Ко дворцу государеву,
Ко крылечку ко красному,
Говорит тут Васенька,
Говорит маленький:
«Ах ты гой еси, дядюшко,
Свет Никита Романович!
Что, дядя, надобно,
Чего, дядя, спрашиваешь?»

— «Ой ты гой еси, Васенька,
Ой ты гой еси, маленький!
Борец нам надобно
С Кастрюком побоpотися,
С Мастрюком по-татарскому,
Со царевым со шурином».
— «Никита Романович!
Каково с ним боротися?
Он ведь шурин царев:
Надо — царь вины не положил».
Отвечает дядюшка,
Свет Никита Романович:
«Лишь бы как бог пособил,
Не будет вина на тебе!»
Сказали Кастрюку за столом,
Сказали Мастрюку за столом:
«На улице борец у царя!»
Кастрюк из засто́лья вскочил,
Побежал он на улицу,
Побежал он боротися,
Скамью ногой поткнул.
Говорит ему сестрица
Марья Демрюковна:
«Ой ты гой еси, брателко,
Ой ты гой, Кастрюк-Мастрюк,
Ой ты гой, Демрюков сын,
Молодой черкашенин!
Не ходи ты боротися:
Тебе перво несчастьице —
Ты не ладно за ска́мью скочил,
Скамью ногою поткнул».
Не во́ймует Кастрюк-Мастрюк,
Побежал он на улицу,
Побежал он боротися.
Тут Васенька похаживает,
Маленький погуливает:
«Ой ты гой. Кастрюк-Мастрюк,
Ой ты гой, Демрюков сын,
Молодой черкашенин!
Мы как станем боротися:
На свои буйны головы
Иль на платье цве́тное?»

Говорит Кастрюк-Мастрюк:
«Мы станем боротися
На свои буйны головы!»
Говорит ему Васенька:
«Не хочу с тобой боротися
Через буйные головы:
Ты ведь шурин царев,
Надо — царь вины не положил.
Станем боротися
Через платье цвéтное:
Кому бы кого одолить,
До нитки платье снять,
Того ли на срам спустить».
Васька Кастрюка прихватил,
Васька Кастрюка о землю бросúл,
К земле Васька коленцем прижал,
До нитки с Кастрюка платье обрал,
Нагого на срам спустил.
Побежал Кастрюк-Мастрюк
Ко дворцу государеву,
От срама он, горе, прикрывается,
Бежит ему встрету сéстрица,
Несет платье цветное.
Кастрюк оболокается,
Из Москвы вон сряжается:
«Царь Иван Васильевич!
У нас этак не водится,
У нас этак не борятся:
Кому бы кого одолить,
До нитки бы платье снять,
Да того на срам спустить,
Честным людям на посмешище!»
Говорит Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Не сердись, Кастрюк-Мастрюк,
То не мною приказано,
Приказал то дядюшка,
Свет Никита Романович».
— «Спасибо те, зятюшко,
Царь Иван Васильевич,
На твоёй каменнóй Москве!
Да не дай бог мне больше бывать

Во твоёй каменнбй Москве,
А не то бы мне, да и детям моим!»

3

При нынешних при царях,
При досюлешних королях
Царица-то крымская,
Упала татарская
У царя сдоложилася,
А с Кострюком подумилася,
С молодым сговорилася
Ехать во землю во русскую,
В сильно царство Московское
Отведать сила богатырская,
Плечо молодецкое.
И снарядились и поехали.
До Москвы не доедучи,
Середи поля чистого,
Середи луга зеленого
Шатры раздернули
Белополотняные,
Столы расставили
Белодубовые.
И пишет ерлык скорописчатый,
Посылает посла в каменну Москву:
«Ай же ты молодой посол!
Нейдь прямо воротами,
А идь чрез стену городовую
Прямо на царский двор
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Ко колечку золоченому,
Прикуивай-привязывай
Своего коня доброго,
А поди в палату белокаменну,
Во гривню столовую,
Бела лица не крести,
А государю челом не бей,
А грамоту посольную
Положи на дубовый стол,

Говори царю не с укладкою,
Говори со прикладкою:
„Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!
Вот тебе грамота посольная
От Кострюка сына Кострюкова.
Чисти улки с приулками,
Дворы с придворками,
Конюшни споражнивай,
И дворы разглаживай,
И питья размеривай,
Ества налаживай,
Ества сахарние,
Питья медвяные;
И выважживай-налаживай
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами
И удалых добрых молодцев ширинками.
Едет Кострюк Кострюков сын,
Молодой черкашенин,
С царицею крымскою,
С упалой татарскою,
Едет в Москву поборотися,
Отведать сила богатырская,
Плечо молодецкое:
Тридцать орд воевал,
Тридцать борцов борол,
Не мог отведать силы богатырскоей,
Плеча молодецкого.
А не дашь ему борчика,
Удала добра молодца, —
Всё царство твое приплепит
И головней покатит,
А тебя, царя, в полон возьмет"».
И поехал молодой посол,
Татарин нечистыий,
Татарин поганыий,
В землю во русскую,
В сильно царство Московское.
Не ехал он воротами,
Ехал прямо чрез стену городовую,
Заехал он на царский двор

Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Колечку золоченому,
Прикуивал-привязывал
Своего коня доброго,
Идет в палату белокаменну,
Во гривню столовую,
Бела лица не крестит,
А государю челом не бьет,
Кладывает грамоту посольную
На дубовый стол
И говорит царю не с укладкою,
Говорит со прикладкою:
«Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!
Вот тебе грамота посольная
От Кострюка сына Кострюкова.
Чисти улки с приулками,
Конюшни споражнивай,
Дворы разглаживай,
Питья размеривай,
Ества налаживай;
Ества были бы сахарние,
А питья медвяные;
И выváживай-налаживай
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами,
Удалых добрых молодцев ширинками».
Убоялся тут Грозный царь
Иван Васильевич
Грозы великия Кострюковыя:
И тут чистил улки с приулками,
Конюшни споражнивал,
Дворы разглаживал,
Питья медвяные размеривал,
Ества сахарние налаживал,
Тут выváживал-налаживал
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами,
Удалых добрых молодцев ширинками.
И наехал тут Кострюк Кострюков сын
На широкий двор на царскиий

Ко крылечку переному;
Идет по нову крыльцу,
Переклады гиблются,
Переходы колыблются,
Ступеньки подгибаются,
Идет в палату белокаменну,
Во гривню столовую,
Не крестит бела лица,
А государю челом не бьет,
А садится за столы дубовые,
За ества сахарние,
За питья медвяные.
И сидит за столом за дубовыим,
Не ест, не пьет, не кушает
И белы лебеди не рушает.
И говорит тут Грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты Кострюк Кострюков сын,
Молодой черкашенин!
Не ешь, не пьешь, не кушаешь
И белой лебеди не рушаешь?»
А царица-то крымская,
Поляница удалая,
Говорит царю:
«Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!
Дал бы Кострюку,
Дал бы ты удалому
Борца поборотися,
Отведать сила богатырская,
А плечо молодецкое,
Тошто бы стал Кострюк
Есть, пить, кушати
И бела лебедь рушати.
А не дашь ему борчика,
Удала добра молодца,
Отведать сила богатырская,
Плечо молодецкое,
То всё твое царство припленит
И головней покатит,
А тебя, царя, в полон возьмет».
Тут говорит Грозный царь

Иван Васильевич:
«Ай же ты Федька-дьяк,
Молодой посол!
На ножку припадывашь,
Сподлобья выглядывашь.
Поди-ко выскочи
Середи царства русского,
Государства Московского
И закрычи во всю голову,
Чтобы слышно было во всю Москву:
Есть ли в Москвы борцы
Добры молодцы?»
В Москвы борцов не случилося,
Случилось с Подпятницкой пятины,
С Подвологодской стороны
Два братца родимыих,
Они дети Андреевы,
Родом поволжана:
Одного зовут Федькою,
А другого Михалкою.
Федька-то хвалится,
А Михалка нарывается
С Кострюком поборотися,
С молодым поломатися.
Будут борцы на дворцы,
Удалы добры молодцы,
И говорит Грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты Кострюк Кострюков сын!
Хлеб да соль на столе,
А бог тебе на стены,
А удалы добры молодцы
На дворе стоят».
Не орел головы здынул,
А Кострюк чрез стол скочил,
Зацепил ногой за скамью,
Тридцать татаровей придавил,
Тридцать поганыих задавил.
Татара лежат,
Будто мыши пищат,
А сами клянутся да проклинаются:
«Дай тебе господи

Скоком на двор идти,
А со двора раскоракою».
Он Михалку раз поткнул,
И в другой поткнул,
И третий поткнул —
Стоит Михайла не шатнется,
И желты кудри не стряхнутся.
Говорит Михайла-борец,
Удалой доброй молодец:
«Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!
Благослови-ко Кострюка бороть,
Благослови-ко молода бороть,
И благослови рука-нога ломить,
А глаз вон воротить».
Говорит Грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты Михайла-борец,
Удалой доброй молодец!
Еще бог тебе пособил бы
Кострюка побороть, молодого одолеть,
И рука-нога ломить,
И глаз вон выворотить».
Тут Михайла-борец,
Удалой доброй молодец,
Припадывал пониже себя,
Выздымливал повыше себя,
Выше церкви соборныя
Михаила Архангела,
Креста Благовещенска,
Ивана Великого,
Опускал о сыру землю.
Тут на нем кожа-то треснула
С белой шеи до гузна,
Рубашка-то лопнула;
Руку-ногу сломил
И глаз выворотил.
Тут царица крымская,
Поляница удалая —
В упалу приехала,
А не в упалу поехала —
Поехала по задним по выходам.

4

А кто бы то дознал,
Когда белый свет настал,
Праведно солнце взошло,
Ясен месяц восходил?
Севрук тое дознал,
Когда белый свет настал,
Праведно солнце взошло,
Ясен месяц восходил.
«А вы люди стародавние!
А давно вы живете,
Ничего не смыслите.
Либо мне хлеба-соли ставьте,
Либо мне борцов дайте,
Либо мне голову срубите».
— «Вот тебе хлеб-соль на столе
И бойцы на дворе,
А головушки не будем рубить».
Распился Севрук,
Разгулялся Севрук,
Семьсот казаков заборол,
Восемьсот татаринов,
Девятьсот удалых добрых молодцов.
Что идут-пройдут донцы,
Добры удалы молодцы,
Набок колпаки поскривлючи,
Под бок кулаки зазымляючи,
Своего бога похваляючи:
«А дай нам, боже, Севрука подолеть
И с кореньями повывертеть».
Пришли они, подивилися,
За белые груди взялися;
Как подымут Севрука
Вон повыше себя,
Как ударят Севрука
Об сыру землю,
Севрук глаза вытрещил,
Севрукова кожа лопнула,
Все ребрушки посыпались,
Все косточки повыломались.
А Севрукова мать

По новых сенцах похаживает,
Белые ручки поламливает:
«А скурвий сын,
А проклятый сын!
И начто было заводиться,
И начто было зазымливаться!»
Пошла слава по всем северу,
Очутилася и в Киеву.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

1

Ох вы гости, гости званые,
Гости званые, гости браные,
Сказати ли вам, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку:
Еще как государь-царь Казань-город брал.
Он в овражке простоял — он и кашку расхлебал,
В другом простоял — он другую расхлебал,
Он подкопы копал под Казанку-реку,
Он подвод подводил под Казань-город,
Он подкатывал бочки, бочки дубовые
Как со лютым со злым черным порохом,
Затеплял же он свечу воску ярого.
Татарки-казанки на стене они стояли,
На стене они стояли, ...показали:
«Еще вот те, государь-царь, Казань-город взять!»
Государево сердечко рассердитовалось,
Приказал он пушкарев казнить-вешать.
Выбиралися в полку люди умные,
Люди умные, люди разумные:
«Ох гой еси, государь-царь Иван Васильевич!
Не приказывай, государь, казнить-вешати,
Прикажи ты, государь-царь, слово выговорить:
На ветру свеча скоро топится,
В захолустьи свеча долго теплится».
Не успел же государь-царь слово выговорить,
Еще начало же Казань-город рвати,
Рвать-порывать, на все стороны кидать,
Татарок-казанок в реку всех бросать.

2

Середи было Казанского царства
Что стояли белокаменны палаты,
А из спальны белокаменной палаты
Ото сна тут царица пробужалася,
Семиону-царю она сон рассказала:
«А и ты встань, Семион-царь, пробудися!
Что ночесь мне, царице, мало спалося,
В сновиденьице много виделося:
Как от сильного Московского царства
Кабы сизой орлища стрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство наплывала».
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московски<й>,
А Иван сударь Васильевич прозритель,
Со темя ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство
за пятнадцать верст,
Становились они подкопью под Булат-реку,
Подходили под другую под реку под Казанку;
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство;
Воску ярого свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере.
Еще на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идет свеча тишея.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван сударь Васильевич прозритель,
И зáчал канонеров тут казнити,
Что началася от канонеров измена.
Что большой за меньшого хоронился,
От меньшего ему, князю, ответу нету.
Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты великий сударь-князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее».
Позадумался князь московски<й>,

Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили, —
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом,
Принималися бочки с черным порохом,
Подымало высокую гору ту,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут велики<й> князь московски<й>
На тое ли высокую гору ту,
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московского князя встречала,
А того ли Ивана сударь Васильевича прозрителя.
И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеена,
Что не встретил великого князя,
Он и вынял ясны очи косицами,
Он и взял с него царскую корону,
И снял царскую перфиду,
Он царской костыль в руки принял,
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство;
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор великая слава.

* * *

Соловей кукушку подговаривал,
Подговаривал, всё обманывал:
«Полетим мы, кукушка, во темны леса,
Мы совьем ли, кукушка, тепло гнездо,
И мы выведем малых детушек,
Малых детушек соловьятушек».
Молодец девицу подговаривал,
Подговаривал, всё обманывал:

«Мы поедем, девица, во Казань-город,
Как Казань-город на краси стоит,
Казанка-речка медом протекла,
А малы ручьи зеленым вином.
По горам-горам по высокиим
Лежат каменья самоцветные,
По лугам-лугам по зеленыим
Растет трава шелковая».
— «Не обманывай, доброй молодец,
Я сама знаю про то, ведаю,
Что Казань-город на крови стоит,
А Казанка-речка кровью протекла,
Малые ручьи горючими слезьми.
По горам-горам по высокиим
Лежат головы молодецкие,
Молодецкие, всё солдатские,
По лугам-лугам по зеленыим
Лежат кудри молодецкие,
Молодецкие, всё казацкие».

НАБЕГ КРЫМСКОГО ХАНА

А не силная туча затучилася,
А не силнии громы грянули —
Куде едет собака крымской царь?
А ко силнему царству Московскому:
«А нынечи мы поедем к каменной Москве,
А назад мы пойдем — Рязань возьмем».
А как будут они<у>Оки-реки,
А тут они станут белы шатры росставливать.
«А думайте вы думу с цела ума:
Кому у нас сидеть в каменной Москве,
А кому у нас в Володимире,
А кому у нас сидеть в Суздале,
А кому у нас держать Рязань старая,
А кому у нас в Звенигороде,
А кому у нас сидеть в Нове-городе?»
Выходит Диви-мурзы сын Уланович:
«А еси государь наш крымской царь!
А тобе, государь, у нас сидеть в каменной Москве,

А сыну твоему в Володимире,
А племнику твоему в Суздале,
А сродичу в Звенигороде,
А боярину конюшему держать Рязань старая,
А меня, государь, пожалуй Новым-городом:
У меня лежат там свет добры дни батюшка,
Диви-мурза сын Уланович».
Прокличет с небес господень глас:
«Ино еси собака крымской царь!
То ли тобе царство не сведомо?
А еще есть на Москве семьдесят апостолов
Опришенно Трех Святителей,
Еще есть на Москве православной царь.
Побежал еси, собака крымской царь,
Не путем еси, не дорогою,
Не по знамени не по черному!»

ИВАН ГРОЗНЫЙ ПОД СЕРПУХОВОМ

Царь Иван Васильевич
Копил силушку ровно тридцать лет,
Накопил силы сорок тысячей,
Накопил силушку, сам в поход пошел.
Через Москву-реку переправился,
Не дошодши города Серпуха,
Становился он в зеленых лугах
При алых светах при лазоревых;
Стал он силушку переглядывать:
Князьям-бояром перебор пришел,
Енералам всем, фельдмаршалам.
Одного из них тут не лучилося —
Что ни лучшего слуги верного,
Максима сына казачьего,
По прозванью-ту Кращекова.
Сказали царю про Мишеньку:
«Изменил тее, царю белому,
Придался он к хану турецкому,
Ко шишиморе деревенскому,
Он прельстился на ёго золоту казну,
На то ли на платье на светное,

На тех ли на сорочинычок,
По-нашему — на красных девушек».
Поутру-то было на зореньке,
На восходе красного солнышка,
Не ясен сокол по горам летал,
Не белой кречат перепархивал —
Наш-ат Мишенька с полону едет
На турецком черном шахмате,
Везет с собой две сумы переметные,
В сумах-ту сидят сорочиночки,
Турецкого хана две дочери.
Не доехавши до шатра, сам с коня слезал,
Не дошедши до царя, стал низко кланяться:
«Здравствуй, батюшка православный царь!
Не вели меня скоро ка́знити,
Прикажи мне слово молвити.
Здравствуй, батюшка православный царь,
Грозный царь Иван Васильевич,
Со славным городом со Серповым!
Возьми ты у меня двух полоняничек,
Турецкого хана двух дочерей».

СМЕРТЬ МИХАЙЛЫ ЧЕРКАШЕНИНА

<За> Зарайским городом,
За Рязанью за старою,
Из далеча чиста поля,
Из раздолья широкого
Как бы гнедого тура
Привезли убитого —
Привезли убитого
Атамана польского,
Атамана польского,
А по имени
Михайла Черкашенина.
А птицы ластицы
Круг гнезда убиваются —
Еще плачут малы его дети
Над белым телом.
С высокого терема
Зазрила молодая жена,

А плачет, убивается
Над его белым телом,
Скрозь слезы свои она
Едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи
Ко его белу телу:
«Казачья вольная
Поздорову приехали,
Тебе, света моего,
Привезли убитого,
Привезли убитого
Атамана польского,
А по имени
Михайла Черкашенина».

ОБОРОНА ПСКОВА ОТ СТЕФАНА БАТОРИЯ

Копил-то король, копил силушку,
Копил-то он, собака, двенадцать лет,
Накопил-то он силушки — сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков,
Накоплёмши он силы, на Русь пошел,
Он на Русь пошел, на три города,
На́ три города на три стольные:
На первый на город на Полотский.
На другой-то на город Вели́ки Луки́,
На третий — на батюшку на Опсков-град.
Он и Полотский город мимоходом взял,
А Вели́ки Луки́ он насквозь прошел,
Подходил он под батюшку под Опсков-град,
Становился, собака, в зеленых лугах,
Садился он, собака, во золот стул,
Смекал-то он силушку по́ три дни,
По три дни и по́ четыре:
Много ли силушки убыло,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорок рот,
А прибыло силушки сорок полков.
Тут же он, собака, возрадуется:
«Ох вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспешатели!

Мечитесь скоро в зеленые луга,
В зеленые луга государевы!
Бери свого коня бахмута,
Поезжай во батюшку в Опсков-град,
Во город въезжай — не спрашивай,
Ко двору подъезжай — не докладывай,
Во палаты восходи — не бей челом,
Клади ярлыки на дубовы столы».
За столами сидит воевода царёв
Карамышев Семен Константинович.
«Ох ты гой еси, воевода царёв
Карамышев Семен Константинович!
Отдай город Волок бéз бою,
Без бóю и без драки великия,
Без того уголовия смертного.
Я на первом часу возьму Опсков-град,
На другием часу стану чистити,
На третьем часу стану стол становить,
Стану пить, веселиться, прохлáдитися.
Князей твоих бояр всех в полон поберу,
Донских казаков всех под меч преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду».
Возгóворит воевода царёв
Карамышев Семен Константинович:
«Блудён сын король с королевичем,
С паном гетмáном Хотенóвичем
И с воинским конем Вороновичем!
Не отдам я тебе города бéз бою,
Без бóю и без драки великия
И без того уголовия смертного».
Как со вечера солдаты причащалися,
Со полýночи ружья чистили,
Ко белóй заре, как куры пропели,
Не тучá с тучëй сходилася,
Не заря со зарей смыкалася —
Сходилися два войска два великие,
Белого царя с королевскиим.
Тут ездит-разъезжает удалый добрый молодец,
Еще тот ли же воевода царёв
Карамышев Семен Константинович.
«Кому у нас на бою, братцы, божья помочь?»
Помог бог воеводе московскому

Карамышеву Семену Константиновичу:
Побил силу королевскую,
Всех латничков, сиповщичков,
Кольчужничков, барабанщичков,
Насилу король сам-третей убежал.
Бегучи́ он, собака, заклинается:
«Не дай, боже, мне во Руси бывать,
Ни детям моим, и ни вну́чатам,
И ни вну́чатам, и ни пра́внучатам».

ГНЕВ ИВАНА ГРОЗНОГО НА СЫНА

1

Когда воссияло на небе красное солнышко,
Когда становилася звезда подвосточная,
Тогда воцарился Грозный царь Иван Васильевич.
Тут забирал столованье — почестный пир,
Сбирал он всех князей, всех бояринов, сенаторов думныих,
Вельмож, купцов богатыих, поляниц да удалыих,
Сильных, могучих богатырей.
Пошло у них столованье — почестный пир,
Все на пиру напивалися,
Все на почестном наедалися,
Все похвальбами похвалялися.
Кто чем хвастает,
Кто чем да похваляется:
Инный хвастает несчетной золотой казной,
Инный хвастает силой, удачей молодецкою,
Инный хвастает добрым конем,
Инный хвастат славным отечеством,
Инный молодым молодечеством,
Умный-разумный хвастат старым батюшком,
Старым батюшком да старой матушкой,
Безумный дурак хвастает молодой женой.
Как царь по палатушке похаживат,
Царь да выговариват:
«Ай же вы князя и бояра, сенаторы думные,
Вельможи, купцы богатые, поляницы удалые,
Сильные, могучие богатыри!

Все вы у меня на честном пиру,
Все вы у меня пьяны, веселы,
Все вы у меня похвальбами похвалялися.
Я как, царь, похвастаю:
Повывел измену из Казани, Рязани и из Астрахани,
Повывел измену из Чернигова,
Да повывел измену из Нова-города,
Как повыведу изменушку из каменной Москвы».
За тыма столами дубовыма, за скамейками окольныма,
За ествами за сахарныма, за напитками медовыма
Сидел его сын да любезный Иван да Иванович,
Говорит он таковы слова:
«Ай же свет государь мой батюшка,
Грозный царь Иван Васильевич!
Небылицей ты, государь, хвастаешь,
Небылицей похваляешься».
Тут стемнел царь, как темна ночь,
Зревел царь, как лев да зверь:
«Сказывай, собака, про измену великую!
Ты на братца скажешь — так братца не видать,
На себя ты скажешь — то свою головку потеряешь».
Тут-то Иван да на две бедушки попал,
Тут-то Иван да пораздумался:
«Жаль-жаль братца, да не так, как себя».
— «Ай же свет государь мой батюшка,
Грозный царь Иван Васильевич!
Как сидит измена за одным столом,
Пьет да ест измена с одного места,
Носит платье одного сукна.
Небылицей, царь, ты хвастаешь,
Небылицей, государь, похваляешься:
Повывел ты измену из Казани и Рязани и из Чернигова,
Не мог повывести измены из Нова-города,
Подавно не вывести измены из каменной Москвы.
Потому тебе не вывести:
Когда мы были во Нове-городе,
Которыми мы с тобою улицами ехали,
Секли-рубили до единого;
Которыми улицами ехал мой старый дядюшка,
Старый дядюшка Никита Романович,

Тоже сек да рубил до единого;
На воротах мы записи повыписали,
По углам номера выставливали,
Что эти улицы плененные, казненные;
А которыми улицами ехал твой сын,
А мой братец Федор Иванович,
Так сек из пяти и десяти головы гусиные,
На воротах записи подписывал,
На углах номера повыставлял.
Тут была измена великая!»
Выходил тут царь да на крутой крылец,
Скрычал как царь да громким голосом:
«Где мои палачи немилостивы?
Берите Федора Ивановича за белы руки,
Ведите на то болото на Житное,
На ту на плаху на дубовую,
Отрубите ему голову буйную,
Предайте ему смерть да скорую».
Вси палачи да разбежалися,
Друг за друга туляются и окучаются,
Больший за среднего, средний за меньшего,
С меньшего ответу нет.
Тут скрычал царь второй након:
«Где мои палачи немилостивы?
Берите вы Федора Ивановича за белы руки,
Ведите на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую,
Отрубите ему буйну голову,
Предайте ему смерть да скорую».
Вси палачи да разбежалися,
Друг за друга туляются и окучаются,
Больший за среднего, средний за меньшего,
С меньшего ответу нет:
Потому что за царские роды приняться не осмелятся.
Скрычал как царь након третиий:
«Где мои палачи немилостивы?
Берите вы Федора за белы руки,
Ведите на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую,
Отрубите ему буйну голову,
Предайте вы ему смерть да скорую».
Как во том ряду во гостиноем,

Во той во лавке во угольныя
Стоял малая Малюта Стенька вор Скурлатов сын,
Торговал он товарами заморскима,
Услышал голос Грозного царя Ивана Васильевича —
Он на Федора Ивановича сердит-то был, —
Запирал он да свою лавочку,
Шел и брал Федора за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Выводил он Федора на крутой крылец,
Скидывал он платья цветные,
Надевал платья опальные,
Садил во карету во темную,
Повез его на то болото на Житное,
Ко той ко плахе дубовыя.
Была служанка, девка верная,
Бежала во спальну во теплую
К царице благоверноей
Ко Настасье Романовной,
Скрычала громким голосом:
«Ай же царица благоверная Настасья Романовна!
Спишь-усыпаешься, над собой невзгоды не чаешься:
Померкло наше красно солнышко,
Потухла звезда подвосточная!
Воспалился Грозный царь Иван Васильевич
На свои на царские на се́мена,
На своего на сына любезного
На Федора Ивановича,
Приказал его отвезти на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую.
Как повез его малая Малюта Стенька вор Скарлатов сын».
Она вставала на резвы ноги,
Как надевала на ноги
Одни тоненьки чулочки без чоботов,
На плеча надевала один дорогой накидничек,
Подвязалася платком она шелковыим,
Побежала она по матушки каменной Москвы
К старому братцу Никиты Романовичу.
Бежит она по матушки каменной Москвы,
Крычит да громким голосом:
«Разодвинься, народ православныий,
Дайте местечка немножечко царицы благоверныя!»

А народ-то волнуется, дивуется:
«Куда бежит царица благоверная?»
Как прибежала она к братцу родимому
Никите Романовичу,
Приходила в его палаты белокаменные,
Господу богу не молилася,
На все стороны да не клонилася,
Сама говорила таковы слова
Братцу родимому Никите Романовичу:
«Ай же ты старая курва, седатый пес!
Пьешь, ешь-кушаешь и прохлаждаешься,
Над собой невзгоды не чаешься!»
— «Ай же сестрица родимая,
Благоверная царица Настасья Романовна!
Чем тебя приобидел царь,
Грозный царь Иван Васильевич?
Что́ я захочу, то и сделаю:
Потому — у меня сидит тридцать российских могучих богатырей,
И сидит у меня дружина хоробрая».
Она говорит таковы слова:
«Как воспалился Грозный царь Иван Васильевич
На свои-то на се́мена на царские,
На Федора Ивановича,
Повез его малая Малюта Стенька вор Скурлатов сын
На то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую».
Как вставал старый Никита Романович на резвы ноги,
Говорил как сам таковы слова:
«Ай же любезный конюх мой!
Ступай-ка ты скоры́м-скоро, скоры́м-на́скоро,
Ступай на стойлы конины́е,
Бери-ка ты моего добра коня,
Не седлай, не уздай ты добра коня,
Выводи-ка ты на широкий двор».
Как сам он надевал шубу на одно плечо,
Как кладывал он шляпу на одно ухо,
Брал немилого постельника под полу под правую,
Выбежал он скоро на широк на двор,
Сам садился скоро на добра коня,
Поехал скоро по матушки по славной каменной Москвы,

Сам шляпой машет и голосом крычит:
«Разодвиньтесь-ка, народ православный,
Дайте мне местечка немножечко
Проехать старому Никите Романовичу
По матушки славной каменной Москвы!»
Как стал подъезжать ко болоту ко Житному,
Увидел, как повален племничек да крестничек
На тую плаху на дубовую;
У малого Малюты Стеньки вора сына Скурлатова
Заздынута рука правая, здынута сабля кровавая,
Спрашивал у Федора Ивановича:
«На кого ты оставишь молоду жену,
Кому оставишь несчетну золоту казну?»
Как тут закрычал старый Никита Романович
Громким голосом во всю голову:
«Съешь, волк, пса, так и выгалкнешь».
Как увидел тут малая Малюта Стенька вор
Скурлатов сын,
Увидел едучись старого Никиту Романовича
на добром коне,
Не смел спустить руки правыя, сабли кровавыя,
Отсечь буйныя головы.
Тут наехал старый Никита Романович,
Соскочил он со добра коня,
Как взимал он племничка да крестничка,
Взимал со плахи со дубовыя,
Кидал немилого постельничка
На плаху на дубовую,
И отсекли ему буйную голову,
Окровавили саблю кровавую.
Тут говорил Федор Иванович,
Говорил крестному батюшке:
«Ай же ты крестный мой батюшка
Никита Романович!
Что же нам будет от батюшка
Грозного царя Ивана Васильевича?»
Говорил тут Никита Романович:
«Ай же ты любезный мой крестничек!
Что будет над моей-то головкой над старою,
Моя головка при старости,
А твоя головка при младости».
Тут поехали во матушку во славну каменну Москву.

Как тут малая Малюта Стенька вор Скурлатов
сын
Представил он перед царскими окошками
Свою-то саблю кровавую.
Как увидел Грозный царь Иван Васильевич
Повешану саблю кровавую,
Сам как говорил да таковы слова:
«По ворах по разбойниках есть заступники,
Есть заступники, помощники крепкие,
А по нас, по семенах царскиих, не находится».
Публиковал он указы строгие
По матушки каменной Москвы,
Приказал завесить окна сукном черныим,
А по церквам велел служить он,
Служить обедни по-печальному.
У собора Успенского, у Ивана Великого
Зазвонили обедни воскресенские.
Тут Грозный царь Иван Васильевич
Всем велел надеть он платья черные,
Платья черные, все печальные.
Старый Никита Романович
Надевал шубу, которой лучше нет,
Племничку и крестничку тоже надевал
Платья, которых лучше нет.
Пошли они к обедне воскресенския,
Приходили во собор да во Успенскиий.
Тут старый Никита Романович
Становился он подле Грозного царя Ивана
Васильевича,
Племничка-крестничка брал под полу под правую,
Сам крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Клонится на все четыре стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу в особину
С царицей Настасьей Романовной:
«Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей царицей благоверною,
Со своими со царскими со сéменами!»
Как тут говорит Грозный царь Иван
Васильевич,
Говорит таковы слова:
«Ай же ты старая курва, седатый пес!

Разве ты про невзгоду не знаешь и не ведаешь,
Разве тебе да не известно было,
Аль ты надо мной да надсмехаешься?
Выду от обедни воскресенския,
Публикую я указы да строгие,
С господ со всех и князей
Со живых скуры сдеру,
А с тебя, старая курва,
Скуру сдеру и на свет не выпущу!»
Второй након он опять проздравствовал:
«Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей царицей благоверною,
Со всеми со царскими со се́менами!»
Как тут говорит Грозный царь Иван Васильевич,
Говорит таковы слова:
«Ай же ты старая курва, седатый пес!
Разве ты про невзгоду не знаешь и не ведаешь,
Разве тебе да не известно было,
Аль ты надо мною надсмехаешься?
Выйду от обедни воскресенския,
Публикую я указы все строгие,
Что со всех господ, со всех князей
Со живых скуры сдеру,
А с тебя, старая курва,
Скуру сдеру и в волчью зашью».
Опять поздравствовал он и в третий након:
«Ты здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей царицей благоверною,
Со всеми со царскими со се́менами
И с Федором Ивановичем!»
Тут он выпущал из-под полы из-под правыя,
Становил перед Грозного царя Ивана Васильевича.
Тут говорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Ай же шурин мой любезныий
Старый Никита Романович!
Не знаю я, чем тебя пожаловать:
Аль тебя жаловать селы с приселами,
Города с пригородками,
Улицы с переулками,
Аль тебя несчетной золотой казной?»
Говорит Никита Романович:
«Мне не надобно сел с приселами,

Городов с пригородками,
Улиц с переулками,
И мне не надо несчетной золотой казны;
А дай ты мне Никитину вотчину и улицу:
Кто голову убьет да коня уведет,
По той улице уведет,
Того и бог простит».
— «Вот тебе, Никита, улица,
Своя тебе отчина пожалована.
А Федора Ивановича вместо себя,
Вместо себя я царем поставлю».
Тут простоял он обедню воскресенскую,
Брал Федора Ивановича за белы руки,
Повел в свои палаты во царские,
А также вслед себя вел
Старого Никиту Романовича, шурина любезного.
Пришел он в свои палаты во царские,
Тут забирал для них столованье — почестный пир,
Многих сбирал он князей-бояр,
Вельмож, купцов богатыих, поляниц удалыих
И росейских могучих богатырей
Для-ради своего сына любезного
Федора Ивановича
И старого Никиты Романовича.
Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

2

Как у нас было в каменной Москве
У Грозного царя Ивана Васильевича,
Столованьице было, пированье — почестный пир
На многие князи и бо́яра.
Белый день идет к вечеру,
Батюшка Грозный царь весел стал.
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Что же у меня в беседе никто ничем не хвастает,
Не хвастает, не похвалится?»
Один боярин хвастал чистым серебром,
Другой боярин хвастал красным золотом,
Третéй боярин хвастал скатным жемчугом.
Не золота трубочка вострубила,

Не серебряна сиповочка возыграла —
Грозный царь Иван Васильевич слово
вымолвил:
«Не делом вы, братцы, хвастаетесь,
Не добром вы, братцы, похваляетесь:
Злато-серебро не о́ткупа,
Скатен жемчуг не оборона,
Чистый бисер не заступа.
Как я, Грозен царь, чем похвастаю:
Вывел я измену изо́ Пскова,
Вывел я измену из каменной Москвы,
Казанское царство мимоходом взял,
Царя Семиона под мир склонил,
Снял я с царя порфиру царскую,
Привез порфиру в каменну Москву,
Крестил я порфиру в каменной Москве,
Эту порфиру на себя наложил,
После этого стал Грозный царь».
Тут проговорил его родимый сын:
«Ах ты батюшка Грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Где тебе вывести измену изо́ Пскова,
Где тебе вывесть измену из каменной Москвы!
Может быть, измена за столом сидит,
Пьет, ест с тобой с одного блюда».
Говорит же Грозный царь Иван Васильевич:
«Покажи мне, где измена за столом сидит».
От молода царевича на то ответа нет.
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Ой вы гой еси, палачи московские!
Вы сказните младого царевича,
Выньте из груди сердце с печенью,
Принесите мне на пока́занье».
Все палачи приужа́хнулись,
Один Алешка Малютин Скурлатов сын
Не ужа́хнулся,
Скочил Алешка из застольица,
Выводил младого царевича,
Причитал Алешка Скурлатов сын:
«Много казнивал князей и бояр,
Не казнивал рода царского:
Пойти сказнить младого царевича!»

Снимал с него Алешка платье цветное,
Надевал на него платье черное,
Посадил его на добра коня;
Младый царевич наперед едет,
Алешка Скурлатов позадé едет,
Острый палаш на плече держи́т.
Перепала скорая весточка
Дяде Никите Романову.
Дядюшка был трудён-болён,
Трудён-болён, об одной ноге.
Разился он скоро на конюший двор,
Обседлал своего добра коня,
Ухватил с собой конюха любимого,
Поехал скоро на чисто поле
И кричит-зычит громким голосом:
«Вор-собака Малюта Скурлатов сын!
Отдай мне-ка младого царевича,
Сказни конюха моего любимого,
Вынь из груди сердце с печенью
И свези царю на показанье».
Алешка Скурлатов послушался,
Отдал ему младого царевича,
Сказнил конюха его любимого,
Вынял из груди сердце с печенью
И привез царю на показанье.
Ото сна встает царь Иван Васильевич,
пробужается,
Своего сына он хватается,
Своего сына Дмитрия-царевича.
Прознав дело, рвется и мечется
И говорит таковы речи:
«Ой вы слуги мои верные!
Вы зачем меня не у́няли,
Вы зачем попустили на дело окаянное?»
Отвечают ему слуги верные:
«Ой ты батюшко Грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Не посмели мы перечить тебе,
Убоялися мы твоего гнева скорого».
Услышал царь Иван Васильевич
Радость-веселие у Никиты Романова,
Грозному царю за беду стало,

За беду стало за великую;
Ухватил он копье острое,
Бежит к дяде Никите Романову.
Во хоромах у Никиты Романовича пир
навéсело.
Учу́л он у своих гостей:
«Бежит, говорят, царь Иван Васильевич,
Во руке дèржит копье острое,
Бежит прямо к нему, к Никите Романову».
Недосуг Никите гостей чевствовать,
Бросился он на крылечко стекольчато,
Встрету ладит царю Ивану Васильевичу.
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Аль ты рад, Никита Романович,
Моему несчастью великому,
Аль ты веселишься ка́зни сына моего любимого?»
Замахнул он копье острое,
Тял в ногу Никите Романовичу.
Ответ держит Никита Романович:
«Грозный царь Иван Васильевич!
Погляди-ко ко мне во большой угол».
Поглядел царь во большой угол —
Увидел сына своего Дмитрия-царевича:
Сидит весел и здоров во большом углу.
Царь нашел в том радость великую,
Закурили на радостях зелена вина,
Заварили на радостях меду пьяного,
Пировали на радостях почестный пир.

ИВАН ГРОЗНЫЙ МОЛИТСЯ ПО СЫНЕ

Эх да собирается наш православный царь
Да он ко заутрени,
Ко тому ли свету, свету-светику
Ивану Великому.
Эх да как становится наш православный царь
Да он на своем месте,
Как становится наш православный царь
У правого клироса.

Эх да уж как молится наш православный царь
Ивану Великому,
Уж он молится, наш православный царь,
Да он низко кланяется.
Эх да как позадь-то его все бояре-князья
Они остановилися,
Как промеж-то себя ухмыльнулися,
Князья усмехнулися.
Эх да уж как гневно на них православный царь
Да он оглядается:
«И чему-то, чему вы, бояре-князья,
Чему больно радостны?
Эх да иль не знаете вы, иль не ведаете
Горя-то великого?
Знать, не ведома-то вам кручинушка
Безысходна царская!
Эх да как угасла-то свеча местная,
Закатилась-то звезда,
Поднебесна моя светла звездонька —
Не стало млад царевича».

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ

1

Что у нас было на святой Руси,
На святой Руси, в каменнóй Москве,
Середи-то торгу, братцы, среди площади,
Тут бьют доброго молодца на правеже,
Нагого, босого и разутого.
Поставили его на бел горюч камень,
Стоит молодец — сам не трёхнется,
Русы его кудри не ворóхнутся,
Лишь из глаз горючи́ слезы.
Лучилóся тут ехати
Самому царю православному,
Грозному царю Ивану Васильевичу.
Как возговорит царь Иван сударь Васильевич:
«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички!

За что вы пытаете доброго молодца
Нагого, босого и разутого,
Поставя его на бел горюч камень?
Стоит молодец — сам не тря́хнется,
Русы его кудри не воро́хнутся,
Только катятся из глаз горючи слезы
По белому лицу по румяному».
Тут возго́ворят бурмистры-целовальнички:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич!
Пытаем мы с него золоту казну,
Золоту казну, платье цветное,
Не много, не мало — сорок тысяч».
Возговорит тут православный царь:
«Ох ты гой еси, добрый молодец!
Почему тебе золота казна доставалася
И как она тебе приходила?»
Возговорит добрый молодец:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич!
Была у меня дубиночка вязо́венькая,
И клал я дубиночку на плечико,
Ходил я, добрый молодец, по чисту́ полю,
По чисту полю, по темну́ лесу,
Нашел я воров-разбойников,
Тут-то они дуван дуванили,
Золотую казну делили меро́ю,
А цветное платье делили ношами.
Тут-то я ее отбил у них».
Возговорит православный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич:
«Куда ты девал эдаку золоту казну?»
Возговорит добрый молодец:
«Точил я ее всё по домам по питейным,
А поил я всё голь кабацкую,
А цветное платье — одевал всё наших босыих».
Возговорит православный царь:
«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички!
Заплатите ему за каждый удар по пятидесяти рублей,
А за бесчестие заплатите ему пятьсот рублей».

2

Убирается да наш православный царь
Да он только на охотушку,
Да он за куницами, да наш православный царь,
В лес он за лисицами,
Ой да боле всего, наш православный царь,
Он за черным соболем.
Наезжает наш православный царь
В лесу на избушечку,
Хорошо эта избушечка вот она построена:
Построена вот эта избушечка
Лесу красного, лесу-то волжаного,
А покрыта эта избушечка черным бархатом,
А усыпана эта избушечка мелким жемчугом,
Изнутри-то она изукрашена
Она парчой на золоте.
«Ну да и кто в этой избушечке,
Да ты выходи сюда!»
Как выходит-то да он разудаленький,
Удал добрый молодец,
В коричневой да он черкесочке
Да он нараспашечку,
А сафьянные-то его сапожки на босу ножку.
«Не ты ли здесь, добрый молодец,
Мой корабль разбил?»
— «Не вам бы, православный царь,
У меня было спрашивать,
Не мне бы, разудалому,
Вам ответ держать:
Разбили ваши кораблички
Донские ваши казаченьки».

ТЕРСКИЕ КАЗАКИ И ИВАН ГРОЗНЫЙ

Не из тучушки они, ветерочки, дуют,
Ай, не дубравушка во поле́ шумит,
Ай, не дубравушка во поле́ шумит.
То не серые гусюшки кага... вот кагачут,
Ой, по-над бережком гуси сидючи́,
Ой, по-над бережком гуси си́дючи,

Не сизые орлы в поле вьются,
Ой, по-над нéбесью орлы летучи́,
По-над нéбесью орлы лéтучи,
Ай, они пить, они есть хотят,
Ай, они пить, они есть хотят.
Расплакались гребенские наши казаки,
Ой, перед белыим царем стоючи,
Ой, перед белыим царем стоючи,
Перед белыим царем стоючи,
Ой, перед Иваном Васильевичем,
Перед Иваном Васильевичем:
«Уж ты батюшка, ты наш царь,
Ой, наде... ай, вот надежда,
Ай, православный ты наш государь,
Ай, православный ты наш государь!
Не позволь казнить-вешать,
Ай, позволь речи ты нам говорить,
Ай, позволь речи ты нам говорить.
Как бывалыча ты, наш царь,
Вот наде... ой, надежда,
Много даривал, много жалывал,
Ой, много жалывал,
А теперича ты, наш царь наде... вот надежда,
Никого из нас не пожалывал,
Ай, никого из нас не пожалывал,
Только жалывал ты, наш царь,
Ой, наде... вот надежда,
Только жалывал князей да бояр,
Ой, только жалывал князей да бояр».
— «Подарю вас, моих каза... ой, вот казаченьков,
Быстрым Тереком со притоками,
Ай, быстрым Тереком со притоками,
Ай, до синя моря до Каспийского».

ЧАСОВОЙ ПЛАЧЕТ У ГРОБНИЦЫ ИВАНА ГРОЗНОГО

Не во матушке было, было в Россиюшке,
Во Россиюшке было, было в каменной Москве,
У крыльца-то ли у дворца было государева,
Гребенской-ат казак уж он на часах стоит,

На часах-то стоит, сам он слезно плачет,
Во слезах-то ли он словечушко молвит:
«Вы подуйте-ка ли вы, уж ветры буйные,
Пошатните-ка ли вы горы высокие,
Пошатните-ка ли вы леса темные,
Разнесите-ка ли вы царскую могилушку,
Отверните-ка ли вы, уж вы гробовую доску,
Откройте-ка ли вы золотую парчу.
Ты встань, восстань, батюшка ты Грозный царь,
Грозный царь да ты Иван Васильевич!
Посмотри-ка, погляди на свою армеюшку,
Как стоит-то ли она всё не по-прежнему,
Все усы-то у ней, этой армеюшке, пообритые,
Больши бороды у ней, у этой армеюшке, пострижены».

ЕРМАК В КАЗАЧЬЕМ КРУГУ

1

Как на речке было,
На реке было Камышинке, Камышинке,
Как там жили-проживали
Люди вольные, свободные, свободные,
Казаченьки волжские,
Гребенские да донские, да донские.
У казаков атаманушка
Да Ермак-то Тимофеевич, Тимофеевич.
Не звонка-то труба,
Не громка речь возговорила, возговорила —
Говорил-то атаман
Сам Ермак-то Тимофеевич, Тимофеевич:
«Уж вы слушайте-ка,
Ребятушки, дайте думушку мне одумати.
Как проходит лето теплое,
Настает зима холодная, холодная.
Уж и где-то нам, ребята,
Зимушку-то долгу зимовать, зимовати?
Нам на Волге быти —
Нам на Волге всё ворами слыть, ворами слыть;
На Яик идтить нам —
На Яик-то переход велик, переход велик;

Под Казань идтить нам —
Там стоит Иван Васильевич Грозный царь.
У него-то много силушки,
Силушки той сто сорок тыщ, сто сорок тыщ.
Идтить, не идтить нам
На Иртыш-реку великую на сибирскую.
Мы возьмем-то в полон,
Возьмем в полон Тобольск-городок, славный город.
А как взямши город,
Пройдем к царю да поклонимся, воспокаемся».

2

Как на речке, на реке, братцы, было на Камышинке,
Собиралися там, соезжалися они люди вольные,
Люди вольные сбиралися, они беспачпóртные —
То донские, гребенские казаки, они со яицкими.
Атаманом был у них, братцы, Ермак Тимофеевич,
Да он речи говорил, Ермак, ровно как в трубу трубил:
«Уж вы думайте, ребятушки, да вы всё подумайте,
Да меня ли, Ермака ли казака, вы меня послушайте.
Вот проходит у нас, братцы, всё летушко теплое,
Наступает вот у нас, братцы, зимушка холодная,
Да и где же мы эту зимушку ее зимовать будем?
На Яик идти, ребятушки, — да он переход велик,
А на Волге быть, ребятушки, — да нам всё ворами слыть,
Под Казань-город идти — да там Грозный царь,
Грозный царь стоит сам Иван Васильевич.
Нам, казакам, быть да нам переловленным,
По разным тюремочкам всем быть порассаженным,
А мне, Ермаку-казаку, да мне быть повешену.
А вы думайте, ребятушки, да всё подумайте,
Да где же мы эту зимушку ее зимовать будем.
Уж вы делайте, ребятушки, лодочки еловые,
Да вяжите вы, ребятушки, ташечки-колоночки,
Да садитеся, ребятушки, во легкие лодочки,
Вы пущайтеся, ребятушки, во мать во сине море.
Зимовать мы будем, ребятушки, на речке Камышинке».

3

Ай, да на славной было, братцы, да на ре...
Да на речушке,
Ай, да на славной было, братцы, на Камы...
На Камышинке,
Ай, собиралися там, братцы, люди во...
Люди вольные,
Ай, всё донские, гребенские, казаки яи...
Все яицкие.
Ай, собирались они, братцы, во еди...
Во единый круг,
Ай, во кругу-то стоят, они думу ду...
Думу думают:
«Ай, ну кому-то из нас, братцы, атама...
Атаманом быть?
Ай, старику Ермаку сыну Тимофе...
Тимофеевичу».
Ай, ну старик-то Ермак, братцы, не глупой,
Не глупой казак,
Ай, ну он речь говорит, ровно во трубу,
Во трубу трубит.
Ай, не золóтенькая трубочка востру...
Ну вострýбила,
Ай, ну Ермак-то казак, братцы, речь возго...
Речь возговорил:
«Ай, ну проходит у нас, братцы, лета тё...
Лета теплая,
Ай, заступает у нас зимушка холо...
Ну холодная,
Ай, ну иде же, братцы, зиму зимова...
Зимовать будем?
Ай, на Яик-то идтить, братцы, — перехо...
Переход велик,
Ай, на тихóй Дон идтить, братцы, — нам вора...
Нам ворами слыть,
Ай, как ворами-то слыть, нам быть перело...
Переловленным,
Ай, да по крепким тюрьмам нам быть порассо...
Порассоженным.

Ай, ну пойдемтя-ка мы, братцы, на Куму,
На Куму-реку,
Ай, на Куме-то реке там и земли во...
Земли вольные,
Ай, на Куме-то реке растут леса тё...
Леса темные.
Ай, мы пороемтя там, братцы, себе я...
Себе ямушки,
Ай, мы поделаем там себе балага...
Балаганушки,
Ай, ну построим себе, братцы, мы земля...
Мы землянушки.
Ах, вот и там-то, братцы, зиму зимова...
Зимовать будем.
Ай, ну поедемтя мы, братцы, на охо...
На охотушку,
Ай, да на Кумские, братцы, на верши...
На вершинушки.
Ай, как и будемтя мы, братцы, бить куни...
Бить куниц, лисиц,
Ай, мы куниц-то, лисиц, еще черных со...
Черных соболей.
Ай, да мы куничии пошьем себе ша...
Куньи шапочки,
Ай, ну лисичии, братцы, себе шу...
Лисьи шубочки,
Ай, соболёванькие всё себе сапо...
Всё сапожечки!»

4

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
На крутом на красном бережечке,
Собирались тут казаки, люди вольные,
Становилися казаки во единый круг,
Они думали бы думушку заединую:
«Что кому из нас, братцы, атаманом быть,
Атаманом быть, есаулом слыть?
Атаманом будет Ермак сын Тимофеевич,
Есауличком — Никита сын Романович».

Поднимали они сходеньки дубовые,
Распускали они паруса полотняны
И поплыли вверх по Волге по реке.

ПОХОД ГОЛЫТЬБЫ ПОД КАЗАНЬ

Как далеченько-далеченько во чистом поле,
Да еще того подалей — на синём море,
Как на синем море было на Каспийскиим,
Что на славном было острове на Персидскиим,
Собиралися музуры добры молодцы,
Они думушку гадали все великую,
Думу крепкую гадали заединую:
«Вот кому из нас, ребятушки, атаманом быть,
Да кому из нас, ребятушки, эсаулом слыть?
Атаманом быть Ермилу Тимофеичу,
Эсаулом слыть Никитушке Романычу».
Атаман-то речь возговорит, что в трубу трубит,
Эсаул-то речь возговорит, как в свирель играт:
«Не пора ли нам, ребята, со синя моря
Что на матушку на Волгу, на быстру реку?
Еще как-то нам, ребята, города пройти?
Астраханское славно царство пройдем с вечеру,
А Царицын-городочек во глуху полнóчь,
А Саратов на белóй заре.
Мы Самаре-городочку не поклонимся,
В Жигулевскиих горах мы остановимся.
Вот мы чалочки причалим все шелкóвые,
Вот мы сходенки положим все кедровые,
Атаманушку сведем двое под руки,
Эсаулушка, ребятушки, он сам сойдет».
Как возговорит наш батюшка атаманушка:
«Еще как-то нам, ребята, Казань-город брать?
Вот под городом Казанью стоит белый царь,
Стоит белый царь Иван сударь Васильевич.
Он не много и не мало стоит — семь годов,
Он подкопушки подкапывал все на семь верст,
Калены стрелы пускал бессчетные.
Мы пойдем-ка же, ребята, на подмогу к ним!»

РАЗБОЙНЫЙ ПОХОД НА ВОЛГУ

1

Как далече было, дале, во чистом поле,
А еще того подале — на синем море,
Как на славном море было на Каспийскием,
Вот не ясны тут соколы слеталися,
Собиралися морзорушки каспийские,
Еще стары бродяги беспашпортные,
Беспашпортные хайлы, да все разбойнички,
Они думали тут думушку заединое:
«Да кому-де из нас, братцы, атаманом быть,
И кому из нас, удалы, есаулом слыть?
Атаманом быть Ермак сын Тимофевичу,
Есаулом слыть Никите сын Иванычу».
Атаман-то говорил, как в трубу трубил,
Есаул-то говорил, как в свирель играл:
«Еще полно ли нам, братцы, на морях стоять,
Не пора ли нам, удалы, воротитися
Как во славную во нашу мать Россиюшку?
Астрахань мы городочек с вечера пройдем,
А Царицын-городочек на бело́й заре,
Мы Самаре-городочку тут поклонимся,
В Жигулевских мы горах жить остановимся».

2

Как далече-далече
На синиим моречке
Не ясны соколы солеталися —
Собиралися-соезжалися
Добрые молодцы,
Они думали-гадали
Думу крепкую:
«Что кому из нас, ребятушки,
Атаманом быть,
Атаманом быть,
Эсаулом слыть?
Атаманом быть
Ермак сын Тимофеичу,

Эсаулом слыть
Ванюхе, знать, Колечушку».
Как возговорит тут
Добрым молодцам
Ермак сын Тимофеевич:
«Еще полно нам, ребята,
На море стоять,
На море стоять, ребята,
Здесь разбой держать.
Не пора ли нам, ребята,
Отправлятися
Во тоё же ли
Во матушку
За добычушкой,
За добычушкой
Во Россиюшку!»

ВЗЯТИЕ ЕРМАКОМ КАЗАНИ

На усть было матушки Волги-реки
Собирались казаки охотники,
Донские казаки со яицкими.
Атаманушка был у казаков
Ермак сын Тимофеевич,
Есаулушка был у казаков
С тихого Дона донской казак
Тот Гаврюшка сын Лаврентьевич.
Ермак возговорит, как в трубу вострубит:
«Вы други мои донские казаки,
Донские, гребенские со яицкими!
Вы слушайте, други, послушайте,
Вы думайте, други, подумайте:
Проходит, други, лето теплое,
Настает зима холодная,
И где-то мы, други, зимовать будем?
На тихий Дон идтить — переход велик,
А на Яик пойтить — так ворами слыть,
А под Казань грести — государь стоит,
У государя силы много множество,
Не много, не мало — сорок тысячей.

Там нам, казакам, быть половленным,
По темным темницам порассоженным,
А мне, Ермаку, быть повешенным
Над самой матушкой над Волгой-рекой».
Тут не черные черни зачернелися,
Не белые снежочки забелелися —
Зачернелись лодки-коломенки,
Забелелись парусы бязинные.
Тут казаки поиспужалися,
По темным лесам разбежалися,
Один оставался атаманушка
Тот Ермак сын Тимофеевич.
Он речь говорит, как в трубу трубит:
«Ой вы други мои донские казаки,
Донские, гребенские со яицкими!
А что ж вы, други, попужалися,
По темным лесам разбежалися?
Это едет к нам посланник царев.
Садитесь вы в лодки-коломенки,
Забивайте кочеты кленовые,
Накладывайте весельца еловые,
Гряньте-погряньте вверх по Волге-реке,
По матушке Волге под Казань-город.
Я сам к царю на ответ пойду,
Я сам государю отвечать буду».
Приставали к крутому красному бережку,
Выкидали потопчины дубовые,
Выходили на крут красный бережок.
Тут-то Ермак убирается,
Тут-то Тимофеевич снаряжается,
Вздевает сапожки сафьяновые на босу ножку,
Кармазинную черкесочку наопашечку,
Соболиную шапочку на правой бочок.
Идет Ермак к самому царю,
К тому шатру полотняному,
Идет Ермак отряхается,
А государь глядит в окно улыбается.
Пришел Ермак к самому царю,
Стал государь его спрашивать:
«Хорош-пригож молодец народился,
В три ряды черны кудри завивалися,
На каждой кудринке по жемчужинке —

Не ты ли Ермак Тимофеевич,
Не ты ли воровской атаманушка?
Не ты ли ходил-гулял по синю морю,
Не ты ли разбивал бусы-корабли,
Тизичьи, мужичьи, мои государевы?»
Ермак говорит, как в трубу вструбит:
«Батюшка-надежда свет великий государь!
Не вели казнить, вели речь говорить.
Мы не воры были, не разбойники,
А мы были морские охотники,
Ходили-гуляли по синю морю
Не много, не мало — ровно тридцать лет,
Разбивали мы бусы-корабли,
Тизичьи, мужичьи, государевы,
Которые были не орленые,
Признавали мы их за фальшивые;
Коли б они были государевы,
На них бы были орлы двухглавые,
А то они не гербованные».
Государь возговорит, как в трубу вструбит:
«Хорошо Ермак на суду стоял,
Хорошо перед государем ответ держал.
Но ой ты удалый добрый молодец
Ермак сын Тимофеевич!
Достань ты мне славный Казань-город,
Возьми у меня силы сколько надобно!»
Ермак возговорит, как в трубу вструбит:
«Батюшка-надежда свет великий государь!
Не надо мне твоей силы многа множества,
Прикажи идти с донскими казаками охотниками.
А ты подойди со своею армиею
Под славный под Казань-город,
А я на белой заре двери растворю
И армию в город впущу».
— «Ой мой удалый добрый молодец
Ермак сын Тимофеевич!
Как знать войтить в Казань-город?»
Ермак возговорит, как в трубу вструбит:
«Батюшка-надежда свет великий государь!
Если рыть подкопы глубокие под Казань-город,
Закатить бочонки зелья лютого,
Поставлю тебе две свечи воску ярого

И поставлю часового своего надежного,
Донского казака, есаулушку любимого, —
Ты узнаешь, как в Казань-город войтить,
Как догорят две свечи воску ярого».
Скликает Ермак Тимофеевич донских казаков:
«Ой вы донские казаки охотники,
Вы донские, гребенские со яицкими!
Садитесь вы в лодочки-коломенки,
Гряньте-погряньте вверх по Волге-реке,
В тот славный Казань-город,
К тому повелителю казанскому».
Приезжает Ермак в Казань-город,
Встречают его жители казанские,
Берут Ермака под белы руки,
Ведут к повелителю казанскому
Во те палаты белокаменные.
Видит повелитель, радуется,
Ермаку Тимофеевичу низко кланяется,
Берет Ермака за праву руку,
Ведет в палаты белокаменные,
Сажает за столы дубовые,
За скатерти шелковые,
Ставит яство сахарное,
Пойло ставит разнопьяное.
Тут Ермака повелитель начал просить:
«Ой ты Ермак сын Тимофеевич!
Помоги отстоять Казань-город».
Ермак возговорит, как в трубу вструбит:
«Могу отстоять, когда послушаешь.
Я займу места притинные,
Поставлю свои караулы крепкие
Над пушками долгомерными
И буду стрелять от царя белого».
«Ой вы мои донские казаки!
Занимайте места притинные,
Становите свои караулы крепкие
Над теми воротами уездными,
Переворачивайте пушечки долгомерные
Во славный во Казань-город,
Отбивайте со вратах засовы железные,
Поставьте знамечко царя белого».
На белой заре на утренней

Воску ярого свечи догорают,
Глубокие подкопы разрываются,
Стены каменные разваливают.
Царя белого армеюшка во врата убирается,
Наш белый царь радуется,
Входит в славный во Казань-город,
Вперед Ермака государь здравствует:
«Поздравляю тебя, Ермак Тимофеевич,
с радостью!»
— «А тебя, государь, поздравляю с победою!»
Берет государь Ермака за праву руку,
Ведет по славному городу Казанскому,
Выходит государь во чисто поле,
Расставляет шатры полотняные,
Призывает Ермака Тимофеевича.
Государь сговорит, как в трубу вструбит:
«Ой ты удалой мой добрый молодец
Ермак сын Тимофеевич!
Чем ты хочешь, тем буду жаловать:
Селами или подселками
Или великими городами, поместьями».
Ермак возговорит, как в трубу вструбит:
«Батюшка-надежда свет великий государь!
Не жалуй ты меня городами, подселками
И большими поместьями —
Пожалуй ты нам батюшку тихий Дон
Со вершины до низу со всеми реками, потоками,
Со всеми лугами зелеными
И с теми лесами темными».

ЕРМАК У ИВАНА ГРОЗНОГО

Как на славных на степях было Саратовских,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг,
Как донские, гребенские и яицкие.
Атаман у них — Ермак сын Тимофеевич,
Есаул у них — Асташка сын Лаврентьевич.
Они думали думушку все единую:

«Уж как лето проходит, лето теплое,
А зима настает, братцы, холодная,
Как и где-то нам, братцы, зимовать будет?
На Яик нам идтить — да переход велик,
Да на Волге ходить нам — всё ворами слыть,
Под Казань-град идтить — да там царь стоит,
Как Грозной-то царь Иван Васильевич,
У него там силы много-множество;
Да тебе, Ермаку, быть там повешену,
А нам, казакам, быть переловленным
Да по крепким по тюрьмам порассоженным».
Как не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная речь громко возговорит —
Речь возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Гей вы думайте, братцы, вы подумайте
И меня, Ермака, братцы, послушайте.
Зазимуем мы, братцы, все в Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся.
А как вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во поход пойдем.
Мы заслужим пред Грозным царем вину свою:
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Как и те-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка всё царского,
Как того-то ведь посланничка персидского».
Как во славном было городе во Астрахане,
На широкой на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый круг,
Они думали думу крепкую,
Да и крепкую думушку единую:
«Как зима-то проходит всё холодная,
Как и лето настанет, братцы, лето теплое,
Да пора уж нам, братцы, в поход идтить».
Речь возговорит Ермак Тимофеевич:
«Ой вы гой еси, братцы атаманы-молодцы!
Эй вы делайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаички сосновые,
Мы поедемте, братцы, с божьей помочью,
Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге по реке,

Перейдемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства бусорманского,
Завоюем мы царство Сибирское,
Покорим его мы, братцы, царю белому,
А царя-то Кучума во полон возьмем.
И за то-то государь-царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам ко белу царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму куную шапочку под мышечку,
Принесу я царю белому повинную».
— «Ой ты гой еси, надежа православный царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить.
Как и я-то, Ермак сын Тимофеевич,
Как и я-то, воровской донской атаманушка,
Как и я-то гулял ведь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому,
Как и я-то разбивал ведь бусы-корабли,
Как и те-то корабли всё не орленые.
А теперича, надежа православный царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой царство Сибирское».
Речь возговорит надежа православный царь,
Как и Грозной-то царь Иван Васильевич:
«Ой ты гой еси, Ермак сын Тимофеевич,
Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войском твоим,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мне за верную,
И я жалую тебе, Ермак, славной тихой Дон».

КАЗАКИ УБИВАЮТ ЦАРСКОГО ПОСЛА

1

На славной Волге-реке,
На верхней изголове
На Бузане-острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках
А стояли беседы,

Что беседы дубовыя,
Исподернуты бархатом.
Во беседочках тут сидели
Атаманы казачия —
Ермак Тимофеевич,
Самбур Андреевич,
Анофрей Степанович.
Они думушку думали за единое
Как про дело ратное,
Про добычу казачею.
Что есаул ходит по кругу
По донскому, яицкому,
Есаул кричит голосом
Во всю буйну голову:
«А и вы гой еси, братцы,
Атаманы казачия!
У нас кто на море не бывал,
Морской волны не видал,
Не видал дела ратного,
Человека кровавого —
От желанья те богу не маливались;
Останьтеся таковы молодцы
На Бузане-острове!»
И садилися молодцы
Во свои струги легкия,
Они грянули, молодцы,
Вниз по матушке Волге-реке,
По протоке по Ахтубе.
А не ярыя гоголи
На сине море выплыли —
Выгребали тут казаки
Середи моря синего,
Против Матицы-острова
Легки струги выдергивали
И веселочки разбрасывали,
Майданы расставливали,
Ковры раздергивали,
Ковры те сорочинския
И беседы дубовыя,
Подернуты бархатом;
А играли казаки
Золотыми тавлеями,

Дорогими вальящстыми.
Посмотрят казаки
Они на море синея —
От того зеленого —
От дуба крековистого
Как бы бель забелелася,
Будто чернь зачернелася —
Забелелися на ка́раблях
Парусы полотняныя,
И зачернелися на море
Тут двенадцать ка́раблей:
А бегут тут по морю
Славны гости турецкия
Со товары заморскими.
А увидели казаки
Те корабли червленыя,
И бросалися казаки
На свои струга легкия,
А хватали казаки
Оружье долгомерное
И три пушечки медные,
Напущалися казаки
На двенадцать ка́раблей:
В три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули.
Турки, гости богатыя,
На кораблях от того испужалися,
В сине море металися,
А те товары заморския
Казакам доставалися,
А и двенадцать ка́раблей.
А на тех ка́раблях
Одна не пужалася
Душа красна девица,
Молода Урзамовна,
Мурзы дочи турского.
Что сговорит девица Урзамовна:
«Не троньте мене, казаки,
Не губите моей красоты,
А и вы везите мене, казаки,
К сильну царству Московскому,
Государству российскому,

Приведите, казаки,
Мене в веру крещеную».
Не тронули казаки
Душу красну девицу
И посадили во свои струги легкия.
А и будут казаки
На протоке на Ахтубе,
И стали казаки
На крутом красном бережку,
Майданы расставливали,
Майданы те терския,
Ковры сорочинския,
А беседы расставливали,
А беседы дубовыя,
Подернуты бархатом,
А столы дорог рыбей зуб.
А и кушали казаки
Тут они кушанье разное
И пили питья медяныя,
Питья все заморския.
И будут казаки
На великих на радостях
Со добычи казачия.
Караулы ставили,
Караулы крепкия, отхожия,
Сверху матки Волги-реки,
И снизу таковыя ж стоят.
Запилися молодцы
А все они до единого.
А втапоры и во то время
На другой стороне
Становился стоять
Персидской посол
Коромышев Семен Костянтинович
Со своими солдаты и матрозами.
Казаки были пьяныя,
А солдаты не со всем умом —
Напущалися на них дратися
Ради корысти своея.

Ведал ли, не ведал о том персидской посол, как у них драка сочинилася. В той было драке персидского посла

солдат пятьдесят человек, тех казаки прибили до смерти, только едва осталися три человека, которыя могли убежать на корабль к своему послу сказывати. Не разобрал того дела персидской посол, о чем у них драка сочинилася, послал он сто человек всю ту правду расспрашивати. И тем солдатам показалися, что те люди стоят недобрыя, зачали с казаками дратися.

Втапоры говорил им большой атаман
Ермак Тимофеевич:
«Гой вы еси, солдаты хорошия,
Слуги царя верныя!
Почто с нами деретеся?
Корысть ли от нас получите?»
Тут солдаты безумныя
На его слова не сдавалися
И зачали дратися
Боем-то смертныем,
Что дракою некорыстною.
Втапоры доложился о том
Большой есаул Стафей Лаврентьевич:
«Гой вы еси, атаманы казачи!
Что нам с ними делати?
Солдаты упрямыя,
Лезут к нам с дракою в глаза!»
И на то его сло́ва
Большой атаман Ермак Тимофеевич
Приказал их до смерти бити
И бросати в матку Волгу-реку.
Зачали казаки с ними дратися
И прибили их всех до смерти.

Только из них един ушел капрал Островской, и прибежавши на свой корабль к послу персидскому Семену Костянтиновичу Коромышеву, стал обо всем ему рассказавати, кака у них с казаками драка была. И тот персидской посол не размышлил ничего, подымался он со всею гвардию своею на тех донских казаков. Втапоры ж подымалися атаманы казачия — Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич и Анофрей Степанович. И стала у них драка великая и побоища смертное. А атаманы казачия сами они не дралися, только своим казакам цыкнули — и прибили всех солдат до смерти, ушло ли, не ушло с десяток человек. И в той же драке убили самого посла пер-

сидского Семена Костянтиновича Коромышева. Втапоры казаки все животы посла персидского взяли себе, платье цветное клали в гору Змеевую. Пошли они, казаки, по протоке по Ахтубе, вверх по матушке Волге-реке. А и будут казаки у царства Астраханского, называется тут Ермак со дружиною купцами заморскими. А явили в таможне товары разныя и с тех товаров платили пошлину в казну государеву и теми своими товарами торговали без запрещения.

Тем старина и кончилась.

2

Как собирались казаки на крут бережок,
Ах, доньски, гребеньски, запорожские,
Запорожски казаки и все были яицкие.
Ах, атаман был у донских у казаков,
Ой, из тихого Дону Ермак был Тимофеевич,
А есаул был у донских у казаков,
Ах, со Двины Остафей Лаврентьевич.
Как садились казаки на легки стружки,
А й на легки стружки сели, на мелки повозки,
Как грянули, размахнули вниз по Волги-реки.
Ах, еще будут казаки о полу оне пути,
О полупути-пути будут против Охтучи-реки,
Ах, супротив того кустышка ракитового,
Супротив того лужочка ай зеленого.
А сверху вниз было по матушки по Ками-реки,
А по Ками-реки легка лодочка плывет,
Ах, со лютым со зе́льём с черным порохом,
А со страшной казной государевой.
А й на казны-то сидит тут грозён посёл,
Ах, по имени Семен Костянтинович,
Костянтинович Семен сидит Корамышевич.
Ах, как немношечко времечки миновалося,
Супротив кустишка лодочка сверсталася,
Ах, как лунула пушечка медная,
Ах, как разбила эту лодочку-коломенку,
А как убило посла государева
Корамышева Семена Костянтиновича.
«Ах, мы неладно мы, два брателка, удумали,

Как убили мы посла государева,
А золотой казны нам немножко доставалося,
Доставалося казны нам же по три тьмы,
А й по три тьмы доставалось, по три тысячи.
Как куды же мы, братцы, воровать теперь пойдем?
А й нам в Казань-город идти — нам убитым быть,
Нам во Востракань идти — быть повешенным.
Ах, пойдем-тко, братцы, в каменну Москву».

ЕРМАК И ТУРКИ

По край моря синего,
На усть Дону тихого
Построилась башенка,
Башенка высокая.
На этой на башенке,
На самой на маковке
Стоял часовой казак,
Стоял приумаялся,
С часов долго не сменяючись.
Немножко помешкавши,
С караула казак бежит,
Бежит — спотыкается,
Говорит — задыхается:
«Родимый наш батюшка
Ермак Тимофеевич!
У нас на синём море
Несчастье случилося:
Не бель забелелася,
Не чернь зачернелася —
Это зачернелися
Корабли турецкие,
Это забелелися
Паруса их белые».
— «Не бойтесь, ребятушки,
Донские мои казаченьки,
Берите бабаечки,
Садитеся во лодочки,
Поезжайте в синё море,
Скоро распроведайте,

Чем эти кораблички
Они нагруженные».
Они нагруженные
Разными товарами.

ЕРМАК В ТУРЕЦКОМ ПЛЕНУ

А и по край было моря синего,
Что на устье Дону-то тихого,
На крутом красном бережку,
На желтых рассыпных песках,
А стоит крепкой Азов-город
Со стеною белокаменною,
Земляными раскатами,
И ровами глубокими,
И со башнями караульными.
Середи Азова-города
Стоит темная темница,
А злодейка земляная тюрьма.
И во той было темной темницы
Что двери были железныя,
А замок был в три пуда,
А пробои были булатныя,
Как засовы были медныя.
Что во той темной темницы
Засажон сидит донской казак,
Донской казак Ермак Тимофеевич.
Мимо той да темной темницы
Лучилося царю идти,
Самому царю тому турецкому
Салтану Салтановичу.
А кричит донской казак
Ермак Тимофеевич:
«А ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Прикажи ты меня поить, кормить,
Либо казнить, либо на волю пустить!»
Постоялся турецкой царь
Салтан Салтанович:
«А мурзы вы улановья!

А вы сгаркайте из темницы
Того тюремного старосту».
А и мурзы-улановья
Металися через голову,
Привели его улановья
Они старосту тюремного;
И стал он, турецкой царь,
У тюремного старосты спрашивать:
«Еще что за человек сидит?»
Ему староста рассказывает:
«А и ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Что сидит у нас донской казак
Ермак Тимофеевич».
И приказал скоро турецкой царь:
«Вы мурзы-улановья,
Ведите донского казака
Ко палатам моим царскием!»
Еще втапоры турецкой царь
Напоил, накормил доброго молодца
И тожно стал его спрашивати:
«А ты гой еси, донской казак!
Еще как ты к нам в Азов попал?»
Рассказал ему донской казак:
«А и я послан из каменной Москвы
К тебе, царю, в Азов-город,
А и послан был скорым послом
И гостинницы дорогие к тебе вез,
А на заставах твоих меня всего ограбили,
И мурзы-улановья моих товарыщей
Рассадили, добрых молодцов,
И по разным темным темницам».
Еще втапоры турецкой царь
Приказал мурзы-улановьям
Собрать добрых молодцов,
Ермаковых товарыщев.
О<т>пущает добрых молодцов
Ермака в каменну Москву,
Снарядил доброго молодца
Ермака Тимофеевича,
Наградил златом-серебром,
Еще питьями заморскими.

Отлучился донской казак
От Азова-города,
Загулялся донской казак
По матушке Волге-реке,
Не явился в каменну Москву.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ

Ты боже, боже, спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Сослал нам, боже, прелестника,
Злого расстригу Гришку Отрепьева,
Ужели он, расстрига, на царство сел?
Называется расстрига прямым царем,
Царем Димитрием Ивановичем Углицким.
Недолго расстрига на царстве сидел,
Похотел расстрига женитися,
Не у себя-то он в каменной Москве —
Брал он, расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирского
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу, безбожницу.
На вешней праздник Николин день
В четверг у расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день.
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка-расстрига он в баню с женой;
На Гришке рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущетой камки.
А час, другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка-расстрига из бани с женой.
Выходит расстрига на Красной крылец,
Кричит-ревет зычным голосом:
«Гой еси, клюшники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,

А и постное и скоромное;
Заутра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан со паньею!»
А втапоры стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися
К царице Марфе Матвеевне:
«Царица ты Марфа Матвеевна!
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрей Иванович?»
А втапоры царица Марфа Матвеевна заплакала
И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы стрельцы, вы недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит
Расстрига Гришка Отрепьев сын.
Потерян мой сын, царевич Димитрей Иванович, на Угличе
От тех от бояр Годуновыех;
Его мощи лежат в каменной Москве
У чудных Софеи премудрыя.
У того ли-то Ивана Великого
Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,
За всякия праздники совершают панафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинают завсегда».
Тут стрельцы догадалися,
Все они собиралися,
Ко красному царскому крылечку металися,
И тут в Москве сбунтовалися.
Гришка-расстрига догадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается,
А злая его жена Маринка-безбожница
Сорокою обернулася
И из палат вон она вылетела.
А Гришка-расстрига втапоры догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копья вострыя
Ко тем стрельцам, удалым молодцам.
И тут ему такова смерть случилась.

ПЛАЧ КСЕНИИ ГОДУНОВОЙ

1

Сплачется мала птичка
Белая пелепёлка:
«Ох-ти мне, молоды, горевати!
Хотят сырой дуб зажигати,
Мое гнездышко разорити,
Мои малыи дети побити,
Меня, пелепелку, поимати».
Сплачется на Москве царевна:
«Ох-ти мне, молоды, горевати,
Что едет к Москве изменник,
Ино Гриша Отрепьев Рострига,
Что хочет меня полонити,
А полонив меня, хочет постритчи,
Чернеческой чин наложити!
Ино мне постритчи ся не хочет,
Чернеческого чину не сдержати:
Отворити будет темна келья,
На добрых молодцов посмотрити.
Ино ох милые наши переходы!
А кому будет по вас да ходити
После царского нашего житья
И после Бориса Годунова?
Ах милые наши теремы!
А кому будет в вас да седети
После царьского нашего жития
И после Бориса Годунова?»

2

А сплачется на Москве царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино боже Спас милосердой!
За что наше царьство загибло,
За батюшково ли согрешенье,
За матушкино ли немоленье?
А светы вы наши высокие хоромы!
Кому вами будет владети
После нашего царьского житья?

А светы браны убрусы!
Береза ли вами крутити?
А светы золоты ширинки!
Лесы ли вами дарити?
А светы яхонты сережки!
На сучье ли вас задевати
После царьского нашего житья,
После батюшкова преставленья
А света Бориса Годунова?
А что едет к Москве Рострига
Да хочет теремы ломати,
Меня хочет, царевну, поимати,
А на Устюжну на Железную отослати,
Меня хочет, царевну, постритчи,
А в решетчатой сад засадити.
Ино ох-те мне горевати:
Как мне в темну келью ступити
У игуменьи благословиться?»

МИХАЙЛА СКОПИН

1

Как бы во сто двадцать седьмом году,
В седьмом году восьмой тысячи
А и деялось, учинилося:
Кругом сильна царства Московского
Литва облегла со все четыре стороны,
А и с нею сила — сорочина долгополая,
И те черкасы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши с олюторами.
Как были припасы многие,
А и царские и княженецкие,
Боярские и дворянские —
А нельзя ни пройти, ни проехати
Ни конному, ни пешему,
И ни соколом вон вылетети
А из сильна царства Московского
И великого государства российского.

А Скопин князь Михайла Васильевич,
Он правитель царству Московскому,
Обережатель миру крещеному
И всей нашей земли святорусския,
Что ясён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал —
Выезжал воевода московской князь,
Скопин князь Михайла Васильевич,
Он поход чинил ко Нову-городу.
Как и будет Скопин во Нове-граде,
Приезжал он, Скопин, на съезжей двор,
Походил во избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчет стул,
А и берет чернилицу золотую,
Как бы в не<й> перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ерлыки скорописчеты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко свицкому королю Карлосу.
А от мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, мой названой брат,
А ты свицкий король Карлус!
А и смилуйся, смилосердися,
Смилосердися, покажи милость —
А и дай мне силы на подмочь;
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила сорочина долгополая,
А и те черкасы пятигорские,
А и те калмыки со башкирцами,
А и те чукши с олюторами,
И не можем мы с ними управиться;
Я закладоваю три города русские».
А с ерлыками послал скорого почтаря,
Своего любимого шурина,
А того Митрофана Фунтосова.
Как и будет почтарь в Полувецкой орде
У честна короля, честного Карлуса,
Он въезжает прямо на королевской двор,
А ко свицкому королю Карлусу.
Середи двора королевского

Скочил почтарь со добра коня,
Вязал коня к дубову столбу,
Сумы похватил, сам во палаты идет.
Ни за чем почтарь не замешкался,
Приходит во палату белокаменну,
Расковыривал сумы, вынимал ерлыки,
Он кладет королю на круглой стол.
Принимавши, король распечатовает,
Распечатал, сам просматривает,
И печальное слово повыговорил:
«От мудрости слово поставлено,
От любимого брата названого,
Скопина князя Михайла Васильевича,
Как просит силы на подмочь,
Закладывает три города русские».
А честны король, честны Карлусы
Показал ему милость великую,
Отправляет силы со трех земель:
А и первыя силы — то свицкия,
А другия силы — саксонския,
А и третия силы — школьския —
Того ратного люду ученого
А не много, не мало — сорок тысячей.
Прибыла сила во Новгород,
Из Нова-города в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина-князя думушки прибыло.
А поутру рано-ранешонько
В соборе Скопин он заутреню отслужил,
Отслужил, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье царские,
А на знаменье было написано
Чуден Спас со Пречистою,
На другой стороне было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся тута сила небесная.
В восточную сторону походом пошли —
Они вырубили чудь белоглазую
И ту сорочину долгополую;
В полуденную сторону походом пошли —
Прекротили черкас пятигорскиех,
А немного дралися, скоро сами сдались —

Еще ноне тут Малороссия;
А на северну сторону походом пошли —
Прирубили калмык со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли —
Прирубили чукши с олюторами.
А кому будет божья помочь?
Скопину князю Михайлу Васильевичу,
Он очистил царство Московское
И велико государство российское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами
И кругом города ходили в каменной Москвы.
Отслуживши обедни с молебнами
И всю литоргию великую,
На великих на радостях пир пошел,
А пир пошел и великой стол
И Скопина князя Михайла Васильевича,
Про весь православной мир,
И велику славу до веку поют
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Как бы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москвы
У того ли было князя Воротынского
Крестили младого князевича,
А Скопин князь Михайла кумом был,
А кума была дочи Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынского
Как будет и почестной стол,
Тута было много князей и бояр и званых гостей.
Будет пир во полупире,
Княженецкой стол во полустоле,
Как пьянинькм тут расхвастались,
Сильны хвастает силою,
Богатой хвастает богатеством;
Скопин князь Михайла Васильевич
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкой мед,
Не с большего хмелю он похвастается:
«А вы глупой народ, неразумные!
А все вы похваляетесь безделицей;

Я, Скопин Михайла Васильевич,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистил царство Московское
И велико государство российское;
Еще ли мне славу поют до веку
От старого до малого,
А от малого до веку моего».
А и тут боярам за беду стало,
В тот час они дело сделали:
Поддернули зелья лютого,
Подсыпали в стакан, в меды сладкия,
Подавали куме его крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Примает Скопин, не отпирается,
Он выпил стакан меду сладкого,
А сам говорил таково слово,
Услышал во утробе неловко добре:
«А и ты съела меня, кума крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!
А зазнаючи мне со зельем стакан подала,
Съела ты мене, змея подколодная!»
Голова с плеч покатилася.
Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел,
Он садился, Скопин, на добра коня,
Побежал к родимой матушке;
А только успел с нею проститися,
А матушка ему пенять стала:
«Гой еси, мое чадо милая,
Скопин князь Михайла Васильевич!
Я тебе приказовала,
Не велела ездить ко князю Воротынскому,
А и ты мене не послушался;
Лишила тебе свету белого
Кума твоя крестовая,
Малютина дочи Скурлатова».
Он к вечеру, Скопин, и преставился.
То старина, то и деянье —
Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,

Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам, веселым молодцам, на потешенье,
Сидючи в беседе смиренныя,
Испиваючи мед, зелена вина;
Где-ка пива пьем, тут и честь воздаем
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

2

Прикажи, сударь хозяин, Скопина просказать,
Скопина князя Михайла Васильевича!
Снаряжается Скопин в каменну Москву,
В каменну Москву да и во Шведскую,
Во Шведскую да во Немецкую.
Ему матушка наказывала,
Молода жена наговаривала:
«Не езди, Скопин, в каменну Москву,
Не водись со князьями-боярами,
Со всею поленицею удалою,
Со Малютвой дочерью Курлатовой,
С Курлатовой Щербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шустовой женой».
Скопин своей матушки не слушает,
Он сам выходит на красно крыльцо,
Он сам говорил таково слово:
«Есть ли у меня млады конюги,
Млады конюги с подконюшниками?
Походите на конюшню белодубовую
По любимого по бахманца,
Седлайте в седло черкайское,
Уздайте уздою тесмяною,
Подтягивайте подпругами шелковыми,
Белого шелку шамахайского,
Застегивайте пряжками булатными
Не для-ради басы, ради крепости,
Ради крепости богатырския».
Сходил Скопин со красного крыльца,
Со того крыльца княжеского,
Садился Скопин на доброго коня,

На любимого на бахманца,
Поехал Скопин с широкого двора,
Он плеткой помахивал,
Золотой уздой побрякивал.
Приехал Скопин в каменну Москву
На ту площадь Красную
К тому собору Успенскому,
Скумился с кумой крестовою
Малютвою дочерью Курлатовой,
С Курлатовой Щербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шустовой женой.
У князя у Владимира
Был весел пир на радости.
Ах, белой день ко вечеру,
Ах, солнышко катится ко западу.
До полусыта бояра наедалися,
До полупьяна напивалися,
Между собой расхвасталися.
Первой-ет боярин хвалится,
Он хвалится-похваляется:
«У меня много золотой казны».
Второй боярин хвалится,
Он хвалится-похваляется:
«У меня много скатного жемчуга».
Еще боярин хвалится,
Он хвалится-похваляется:
«У меня много добрых коней».
Помолчавши, Скопин слово выговорил:
«Еще, пищики бояра, послушайте:
А кто-де Москву приочистил всю,
Кто поделал улочки широкие,
Переулочки чистые?»
За беду боярам слово показалося,
За досаду куме объявилося,
Сама говорила таково слово:
«Позабыла я, кума, поподшивати,
Поподшивати, почествовати».
Еще говорила таково слово:
«Где вы, слуги мои верные?
Скоро-борзо походите во питейной кабак,
Вынимайте мой золотой кабан,
Не велик, не мал — в полтора ведра вина;

Влейте ведро зеленого вина
Да полуведро зелья лютого,
Поднесите бокал Скопину-князю».
В середи чары огонь горел,
По краям чары ключи кипят.
Принимает Скопин единой рукой,
Выпивает Скопин на единой дух.
Как тут ясные очи замутилися,
Белые ручки опустилися,
Резвые ножки подломилися,
Загорелося ретивое сердце —
Садился Скопин на доброго коня
Не по-старому, не по-прежнему.
Как издалече-далече из чистого поля
Завидела его матушка,
Сама говорила таково слово:
«Не кума ли тя, дитятко, уподшивала,
Не крестовая ли тя, дитятко, учествовала?»
Через три часа Скопин представился.
Мыли его тело белое
Тремя водами ключевыми,
Пеленали его тело белое
Во ту фату мелкотравчату,
Клали его тело белое
Во ту колоду белодубову,
Выносили его тело белое
Ко свету Михаилу Архангелу
Во ту церковь соборную,
Хоронили его тело белое
Со всеми попами, со дьяконами,
Со всеми протопопы и архимандритами.

3

Ино что у нас в Москве учинилося —
С полуночи у нас в колокол звонили?
А расплачутся гости москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!»
А съезжалися князи-бояря супротиво к ним,
Мстисловской-князь, Воротынской,

И межу собою они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулися:
«Высоко сокол поднялся
И о сыру матеру землю ушибся!»
А расплачутся свецкие немцы:
«Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!»
Побежали немцы в Нóв-город
И в Нове-городе заперлися
И многой мир-народ погубили
И в латынскую землю превратили.

ПОП ЕМЕЛЯ

Выпала порошица
На талую землю,
Ой, с Дону, с Дону!
По той по порошице
Ишел тут обозец,
Ой, с Дону, с Дону!
Не мал, не величек —
Да семеро саней,
Ой, с Дону, с Дону!
Да семеро саней,
По семеро в санях,
Ой, с Дону, с Дону!
Во первых-то санях
Атаманы сами,
Ой, с Дону, с Дону!
Во вторых-то санях
Есаулы сами,
Ой, с Дону, с Дону!
А в четвертых санях
Разбойники сами,
Ой, с Дону, с Дону!
А в пятых-то санях
Мошенники сами,
Ой, с Дону, с Дону!
А в шестых-то санях
Дёрники сами,
Ой, с Дону, с Дону!

А в седьмых-то санях
Сам поп-ат Емеля,
Ой, с Дону, с Дону!
Сам поп-ат Емеля,
А крест на ремени,
Ой, с Дону, с Дону!
А крест на ремени
В четыре сажени,
Ой, с Дону, с Дону!
Рукой бласловляет,
Крестом наделяет,
Ой, с Дону, с Дону!
«Ох вы дети, дети,
Полезайте в клети,
Ой, с Дону, с Дону!
Головы рубите,
А душ не губите,
Ой, с Дону, с Дону!
Если бог поможет,
Попа не забудьте,
Ой, с Дону, с Дону!
Если ж черт обрушит,
Двора мого не знайте,
Ой, с Дону, с Дону!»

ДОНСКИЕ КАЗАКИ И АЗОВ-ГОРОД

1

У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городу,
Проявилась у нас, братцы, прирожоная тума,
Он из тум, братцы, тума, Сенька Маноцков злодей.
Крепкой думушки с стариками он не думывал,
Думывал крепкую он думушку с ярыжками,
Перекинулся собака ко Азовскому паше.
А Азовский-то паша стал его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, приятель, правду истинную,
Что-то думают у вас во Черкасском городу?»
— «Да у нас-то на Дону, во Черкасском городу
Старики-то пьют-гуляют, по беседушкам сидят,
По беседушкам сидят, про Азов ваш говорят;

„Ой не дай, боже, азовцам ума-разума того —
Не поставили б они башенки на усть речки Каланчи,
Не перекинули бы цепи через славный тихий Дон,
Не подвели бы они струны ко звонким колоколам!
Уж нельзя нам, братцы, будет во сине море пройтить,
По синю морю гулять, зипунов-то доставать“».
Как у нас было на Дону, во Черкасском городу,
Войсковой наш атаман во всю ночушку не спал,
Как со вечеру сокол наш Роговые проплывал,
Ко белу свету сокол наш по синю морю гулял,
По синю морю гулял, кораблики разбивал.

2

У нас было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, на тихо́м Дону,
На тихом Дону на Иваныче,
Соходился тут хорош-пригож казачий круг,
Донское казачьё со яицкими,
Гребенские с запорожскими.
По кругу ходит Иван Замо́рянин,
Он и речь ту говорит — во трубу трубит:
«Вечор-то нам, братцы, указ пришел,
Заутра нам, добрым молодцам, во поход идти,
Под тот ли под Азов-город,
Под тую ли под стену белокаменну.
Ой гой еси, добрые молодцы,
Донские казаки со яицкими,
Гребенские казаки с запорожскими!
Вы возьмите, молодцы, по топорику,
Сделайте тележеньки карли́нские,
Карлинские телеги со палубами,
Во тележеньки кладите живой товар —
По восьми молодцев,
А по девятому в провожальники,
По десятому в повозчики,
Ехать же нам, добрым молодцам,
Во Азов-город».
Не доехатчи Азова, становилися,
Пущали они в зелены лу́ги заповедные
Добрых коней,
Вот луга княженецкие.

Из того же из славного города из Азова
Выходили тут турецки целовальнички:
«Что это за диво, за дивовище,
Что у нас в лугах за народ стоит,
Попущали они добрых коней на стреножники?»
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряны сиповочки возговорили,
А возгóворит Иванушка Замóрянин:
«Ой вы гой еси, верны клюшницы,
Турецки целовальнички!
Я стою, Иван, со товарами со дорогильными.
Очищайте вы дворы въезжие,
Где со товаром раскластися,
А я сам стану, Иван, середь города,
Середь города, середь Азова».
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряная сиповочка возговорила —
Возговорит Иванушка Замóрянин:
«Ой гой еси, удалы добры молодцы!
Чтобы были у вас ружья чистые
И кремни вострые,
И во белых руках сабли вострые!»
На заре было, на зореньке,
На заре было на утренней,
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряна сиповочка возговорила,
А возговорит Иванушка Замóрянин:
«Вставай ты, вставай, мой живой товар,
Во белы руки берите сабли вострые,
Вы рубите со татар буйны головы!»

3

Шли казаки с моря Черного,
Лузями, болотами топилися,
Азова крепкого города таилися.
Не доехатчи Чагану, становилися,
Становились казаки во единый круг,
Они думу думали крепкую заединую,
Выбирали атамана походного.
Атаман у них пó кругу похаживает,

Он камышей своей тросточкой помахивает,
Казакам братцам работать наказывает:
«Ой вы слушайте, ребята, моего слова,
Моего слова атаманского:
Поедете гулять чрез большую степь,
Чрез такую чрез большую степь Азовскую —
Не стреножимши добрых коней, не пускайте в степь,
Не поставимши караула, не ложитесь спать,
Без денного часового чтобы не было».
Казаки его слова не послушали,
Не стреноживши добрых коней, попускали в степь,
Не поставимши караула, сами спать легли.
Наезжали на них кайсаки,
Всех казаков в полон пóбрали.

ВО СИБИРСКОЙ УКРАИНЕ, ВО ДАУРСКОЙ СТОРОНЕ

Во Сибирской во украйне,
Во Даурской стороне,
В Даурской стороне,
А на славной на<А>муре-реке,
На устье Комары-реке
Казаки царя белого
Они острог поставили,
Острог поставили,
Ясак царю собрали
Из-за сабельки вострыя,
Из-за сабли вострыя,
Из-за крови горячи<я>.
Круг они острогу Комарского
Они глубокой ров вели,
Высокой вал валилися,
Рогатки ставили,
Чеснок колотили,
Смолье приготовили.
Поутру рано-ранешонько
Равно двадцать пять человек
Выходили молодцы они
На славну Амуру-реку
С неводочками шелковыми
Они по рыбу свежую.

Несчастье сделалось
Над удалыми молодцы:
Из далеча из чиста поля,
Из раздолья широкого,
С хребта Шингальского,
Из-за белого каменя,
Из-за ручья глубокого
Выкаталася знамечка,
Выкаталася знамечко большее;
А знамя за знамем идет,
А рота за ротами валит,
Идет бойдоской князец
Он со силою поганою,
Со силою поганою
Ко острогу Комарскому.
Как вешнея вода
По лугам разлилася —
Облелеила сила поганая
Вкруг острогу Комарского,
Отрезали у казаков
Ретиво сердце с печенью,
Полонили молодцов
Двадцать пять человек
С неводочки шелковыми
И с рыбою свежею.
А и ездит бойдоской князец
На своем на добром коне,
Как черной ворон летает
Круг острогу Комарского,
Кричит бойдоской князец
Ко острогу Комарскому:
«А сдайтеся, казаки
Из острогу Комарского!
А и буду вас жаловать
Златом-серебром
Да и женски прелестными,
А женски прелестными
И душами красны девицы».
Не сдаются казаки,
Во остроге сидючи,
Кричат они, казаки,
Своим громким голосом:

«Отъезжай, бойдоской князец,
От острогу Комарского!»
А втапоры бойдоско<й>князец
Со своею силою поганою
Плотной приступ чинит
Ко острогу Комарскому.
Казаки они справилися,
За ружье сграбилися,
А было у казаков
Три пушки медныя,
А ружье долгомерное.
Три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули,
А прибили они, казаки,
Тое силы бойдоские,
Тое силы бойдоские,
Будто мушки ильинские,
Тое силы поганые.
Заклинался бойдоской князец,
Бегучи от острогу прочь,
От острогу Комарского,
А сам заклинается:
«А не дай, боже, напредки бывать
На славной Амуре-реке!»
<На славной Амуре-реке>
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена крепкая
И сделан гостиной двор
И лавки каменны.

ПОД КОНОТОПОМ ПОД ГОРОДОМ

За рекою, переправою,
За деревнею Сосновкою,
Под Конотопом под городом,
Под стеною белокаменной,
На лугах, лугах зеленыех
Тут стоят полки царские,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянские.

А из далеча-далеча из чиста поля,
Из того ли из раздолья широкого,
Кабы черныя вороны табуном табунилися —
Собирались, съезжались
Калмыки со башкирцами,
Напущалися татарове
На полки государевы.
Они спрашивают, татарове,
Из полков государевых
Себе сопротивника.
А из полку государева
Сопротивника не выбрали,
Ни из стрельцов, ни из солдат-молодцов.
Втапоры выезжал Пожарской-князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин большой словет,
Пожарской-князь.
Выезжал он на вылазку
Сопротив татарина
И злодея наездника.
А татарин у себя держит
В руках копье вострое,
А славны Пожарски<й>-князь —
Одну саблю вострую
Во ручиньки правыя.
Как два ясныя соколы
В чистом поле слеталися,
А съезжались в чистом поле
Пожарской-боярин с татарином.
Помогай, бог, князю
Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей вострою
Он отводил востро копье татарское
И срубил ему голову,
Что татарину-наезднику.
А завыли злы татарове поганыя, —
Убил у них наездника,
Что ни славного татарина.
А злы татарове крымския,
Они злы да лукавые,
Подстрелили добра коня

У Семена Пожарского,
Падает его окарачь добрый конь.
Воскричит Пожарской-князь
Во полки государевы:
«А и вы солдаты новобраные,
Вы стрельцы государевы!
Подведите мне добра коня,
Увезите Пожарского,
Увезите во полки государевы!»
Злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
А металися грудою,
Полонили князя Пожарского,
Увезли его во свои степи крымския,
К самому хану крымскому,
Деревенской шишиморы.
Его стал он допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской-князь,
Князь Семен Романович!
Послужи мне верою,
Да ты верою-правдою,
Заочью, не изменою;
Еще как ты царю служил,
Да царю своему белому,
А и так-то ты мне служи,
Самому хану крымскому;
Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелестными
И душами красными девицами».
Отвечает Пожарской-князь
Самому хану крымскому:
«А и гой еси, крымской хан,
Деревенской шишиморы!
Я бы рад тебе служить,
Самому хану крымскому;
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны белы руки
Во чембуры шелковыя,
Кабы мне сабелька вострая, —
Послужил бы тебе верою
На твоей буйной голове,

Я срубил<бы>тебе буйну голову!»
Скричит тут крымской хан,
Деревенской шишиморы:
«А и вы татары поганыя!
Увезите Пожарского на горы высокия,
Срубите ему голову,
Изрубите его бело тело
Во части во мелкие,
Разбросайте Пожарского
По далече чисту полю!»
Кабы черныя вороны
Закричали-загайкали,
Ухватили татарове
Князя Семена Пожарского,
Повезли его татарове
Они на гору высокую,
Сказнили татарове
Князя Семена Пожарского,
Отрубили буйну голову,
Иссекли бело тело
Во части во мелкия,
Разбросали Пожарского
По далече чисту полю,
Они сами уехали
К самому хану крымскому.
Они день-другой не идут,
Никто не проведает,
А из полку было государева
Казаки двоя выбрались,
Эти двоя казаки-молодцы,
Они на гору пешком пошли,
И зашли тута на гору высокую,
И увидели те молодцы
То ведь тело Пожарского:
Голова его по собе лежит,
Руки, ноги разбросаны,
А его бело тело во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти казаки-молодцы его тело собрали
Да в одно место складовали;
Они сняли с себя липовой луб
Да и тут положили его,

Увязали липовой луб накрепко,
Понесли его, Пожарского,
<К> Конотопу ко городу.
В Конотопе-городе
Пригодился там епископ быть,
Собирал он, епископ, попов и дьяконов
И церковных причетников
И тем казакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарского.
И склали его бело тело в домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою белодубовою.
А и тут люди дивовалися,
Что его тело вместо срасталося.
Отпевавши надлежащее погребение,
Бело тело его погребли во сыру землю
И пропели петье вечное
Тому князю Пожарскому.

РУССКОЕ ВОЙСКО ПОД СМОЛЕНСКОМ

Не злаченая труба в поле трубилася,
Не скаченая жемчужинка прокатилася —
Пригласил-то нас надежа православной сар:
«Ох вы дети мои, дети мои, мои детушки,
Развоенные мои да вы солдатушки!
Послужите вы, робята, верой-правдою,
Верой-правдою, робята, неизменною,
Вы достаньте, допустите взять Смолйн-город».
Еще во ту пору робята запечалились:
«Как теперыче нам на свете живым не бутъ,
Не видать-то нам, робята, отца, матерей,
Отца, матерей, робята, молодых жен,
Молодых жен, робята, малых детушок».
— «Еще дам я вам воеводу неизменную,
Свет любимого мого шурина,
Света Якова дам вам да Люпопостовича».
Тут пошла-то наша сила
Да по горе, горе Покровской,
Под славной город Смолинской.
Шел Илья сын Мирославской.

На прыступ ставал не крепко,
Раздражал полки не ланно.
Велел схóняя он подрубити,
По схоням скоро бегите.
Один маленькой панёнок
Ниоткуль он выбегаёт,
В пушку порох зажигаёт.
В пушке порох заражатся,
Люто зелье раздрыватся.

СМОЛЕНСК — «МОСКОВСКОЕ СТРОЕНЬИЦЕ»

Посредé ль было Московского царства,
Середи было российска государства,
Как у света у Архангелы Михайлы,
У Ивана у Великого в соборе
Зазвонили во большой во колокол,
Всих князей-бояр к обедне созывали,
Там служили святыи молебен.
Выходил нашá надежа государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский,
Становился государь на ровно место,
На все стороны он поклонился.
Что не золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенела —
Зговорил нашá надежа государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский:
«Ай же вы мои князья-бояра!
Пособите государю думу думать,
Дума думать государю, не продумать:
А отдать ли мне-то город Смоленец?»
Из того ли из боярского из круга
Еще первыи боярин выступает,
Тимофей сударь Иванович казанский.
Поблизешеньку к царю он становился,
Понизешеньку царю он поклонился:
«Ах ты свет нашá надежа государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови-тко, государь, мне слово молвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,

Не вели-тко скоро зá слово казнити.
А отдай-ко ты город Смоленец —
А Смоленец-то город не крепок,
Во Смоленце золотой казны немножко,
Не московскоё строеньицо — литовско».
Государь-то ведь тем речам не принялся,
Алексей сударь Михайлович московский.
Из того ли из боярского из круга
Еще другии боярин выступает,
А Илья сударь Иванович Хованский.
Приблизешенько к царю он становился,
Понизешенько царю он поклонился:
«Ах ты свет нашá надежа государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови-тко, государь, мне слово вымолвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро за слово казнити.
Ты отдай-ко ведь город Смоленец —
А Смоленец-то город не крепок,
Во Смоленце золотой казны немножко».
Государь-то ведь тем речам не принялся,
Алексей сударь Михайлович московский.
Из того ли из боярского из круга
Еще третии боярин выступает,
А Иван сударь Иваныч Милославский.
Приблизешенько к царю он становился,
Понизешенько царю он поклонился:
«Ах ты свет наша надежа государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский!
Не отдай-ко ты города Смоленца —
А Смоленец-то ведь город очень крепок,
В Смоленце золотой казны бессчётно,
Не литовское строеньице — московско».
Тут проговорит свет наша надежа государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский:
«Ай же ты храбрый воин
Иван сударь Иваныч Милославский!
А ты знаешь ведь с царем и говорити.
Поезжай туда во полки воеводой!»
А как тех бояр велел да царь казнити.

* * *

А под славным было городом под Ригою,
Что стоял царь-государь по три годы,
Еще бывшей Алексей царь Михайлович.
Изволил царь-государь наряжатися,
Наряжается царь-государь в каменну Москву,
А и бывшей Алексей царь Михайлович.
Что поутру было рано-ранешонько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было красного солнушка,
Как бы гуси-лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобраныя:
«А свет государь благоверной царь,
А и бывшей Алексей царь Михайлович!
Ты изволишь наряжаться в каменну Москву,
Не оставь ты нас, бедных, под Ригою,
Уж и так нам-де Рига наскучила,
Она скучила нам, Рига, напрокучила.
Много холоду, голоду приняли,
Наготы-босоты вздвое того».
Что злата труба под Ригою протрубила —
Прогласил государь благоверной царь:
«А и детушки вы солдаты новобраныя!
Не одним вам Рига та наскучила,
Самому мне, государю, напроскучила.
Когда бог нас принесет в каменну Москву,
А забудем бедность-нужу великую,
А и выставлю вам погребы царския,
Что с пивом, с вином, меды сладкия».

ОСАДА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

1

На Москве было на базаре,
Собиралися бояре,
Выбирали бояре
Из бояр воеводу,
Выбирали Ивана Петрова
Из того ли из роду Салтыкова,

Перед царские очи становили.
Как возговорит православный царь
Алексей-то Михайлович,
Его царское величество:
«Ох ты гой еси, большой боярин,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю ко синему,
Ко тому острову ко большому,
Ко тому к монастырю ко честному
К Соловецкому,
Ты порушь веру старую, правую,
Постановь веру новую, неправую».
Как возговорит большой боярин,
Любимый царский воеводушка:
«Ох ты гой еси, православный царь
Алексей Михайлович,
Твое царское величество!
Нельзя об том и подумати,
Нельзя об том и помыслити,
Как порушить веру старую, правую,
Как поставить веру новую, неправую».
Царь разозлился,
Царь распалился,
Воевода прогрешился.
Как возговорит большой боярин,
Любимый царский воеводушка:
«Ох ты гой еси, православный царь
Алексей Михайлович,
Твое царское величество!
Уж и дай мне силу не малую, не великую —
Сорок полков да всё тысячных,
Сорок пушек да всё медныих,
Зелья пороху сколько надобно».
Как и было в самый ли Петров-то день,
Как на синем было морюшке,
На большом было на острове,
Во честном монастыре было:
Отошла честна заутреня,
Пономарь звонил к обеденке,
Честны старцы пели молебены;
Как бежит пономарь,
Неразумный звонарь:

«Ох вы гой еси, честны старцы!
Как идет сила не малая, не великая —
Сорок полков да всё тысячных,
Сорок пушек да всё медныих,
Зелья пороху сколько надобно,
Да всё войско православное.
Не то и́дут они ратиться,
Не то и́дут они молитися».
— «Ох ты глупой звонарь,
Неразумный пономарь!
Да то войско православное,
Не идет оно ратиться —
Идет оно молитися».
На ту пору пушкари были догадливы,
Брали ядрушко каленое,
Забивали во пушечку медную,
Палили во тот во честно́й монастырь
Во Соловецкий.

2

Во Москвы то было, во царстве,
Во прекрасном восударстве,
Перебор-то был боярам,
Пересмотр-от был воеводам.
Из бояр, бояр выбирали,
Воеводу-ту поставляли,
Воеводу-ту не простого,
Его роду же не простого —
Из бояр князь Салтыкова.
Воспрого́ворит-то восударь-царь наш,
Алексей сударь свет Михайлович:
«Уж ты гой еси, воевода!
Я пошлю тебя, воевода,
Ко мона́стырю святому,
Ко игумену честно́му,
Стару веру ту поруши́те,
Стары книги исприби́те,
На огни вы вси сожгите».
Воспрого́ворит воевода:
«Уж ты гой еси, государь-царь наш,
Алексей ты суда́рь Михайлович!

Как нельзя-то думой подумать
На святó ведь на это место,
На прекрасную кенорию,
Шчё на свéтов-то преподобных —
Соловецких ведь чудотворцев».
Воспрогóворит осударь-царь наш,
Алексей-от судáрь Михайлович:
«Уж ты гой еси, воевода!
Прикажу я тебе казнити,
Руки, ноги же отпилити,
Буйну голову отрубити».
Воевода-то испугалсе,
Сам слезами же обливалсе:
«Уж ты гой еси, государь-царь наш,
Алексей же судáрь Михайлович!
Погоди ты меня пилити,
Уж мне дай речь говорити.
Мне-ка дай же ты силы много,
Мне стрельцов, борцов, солдатов».
Шчё садилсе-то воевода,
Недалёк' он, свет, отъехал,
Он расплакалсе, сам раздумалсе:
«Хошь я смерть ту я приму же!»
Он раздумалсе, воевода, —
Во пути будто разнемогсе,
Он назад скоро воротилсе.
На то место-то накупалсе
Из бояр, бояр князь Пешéрской.
Шчё садилсе-то воевода
Он во лёгоньки стружочки,
Потянули-то ветры буйны
С полудённую сторонку,
Уносило-то воеводу
Ко монáстырю святому,
Ко игумену честнóму,
Как ко свéтам-то преподобным —
Соловецким же чудотворцам.
Как стрелял, стрелял воевода
Во соборну-ту божъю церковь,
Уронил-то тут воевода
Богородицу со престола.
Вси монахи-ти испугались,

По стенам-то вси побросались,
В одну келью-ту собирались,
В одно слово-то говорили,
Говорил-то всё игумен:
«Вы не бойтесь-ко, мои дети,
Не страшитесь-ко этой страсти.
Мы по-старому ведь отслужим,
С Христом в царстве с им прибу́дём».
По грехам было сучинилось,
По тяжки́м грехам сотворилось:
Захотел-то ведь деревяга
В святом озере (он) купатьсе,
По веревкам че́рез стену-ту опускатьсе;
Ишше пал этот грешник
Он на сы́ру-ту землю,
Он сломил свою праву руку,
Извихну́л свою леву ногу.
Тут пришел к ёму воевода:
«Ты скажи-ко нам сущу правду, —
Ище порохом-то ли дово́лён мона́стырь,
Ишше пушками-то доволен ли,
Ишше крепостью-то крепок ли,
Да людьми-то ведь он лю́дён ли?»
Говорил-то тут деревяга:
«Он ведь крепостью-ту крепок,
Он людьми тольки не лю́дён.
Попади́те й вы зайдите
Дровяным-то в стену окошком».
Как зашел-то воевода,
Рассказал как деревяга,
Он зача́л тут, воевода,
Стару веру-ту поруши́л взял,
Стары книги-ти божьи изорвал всё,
На огни-ти он прижигал их.
Всех монахов прирубили,
В си́нё морё-то помётали,
Над игуменом наругались:
Речист язык у его отрежут.
Через ночь было тако чудо —
Он ведь сделалсе весь здравой;
Они взяли его убили —
Как небесно царство купили.

Во ту пору-ту, во то время,
В са́му в ту ведь в тёмну ночку
Ишше к нашому царю жо
К Алексею-то свет Михайловичу
Как приходят к ёму два старца,
Как хотят-то его убити,
Руки, ноги да отпилити.
Говорят ёму таки речи:
«Уж ты гой еси, государь-царь,
Алексей ты суда́рь Михайлович!
Не разоряй-ко ты старой веры».
Посылат-то ведь царь же скоро
Он гонцов-то скоро́, солдатов:
«Старой веры не разоряйте,
Вы ведь книг-то не разрушайте,
На огни-то не разжигайте,
Вы монахов-то не рубите».
Ище стретили воеводу
В славном городе во Вологды,
Воевода-то разболелсе,
Он в худой-то боли́ скончалсе.
Государь-от, государь наш царь,
Алексей свет суда́рь Михайлович
За воеводой собиралсе,
Жисть своёй жизнью скончалсе.
Понесли ёго в божью церковь —
Потекло у ёго из у́шей-то,
Потекла у ёго всяка гавря.
Ишше уши-ти затыкали
Всё хлопчатой белой бумагой.

КАЗАКИ УБИВАЮТ КАРАМЫШЕВА

1

Вниз-то было по матушке Камышинке-реке,
Супротив-то было устьица Самары-реки,
Что плывет тут легка лодочка-коломенка,
Что в той лодочке сидит млад посланник царев,
Карамышев князь Семен сударь Константинович.
Во левой он руке держит государев указ,

А во правой руке держит саблю острую.
Что по крутому по красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку
Что ходили тут, гуляли добрые молодцы,
Добры молодцы гуляли, все донские казаки,
Что донские, гребенские, запорожские,
Да и славные казаки, братцы, яицкие.
Они думали крепку думушку заедино,
Что сказали все словечушко в единой глас.
Становили они пушечку, братцы, медную,
Закатили в нее ядрышко чугунное,
Что палили они в лодочку-коломенку.
Никого они в лодочке не ранили,
Только убили одного царского посланника.

2

Уж не травушка в чистом поле зашаталась,
Не муравая ко сырой земле приклонялась —
Подымается с Москвы большой боярин
Он на тихий Дон на Иванович гуляти.
Не доехавши он тиха Дону становился,
Похвалялся он казаков всех там перевешать.
Во единой круг казаки тотчас собирались,
Посередь круга становился царев боярин,
Он начал читать государевы для них указы.
Дочитался он до царского только титула,
Казаки тотчас все шапки тут поснимали,
А большой-ат царев боярин шляпы не снял,
Оттого-то все казаки тотчас взволновались,
Разъярившись, они на боярина вдруг бросались,
Буйну голову от бела тела отрубили,
А бело тело во тихий они Дон бросали,
А убивши, они его телу говорили:
«Почитай ты, большой боярин, государя,
Не гордися ты перед ним, боярин, и не славься».
Ко царю они с повинною приходили:
«Ты гой еси, наш батюшка православный царь!
Ты суди, государь, нас праведной расправой,
Повели над нами делать что изволишь,
Уже ты волен над нашими головами».

КАЗАКИ ИЗГОНЯЮТ КАРАМЫШЕВА

Еще вниз-то было по матушке Камышинке-реке,
Сопротив того было устьица Самары-реки,
Что плывет тут, выплывает легкая лодочка,
Легкая лодочка выплывает, братцы, коломенка.
Хорошо больно легкая лодочка изукрашена,
Серебром, златом легкая лодочка изнасечена.
Посередь стоит легкой лодочки знамя царское,
Что во лодочке сидит младой посланник царев,
Карамышев князь Семен сударь Констентинович.
Во правой руке он держит государев указ,
Во левой руке он держит саблю вострую.
Пристает он ко крутому красну бережку,
Ко сыпучему ко крупному желту песку.
Казаки все собираются во единой круг,
Становится млад посланничек середи круга,
Что читает им посланничек государев указ.
Казаки все для указа шапки посняли,
Млад посланничек не снимает шляпы черныя.
Казаки тут все в минуту взволновалися
И со всею его гордостью из стану выгнали.

РАЗИН И КАЗАЧИЙ КРУГ

1

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу,
Породился удалой доброй молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
В казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал,
Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голутьбою:
«Судари мои братцы голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемте, братцы, бесурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем».

2

Как у нас то было на тихом Дону, в славном
Городе Черкасскиим.
Породился, появился
Удалой-то там казак,
По прозванью Степан Тимофеевич.
Степан Тимофеевич,
В войсковую канцелярию
Он совсем не хаживал.
Он совсем не хаживал,
С казаками-то во кругу
Дум горькиих он не думывал.
Дум горькиих не думывал,
Как ходил-то он во царев кабак,
Степан Тимофеевич.
Степан Тимофеевич,
Думал думушку со своей голью,
Он голью-голытьбою.
Он голью-голытьбою:
«Ты голытьбушка ли моя,
Голь моя разбессчастная!
Голь моя несчастная,
Собирайся-ка ты, голытьбушка,
На сине море гулять.
На сине море гулять,
Разнесем-ка мы по бревнушкам
Кораблики басурманские.
Корабли-то вражие,
Побываем мы, погуляем
На Волге, широкой реке».

3

Как у нас было на батюшке
На тихом на Дону,
Что на тихом Дону на Иваныче,
Что во славном городе
Было во Черкасске.
Как со вечера у нас есаул гребенской
Клич закликивал:
«Уж вы други мои донские казаки,

Вы испейте-ка дорогого вина,
Дорогого вина, пойлица некупленного!
Поутру-то у нас, у казаченьков,
Будет весь повальный круг.
Что и всех ли-то казаченьков
Сорок тысяч будет,
Кроме старых-стародавних,
Кроме малых-малолетних».
Во кругу стоит золотой бунчук,
Во кругу стоит атаманушка,
Перед ним стоит войсковой писарь,
В руках держит три указа государевы.
Он читает указушки скорописные,
Чтобы выслать Сеньку Разина
Во каменну Москву.
А до этого Сенька Разин
В круг не хаживал,
А теперь у нас он во кругу стоит,
Во кругу стоит он и речь говорит:
«Что не царские-де эвто грамоты,
А боярские-де эвто вымыслы».
И сказавши этак, он вышел из круга.

4

Разливалася в зеленых лугах вода полая,
Потопляла у казаченьков теплы лагери.
Середи моря было Каспицкова
Стоял тут Лиман-остров,
На этом на острове стоял воровской корабль,
На этом на корабличке муравлин чердак,
В этом чердачке золотой бунчук,
В этом бунчуке царски знамечки,
У этих у знамечков часовой стоит;
Перед ним, перед молодцем, раздвижной стул,
На стулу сидит воровской атаман,
По имени атаманушка Степанушка,
По батюшке Степанушка Тимофеевич,
По великому по фамильицу Степан Разин.
С старшинами он думушку не думает,
К казакам он, Степан Разин, в круг не хаживает,
Он думает крепку думушку с своей буйной головушкой.

ПОХОД РАЗИНЦЕВ НА ЯИК

1

Быстрехонько
Течет Уралушка-Урал, славная река.
А сверх того Уралушки, сверх-то Горыныча,
Сверх Горыныча,
Бегли-выбегали астрахански три новы стружки.
Как один-то из них-то стружечушко,
Стружечушко,
Вперед всех выбегал, как ясен сокол вылетал.
Изукрашен был стружечушко лучше-краше всех.
Лучше-краше всех,
По бокам-то у него медные все пушечки,
Посреди было стружечушка — золотой бунчук.
Золотой бунчук,
Как под бунчуком стояла дубова скамья,
На скамье сидел донской воровской атаманушка.
Атаманушка
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Уж он речь возговорил, как в трубу-то вострубил.
В трубу вострубил:
«Уж вы гряньте-ка, ребятки, удалые казаки,
Вдоль по батюшке Уралушке, по славной реке».

2

Яик ты наш, Яик ли сударь Горынович Яик!
Быстрее ты, Яик ли сударь, всех речушек течешь,
Урваючи свои же да круты красные бережка,
Желты пески сыпучие поверх себя несешь.
Сверху тебя, Яика, поверх Горыновича,
Плывут тут выплывают три ветляные стружка.
Един, братцы, стружечек да наперед скоро бежит,
Наперед скоро бежит, что ясен сокол летит.
На том же на стружечике золотой бунчуг стоит,
Под бунчугом сидел же воровской, братцы, атаман,
По имени Степан сударь Тимофеев сын,
Прозваньем вор-собака Стенька Разинов атаман.
Он слово-то промолвит, как в трубу, братцы,
вострубит:

«Спасибо те, спасибо морю синему всему!
Еще ж, братцы, спасибо Колыванскому острову!
А и упито тут было, братцы, зеленого вина,
Еще ж, братцы, уедено сорочинского пшена,
Еще ж, братцы, уношено цветного платья».

РАЗИНЦЫ НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

1

Тихохонько сине море становилося,
Ничем наше Каспийское не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалося.
Замерз-то наш воровской стружок.
Что на том ли на стружке атаман сидит,
Что по имени Степан Тимофеевич,
По прозванью Стенька Разин сын.
Он речь говорит, братцы, как в трубу трубит:
«Ах вы гой еси, удалы добры молодцы!
Вы берите еловчатые веселички,
Вы бейте-пробивайте тонкой осенний лед,
Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
Что до той ли до проточинки Червонныя,
Как до славного до острова Кавалерского.
Ах, там ли нам, братцы, дуван делить,
Нам атласу и бархату по размеру всем,
Золотой парчи по достоинствам,
Жемчугу по молодечествам,
А золотой казны сколько надобно».

2

Что пропились робятушки, промоталися,
Во косточки и в карты проигралися.
На что-то мы, робята, понадеялись?
Понадеялись робятушки на сине море,
Что на синее на море на Хвалынское.
Соберемтесь же, робята, во единый круг,
И мы срядимте, робята, легку лодочку,
Еще легкую ли лодку семисаженну.

Как мы грянемте, робята, вдоль синя моря,
Вдоль синя моря, вдоль Хвалынского.
Мы пристанемте, робята, к круту бережку,
Как взойдемте ж мы, братцы, на круту гору,
Поглядимте мы, робята, на сине море,
Каково-то наше море становилося.
Что ничем наше Хвалынское не ворохнется.
Замерзало наше судно в воровских островах.
Потянула тут погода со святой Руси,
Как взломало наше море из конца в конец.
Выплывает наше судно из воровских островов,
И мы взяли это судно да поехали,
Что разъехавшись, робята, раззаводились.

3

Как из славного царства Астраханского
Что не грозная тут туча подымалася —
Подымалась, снаряжалась грозна высылка.
Что разъезд она держит до кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборища бурлацкого,
До притону ли казацкого.
Казаки, там сидя, догадалися,
Что во легкие во лодки пометалися.
Одного ли добра молодца покинули,
Что не лучшего ль из молодцов ясаула.
Доброй молодец по острову похаживает,
И он добрую свою фузею за плечам носит,
И он острою своею саблей подпирается,
Сам горючими слезами обливается.
Он вскричал ли, возопил ли громким голосом:
«Государи вы братцы товарищи!
Не покиньте доброго молодца при бедности.
Уж как в некоторо время пригожусь, братцы, вам,
Заменю я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою».
Как товарищи от молодца уехали,
Поймали молодца на острове.

РАЗИН И ДЕВКА-АСТРАХАНКА

Уж вы горы мои, горы,
Прикажите-ка вы, горы,
Под собой нам постояти;
Нам не год-то годовати,
Не неделюшку стояти —
Одну ночку ночевати,
И тою нам всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань нам город
В глуху полночь проехать,
Чтоб никто нас не увидел,
Чтоб никто нас не услышал.
Как увидел и услышал
Астраханский воевода.
Приказал же воевода
Сорок пушек заряжати,
В Стеньку Разина стреляти.
«Ваши пушки меня не возьмут,
Легки ружьецы не проймут,
Уж как возьмет ли, не возьмет
Астраханска девка Маша».
По бережку Маша ходит,
Шелковым платком машет.
Шелковым платком махала,
Стеньку Разина прельщала.
Стеньку Разина прельстила,
К себе в гости заманила,
За убран стол посадила,
Пивом, медом угостила
И допьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.
Как пришли к нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки, ноги
Железными кандалами,
Посадили же Стеньку
Во железную во клетку,
Три дни по Астрахани возили,
Три дни с голоду морили.

Попросил же у них Стенька
Хоть стакан воды напиться
И во клетке окатиться.
Он во клетке окатился —
И на Волге очутился.

РАЗИН И ВОЕВОДА

Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось,
Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге черноярские стружочки,
Забелелися на мачтах тонкия белыя парусочки.
Что не черной ворон гаркнул, что возговорит Стенька Разин:
«Ой вы гой еси, казачье наше вольное собранье!
Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалейте.
Нам бы Астрахань-город ополноче бы пробежати,
Черноярской городочек что на утренней на зоре,
Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал».
Как один, братцы, увидел и один, братцы, услышал —
Господин большой боярин, черноярский воевода.
Шел от ранния от обедни, велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити во большой во набатной,
Чтоб стрельцы да собирались, пушкари бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стеньке бы стреляли.
Что возговорит Стенька Разин городскому да воеводе:
«И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте —
Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет».
Что метался Стенька Разин на угольную на башню,
Со великого раскату воеводу долой сбросил,
Его маленьких деток он всех за ноги повесил.

РАЗИН НА ВОЛГЕ

Вы вставайте-ко, братцы, раненько,
Поутру встава... ой, вставайте раненько,
Умывайтесь-ко, братцы,
Утром раннею росою,
Умывайтесь-ко, братцы,

Да утром раннею, ой, да росою,
Обтирайтесь-ко, братцы,
Да тонким белым по... ой, полотенцем.
Да помолимся, братцы,
Да мы святителю Николы,
Да мы помолимся, братцы,
Да мы святителю Николы.
Уж мы зайдем-ко, братцы,
На высокие на горы,
Уж мы зайдем-ко, братцы,
На высокие, ой, да на горы,
Мы посмотрим-ко, братцы,
Вниз по матушке по Волге,
Мы посмотрим-ко, братцы,
Вниз да по матушке по Волге.
Не белым-то за... ой, забелелось,
Не черным-то за... ой, зачернело,
Не белым-то забелело,
Не черным-то, ой, зачернело,
Зачернела наша Волга
Черными легкими стругами,
Зачернела наша Волга
Черными легкими стругами,
Забелела наша Волга
Тонкими легкими па... ой, парусами,
Забелела наша Волга
Тонкими белыми па... ой, парусами.
Что на этих на стружочках
Стенька Разин сам, ой, сам при форме,
Что на этих на стружочках
Стенька Разин сам при форме.
Не лютой-от зверь воскрикнет —
Стенька Разин сло... ой, слово молвил:
«Уж вы гребцы мои, гребцы,
Ой удалы добры молодцы,
Уж вы гребцы мои, гребцы,
Ой удалы добры молодцы!
Вы гребите, не гребите,
Своих ручек не жалейте,
Вы гребите, не гребите,
Своих ручек не жалейте.
По полуночи, ребята,

Казань-город проплывати,
А по утренней по зорьке
В Астрахань-город поспевати!»

«СЫНОК» РАЗИНА В АСТРАХАНИ

1

Гридитесь, ребятушки, на сторонку на свою,
На своей сторонке жарко и тяпло!
Во городе было в Астрахани,
Проявился разудалый молодец,
Шибко, щебетко по городу гулял,
Нараспашечку черный бархатный кафтан,
Во белых руках злат персидский кушачок.
Астраханскием купцам он не кланяется,
Офицерам-господам он челом-челом не бьеть,
Астраханскому губернатору он под суд ему нейдеть.
Как увидел губернатор из косящета окна,
Закричал ли губернатор громким голосом своим:
«Да вы слуги мои слуги, слуги вернаи мои!
Вы подитя приведитя вы вдалого молодца».
Как и взяли молодца во царевом кабаке,
Приводили ж молодца к губернатору на двор,
Становили ж молодца супроти красного крыльца.
Выходил ли губернатор с губернаторшей своей,
Как и стал губернатор его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, бродяга, ты откуда, чей такой?
Или с Дону ты казак, иль казацкий ты сын,
Иль казацкий ты сын, или низовский купец?»
— «Не тебе ли, губернатор, мене спрашивати,
Не тебе ли было мне, было сказывати.
Со реки, реки Камышки Сеньки Разина я сын.
Мой батюшка хотел во гости побывать,
Хотел во гости побывать, ты умей его принять,
Ты умей его принять, умей потчевати.
Если умеешь ты принять, кунью шубу подарю,
А не умеешь ты принять, во острог я посажу».
Закричал ли губернатор громким голосом своим:
«Уж вы слуги мои слуги, слуги вернаи мои!

Вы подитя отведитя удалого молодца
В белу каменну тюрьму».
Как и душечка молодчик он посиживаить,
Да частешенько в окошечко он посматриваить,
На реку, реку Камышку он поглядываить.
По реке, реке Камышке там суденышко плыветь.
«Вы ребяты, вы ребяты, удалые молодцы!
Посмотрите-тка, ребяты, то мой батюшка сидить».
— «Вы ребята, вы ребята, вы товарищи мои!
Вы не знаитя, ребята, про несчастьицо мое —
Как и мой дитё Ванюша в белой каменной тюрьме.
Мы до городу дойдем,
Белу каменну тю́рьму мы по камню разберем,
С самого ли губернатора мы шкуру сдерем».

2

Что и во городе во Астрахани
Тут чудился, проявился
Во незнамый, братцы, человек.
Чисто, щепетно
Мальчик по городу
Разгуливает,
Он разгуливает, молодец,
А во черной бороде.
На нем кафтанчик нараспашечку,
Нараспашечку мальчик идет.
Хирсовый кушачок
На его на правых плечах,
Белевые чулочки
На его резвых ногах,
Сафьян-сапожки
На его на белых чулках,
На нем черная шляпа
Только с прозументом
На его русых на кудрях.
Он ни князем, ни боярам
Не кланялся никому,
Астраханским купчикам
Он челом, мальчик, не бьет,
Астраханскому губернатору
Он под суд к нему, мальчик, нейдет.

Увидал же только губернатор
Детинушку, его, из окна,
Только вышел губернатор
На крашеный славной крылец,
Закричал же губернатор
Своим вышним голосом:
«Ой вы слуги мои слуги,
Слуги верные мои!
Вы подите приведите
Удалого молодца».
Закидались, заметались
Слуги верные его
По трактирам, по кабакам,
По питейныим домам.
Захватили молодца
Близ царёва кабака,
Привели молодца
Губернатору прямо на двор,
Поставили молодца
Подле красного крыльца.
И вышел губернатор
На свой славной крылец,
Стал расспрашивать губернатор
Детинушку, его, одного:
«Ты скажи, скажи, детинушка,
Всею правду про себя.
Да чьего рода, из которого города
И сколько тебе лет,
И питерский, аль московский,
Аль асрыханский ты купец?»
— «Ни питерский, ни московский,
Ни асрыханский я купец.
Не тебе, губернатор,
Меня спрашивать, молодца.
Я купец, только из огненной я реки,
Стеньки Разина я сынок».
И закричал губернатор
Своим вышним голосом:
«Слуги верные вы мои!
Эк, вы подите, его отведите
В новокаменну во тюрьму».
— «Ах, новокаменна тюрьма

Синя крепушка моя.
Ах, как откроется весна,
Придет батюшка скосна,
Придет новый батюшка скосна,
Новокаменну тюрьму
По камешкам всею разберет,
Да всё невольничек распустит».
Как открылася весна красна,
Пришел батюшка воскосна,
Новокаменну мое тюрьму
Всё по камешкам разобрал,
Всё невольничек распустил.

3

«Мне вечор-то, вечор
Мне малым-то мало спалося,
Во сне много виделось:
Будто конь мой вороной
Разыгрался подо мной,
Разыгрался, расплясался
Под удалым добрым молодцем.
Как подули ветры буйны
Со восточной стороны,
Сорывали чёрну шляпу
С моёй буйной головы,
Оторвался лук звончатый
Всё со левого плеча,
Рассыпались калены стрелья
Врозь по матушке сырой земле.
Да на кто же етот сон
Отгадать бы его мог?»
Что бралася сон гадать
Что родная его мать:
«Да начто его гадать,
На словах можно сказать:
Что тебе-то, добру молодцу,
Быть убитому,
Ворону твому коню
Быть подстрелену,
Молодой твоёй жене

Быти вдовушкой,
Малым детушкам твоим
Быть сиротушками».
Тут прослылся, проявился
Всё незнамый человек,
Что незнамый, незнакомый,
Стенька Разина он сын.
Уж он шипетко по городу
Похаживает,
Он козловые сапожки
На босу ногу носил,
Он зеленый свой кафтанчик
Нараспашечку,
Свою черную он шляпу
На ухе ее носил.
Уж он штабам-офицерам
Он не кланялся,
Молодому губернатору
Он поштенья не давал.
Увидал его, младца,
Губернатор со крыльца:
«Насколько бы я ко́зны дал,
Кабы я его узнал!»
— «Начто ко́зну терять —
Меня так можно узнать.
Ты умей-ка, губернатор,
Мого батюшку встречать!»

«СЫНОК» РАЗИНА ПЕРЕД ЦАРЕМ

Не от пламечка ковыл-трава загоралася,
Горела она, разгоралася.
Подгорели у ясного сокола желты ноги,
Подпалило его крылья быстрые,
Крылья быстрые, златы перышки.
Не от ветричку белые палаты зашаталися,
Не от вихоря палаты отворялися —
Как идет-то во палатушки вор-изменник.
Во палатах-то расставлены столы дубовые,
На столах-то разостланы сукна дорогие,

На сукнышках стоят чернильницы золотые,
Во чернильницах-то перья лебедины.
За столом сидят три царя, три государя.
Стал-то белый царь добра молодца допрашивать:
«Ты откуда, добрый молодец, скажися, —
Ты не с Дону ли казак, казачий сын,
Али ты из матушки каменной Москвы?»
— «Я не с Дону казак, не казачий сын,
Не из матушки я каменной Москвы,
Я удалый добрый молодец с Волги-реки,
Атаманов я сын — Стеньки Разина.
Заутра-то будет сам батюшко,
Вы умейте его встретить, честь воздать».
Присудили цари его под суд отдать,
Под суд отдать, кнутом отбить.

* * *

Вы леса ль мои, лесочки, леса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые,
Уж как вы ль, мои станочки, поразломлены,
Все товарищи, все приятели поразловлены,
По злодейкам по тюрьмам порассожены.
Только я-то ли, добрый молодец, не пойман был,
По прозваньицу меня звали Стенька Разин сын.
Я не год гулял, я не два года,
Я гулял-то ровно тридцать лет.
Как пошел-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-реке,
У Дунай-реки перевоз кричал:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
На ту сторону, на белый камешек».
На белом камешке стал скончатися,
При кончинушке стал наказывать,
Стал наказывать и выговаривать:
«Ах вы милые сотоварищи,
Похороните меня, добра молодца,
Промежду трех дорог — первой Питерской;
Другой Владимирской, третьей Киевской.
Во в правую ручку дайте саблю вострую,
Во в левую ручку калену стрелу,

В головах поставьте чуден-дивен крест,
Во в ногах поставьте воронá коня.
Кто ни йдет, кто ни едет мимо молодца,
Мимо молодца, всяк помолится:
„Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
Тут лежит-то Стенька Разин сын"».
Приходили тут сотоварищи,
Помолилися на чуден-дивен крест,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стеньке Разину поклонялися:
«Уж ты выстань-ка, сотоварищ наш,
Ты возьми-ка в руки саблю вострую,
Во в леву руку калену стрелу,
Ты ударь-ка буйной палицей
По бедрам нашим широкиим.
Кабы знали мы, уж ведали,
Выручили бы с белá камня́,
С бела камня, со Дунай-реки,
Со Дунай-реки со широконькой.
Покажи-ка нам златы латы тут,
Златы латы тут серпентинные».
Погрузили во Дунай-реку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-реки сотоварищи
На Амур пошли думу думати.
У Амур-реки крута гора,
Крута гора высокая.
На той горе распрощалися,
Друг другу поклонялися:
«Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь-ка по диким местам».

* * *

Вы леса мои, леса, братцы, лесочики, леса темные,
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты
частые,
Вы станы ли мои вы мои, братцы, станочки все
поразорены,
Как и все мои, братцы, лесочки все порублены,
Как и все-то мои, братцы, кусточки все повыжжены,
Как и все-то мои, братцы, товарищи все половлены.

Как один из нас, братцы, товарищей не пойманный,
Не пойман из нас, братцы, товарищ наш Стенька Разин
сын.
Выходил же тут Стенька Разин сын на Дунай-реку,
Закричал же тут Стенька Разин сын своим громким
голосом:
«Как и все-то вы, мои братцы товарищи, все половлены!
Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи, свой тугой лук,
Натяните-тко, братцы мои товарищи, калену стрелу,
Прострелите-тко, братцы товарищи, грудь мою бе-
белую».

* * *

«Не шуми ты, шумка, во поле, зеленой дуброве,
Не мешай же ты мне, младцу, думу думати».
— «Мне нельзя, шумке, не шумети:
Среди зеленой дубровушке армеюшка долго стояла,
Да и всю зеленую травку-муравку притоптала,
Да и все корешочки засушила».
Не алы-то цветы в поле расцветали,
Не ясен-то сокол по крутым горам летал —
То Сенька Разин по армеюшке, шельма, разъезжал,
Себе что ни лучшего казака, шельму разбойничка,
выбирал.
«Кто бы во синем море достал желтого песочку
Да чисто-начисто вычистил мой вострый булатик,
Снял бы с него черную ржавчинку
Да навострил бы его востро-навостро,
Да и вскрыл бы мою белу грудочку,
Да посмотрел бы в мое ретиво сердце:
Отчего оно больно болит, без огня горит,
Без огня-то оно сгорело и без полымя всё изотлело?
Оттого-то оно сгорело, что мне завтра
Пред белым царем ответ надо держать».
— «Да и чем же ты меня, православный царь,
препожалуешь?»
— «Препожалую я тебя, шельма разбойничек,
Что ни лучшими хоромами высокими,
Что ни теми ли столбами с перекладиной».

ЕСАУЛ СООБЩАЕТ О КАЗНИ РАЗИНА

1

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца,
Не сокол летал по поднебесью —
Ясаул гулял по насадику.
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцов побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, казаки донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря, Азовского.
Помешался весь казачий круг,
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову».

2

А из тихого из шелкова из затону
Плывут-восплывают два стружечка.
Стружечек на стружечек набегает,
Есаулушка есаулушку окликает:
«Здоровы ли, братцы, спали-ночевали?»
— «У нас, братцы, на суденышке нездорово:
Коренного нашего атамана вживе нету,
Что нет вживе Степана свет Тимофеича».
— «Вы берите-ка, ребята, веслы в руки,
Вы гребите-ка веслáми, не робейте,
Уж вы тайной своей силушки не жалейте.
Пригрянемте, ребятушки, к бережечку».

— «Прими ты нас, крута гора, ночевати,
Не год-то нам, бурлаченькам, у те годовати,
Одну ноченьку, одну темную ночевати,
Дорогие нам товары просушити,
Крутой кашицы нам, бурлаченькам, наварити».

ПЕСНЯ РАЗИНЦЕВ

1

Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей-ка, част крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму!
Что тюремщички, братцы, разбежались,
Во темном лесе собирались,
Во дубровушке во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становились,
На восход богу молились,
Красну солнышку поклонились:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубровушкой над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеича!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедныих,
Людей бедныих, солдат беглыих,
Добрых молодцов беспачпортныих!
Мы не воры и не разбойнички —
Добры молодцы все охотнички,
Атамановы мы работнички,
Есауловы мы помощнички».

2

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Над горою да над высокой, над высокою.
Над горою да над высокою,
Над долиною над широкою. *(2 раза)*

Ты осветь нас, красное солнышко. *(2 раза)*
Мы не воры и не разбойнички — *(2 раза)*
Атамановы мы помощнички, *(2 раза)*
Степки Рузина мы работнички. *(2 раза)*
Шли два плотничка, два ли растопорничка,
Они строили церковь славную,
Церковь славную — седмиглавную.
Как на той церкви крест серебряной,
Крест серебряной, позолоченной,
На кресте сидит мелкая пташечка,
Мелкая пташечка — кенареечка.
Высоко сидит, далеко глядит.
Уж как по морю, морю синему
Там и плавают два кораблика,
Два кораблика, третья лодочка.
Хороша лодка, изукрашена,
Пушками, ружьями установлена,
Пистолетами изутыкана.
На корме сидит есаул с веслом,
У руля стоит атаман с ружьем.

3

Вы леса наши, лесочки, леса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великие,
Вы станы ли наши, станочки, станы наши теплые!
Вы дружья ли наши, братцы-товарищи!
Леса наши все порублены,
А куста наши все поломаны,
Все станы наши разорены,
Все дружья наши, товарищи переловлены,
Во крепкие тюрьмы наши товарищи посажены,
Резвы их ноженьки в кандалах заклепаны.
У ворот-то стоят грозные сторожи,
Грозные сторожи, бравые солдатушки.
Никуды-то нам, добрым молодцам,
Ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу, ни выпуску из крепкой тюрьмы.

РАСПРАВА С ГУБЕРНАТОРОМ

Что повыше было города Царицына,
Что пониже было города Саратова,
Протекала, пролегала мать Камышинка-река.
За собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга.
Она устьицем впадала в Волгу-матушку реку.
Что по той ли было матушке Камышинке-реке
Как плывут тут, выплывают есаульные стружки.
На стружках сидят гребцы, все бурлаки-молодцы,
Все бурлаки-молодцы, все заволгски удальцы.
Хорошо братцы молодцы переряжены сидят,
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Однорядочны кафтаны все камкой подложены,
Канаватные бешметы в одну нитку строчены,
Все тафтяные рубашки галуном обложены,
На них штаники суконны по-старинну кроены,
Что желтой сафьян сапожки, все шильцом каблучки.
Они веслами гребут, сами песенки поют.
Становилися стружочки среди Волги к островку,
Они ждали-поджидали губернатора к себе,
Губернатора к себе астраханского еще.
Ах, что взговорят молодцы бурлаки-удальцы:
«Еще что-то на воде у нас белеется?
Забелелися тут флаги губернаторские,
Кого ждали-поджидали, того ляд и несет».
Астраханский губернатор догадается:
«Ах вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
Вы берите золотой казны что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторское,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите ли вещицы астраханские».
Ах, что взговорят молодцы, люди вольные:
«Нам не дорога твоя ли золота казна,
Нам не дорого цветно платье губернаторское,
Нам не дороги диковинки заморские,
Нам не дороги вещицы астраханские —
Дорога нам буйная твоя головушка».
Как срубили с губернатора буйну голову,
Они бросили головку в Волгу-матушку реку,
И что сами молодцы насмеялися ему:

«Ты добре ли, губернатор, к нам строгой был,
Ах, ты бил ли нас, губил, много в ссылку посылал,
Ах, ты жен наших, детей на воротах расстрелял».

КАЗАКИ УБИВАЮТ КНЯЗЯ РЕПНИНА

Промеж было Казанью промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Из тое ли было нагорную сторонушки
Как бы прошла-протекла Камышевка-река,
Своим устьем она впала в матушку Волгу-реку.
А по славной было матушке Камышевке-реке
Выгребали-выплывали пятьдесят легких стругов
Воровскиех казаков,
А на всяком стружечку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов — воровскиех казаков.
Заплывали-загребали в Коловинские острова,
Становились молодцы во тихих заводях
Выгулять они на зеленые луга,
Расставили майданы терския
И раздернули ковры сорочинския,
А играли казаки золотыми они тавлеями,
Кто-де костью, кто-де картами — все удалы молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге-реке:
Как бы чернь-то на Волге зачернеется,
А идут гребныя из Астрахани;
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Губернатора из Астрахани,
Репнина князя Данилу Александровича.
А на что душа рождена, того бог и дал.
Подошли те гребныя в Коловинские острова,
И бросали казаки они потехи все,
И бросалися во свои легоньки стружки,
Напущалися казаки на гребныя струги,
Они все тута торговых перещупали,
Они спрашивают губернатора из Астрахани:
«А токо ли он с вами, покажите его нам,
А до вас, до купцов, удалых молодцов, и дела нет».
Потаили купцы губернатора у себя,
Они спрятовали под товары под свои.

Говорили молодцы, воровские казаки:
«А вы сами себе враги, за что его спрятовали».
Обыскали под товарами губернатора
Репнина князя Данилу Александровича,
Изрубили его во части мелкия,
Разбросали по матушке Волге-реке,
А его-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушками
Они все, молодцы, воровские казаки, помиловали,
А купцов-молодцов ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышевке-реке.

* * *

Еще что же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились,
Что повесили свои буйные головы,
Что потупили ясны очи во сыру землю?
Еще ходим мы, братцы, не перьвой год,
И мы пьем, едим на Волге всё готовое,
Цветно платье носим припасеное.
Еще лих на нас супостат-злодей,
Супостат-злодей — генерал лихой:
Высылает из Казани часты высылки,
Высылает все-то высылки солдатские.
Они ловят нас, хватают, добрых молодцов,
Называют нас ворами, разбойниками.
И мы, братцы, ведь не воры, не разбойники —
Мы люди добрые, ребята все повольские,
Еще ходим мы на Волге не перьвой год,
Воровства и грабительства довольно есть.

* * *

Ах ты наш батюшка Ярославль-город!
Ты хорош-пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь на всей красоте,
Промежду двух рек, промеж быстрыих,
Промежду Волги-реки промеж Котрасли.

С луговой было со сторонушки
Протекала тут Волга-матушка,
Со нагорной да со сторонушки
Пробегала тут речка Котраска;
Что сверху-то было Волги-матушки
Что плывет, гребет легка лодочка.
Хорошо-то была лодка изукрашена,
У ней нос, корма раззолочена,
Что расшита легкая лодочка на двенадцать весел.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу сидит ясаул с багром,
По краям лодки добры молодцы,
Посреди лодки красна девица,
Ясаулова родна сестрица,
Атаманова полюбовница;
Она плачет, что река льется,
В возрыданьи слово молвила:
«Нехорош-то мне сон привиделся.
Уж как бы у меня, красной девицы,
На правой руке на мизинчике
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть пойману,
Ясаулу быть повешену,
Добрым молодцам голова рубить,
А мне, красной девице, в темнице быть».

ПЕСНИ КОНЦА XVII— НАЧАЛА XIX ВЕКА

ВОЗВРАЩЕНИЕ КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА

А не куличенька по болоту куликает —
Как сам большой князь Голицын по лужкам гуляет,
Не один-то князь ездит гуляет — со полкамы,
Что со тыма со полкамы, с конными егарямы.
Уж как думает князь Голицын, думает-гадает,
Уж как думает-гадает, срозмышляет:
«Още где же тут мне, князю, где в Москву проехать?
Если полюшком ехать — ему очень, князю, пыльно,
Если лесушком князю ехать — ему очень страшно,
Что болотамы князю ехать — ему было грязно,
Что Москвою князю ехать — ему было стыдно.
Что поеду я, князь Голицын, Ямскою-Тверскою,
Что Ямскою-Тверскою, глухим переулком».
Приезжает-то князь Голицын к Успенскому собору,
Скидывает-то князь Голицын шапочку соболью,
Становился он, князь, сам богу молился,
Он молился, на все на четыре на сторонки поклонился,
Поклонился самому государю всех ему пониже:
«Уж ты здравствуй, наш государь-император!
Още жалуешь нас, государь, малыма чинамы,
Още жалуешь нас, государь, мелкима селамы,
Пожалуй-ко, государь, Малым Ярославцем».
— «Ты скажи-тко, князь Голицын, чем он прилюбился?»
— «Прилюбился мне он — стоит на прикрасы».

АТАМАН ФРОЛ МИНАЕВ

Приуныли, приутихли *(2 раза)* на Дону донски да казаки,
А яицкие, донские *(2 раза)*, запороцкие.
А и почем они приуныли?
Потому они приуныли *(2 раза)*, на Дону донски да казаки,
Ах, что взял у них государь-царь *(2 раза)* <....> город
Со тремя с темя со малыми с пригородками,
А и со славною со Губаньей, с крепким Лютиком.
А во славном да во Черкасском во земляном городке
А стоит у казаков золотой бунчуг,
А на бунчуге стоит чуден золот крест,
А перед крестом туто стоит войсковой их атаман,
А по имени ли Фрол сын Минеевич.
Ко кресту тут собиралися донски казаки,
А и донские, гребенские, запороцки хохлачи.
Становились молодцы во единой войской круг.
Середи круга стоит войсковой атаман,
А по имени ли Фрол сын Минеевич.
Атаман речи говорил, будто в трубу трубил:
«А и вы братцы казаки, вы яицкие, донски *(2 раза)*, запороцкие!
Пособите мне, атаману, вы думу думати —
Челобитна ли нам писати, государю <.....> подавать,
Самому ли мне, атаману, в Москву ехати.
Перемерье бы нам взять перед самим царем:
Залегли пути-дороги за сине море гулять *(2 раза)*
Еще от вора от Васьки от Голицына с детьми,
Залегли пути-дороги за сине море,
А и не стало нам добычи на синем море
И на тихом Дону на Иваныче».
И поехал атаман в каменну Москву.
Еще будет атаман в каменной Москве,
Поклонился государю о праву руку,
Сквозь слезы он словечко едва выговорил:
«Ах ты свет наш надежда благоверны царь,
А и грозен сударь Петр Алексеевич!
Прикажи нам на Дону чем кормитися *(2 раза)*:

Залегли пути-дорожки за сине море
От вора от Васьки от Голицына с детьми,
Еще те <......> дороги увольные»...

ВОЕВОДА ДОЛГОРУКИЙ И КАЗАКИ

По славному Дону тихому
Изволил наш Долгорукий-князь гулять.
Повстречали Долгорукого-князя
С тихо́го Дона его казаки,
Подхватили князя Долгорукого
Под белы руки его под пышные,
Повели Долгорукого-князя во станичную избу,
Посадили его, князя, на большое место под образа,
Стали князя Долгорукого крепко спрашивати:
«Ты скажи, скажи, наш Долгорукий-князь,
Скажи ты нам всию правдицу,
Еще сколько на тихо́м Дону славных казаков?»
Тут возговорил Долгорукий-князь:
«На всякого казака по десять стругов,
А на князя меня еще на один десяточек».

ИГНАТ НЕКРАСОВ

1

На заре то было ранней утренней,
На заре то было да на зорюшке,
На закате было да светла месяца,
На восходе было красной солнушки:
Да собирались донския ко́зачки,
Собирались они да во единый круг,
Во единый круг да во единый луг,
Да всё ко дому князя-бо́яра-а-а,
Князя-бо́яра да всё Долгорукова.
Как выходил же а он, князь-бо́яр,
Выходил же он на высок крылец,
Выносил же он царску грамоту:
«Вы послушайте, донские ко́зачки,
Вы послушайте царску грамоту:

Как стариков — казнить, вешать,
Молодых ко́зачков — всё в солдаты брать».
По кругу-то ходит всё Игнат-сударь,
Всё Игнат-сударь, как сокол летает,
Да на вострую шашку упирается,
Да горючей слезой заливается:
«Ты прости-то, прости, весь и род-племин».
Да подходит он, Игнат-сударь, к князю-бо́яру,
Ой, да он срубил ему бойну голову.
Воскрутился же, возмутился батюшка,
А он батюшка славный тихий Дон,
Как от самой было от вершинушки,
Ой, да от вершинушки до самой до устьюжи.
Как ушел-то, ушел да Игнат-сударь со тиха Дона,
Ой, да со тиха Дона на Кубань-речку.

2

Возмутился славный наш тихий Дон,
Возмутился и совершился
До славного до устьица,
До города до Черкасского.
Возмутил его донской казак,
По имени и по отечеству
Игнатьюшка Иваныч,
По фамильице Некрасов.
Он-то ушел, увел силы-рати сорок тысяч,
Окроме стариков староженных,
Опричь малолетков малолетних
И от тумов прироженных.
Да со вечера они собиралися,
А во полуночь они во поход пошли,
На белой заре проходили
Славный тихий Дон.
На славную Днепр-реку они становилися,
Во чистом поле и во зеленых лугах расположилися
Казаченьки теплыми лагерьми,
Распускали царску знамечку позлащенную.
Собирался к знамечку казачий круг,
Во кругу стоит хорошенький раздвижной стул,
На стуле сидит их молодой атаманушка
Игнатьюшка Иваныч сын Некрасов.

Перед ним стоят его сотники любимые его,
Он же пишет наскоро грамотку,
Не пером пишет, не чернилами,
А он пишет своими горючьми слезами
К графу Долгорукому:
«Ты спасибо, наш батюшка,
Поил, кормил и берег, жаловал!
Ты в одном же на нас, батюшка, прогневался,
Захотел старикам усы, бороды брить
И молодых детей во солдаты брать.
Ты приехал к нам на тихий Дон,
Без указу-то нас разорять стал.
Уж мы бросили свое бытье-богатство,
С того-то мы со тиха Дона долой пошли,
Мы пошли к турецкому хану в подданство,
Он принял нас со честию, со славою
И пожаловал нам по коню, коню хорошему
И седельчику черкасскому».

3

Да никто про то не знает, да никто не ведает,
Отчего-то наш славный тихий Дон возмущается.
Воскутился же, возмутился славный тихий Дон
Он от вершинушки вплоть до устьица широкого,
Он не сам собой воскутился же, славный тихий Дон,
Воскутил его, возмутил его Долгоруков-князь,
Он вычитывал нам указушки скорописные:
Как и старым-то нам старинушкам быть повешенным,
Молодым-то нам всем казаченькам во солдатах быть.
Вот повесили тут казаченьки буйны свои головы.
Как один-то из нас, из казаченьков, Некрасов сын веселый был,
Засвистал-то он, закричал нам он своим громким голосом:
«Еще кто из вас, из казаченьков, пойдет за Кубань-речку?»
Набралось тут нас всех казаченек тысяч до сорок.
Переправушку совершил он нам трое суточек,
На четвертые вот он суточки переправился,
Переправясь через тихий Дон, богу молился:

«Ты прости-прощай, славный тихий Дон, — переправил ты нас!
Не спасибо тебе, наша матушка Катеринушка:
Не умела ты, наша матушка, владеть крылом правыим,
Крылом правыим, наша матушка, войском Донскиим,
Войском Донскиим, государыня, всё некрасовским».

4

Что на славной на речке
Было на Кошумовке,
Там жили-были казаки-други
С Дону некрасовцы.
Служили они, казаки-други,
Верой-правдою,
И за то же их православный царь
Любил-жаловал,
Золотой казны много даривал.
А теперь на них православный царь
Распрогневался,
Хочет им, казакам-другам,
Усы, бороды брить,
Да и хочет их православный царь
Казнить-вешати.
Не златая трубонька вострубила,
Не серебряная свирелочка взговорила —
Возговорил речь атаманушка:
«Мы пойдемте-ка, братцы, за Дунай-реку,
Мы пойдемте-ка со всей святостью.
Мы без святости пойдем —
Пути-дороги не найдем,
А как святость мы возьмем,
Мы как по мосту пройдем».

СОЛДАТЫ СУДЯТ ДОЛГОРУКОГО

Нам не дорого ни злато да чистое сéребро,
И дорога-то наша любовь да молодецкая.
Ишша злато, чисто серебро скоро минуетсе,
А и дорога-то наша любовь не позабудетсе.

Середи-то было Китаю да славного города,
А и тут стояли палаты да белокаменны.
Что во тех же да во палатах было да белокаменных,
Тут не мурава трава в поле да шаталасе,
Не лазурьевы цветочки к земли преклонялисе —
Тут и бьют челом царю солдаты да низко кланяютсе:
«Уж ты гой еси, надежда да православной царь!
Уж ты дай нам суд на князя да Долгорукого».
Говорил как тут надежда православной царь:
«У меня на Долгорукого суда нету,
Вы судите-ко Долгорукого своим судом,
Вы своим судом судите да рукопашкою,
Вы берите-ка слегу да долгомерною,
Долгомерною слегу да семи аршин,
Семи она аршин да семи она верхов.
Вы ломайте у Долгорукого хрустальни ворота».
Тут берут ведь как солдаты да все долгу слегу,
И долгу слегу да всё семи аршин,
И семи-то аршин она была, семи верхов,
Они ломают у Долгорукого хрустальни ворота.
Как выходит Долгорукой он на красно крыльцо.
«Уж вы гой еси, солдаты да новобраны!
Ишшо что да вам, робята, да тако надомно:
Ишшо надо вам, робятам, да разе чисто серебро?»
Тут спроговорят солдаты да новобраные:
«Нам не надомно, солдатам, чисто серебро,
Ты отдай нам наше жалованье,
Хлебно и мундерно и денежно».

КАЗАКИ БРАНЯТ МЕНШИКОВА

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала-пролегала мать Камышинка-река,
Как с собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку реку.
Что по той ли быстрине по Камышинке-реке
Как плывут тут, выплывают два снарядные стружка.
Хорошо были стружочки изукрашенные,
Они копьями, знамены будто лесом поросли.

На стружках сидят гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донские казаки,
Да еще же гребенские, запорожские.
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачом подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,
Пестрядинные рубашки с золотым галуном,
Что зелен сафьян сапожки, кривые каблуки,
И с зачесами чулочки да все гарусные.
Они веслами гребут, сами песенки поют,
Они хвалят-величают православного царя,
Православного царя, императора Петра,
А бранят они, клянут князя Меншикова,
Что с женою и с детьми и со внучатами:
«Заедает вор собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное,
Да еще же не пущает нас по Волге погулять,
Вниз по Волге погулять, сдунинаю воспевать».

КНЯЗЬ ГАГАРИН

Как по речке, по реке тут пятьсот стружков плывут,
А на всякием стружéчке по пятисот человек.
Они едут в веслы бьют, сами песенки поют,
Разговоры говорят, князь Гагарина бранят:
«Заедает князь Гагарин наше жалованье,
Небольшое, трудовое, малоденежное,
Со всякого человека по пятнадцати рублей.
Он на эти-то на денежки поставил себе дом,
Он поставил себе дом на Неглинной, на Тверской,
На Неглинной, на Тверской, за мучным большим рядóм,
За мучным большим рядóм, потолочек хрустальнóй,
А парадное крылечко белокаменное,
Белокаменное, стены мраморные,
Стены мраморные, пол-ат лаком наведён,
Как на этом-то полóчке москварецкая вода,
Москварецкая вода — по фонтану ведена,
По фонтану ведена, живá рыба пущенá,
Жива рыба пущенá, кроватушка смощена.
Как на этой на кровати сам Гагарин-князь лежит,
Сам Гагарин-князь лежит, таки речи говорит:

«Уж и дай, боже, пожить, во Сибири послужить,
Не таки бы я палатушки состроил бы себе, —
Я не лучше бы, не хуже государева дворца,
Только тем разве похуже — золотого орла нет».
Уж за эту похвальбу государь его казнил».

КАЗАКИ БРАНЯТ КНЯЗЯ

Уж как вниз было по матушке по Волге-реке,
Как плывут тут, выплывают три снаряжены стружка.
Уж на тех ли на стружках удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донские казаки.
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
На них штаники кумашны в три строчки строчены,
Александрийски рубашки с золотым галуном,
На них беленьки чулочки, сафьянны сапожки.
Они сели да гребнули, сами песенки запели,
Что про князя и с детьми и со внучатами:
«Заедает вор собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, третье денежное.
Уж на те ли он на денежки палаты становит
За мучным большим рядами, за Неглинною рекой,
Что не хуже и не лутче государева дворца,
Только тем они похуже, что верхи не золочены.
Похвалялся этот князь во Казани побывать,
В Казани побывать, верхи вызолотить.
Уж как там, братцы, князек и головку положил,
Он головку положил, его гром тамо убил».

ЗАГОРЕЛАСЬ МОСКВА ОТ БОЛЬШИХ ГОСПОД

Ой ты хозяин, мой хозяин, свому дому господин!
У тебя-то, мой хозяин, хлеба-соли много на столе,
У тебя-то, мой хозяин, гости честные сидят,
Гости честные сидят, речь хорошую они говорят,
Всё про батюшку про Петра, про матушку кременну Москву —
Отчего эта кременна Москва загоралася она и сперва?

Загоралася кременна Москва от больших славных господ,
От того-то ли было от боярина от Гагарина-купца.
У боярина у Гагарина девка ключница была,
Выходила она, выносила золоты, девка, ключи,
Отмыкала девка, отворяла потайные все пороховые погреба,
Обронила эта девчоночка воску ярого свечу,
Оттого-то ли было наша кременна Москва загоралась она и сперва.

ПОСТРИЖЕНИЕ ЦАРИЦЫ

1

У нас в Москве нездорово —
В большой колокол звонят заунывно,
Заунывно и печально:
Государь-царь на царицу прогневался,
Высылает царь царицу из Москвы вон —
И в тот ли в монастырь во Покровской.
Как возговорит царица Евдокия:
«Где мое конюхи молодыя!
Вы закладывайте коней вороныех,
Вы поедьте Москвое — не спешите,
Вы московских людей не смешите,
Что и может государь-царь умилиться,
Не прикажет ли назад мне воротиться».
Выеждяла государыня из Москвы вон
И молилась московскием чудотворцам:
«Вы простите ли, московския чудотворцы,
Что и мне ли в Москве уж не бывати!
Вы простите, московския обыватели,
Что и мне ли вас не видати!
Ты прости, прости, моя грановитая палата,
Что и мне ли в тебе не живати,
Мне московскою царицей не слывати».
Приеждяла государыня во Суздаль,
Что и в тот ли монастырь во Покровской,
И стречает государыню игуменья (с) сестрами.
«Ты поди, поди, царица Евдокия,

У меня про тебя келинка готова,
Что готовы тебе рабы и рабыни».
Скидовали с государыни светное платье,
Надевали на царицу черное платье,
Черное платье печальное,
Да и вскоре государыню постригли,
Нарекли ей имя Евфросинья.
А после государь-царь умилился,
Он поехал в монастырь во Покровской,
Чтобы царица воротилась.
Приеждяет государь-царь во Суздаль,
Во тли в монастырь во Покровской,
И стречает его игуменья (с) сестрами.
«Я прошу тебя, государь, воротиться,
Что твоя та ли царица постриглась,
Нарекли ей имя Евфросинья».
Что и тут ли государь-царь заплакал,
И поехал в Москву он печальный.

2

Возле реченьки хожу млада —
Меня реченька стопить хочет,
Возле огньчика стою млада —
Меня огньчек спалить хочет,
Возле милого сижу млада —
Меня милый друг журит-бранит,
Он-то журит-бранит,
В монастырь идти велит:
«Постригись, моя немилая,
Посхимися, постылая!
На постри́женье выдам сто рублей,
На посхи́менье тебе тысячу.
Я поставлю нову келейку
В зеленóм саду под яблоней,
Прорублю я три окошечка:
Первое — ко божьéй церкви,
Другоé-то — во зеленый сад,
Третье-то — во чистó поле.
В божьей церкви ты намолишься,
В зеленóм саду нагуляешься,
Во чистó поле насмотришься».

Случилось ехать князьям-боярам,
Они спрашивают: «Что за ке́лейка,
Что за келейка, что за новенька,
Что в ней за монашенка за моло́денька?
Еще кем она пострижена?»
Отвечала им монахиня:
«Я пострижена самим царем,
Я посхимлена Петром Первыим,
Через его змею лютую».

ПРОВОДЫ НА ЛАДОЖСКУ КАНАВУШКУ

Поутру-то было раным-рано,
На заре-то было на утренней,
На восходе красного солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озер подымалися —
Поднималися добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работушку государеву.
Провожают их, добрых молодцов,
Отцы, матери, молоды жены
И со малыми со детками.

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ И ПЕТР ПЕРВЫЙ

А ходил-гулял добрый молодец по чисту полю,
Искал себе поединщичков,
И находил во чистом поле —
Сидят шестьдесят удалых добрых молодцев
И поделяют ёны золоту казну.
И приходит этот дородний добрый молодец,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же вы удалы дородни добры молодцы!
Дайте мне-ка-ва золотой казны
Хоть малый жеребеечек!»
И проговорят все удалы добры молодцы:

«Голячок ты, удаленький молодец!
Не можешь нажить себе золотой казны.
А не дадим тебе малого жеребеечка,
А не дадим тебе и трех рублей,
А не дадим тебе и трех алтын».
Показалось ему это слово
За досаду, за обиду за великую,
Ухватил черленый вяз
И ударил черленым вязом по сырой земле.
От того удара богатырского
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбегалися,
И оставили ёны золоту казну.
Взял удалый добрый молодец золоту казну
И понес в каменну Москву.
Приходит в каменну Москву на царев кабак,
И купил-брал зелена вина,
Сам говорил таковы слова:
«А пейте, братцы, зелена вина,
Не пропить моей золотой казны —
Есть у меня золотой казны сорок тысячей».
И пригодилися служки монастырские,
И доносили его царскому величеству.
И приводят этого удалого добра молодца,
И стал царь его допрашивати:
«Скажи, скажи, удалый дородний добрый молодец,
Был ли ты красть монастыря Румянцева,
И был ли ты нести золотой казны?»
Говорит удалый добрый молодец:
«Ай же ты царь Петр Алексиевич!
А не был я красть монастыря Румянцева,
И не был я нести золотой казны,
А ходил-гулял по чисту полю
И находил во чистом поле
Шестьдесят удалых добрых молодцев:
И поделяют ёны золоту казну,
И золотой казны сорок тысячей.
И просил я у них золотой казны
Хотя малого жеребеечка,
А ёны говорят, удалые молодцы:

«Голячок ты, удаленький молодец!
Не можешь нажить себе золотой казны,
А не дадим тебе малого жеребеечка,
А не дадим тебе и трех рублей,
А не дадим тебе и трех алтын!»
Показалось мне это слово
За досаду, за обиду за великую,
Ухватил я черленый вяз
И ударил черленым вязом по сырой земле.
От того удара богатырского
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбегалися,
И оставляли ёны золоту казну».
Проговорит его царское величество:
«Ай же ты удалый дородний добрый
молодец!
Ходи-гуляй по чисту полю
И стой за веру христианскую».

ПЕТР ПЕРВЫЙ И МОЛОДОЙ ДРАГУН

У дворца, дворца было государева,
У того крыльца у кра́шоного,
Стоял тут раздви́жной стул,
На стулу сидит православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич,
Перед ним стоят князья-баре.
Речь возговорил православный царь:
«Ой вы гой еси, князья-бо́яре!
Нет ли из вас охотничка
Со белым царем поборотися,
За проклад царя потешити?»
Все князья-боя́ре испужалися,
По палатушкам разбежалися.
Перед ним стоит молодой драгун,
Молодой драгун лет пятнадцати,
Речь возговорит он белу царю:
«Гой ты гой еси, православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Не прикажи ты меня казнить-вешать,

Прикажи мне слово молвити,
Слово молвити, речь возгóворити.
Я охотничек с тобой, со белым царем, пбоборотися,
За проклад царя потешити».
— «Когда поборешь ты меня, молодой драгун, милую тебя,
А я поборю — казнить буду тебя».
Речь возговорил молодой драгун:
«Есть воля божья и твоя, царёва».
Подпоясывал православный царь шелкóв кушак,
Выходили они с молодым драгуном, сухваталися.
Речь возговорил ему молодой драгун,
Белу царю Петр Алексеевичу:
«Гой ты батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Да я тебя, православного царя, побороть хочу!»
Левой рукой молодой драгун пбобарывал,
Правой рукой молодой драгун подхватывал,
Не пущал царя на сыру землю.
Речь возговорил православный царь:
«Сполать тебе, драгун, боротися!»
Подходил к нему молодой драгун близехонько:
«Гой ты гой еси, батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Не погневайся на мое бороньице».
— «Благодарю тебя, молодой драгун, за бороньице!
Чем тебя, молодой драгун, дарить-жаловать:
Селами ли те, дерéвнями,
Али те золотой казной?»
— «Не надо мне ни селóв, ни дéревнев,
Ни матушки золотой казны.
Дай ты мне безденежно
По царевым кабакам вино пить».

СТРЕЛЕЦКИЙ КРУГ

1

На святой-то Руси в кременной Москве
Было на площади,
Собирались там стрельцы-бойцы
Во единый круг.

Как увидел их с высока терема
Атаманушка,
Он подходит к ним,
Низко кланяется:
«Да и здравствуйте, ребятушки,
Вы стрельцы-бойцы!
Да и что это у стрельцов-бойцов
За круг собрат?»
— «Собирал-то нас, стрельцов-бойцов,
Православный царь.
Он допрежде нас дарил-жаловал,
А теперь казнить велит,
Как и пятого и десятого
Кнутом сечь,
Как и третьего и четвертого
Казнить-вешати.
Попроси царя, атаманушка,
Чтоб простил стрельцов».
— «Если вас простит — так бояр казнит».

2

Как у нас то было во матушке кременной
Москве,
На Красной площади,
Собиралися стрельцы-бойцы, добрые молодцы,
Во единый кружочек,
Они думу думали глубокую.
Как увидел их атаманушка
Из своего ли терема из высокого,
Из окошечка из косящатого,
Да и стал-то он, атаманушка,
Собиратися ко своим стрельцам-бойцам.
Надевал он сапожки на босы ножки,
А черкесочку нараспашечку,
Как пришел он к стрельцам,
Начал их пытать-спрашивать:
«Вы стрельцы-бойцы, добрые молодцы,
Да и какую же вы думу думаете?»
— «Как же нам, стрельцам-бойцам,
Добрым молодцам, думу не думати?
Как бывал у нас православный царь,

Он любил нас и жаловал,
А тепе́рь-то правосла́вный царь
Он на нас, стрельцов, разгневался;
Он велел весь зеленый сад повырубить,
Все кореньица-то в саду повыкопать,
А нас-то, стрельцов-бойцов,
Он хотит казнить-вешать,
А тебя, стрелецкого атаманушку,
Царь пятерить хочет».

СТРЕЛЕЦКИЙ АТАМАНУШКА И ЦАРЬ ПЕТР

Во далече, во далече во чисто́м поле,
А еще того подале во раздольице
Тут на красное солнышко выкаталося,
Выезжает-то удалый добрый молодец,
Еще тот же стрелецкий атаманушка.
Хоро́ша больно на молодце приправушка:
Под ним добрый конь, ровно лютый зверь,
Кольчуга-то на молодце серебряная,
Соболина на нем шапка до могучих плеч,
На нем ту́гий лук, как светёл месяц,
Калены стрелы, как часты звезды.
Он и держит путь-дороженьку в каменну Москву,
Он и горы и долы впереско́чь скакал,
Темные лесы межу ног пускал,
Быстрые реки перепрыгивал.
Возъезжает он во матушку каменну Москву,
Приезжает ко дворечушку ко суда́реву.
Караульщиков он не спрашивал,
Приворотничкам не бил челом.
Он и бьет свого добра коня, не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати земли отделяется,
Перепрыгивал он стенушку белокаменну.
Подъезжает он ко крылечушку ко суда́реву,
Воскрикнет он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Во всеё Руси царь Петр сударь Лексеевич!
Ты за что, про что на нас, сударь, прогневался,

Ты за что наш зеленый сад хочешь выжечь, вырубить,
Все и ветвицы, кореньицы повысушить?
Не можно ли тебе, сударь, нас, стрельцов, простить?
Мы возьмем тебе город какой надобно
Без свинцу-то мы, без пороху судáрева,
Мы без ружеец, без сабелек без вострыих,
Мы возьмем тебе город своей грудью белою».
Выходил-то тут батюшка православный царь
Во одних-то он чулочках, он без чоботов,
Во одной-то он сорочке, он без панцуров,
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой, стрелецкий атаманушка!
Уж и вот-то я с боярами подумаю,
С сенатóрами, с фельдмаршалами переведаю».
Уж возговорит тут стрелецкий атаманушка:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Во всеё Руси царь Петр сударь Лексеевич!
В глазах ты меня, сударь, обманывашь.
Не видать тебе меня у себя в дворце».
Он и бьет свого добра коня, не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати земли отделяется,
Перепрыгиват он стенушку белокаменну,
Он и держит путь-дорожку во далече во чисто поле.
Возъезжает он во стрелецкую армеюшку,
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«Ох вы гой еси, стрелецкие головушки!
Еще хочет нас православный царь всех жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими —
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!»

КАЗНЬ СТРЕЛЕЦКОГО АТАМАНА

Из Кремля, Кремля, крепка города,
От дворца, дворца государева
Что до самой ли Красной площади
Пролегала тут широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженьке
Как ведут казнить тут добра молодца,

Добра молодца, большого барина,
Что большого барина, атамана стрелецкого,
За измену против царского величества.
Он идет ли, молодец, не оступается,
Что быстро на всех людей озирается,
Что и тут царю не покоряется.
Перед ним идет грозен палач,
Во руках несет остер топор.
А за ним идут отец и мать,
Отец и мать, молода жена,
Они плачут — что река льется,
Возрыдают — как ручьи шумят,
В возрыданье выговаривают:
«Ты дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалует,
Оставит буйну голову на могучих плечах».
Каменеет сердце молодецкое,
Он противится царю, упрямствует,
Отца, матери не слушает,
Над молодой женой не сжалится,
О детях своих не болезнует.
Привели его на площадь Красную,
Отрубили буйну голову
Что по самы могучи плеча.

ЦАРЬ И ДОЛГОРУКОВ-КНЯЗЬ

Воздалеченько православный царь
Убирается,
Во которую земелюшку
Снаряжается.
Как и все-то князья-бояры
Провожать идут.
Провожали они царя белого,
Слёзно плакали,
Как один из них Долгоруков-князь
Усмехнулся,
Как на ту пору православный царь
Оглянулся:

«Допросите-ка Долгорукова-князя,
О чем он усмехнулся».
Долгоруков-князь не винится,
О чем усмехнулся.
«Отрубите ему правую руку, левую ногу!»
Долгоруков не винится.
«Отрубите ему левую руку, правую ногу!»
Долгоруков не винится.
«Отрубите Долгорукову буйную голову!»
Долгоруков повинился:
«Ты не езди, православный царь,
На край моря.
Приготовлена для тебя артиллерица
Заряжёная,
Пропадет твоя буйная головушка
Ни за денежку,
Изваляется твое белое тело
По чистому полю,
Поразвеют твои черные кудри
Ветры буйные,
Порастащат твои ребра-кости
Черные вóроны».

ВЗЯТИЕ АЗОВА

1

Ах, бедные головушки солдатские,
Как ни днем, ни ночью вам покою нет,
Что со вечера солдатам приказ отдан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты во строю стоят.
Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла —
Что взговорит наш батюшко православной царь:
«Ах вы гой еси, все князи и бояря!
Вы придумайте мне думушку, пригадайте,
Еще как нам Азов-город взяти».
Еще князи и бояря промолчали,
Еще ж сам наш батюшка прослезился:
«Ах вы гой еси, солдаты и драгуны!

Вы придумайте мне думушку крепкую,
Еще как ли нам Азов-город взяти».
Как не ярые пчелушки зашумели —
Что взговорят солдаты и драгуны:
«Взять ли нам, не взять ли белой грудью».
На восходе было красного солнышка,
На закате было светлого месяца,
На заре они на приступ пошли
Под тот ли под славной под Азов-город,
Что под те ли стены белокаменные,
Ах, под те ли под раскаты под высокие.
Что не с гор ли белы камни покатилися —
Покатилися со стен неприятели,
Не белы снеги в поле забелелися —
Забелелися белы груди бесурманские,
Ах, не с дождичка ручьи разливалися —
Разливалася тут кровь нечестивая.

2

Нам пора-то, робятушки, с кабаку идти!
Не вечерняя заря потухать стала,
Не утренняя заря занимается —
Бежит-то из Москвы скорый посол,
Держит во руках грозный указ,
Чтобы были мы, солдатушки, приубра́ные,
Перевязи-портупеи были бы белёные
И ружьицы были бы чищеные.
Нам заутра, солдатушкам, в поход идти,
В поход идти под Азов-город,
Нам стоять-то, солдатушкам, под Азовом три года.

3

Собирается православный царь под крепкой Азов-город,
Собирает он тележинек сорок тысячей,
В кажную тележку сажал по пяти молодчиков,
По шестому приставливал по извоштичку,

Укрывали суконцами багрецовыми,
Убивали гвоздочками полужоными.
Подъезжали к азовским крепким воротичкам,
Возгóворит православный царь таково слово:
«Ой вы гой естя, азовские караульшички!
Доложите во Азове свым начальничкам —
Приехал к вам богатый гость Федор Иванович
С теми ли с товарами со заморскими,
Со куницами приехал и с соболицами».
Отворили ёму азовски крепки воротички,
Оне ехали во Азов-город трои суточки,
На четвертые суточки уставились.
Тут возгóворит православный царь таково слово:
«Ох вы гой естя, извошшички, добры молодцы!
Отдирайте суконцы во единый мах».
Отдирали они суконцы скоро-наскоро,
Вылетали из кажней из тележки по пяти молодчиков,
Они сабли востры наголо держут.
Испужалися азовские начальнички.
«Уж ты батюшка наш
Православный царь Петр Алексеевич!
Не мути ты наш тихий Дон,
Мы станем те служить век верой-правдою,
Верой-правдою и как те надобно».

4

Как у нас-то было, братцы, на святой Руси,
Во той ли во палаты государевой
Почестен пир идет на вечере,
Беседушка идет навéселе.
Тут на пиру да напивалисе,
Тут на пиру да наедалисе,
Тут на пиру да порасхвастались:
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей острою,
Еще кто-то хвалится да палицей боёвою,
Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой,
Еще кто-то хвалится да платьем цветныим.
Как сгóворил тут надёжа благоверный царь,

А царь Петр и Алексиевич:
«Ой же вы князья-бо́яре,
Сильнии могучие бога́тыри!
Еще кто-то из вас съездит ко славному Азову,
Ко славному Азову крепку́ городу?
Еще я того буду много жаловать».
Уж как бо́льшей за меньшого хоронится,
А ме́ньшей за бо́льшого хоронится,
А середней не знае отвиту дать.
Как с-за тех столов да сыродубыих
Становился собака вор донской казак:
«Уж как съезжу с силушкой под тот Азов,
Под тот Азов ли под славно́й город.
Сострой мне тележек двоеколыих,
Тележек двоеколых сорок тысячей,
И обивай тележки суконцем багрецовыим,
Сажай в кажную тележку живой товар,
По семи человек, по во́сьмому провожатому,
По девятому да сторожатому,
По десятому да по извозчику».
Отправляется тут собака вор донской казак
Ко славному Азову крепку́ городу,
А быдто едет купчинушка заморская
Торговать он атласом и бархатом.
Стречают гости азовские,
А все мужики да деревенские,
Что едет к нам с товаром атласом и бархатом.
Говорит собака вор донской казак:
«Ай же вы гости азовские,
А все мужики да деревенские!
Отведите-ко мне ме́стечко порожнее».
Отводили местечко порожнее
Посерёд Азова крепка города
Торговать атласом и бархатом.
Как пришла тут тёмна ночь,
Как стал собака вор донской казак,
Стал по обозику похаживать,
Стал ребятушек побуживать:
«Вам полно спать, пора вставать!
Берите-тко ору́жейка булатнии,
Палите по Азову крепку городу».
Как стали ребятушки поступывать,

Как стали ребятушки погримывать,
Не оставляют народу на си́мена.
Уж за это надежа благоверный царь
А много́ каза́ченка да жаловал.

ВОЙНА С КОРОЛЕМ ШВЕДСКИМ

1

Как далеченько было во чисто́м поле,
Как еще-то того подале — при долинушке,
При ши́рокой при зе́леной вот при дуброву́шке,
Как не белые в поле лебеди забелелися,
Не лазоревы цветочки закраснелися —
Забелелися в поле шатрики полотняные,
Закраснелись у нас знаменушки государевы.
Государевы все шатры, вот шатёрики при долу́ стоят,
Как один-то, единый вот шатёрик-от при бугре стоит,
При бугре стоит, при бугрике, при бугорчике,
Что свеча горит, что свеча горит,
При бугре стоит, что свеча теплится,
Что свеча теплится воску ярого.
Ой да полочки, и подполочки, и подзорушки были
с позументами,
Да и крыша на этом шатёрике плису-бархату,
Как на самой на вершинушке чуден зо́лот крест.
Как во этом шатёрике стоял белый царь,
Как государь наш батюшка Петр Алексеевич,
Во этом шатёрике погуливал, он погуливал,
В подзорную во трубочку сам поглядывал, он
поглядывал,
Во серебряную во сиповочку выговаривал, выговаривал,
На своих-то на детушек сам поглядывал:
«Уж вы детушки мои, ребятушки!
Что нам делать, что нам делати?
К нам хотел шведский король в гости побывать, хотел
в гости побывати,
Да и чем его, детушки, будем потчевать, будем
потчевати?
У нас, детушки-ребятушки, пиво не варено, зеленого
вина нет».

— «У нас, батюшка православный царь, всё готово,
всё приготовлено.
Как у нас, братцы ребятушки, в Москве пироги
печены,
В Москве пироги печены, в сухари они крошены,
В сухари они крошены, в Туле сушены,
В Туле сушены, по солдатам розданы».

2

По дороженьке по Московской
Шли-прошли три полка солдат,
Три полка солдат, молодых ребят.
Впереди-то идут — в барабаны бьют,
За има́-то идут со знаменьем,
А во всем полку артикул мечут,
Замки крепко бьют, ружьица свитлеют,
Замки взбря́кали, солдаты всплакали:
«Где нам день дневать, ночь коротать?
Нам денек дневать во чисто́м поле,
Во чистом поле, под ясны́м небом;
Ночь коротати во темно́м лесу,
Во темно́м лесу, во сыром бору;
Нам постелечка — мать сыра земля,
Нам зголовьицо — зло кореньицо,
Умываньицо — частый, мелкий дождь,
Утираньицо — шелкова́ трава».
Позади полка идут, коня ведут,
Лошадь добрую, сивогривую,
На коне сидит сам полковничок,
Сам полковничок — Шереметев-граф.
Во руках держит саблю острую,
Во устах держит речь хорошую:
«Сряжается мой батюшка из Москвы в поход,
Как во ту ли землю Шведскую, за границу государеву,
Меня, добра молодца, с собой берет.
Не хотелось мне, добру молодцу, из Москвы идти,
Хотелось мне, добру молодцу, при Москве пожить,
При Москве пожить, во дворце служить,
Московским чудотворцам молитися.
Остался у доброго молодца сир зеленый сад,
Во садике оставалося три деревца:

Первое деревцо — кипарисовое,
Другое деревцо — яблонь кудрявая,
Третьёе деревцо остается — груша зеленая.
Кипарис растет — родной батюшка,
Яблонь кудрявая — богоданная матушка,
Груша зеленая остается — молода жена.
Оттого мне-ка не хотелось из Москвы идти,
А хотелось мне при Москве пожить,
При Москве побыть, при дворце служить,
Чудотворцам московским покла́нятися,
Отца ро́дного на старости печаловать,
За матерью в немогуте ухаживать,
Молодой женой любоватися».

3

На царский праздник на велик день,
На светло Христово воскресенье
Заунывно во царь-колокол заблагвестили.
Все князи-бояря приуныли,
Собиралися в Успенский собор богу молиться.
Все князи-бояря богу молились,
Заздравню молебны служили.
Один из них боярин богу молился,
Заздравна молебна не служит,
Частехонько из собору вон выходит,
К белокаменной ограде припадает,
Бел горюч камень слезами заливает —
Граф Борис Петрович Шереметев.
Возго́ворит боярин: «Господа бояря!
Нешто мне больно-тошно,
Грустным-то мне, боярину, грустненько:
Сказана мне, боярину, служба царска,
Указана мне, боярину, в поле дорожка —
Под славный город под Полтаву,
Ехать мне, боярину, на поединок».

4

Собирался-то большой барин
Он со тем ли войском со российским
Что на шведску-то границу.

Не дошедши он границы, становился,
Становился в чистом поле при долине,
Российским войском поле изуставил,
Российскими знаменами поле изукрасил.
Как увидел король шведский:
«Что й то в поле всё за люди?
Ни́ торгом приехали они торговати
Или нашего городу глядети?»
Что приходили только й силы,
Что не люты зверки́ проревели —
Что чугунные ядры проревели,
Сходилися туто й двои силы;
Что шибкие громы гремели,
Что не люты звери проревели —
Прогремели чугунные ядры.
Что между их протекали реки,
Протекали реки, реки кровавы́е.
Что и силы полягло — что и сметы нету.

ПОД СЛАВНЫМ ГОРОДОМ ПОД ОРЕШКОМ

1

Злодей, злодей ретиво сердце!
Что ты ныло, ретивое, занывало,
Ничего ты мне, сердечко, не сказало —
Да что быть мне, молодцу, в рекрутах,
Во солдатах быть мне и в походе,
Что под славным городом под Орешком,
А по нынешнему званию Шлиссельбургом.
Что заслышав воры шведы догадались,
Что ударили они в барабаны,
Наши русские солдатушки в литавры.
Да что взговорит наш государь-царь:
«Ах вы гой еси, братцы генералы!
Вы придумайте мне, братцы, пригадайте,
Еще как нам будет взять Орешек».
— «Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Что не лутче ль нам от города отступити».

Что возговорит государь-царь ко солдатам:
«Ах вы гой еси, мои детушки солдаты!
Вы придумайте мне думушку, пригадайте —
Еще брать ли нам иль нет Орех-город?»
Что не ярые пчелушки во улье зашумели,
Да что взговорят российские солдаты:
«Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Нам водою к нему плыти — не доплыти,
Нам сухим путем идти — не досягнути.
Мы не будем ли от города отступати,
А будем мы его белою грудью брати».

2

Как по крутому по красному бережку,
Как по желтому сыпучему песочку
Тут ходил-гулял батюшко православный царь.
Он садился, государь-царь, на легок стружок,
Размахнули-разгребнули вверх Невы-реки,
Что ко славному ко городу ко Шлюшину.
Как навстречу государю донские казаки,
Что донские, гребенские, запорожские.
Что казаки государя не опознали,
Им подумалось — король земли Шведския.
Заряжали свои ружья огневые,
Приготовились стрелять по своем царе.
Как не золотая трубушка вострубила —
Что промолвил ли наш батюшко православный царь,
Казаки голос услышали,
Что кидались-бросались на легок стружок,
Приклоняли свои буйны головы.
«Ты прости-прости, наш батюшко православный царь!
Еще мы тебя, государь-царь, не опознали,
Нам подумалось — король земли Шведския».
Что возговорит наш батюшко православный царь:
«Вам спасибо ли, робята казаки донски,
Что донские, гребенские, запорожские!
С осторожностью вы по реке Неве гуляете,
Своего царя вы защищаете».

8

Не под городом было под Орешевым,
Нагружалися там три кораблика,
Они фуражем-сеном эти три корабличка,
Свинцом-то ли они, порохом.
Нагрузившись эти три кораблички,
Сами-то они становилися,
Дожидалися они повеленьица себе государева.
Они день-ат стоят, эти три кораблички,
Они и другой-ат стоят,
Не дождавшись себе повеленьица,
Они во поход-ат пошли,
Во поход они пошли во иную ее землю.
Как не грех-то, беда она сучинилася —
С гор погодушка она подымалася,
Заносила эти три кораблички она во иную землю,
Во иную-то землюшку ее, во Черное море.
Во первом-то сидит во корабличке,
Да сидит-то ли он майор Леверов,
На другиим-то сидит да он на корабличке,
Да он писарь ли сидит Сахаров,
Как на третиим-то сидит да он на корабличке,
Да он сам душа полковничек.
Он кричит-то, зычит своим громким голосом,
Да своим-то ли он слугам верным,
Слугам верным кричит, бравым казаченькам:
«Послужите-ка вы, мои казаченьки, царю белому,
Послужите-ка ему да верой-правдою.
Посадили-то меня, младого полковничка,
Меня только на худой-ат корабль.
Уж вы братцы мои казаченьки, да вы постарайтеся,
Не топите-ка меня, младого полковничка,
Да вы середи-то моря меня,
Середи-то моря, середи синего.
Если постараетесь, бравые казаченьки,
Я вас представлю к белому царю,
Награжу-то я вас, бравых казаченьков,
Награжу-то я вас чином, жалованьем».

4

Как по славной матушке Неве-реке,
Подле устьица ее широкого,
Что при самом ли истоке быстроем,
Как плавали-гуляли три легкие стружка.
На первом стружке Шереметев был,
На другом стружке офицеры сидят,
А на третьем стружке все солдатушки,
Преображенские и семеновские.
По реке они бежали к круту красну бережку,
К круту красну бережку ко Слюсельбургскому.
Подбирали они парусы полотняные,
Что того ли полотна всё олонецкого,
Они якори метали всё булатные,
Что того ли булата сибирского,
Приставали к круту красну бережку,
Они лесенки метали всё дубовые,
Выходили на желты пески сыпучие,
Начинали рыть подкопы глубокие,
Накатили бочки с лютым зелием,
С лютым зелием — с черным порохом,
Становили свечи воску ярого,
Зажигали те подкопы глубокие.
От того ли красной берег взорвало,
Развалило стену белу каменну,
Потрясло всю крепость Шведскую,
Устрашило храбрых неприятелей.

ШЕРЕМЕТЕВ И ШВЕДСКИЙ МАЙОР

1

Во славном городе в Орешке,
По нынешнему званию Шлюшенбурха,
Пролегла тута широкая дорожка.
По той по широкой дорожке
Идет тут царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,
Со темя он со пехотными полками,
Со конницею и со драгунами,
Со удалыми донскими казаками.

Вошли они во Красную Мызу,
Промежу темя высокими горами,
Промежу темя широкими долами
А все полки становилися.
А втапоры Борис сын Петрович
В объезд он донских казаков посылает,
Донских, гребецких да яицкиех.
Как скрали они шведския караулы,
Маэора себе во полон полонили,
Привезли его в лагери царския.
Злата труба в поле протрубила,
Прогласил государь, слово молвил,
Государь московской, первой император:
«А и гой еси, Борис сын Петрович!
Изволь ты маэора допросити тихонько, помалешуньку:
А сколько-де силы в Орешке
У вашего короля шведского?»
Говорит тут маэор не с упадкою,
А стал он силу рассказавать:
«С генералом в поле нашим — сорок тысячей,
С королем в поле — сметы нет».
А втапоры царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,
А сам он царю репортует:
«Что много-де силы в поле той шведской, —
С генералом стоит силы сорок тысячей,
С королем в поле силы смету нет».
Злата труба в поле в лагере протрубила,
Прогласил первой император:
«А и гой еси, Борис Петрович!
Не устрашися маэора допросити,
Не корми маэора целы сутки,
Еще вы его повторите —
Другие вы сутки не кормите,
И сладко он расскажет,
Сколько у них силы шведския».
А втапоры Борис Петрович Шереметев
На то-то больно догадлив:
А двое-де сутки маэора не кормили,
Во третьи винца ему подносили.
А втапоры маэор рассказал,

Правду истинну рассказал всем:
«С королем нашим и генералом силы семь
тысячей,
А более того нету».
И тут государь звеселился,
Велел ему маэора голову отляпать.

2

В тысяча семьсот первом годе,
Во месяце было во июле,
Стояли солдаты на границе.
А ни вестки, ни грамотки с Руси нету.
В три годочка перепала скора вестка,
Что отцов и матерей вживе нету,
Молодые жены замуж вышли,
Малы деточки ходят сиротают:
Еще ли нам, ребятушки, не тошно!
Как под славным городом под Полтавой
Тут стоял-постоял король шведский.
К королю кавалеры приходили,
На речах кавалеры доносили:
«Ах ты батюшка король земли Шведской!
Колько под городом ни стояти,
Нам Полтавы-города не взяти:
Во Полтаве есть московская пехота,
Сам царь-государь поспешает,
Он со конницей, со драгунами,
С регулярной силой со пехотой».
Он поход держит в землю Шведску,
Поход держит под праву руку,
Под ту ли под Красну Мызу.
Не дошед Красной Мызы становился,
Всех солдат своих испостроил,
Пушки-мортирушки изоставил.
«Ах вы гой еси, мои генералы,
Храбрые мои кавалеры!
На службе кавалеры не бывали,
Пушечного грома не слыхали?»
— «Мы еще донесем тебе челобитье,
Что из славного города из Обска

Подымается царев большой боярин
Князь Борис Петрович Шереметев,
Поход держит во Шведскую землю».
Не дошед Красной Мызы становился,
Наперед казаков рассылает,
Наперед казаки разъезжают,
Наезжают на шведские караулы,
Шведские караулы с поля сбили,
Много шведов в поле прирубили,
Увезли в полон большого майора.
Шереметев взял майорушка в допросы:
«Ты скажи-ка, майор, божью правду,
По крестному божьему цалованью:
Где стоит генерал ваш,
Где стоит благодёр ваш,
Где стоит сам король ваш?
Много ли у вас силы у генерала,
Много ли у вас силы у благодёра,
Много ли силы с самим королем?»
— «У генерала у нас силы тридцать тысяч,
У благодёра силы сорок тысяч,
А с самим королем сметы нету».
— «Врешь, майор, врешь, плутуешь!
Я этого не боюся,
В Обск назад не вернуся».
Приказал в барабаны скоро бити,
Скорей того в поход выступати
Ко этой реке ко Момже,
Чтоб король не догадался,
За Момжу-реку не перебрался.
А король догадался,
За Момжу-реку перебрался,
Шереметев за ним погони́лся,
Состигал короля середь поля,
Под славным городом под Полтавой.
Подымалась Полтавска баталья.
Запалит шведская сила
Из большого снаряда — из пушки,
Запалит московская сила
Из мелкого ружья — из мушкета.
Не крупен чеснок рассыпа́лся —
Смешалася шведская сила.

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью,
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами,
Боронёна шведская пашня
Солдатскими руками,
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами,
Поли́вана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

ВЗЯТИЕ РИГИ

По морю, морю синёму
Плыло-выплывало три ветлёные стружка.
На первом стружечке император-царь сидит,
На втором стружечке кня́зи-бо́яра сидят,
На третьём стружечке всё солдатики сидят,
Сидели солдаты полку Семеновского,
Той же первой роты гренадерское.
Их же приносило к Риги к каменной стены,
К той же к круглой башни трехугольное.
Якори метали всё булатные,
Шеймы выпущали всё шелковые,
Дорогого шелку шохматинского,
Сходенки метали всё дубовые,
Дорогого дубу, дубу польского,
Сами выходили на крут красен бережок,
Думали-гадали думу крепкую.
Подкопы копали всё глубокие,
Бочки выкатали со лютым зельём,
Со лютым со зельём — с че́рным порохом,
Свечки зажигали воскояровые.
Свечки догорели, бочки ро́зорвало,
Скинуло-сброси́ло Ригу каменну стену
С той же с круглой башни с трехугольное.
Стали проздравляти императора-царя:
«Здрастуй, император, с Ригой каменной стеной,
С той же с круглой башней с трехугольною».

* * *

Как во славном-то во городе было в Колывани,
Что по-нонешнему названьицу славный город Ревель.
Там стояли палатушки белы каменные,
Что во тех-то ли во палатушках шведская королевна,
Перед нею-то, нашей матушкой, стоят генералы,
Позади-то генералушков да все офицеры.
Что стоямши туто, все начальнички сами слезно плачут:
«Ох ты гой еси, наша матушка шведска королевна!
Но и что же ты своему братцу писем ты не пишешь —
Что прислал бы, прислал вам братец-то войска сорок тысяч?»
Не успела-то наша матушка словечка промолвить —
Не ясён-то сокóл по поднéбесью, соколик летает —
Как российский-то царь по своей армеюшке вот он разъезжает,
Своих-то солдатушков в наш город впущает,
Наши строгие-то караулушки он все посменяет.

ЦАРЬ ПЛЫВЕТ К СТЕКОЛЬНОМУ

Ах, по морю, морю синему,
По синю морю по Хвалынскому
Что плывут тут, выплывают тридцать кораблей.
Что один из них корабль, братцы, наперед бежит,
Впереди бежит корабль, как сокол летит.
Хорошо больно кораблик изукрашен был,
Паруса на корабле были тафтяные,
А тетивочки у корабля шемаханского шелку,
А подзоры у кораблика рытого бархату.
На рулю сидел наш батюшка православный царь.
Что не золотая трубушка вострубила —
Да что взговорит наш батюшко православный царь:
«Ах вы гой еси, матрозы, люди легкие!
Вы мечитеся на мачты корабельные,
Вы смотрите во трубочки подзорные,
Что далеко ли до Стекольного».

ЦАРЬ ПЕТР В ЗЕМЛЕ ШВЕДСКОЙ

Как никто-то про то не знает, не ведает,
Что куда-то наш государь-царь собирается.
Чистым серебром кораблики изнаполнил,
Красным золотом суденышки изукрасил.
Он берет-то с собой силушки очень мало,
Что одних-то преображенскиих гренадеров.
Как приказ-то дает наш батюшка царь белый:
«Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
Не зовите вы меня ни царем своим, ни государем,
А зовите вы меня заморскиим купчиной».
Уж и грянул государь-царь по морю гуляти.
Как носило-то царя по морю неделю,
Что носило царя белого другую,
Принесло-то его ко Стекольному государству,
Что к тому ли Шведскому королевству.
Не купчинушка по городу гуляет,
Что никто-то купчину не узнáет,
Узнавал только его гетман земли Шведской.
Поскорехонько он к королевнушке метался:
«Ах ты гой еси, наша матушка королевна!
Не купчинушка по городу гуляет,
Что гуляет-то по городу царь белый».
Как на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя белого узнавала,
Закричала королевна громким голосом:
«Ой вы гой еси, мои шведские генералы!
Запирайте вы воротички покрепче,
Вы ловите царя белого скорее!»
Уж и тут-то наш батюшка не пугался,
Обо всех он шведских замыслах догадался,
Ко крестьянину он на двор скоро бросался:
«Ты бери-ко, бери, крестьянин, денег вдоволь,
Ты вези меня на край синя моря».
Скоро вывез его крестьянин на край синя моря,
А скорей того во кораблик государь-царь садился,
Закричал он своим матросам и солдатам:
«Ой вы гряньте-ко, ребятушки, дружнее,
Вы гребите и плывите поскорее».
Как и первая погоня царя белого догоняет,

А другая-то погонюшка настигает.
Как возговорит погоня к царю-государю:
«Ты возьми-ко, возьми, царь белый, нас с собою.
А не возьмешь ты нас, батюшка, с собою,
Уж не быть-то нам, горьким, живыми на свете».
И тут же вся погоня в сине море побросалась,
А наш царь-государь во святую Русь возвратился.

СОЛДАТ ПЛАЧЕТ У ГРОБНИЦЫ ПЕТРА

1

Ах ты батюшко светел месяц!
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому и не по-прежнему,
Всё ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.
Что у нас было на святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском,
Что у правого у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой солдат на часах стоял,
Стоючи, он призадумался,
Призадумавши, он плакать стал.
И он плачет — что река льется,
Возрыдает — что ручьи текут,
Возрыдаючи он вымолвил:
«Ах ты матушка сыра земля!
Расступися ты на все стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань, проснись, православный царь,
Посмотри, сударь, на свою гвардию,
Посмотри на всю армию,
Уже все полки во строю стоят,
Все полковники при своих полках,
Подполковники на своих местах,
Все майоры на добрых конях,
Капитаны перед ротами,

Офицеры перед взводами,
А прапорщики под знаменами.
Дожидают они полковника,
Что полковника преображенского,
Капитана бомбандирского».

2

У нас было на святой Руси,
На святой Руси в каменно́й Москве,
У Ивана было у Великого,
Стоял тут кипарисный гроб,
Во гробу лежит православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич.
Он крепко спит — не про́снется.
В головах у него стоит старо́й сержант,
Он и плачет — что река льется,
Во слезах он слово вымолвит:
«Батюшка наш православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Что ты крепко спишь — не про́снешься,
Не про́снешься, не пробудишься?
Вся наша силушка побитая,
Побитая, порастеряна».

* * *

Ах, служили мы на границе три годочка,
Нам ни весточки, ни грамотки с Дону нету,
И словесного челобитьица нам не прислано.
На четвертом годочке перепала весточка,
Не полуночная звезда с небес упадала,
А скорая почта прибегала
Ко походному нашему атаману,
Ко Иванушке Ивановичу Фролову:
«Уж ты здравствуй, походный наш атаман,
Уж ты здравствуй со походными старшинами,
Уж ты здравствуй со служащими казаками!
Как у нас-то на тихом Дону нездорово:

Как приехали к нам на тихий Дон все рассыльщики,
Во рассыльщиках были два боярина;
Без указа-то они государева нас разоряют,
И они старых стариков всех ссылают,
Молодых-то малолеток берут во солдаты.
Оттого-то наш славный тихий Дон возмутился,
Возмутился славный тихий Дон вплоть до устьица,
Как и до славного до города Черкасского».

НА ТОМ БЫЛО ДВОРЕ ШЕРЕМЕТЬЕВОМ

Уж ты ягодка, ты смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весною взошла, летом выросла,
Зеленехунька позаломлена,
По три прутичка в пучки вязана,
По дороженьке поразбросана.
На том-то было дворе Шереметьевом,
За столом-то сидят три генералушка,
Перед столом-то стоит красная девушка,
Красная девушка просит генералушков:
«Раскуйте моего батюшку, разверзните мою матушку!»
— «Не плачь, Прасковьюшка, не тужи, не кручинься.
Не можем мы, генералушки, расковать твоего батеньку,
Не можем мы разверзнуть твоей матушки.
Ты пойди к самому царю белому,
Подойди тихохенько, проси смирехунько, поклонись низехунько».
Идет Прасковьюшка к самому царю белому.
На крыльце-то сидит православный царь.
Как возговорит речь Прасковьюшка
Своим громким голосом:
«Ты прости, православный царь,
Моего батеньку и мою маменьку,
Прикажи, царь, расковать моего батеньку,
Прикажи разверзнуть мою маменьку».
Как возговорит в ответ православный царь:
«Не прощу я, Прасковьюшка, твоего отца, матерю,
А сошлю я его под Сибирь-город, а ее на фабрику».

КАЗНЬ ДОЛГОРУКОГО

По большой дорожке
Не купца ведут, не боярина,
Самого́ князя Долгорукого.
По бокам идут два полка солдат,
Два полка солдат, два тысячных.
Наперед идет сам грозно́й палач,
Позади идет боярыня,
Набелёна, нарумянена,
Она плачет — что река льется,
Слезы катются — что волна бьется.
«Ты не плачь, моя боярыня,
Набелёна, нарумянена!»
— «Уж как же мне не плакати,
Коль крестьянушек отписывают,
В золотой казне воли нету?
Только один золотой перстень мой».
— «Давай перстень палача дарить,
Чтобы при́дал скорую смерть».

КАЗНЬ БОЯРИНА

Голова ль ты моя, головушка,
Голова моя послуживая,
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года,
Со добра коня не слезаючи,
Из стремян ног не вымаючи.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого,
Только выслужила головушка
Два столбика высокие,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.
По Мясницкой славной улице,
За Мясницкими за воротами
Ведут князя-боярина.

Перед ним идут попы, дьяконы,
Во руках несут большу книгу,
А за ним идет солдат рота,
Наголо несут шпаги острые,
А по правую по сторонушку
Идет его грозной палач,
Во руках несет саблю острую,
А по левую по сторонушку
Тут идет его родна сестра,
Она плачет — что река льется,
Возрыдает — как ручьи текут.
Унимает ее родимой брат:
«Ты не плачь, не плачь, родна сестра,
Не слези свои очи ясные,
Не руди своего лица белого,
Не надсажай своего сердца ретивого.
Как чего же тебе хочется:
Иль поместья моих, иль вотчины,
Иль имения тебе богатства,
Или злата, или серебра,
Иль моего тебе здоровьица?»
— «Ах ты свет же мой любезной брат!
Ничего-то мне не хочется —
Ни поместий твоих, ни вотчин,
Ни имений твоих богатства,
Ни злата, ни серебра.
Уж как только мне, братец, хочется
Твоего, сударь, здоровьица».
Да что взговорит родимой брат:
«И ты свет моя родна сестра!
Тебе плакать — не выплакать,
Молить бога — не вымолить,
У царя просить — не выпросить.
И так меня бог помиловал,
Государь-царь пожаловал,
Велел срубить буйну голову
По мои плеча могучие».
Как ввели князя на сруб высок,
На его место показанно,
Он молился спасову чудну образу,
Он на все стороны низко кланялся:
«Ах прости, прости, мир и народ божий,

Помолитеся за мои грехи,
За мои грехи тяжкие».
Не успел народ лишь взозрити,
Как отсекли буйну голову
По его плеча могучие.

ВАНЬКА КАИН

Ах, тошным мне, доброму молодцу, тошнехонько,
Что грустным-то мне, добру молодцу, грустнехонько,
Мне да ни пить-то, ни есть, доброму молодцу,
не хочется,
Мне сахарная-сладкая ества, братцы, на ум нейдет,
Мне Московское сильное царство, братцы, с ума нейдет.
Побывал бы я, доброй молодец, в каменной Москве,
Только лих-то на нас, добрых молодцов, новой сыщичек,
Он по имени, по прозванью Иван Каинов.
Он не даст нам, добрым молодцам, появитися,
И он спрашивает пашпортов всё печатных.
А у нас, братцы, пашпорты своеручные,
Своеручные пашпорты, всё фальшивые.

БЕГСТВО ЛЕЩИНСКОГО

Красно солнышко с светлым месяцем
поразмолвилось,
Называет солнушко светлый месяц назывочкой:
«Назывочка-батюшка светлый месяц!
Изменяешь ты красному солнушку
И глядишь ты, назывочка, позднёшенько вечером,
Унимаешь ты у невольничка путь-дороженьку
С полону бежать князю Лещинскому».
У Лещинского колясочка ровно жар горит,
Во колясочку заложоны кони во двенадцать пар,
На конях фолейторы все подкуплены.
Гонит погонь за князем Лещинским,
Гонит погонь во пятьсот жандар.
Прибежал Лещинский ко Дунай-реке,
На ту пору переправщиков не случилося.
«Ты позволь, Дунай-батюшка, переправиться!»
Попроша Дунай, князь Лещинский в реку бросился.

СОЛДАТЫ ГОТОВЯТСЯ ИДТИ НА ПРИСТУП

Не сон меня клонит, не дрема долит —
Сыпит, валит кручина добра молодца,
Стоючи на карауле государевом,
Смотрючи, братцы, на Азов-город,
Что на те ли на раскаты на широкие,
Что на те ли на колонны на турецкие.
Что со вечера солдатам приказ отдан был,
Чтобы ружья были чисты и кремни востры,
Палаши отпущены, штыки примкнуты,
Чтобы перевязи, портупеи были навохрены,
Манишки, рубашки и стиблеты были белые.
Что заутра нам, солдатам, на приступ идти
С генералом Левашовым и фельдмаршалом,
Со любимыми полками — со пехотою,
С белокаменной стеною — с гранодерами,
Со большими лбами — со калмыками,
С широкими бородами — со казаками.

КРАСНОЩЕКОВ В ПЛЕНУ

1

Приуныло, приумолкло войско донское,
Приужаснулась армеюшка царя белого
Без верного служителя государева,
Без Ивана Матвеича Краснощекова.
Взяли Краснощекова в полон шведы,
Повели доброго молодца к Левенгаупту,
Как и стал его Левенгаупт спрашивать:
«Ты скажи, скажи, доброй молодец, не утай ничего —
Ты чем служил царю белому, как ты жалован:
Сотником, полковником иль бригадирушкой?»
Речь возговорил Краснощеков Левенгаупту:
«Я служил царю белому ровно тридцать лет,
И не сотником, полковничком, бригадирушкой,
Я служил царю белому — рядовой казак».
— «Нет, неправду, разудалой, открываешь мне.
На тебе, младец, управушка не казачая,

На тебе-то управушка командирская.
Я хочу тебя, младца, просить просьбою:
Ты служил царю белому ровно тридцать лет,
Послужи ты царю шведскому хоть три года».
Как воскрикнул Краснощеков Левенгаупту:
«Ах, если бы была при мне сабля острая,
Послужил бы я над твоей буйной головушкой».

2

Что сказать ли вам, братцы, про диковинку,
Как про верного слугу про Краснощекова,
Отчего, братцы, ему скора смерть солучилася?
Солучилася ему скора смерть от изменщика.
Поймали же Краснощекова на черной грязи,
Он слезал ли, Краснощеков, со добра коня,
Вынимал ли Краснощеков саблю острую,
Он срубил ли со добра коня буйну голову,
Он срубивши голову, говорил ему:
«Не доставайся ты, мой доброй конь, злу татарину».
Уж как взяли Краснощекова за белы руки,
Повели же Краснощекова к хану крымскому,
Уж как стали же Краснощекова крепко спрашивать:
«Ты скажи, скажи, Краснощеков, истину,
Еще много ли у вас силы со фельдмаршалом».
— «Со фельдмаршалом у нас силы ей сметы нет».
— «Еще много ли у вас силы с Краснощековым?»
— «С Краснощековым у нас — что цветов в полях».
— «Послужи же нам, Краснощеков, верой-правдою».
Ах, что взговорит Краснощеков злым татаринам:
«Послужу я вам, друзья мои, саблей острою
Что над вашими ль над буйными головками».
Еще тут ли татаре осердилися,
Они стали над Краснощековым наругатися,
Принялись у Краснощекова ноги резати,
Они разными муками его мучили,
А правды из него не выведали,
Хоть с живого с него кожу содрали,
Но души из него не выняли.

8

Не от тучи, не от грома, не от солнышка —
От великого оружия солдатского
Загоралася в чистом поле ковыль-трава,
Добиралася до белого до камышка.
Что на камешке сидит млад ясен сокол,
Подпалил он свои быстрые крылышки,
Обожег он свои скорые ноженьки.
Прилетали к соколу стадо воронов,
Что садились чёрны вороны вокруг его
И в глаза ли ясному соколу насмехалися,
Называли они сокола вороною:
«Ты ворона, ты ворона подгуменная!»
Ах, что взговорит в кручине млад ясен сокол:
«Как пройдет моя беда со кручиною,
Отращу я свои крылья, крылья быстрые,
Оживлю я свои ноги, ноги скорые,
Я взовьюся, млад ясен сокол, выше облака,
Опущуся в ваше стадо я скорей стрелы,
Перебью я черных воронов до единого».
Ах, когда был Краснощеков во неволюшке,
Он вскричал ли, он взвопил громким голосом:
«Ой вы гой еси, друзья, братья, товарищи!
Не покиньте доброго молодца при бедности.
Уж как в некоторо время пригожусь, братцы, вам,
Заменю я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою».

ИВАН КРАСНОЩЕКОВ — МЛАД ОХОТНИЧЕК

Между Кум-реки между Тереком,
Между тех-то было трех Кумских отноженок,
Там ходил-гулял удал добрый молодец,
Млад донской казак, млад охотничек.
За плечами он носил пищаль турку, всё винтовочку,
Долгомерную, семипядную, восьмибляшную,
Вместо целика врезан у винтовочки бральянт-камень,
У винтовочки насечка позлаченая,
У винтовочки подсошечек кизиловый,
На винтовочке как написано, напечатано —
Что Иван-то сударь Краснощеков сын.

Он шел-то не стежкою, не дорожкою,
Всё тропинкою звериною,
Навстречу ему мать сера ланья со ланятами.
Как раскидывает он подсошечек кизиловый,
Он прикладывается, благословляется:
«Ты позволь, мать сера ланья, по тебе стрелять,
По тебе стрелять, по твоим деточкам!»
— «Ты меня убьешь — не шубу сошьешь,
Ланят побьешь — не опушишь;
Ты пойди, пойди, млад донской казак,
Млад донской казак, млад охотничек,
В зеляны луга в заповедные,
Там ходит турчин со турчаночкою,
Он ублажает молодую турчаночку,
Забавляет в звончатные гусельки.
Ты турчина убьешь,
А турчаночку замуж возьмешь».

* * *

Как не пыль в поле пылит,
Не дубровушка шумит —
Прусак с армией вали́т.
Близёхонько подвалили,
В полки они становили,
Они зачали палить —
Только дым с сажей вали́т.
Нам не видно ничего,
Только видно на прикрасе,
На зеленом на лугу —
Стоит армия в кругу,
Лопухин ездит в полку,
Курит трубку табаку.
Для того табак кури́т,
Чтобы смело подступить,
Чтобы смело подступить
Под лютóго под врага,
Под лютóго под врага,
Под прусского короля.
Они билися, рубилися
Четырнадцать часов.

Утолилася баталья —
Стали тела разбирать,
Находили во телах
Полковничков до пяти,
Полковничков до пяти,
Генералов десяти.
А еще того подале
Заставали душу в теле,
Заставали душу в теле —
Лопухин лежит убит,
Лопухин лежит убит,
Таки речи говорит:
«Ох вы гой еси, робята,
Мои верные слуги!
Вы подайте лист бумаги
Да чернильницу с пером.
Напишу я тако слово
К государыне самой:
Что Потемкин-генерал
В своем полку не бывал,
В своем полку не бывал,
Всеё силу растерял.
Которая на горе —
Стоит по́ груди в крове́,
А котора под горой —
Заметало всю землей».

ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА

1

Что не белая береза к земле клонится,
Не шелковая во поле травушка застилается —
Расстилалась, сувивалася полынь-травушка,
Что горька-горька полынь-травушка,
Горчей в поле нет,
Что тяжка-тяжка служба царская,
Тягчей в свете нет.
Собирался наш пруцкой король
С своей армией на круту гору,
Становился наш пруцкой король под дубровою,

Под дубровою зеленою под высокою,
Он глядел-смотрел в свою сторону.
«Сторона ль ты моя, сторонушка Берлин-город,
Ты укрепа ль моя, укрепушка,
Ты укрепа моя крепкая!
Ты кому ж, моя укрепушка, достанешься?
Доставалась моя укрепушка царю белому,
Царю белому, енаралу Краснощекому».
Краснощекой-енарал он догадлив был,
Он ходил-гулял с купцом по торгу,
Закупал наш енаралушка сорок семь пушек,
Разбивал наш енарал стены каменны,
Через речку через быструю мосты вымостил,
Молодую королеву во полон брали.

2

Что не стадичко из черных галочек подымалося —
Подымалася наша армия государева,
И не много, и не мало — семьдесят семь полков.
Вперед бежит молодой почтарь,
Молодой почтарь, сам не трёхнется,
По плечам бежат русые кудерьки,
Русы ку́дерьки не воро́хнутся.
Подбегает к матушке каменно́й Москве,
Наустречу московские целовальнички;
Целовальнички испугались, все разбе́глися.
«Вы не бойтесь, целовальнички, не пугайтесь ничего!
Отпустите вы сладкой водочки на пятьсот рублей,
Зелена́ вина на всю армию государеву».
На ограде сидел прусско́й король — черным вороном,
По поднебью летал прусско́й король — ясным соколом,
Под столом-то сидел прусско́й король — серым котиком.
Как возго́ворил прусско́й король:
«Ты укрепа ль моя, укрепушка,
Славный Берлин-город!
Ты кому же, моя укрепа, достанешься?
Доставалась моя укрепа царю белому,
Царю белому, генералу Краснощекому.
Я строил тебя, укрепушку, ровно тридцать лет,
Разорили тебя, укрепушку, в три часа».

* * *

Краснощеков у прутского (короля) загулял,
В белых каменных палатах побывал.
Они пили там, гуляли, прохлаждалися,
За дубовым столом, за скатертью шелковой,
Они сами собой выхвалялися.
Как возговорил король Федор Федорович:
«Я всех в Москве знаю и князей, и бояр,
И всех сотников, всех полковников,
Одного только не знаю я донского казака,
Донского казака — Краснощекова сынка.
Если б я его узнал, я б голову ему снял».
Краснощеков догадался, из палатей убирался,
Он вскричал-взгичал своим громким голосом:
«Уж вы слуги мои, слуги, вы донские казаки!
Вы пойдите приведите моего верного коня,
Моего верного коня, сизокрылого орла».
Краснощеков на конь сел, песню королю отпел:
«Ты ворона, ты ворона, загуменная карга!
Не умела ты, ворона, ясна сокола ловить,
В руках его держать, сизы перышки щипать».

ЧЕРНЫШЕВ В ПЛЕНУ В КИСТРИНЕ

1

Ты звезда, звезда восточная,
Высоко звезда восходила,
Выше светлого месяца,
По заявью красна солнышка.
Во земле было во Прусския,
Во Кистри́не, славном городе,
За Кистри́нскими воротами,
Во саду было во вишенье,
Во зеленом виноградьице,
Тут стояла светла све́тлица,
Заключе́вна заключевница,
Со косящатым окошечком,
Со стекольчатой околенкой,
Со железной со решеточкой.

Что у этой светлой све́тлицы,
Заключевной заключевницы,
Были двери всё железные,
Ободверины укла́дные,
А пробойцы-то булатные,
А замок был в полтора пуда,
Полтора пуда с четвертью.
Как во этой светлой све́тлице,
Заключевной заключевнице,
Тут сидел да посидельщичек.
Он по све́тлице погуливает,
Золоту трубку раскуривает,
Запевает свою песенку,
Свою песенку любимую,
Свою песенку служивую:
«Ты талан ли мой, талан лихой,
Злая участь, горе горькое!
На роду мне господь писал
Одному горе измыкати».
Мимо этот сад и вишенье
Случило́ся идти-ехати
Самому королю прусскому,
Королевскому величеству.
Как завидел посидельщичек
Из косящата окошечка
Во стекольчату околенку:
«Ах ты гой еси, прусско́й король,
Королевское величество!
Ты умел меня в полон поймать,
Ты умел меня в тюрьму садить —
Прикажи меня поить, кормить,
Не прикажешь поить, кормить —
Прикажи меня на Русь пустить,
Не прикажешь ли на Русь пустить —
Прикажи меня скорей сказнить».
Остоялся сам прусско́й король,
Королевское величество:
«Ах ты гой еси, российский граф
Чернышов Захар Григорьевич!
Уж ты будешь ли по мне служить?
Коли будешь ты по мне служить,
Прикажу тебя поить, кормить,

Прикажу дать двойно́ жалованье».
Закричал тут российский граф
Чернышов Захар Григорьевич:
«Ах ты гой еси, прусско́й король,
Королевское величество!
Кабы был я на своей воле,
Я бы рад был тебе служить
На твоей бы буйной го́лове,
На твоей бы шее белыя».
Как спрого́ворит прусско́й король,
Королевское величество:
«Посиди-ка ты во той тюрьме —
Наберешься ума-разума».
Закричал тут посидельщичек
Чернышов Захар Григорьевич:
«Напишу я свою грамотку
Не пером, не чернилами,
А своими горючьми слезьми
Превеликой государыне.
Еще не́што наша матушка
Превелика государыня
На подмогу бы силы прибавила,
Артиллерии бы к нам подка́тила!»
Еще прусско́й король
Не доехал до своего дворца —
Уж и пушечки запукали
Во славной Кистри́н-город.
Обездолился прусско́й король,
Королевское величество,
Выпускал же он посидельщичка,
Отвозил к царю белому,
Превеликой государыне,
Он просил замиреньица:
«Превелика государыня!
Помиримся со мной, прусски́м королем!»
Говорит тут посидельщичек
Чернышов Захар Григорьевич:
«Превелика государыня!
Не мирися с прусски́м королем.
Мы возьмем его Кистри́н-город,
Разобьем Кистри́нски крепости».

2

Что под славным было городом,
Под стеною белокаменною,
Что под той стеной Кистринскою,
Во саду было во вишенье,
Во зеленом виноградьице,
Тут стояла светла светлица
Со косящетым окошечком.
Что во той ли светлой светлице
Посажен сидит российский граф.
Он по светлице похаживает,
Он руками размахивает,
Он в окошечко поглядывает,
Свою армию высматривает.
Лучилося мимо ехати
Самому королю прусскому,
Лучилось голос слышати,
Что взговорит король земли Прусския,
Королевское величество:
«Ой ты гой еси, российский граф!
Послужи мне верой-правдою,
Верой и правдой неизменною,
Как служил царю белому
Ровно тридцать лет и три года;
Послужи мне хотя три часа».
Что взговорит российский граф:
«Ой ты гой еси, король земли Прусския!
Прикажи на волю выпустить».
Что взговорит король земли Прусския,
Королевское величество:
«Ой ты гой еси, российский граф!
Ваша армия побита вся,
Остальная вся в полон взята».
Что взговорит российский граф:
«Ой ты гой еси, король земли Прусския,
Королевское величество!
Хотя ж армия побита вся,
Остальная вся в полон взята,
Напишу я скоро грамотку
Что во славной во Санктпетербург,
Припишу набрать рекрутиков,

Молодых я всё солдатиков.
Я велю идтить под Кистрин-город,
Ваш Кистрин-город разобьют весь,
А тебя, короля, в полон возьмут,
А меня, графа, выручат».

ВОЗВРАЩЕНИЕ КРАСНОЩЕКОВА

Как по Питерской было по дороженьке,
По Московскою по широкою,
Тут шли-прошли солдаты.
Веселы́ полки, очень радостны,
А один-то полк не весёл идет,
Не весёл и не радошен:
Добрых коней в поводу ведут,
Краснощекова на руках несут.
Увидала его родна матушка:
«Ох ты дитятко мое милое!
Ты зачем больно пьян напиваешься?»
— «Государыня моя родна матушка!
Я не сам-то пьян напиваюся,
Напоил-то меня супостат прусско́й король
Тремя пойлами, тремя разными:
Первое пойлице — сабля острая,
Другое пойлице — ружье огненно,
Третье пойлице — калена́ стрела».

* * *

Прошли казачушки с моря Черного,
Со Черного со моря, со Каспицкого,
Со того ли со батальица со турецкого.
Утомленных своих коней в поводах ведут,
А кровавое цветно платьице в тороках везут,
А булатными тупейцами подпираются.
Случило́сь идти мимо городу,
Мимо городу мимо Питеру,
Увидела милосердная государыня,
Призывает она молоденького полковничка:

— «Ох ты гой еси, молоденький-млад
полковничек!
Молодёхонек ты упиваешься!
Ты не отдал чести городу Питеру;
Не чаял ты в городе государыни?»
— «Ох ты гой еси, наша матушка
Белосветная государыня!
Напоил-то нас прутско́й король
Тремя пойлами, тремя розными:
Перво пойлицо — свинцом, порохом,
Друго пойлицо — саблями вострыми,
Третье пойлицо — копьями вострыми».

ВОЗВРАЩЕНИЕ СУВОРОВА

Как на желтых песках на рассыпчатых
Тут строилась церковь славная,
Церковь славная, семиглавная,
На семой главе — крест серебряный,
Крест серебряный, весь повызлачен.
На кресте сидит мала пташечка,
Мала пташечка — млад ясен сокол.
Высоко сидел сокол, далеко глядел,
Далеко глядел в степь Саратовску,
В степь Саратовску, в землю Шведскую,
В землю Шведскую, в землю Турецкую.
По степе идут два полка казак.
Что первой-от полк весьма не радошен,
А второй-от полк весьма радошен —
В барабаны бьют, во трубы трубят,
Золотые знамена во чехлах несут.
Впереди-то идет сам Суворов-князь,
Идет-то, идет, сам шатается,
Со всемя́ ли-то людьми распрощается,
На все стороны поклоняется.
Шли они мимо городу мимо Питеру,
Что помимо стенушки белокаменной,
Увидала-то его родима матушка
Из того ли из нова терема,
Из косящата его окошечка,
Сквозь немецкое его стеклышко.

«Ты дитя ли мое, чадо милое,
Ты почто так крепко упиваешься,
С зелена вина забываешься?»
— «Ты молчи, моя родимая матушка!
Ничего ты не знаешь, не ведаешь.
Что не сам-то я напиваюся —
Напоил меня злой пруцкой король,
Напоил меня он свинцом, порохом,
Опохмелел он из медной пушечки».
Что Суворова ли князя на руках несут,
Добра коня в поводу ведут,
Самоцветно платьице в тороках везут.
Понесли его тело на круту гору,
Положили его тело межу трех дорог.

АРМИЯ ИДЕТ В ПРУССКУЮ ЗЕМЛЮ

По московской по широкой по дороженьке
Не ковыль-трава, братцы, зашаталася,
Не алы цветы, братцы, развевалися —
Зашаталася тут сильна армия,
Сильна армия царя белого,
Идучи, братцы, в землю Прусскую,
На чужу дальну на сторонушку,
На чужу дальну незнакомую.
Раздувалися знамены белые,
Наперед идут новокорпусны,
Всереди везут артиллерию,
Позади едет сильна конница,
Славна конница кирасирская.
Уж как все веселы идут,
Веселы идут, принапудрены,
Что один из них невесел идет,
Невесел идет, призадумавшись.
Что за ним идет красна девица,
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, что ключи кипят.
Уж как взговорит удалой доброй молодец:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не слези лица румяного,
Не вздыхай, моя разумная,

Не одной-то ведь тебе тошно,
И мне, молодцу, грустнехонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужу дальну незнакомую,
Что на службу я государеву».

СОЛДАТЫ В ПРУССКОЙ ЗЕМЛЕ

1

Травынька-муравынька, ковылочик!
Не одной-то тебе, травыньке,
В поле тошно,
И нам, солдатушкам, жить не сладко.
Мы стояли во Прутско́й земле
На границе,
Под Кистри́ном-городочком три годочка,
Нам ни весточки, ни грамотки с Руси нету,
На четвертым годочке весточка пала
И за весточкой указы присылали.
Как у нас, братцы, на святой Русе
Нездорово —
Смутился, помешался весь тихо́й Дон.
Случилася батальица генеральна
На славным чистым поле Лебедяне.
Поступает прутско́й король очень крепко,
Разбивает наш молодецкий новой корпус
И со правого фланга да на левый.
Генералушки-бригадерушки испугались,
А полковники со майорами разбежались.
Из пушечек палили всё сержанты,
Свинец, порох развозили маркитанты.

2

Долина моя широкая,
Ничего-то на ней не уродилося,
Ни травыньки, ни муравыньки,
Никакой нет ни былинки,
Одна уродилась куст-калинка.
На кусту калиновым сидит

Горькая кукушечка.
Не кукуй-ка, не горюй-ка,
Горькая кукушечка,
Не давай тоски-назолы, —
Нам без этого здесь тошно,
Пособить нашему горю невозможно.
Загнал-то нас, загнал прусской король,
Загнал в ину землю, на край, на границу,
Поморил-то, поморил нас голодною смертью;
Он не год морил-то нас, не два года,
Морил всего четыре года.
На четвертом году пришла ко мне вестка,
Со родимой со сторонушки пришла ко мне грамотка:
Знать, ни батюшки, ни матушки вживе нету,
Молодая моя хозяюшка, слышно, замуж вышла,
Вышла замуж за бурлака.
«Мне сказали про бурлаченьку —
Казны-денег много,
Разыскалось у бурлаченьки
Всего три полтины:
Первая полтина — отдать попу за венчанье,
Другую полтину — отдать дьячку за читанье,
Третью полтинушку — жене на разживу».

ИДУТ НОВОБРАНЦЫ

За славною рекою за Москвою,
За высокими горами Воробьевы
Пролегала тут широкая дорожка,
Широким-то она, дороженька, не широка,
А пробоем-то она, дороженька, не пробойна.
Уж по той ли по дорожке по широкой
Еще шли-прошли солдаты новобраны,
Идучи они, солдаты, сами плачут,
В слезах они дороженьки не видят,
В возрыданьице словечушка не молвят.
«Что гораздо мы пред богом согрешили,
Государя мы царя распрогневили.
Уж как отдал нас нерусскому началу,
Что нерусскому начальнику, немчину,
Он бьет, губит солдатушек напрасно».

СОЛДАТЫ ШТУРМУЮТ ТУРЕЦКУЮ КРЕПОСТЬ

1

Еще кто у нас, робята, в каменнóй Москве бывал,
В каменнóй Москве бывал, про визиря кто слыхал,
Про того ли про визиря, про турецкую войну?
Мы под городом стояли, много горя принимали,
Много горя принимали, стену каменну пробивали.
Мы стенушку не пробили, только турка рассердили.
Турки и́з пушек запалили, наших дымом завалили:
Каково есть красно солнце — не видать его в дыму.
Князь Румянцев-генерал свою силу утверждал,
А Суворов подскакал ко донским казакам:
«Ой вы братцы молодцы, вы донские казаки,
Вы донские, гребенские, запорожски молодцы!
Сослужите таку службу, каку я вам велю,
Каку я вам велю и какую прикажу:
Вы пейте-ка без меры зеленóе вино,
Берите без расчету государевой казны, —
Не можно ли, робята, караулы турски снять?»
— «Не вели́ка, сударь, страсть караулы турски скрасть».
Тихо ночью подъезжали, караулы турски скрали.
Закидался-забросался сам турецкий визирь,
Че́рзнень-реку перешел, во постелюшку слег:
«Не чаял своей силушки в погибели бывать,
А топеря моя силушка побитая лежит,
Вся побитая лежит, вся порубленная.
Побили, порубили всё донские казаки,
Донские, гребенские, запорожцы молодцы».

2

Что же мы, робятушки,
Невесело сидим,
Мы невесело сидим,
Мы не пьем, не едим?
Кто бы нам, робята,
Про мирзи́р-город сказал?

Мы трое суточки стояли,
Не пивали, не едали,
Стену белу пробивали.
Стены белой не пробили,
От города отвалили
Во зеленые луга.
Становилась сила вкруг,
А Румянцев с ними внук,
Объезжат силу вокруг.
Поскорее поскакал
Ко донскиим казакам:
«Выбирайтесь казаков
Сорок тысяч молодцов,
Что хотите, то берите,
Государеву казну,—
Вы скрадите у мирзира
Отъезжий караул».
— «Не диковина какая
У мирзира караулы скрасть».
Наперед у нас пехота,
Казаки позади,
Турецка сила впереди.
Не дубровушка шумит —
Турецка силушка валит.
Не ясён сокóл летит —
Наперед мирзир катит,
Вострой сабелькой грозит.
Генералы испугались,
Кой-куда все разъезжались.
А солдатушки стоят,
Они то же говорят:
«А нам некуда деваться,
Пришло дело раздеваться».
Казаки силу секут —
Кровавы́ ключи текут.
Коя сила при долине —
Заметало песком, глиной,
Коя сила на горе —
Стоит пó пояс в крове.

РУМЯНЦЕВ И КРАСНАЯ ДЕВИЦА

1

Мы вечор в торгу торговали,
Свинцу, пороху закупали,
Медны пушечки заряжали,
В каменну стенушку стреляли,
Короля в глаза не видали.
Красну девицу в полон взяли,
Ко Румянцову подводили.
Граф Румянцов дивовался,
Красоте ее любовался:
Хороша девушка, румяна,
По-немецкому изубрана —
На ней шубечка голубая,
Душегреечка парчевая,
В косе ленточка золотая.
«Ты позволь с нами говорити,
Про мою силушку спросити,
Про свою армию сказати.
Ты поди, поди в России замуж
За любимого мова сына
За Ивановича Ивана,
За российского инарала».
— «Не хочу с вами говорити,
Я нейду, нейду в России замуж
За любимого твого сына
За Ивана Ивановича,
За российского инарала».
Граф Румянцов рассердился,
Он без милости распалился,
Востру сабельку вынимает,
Красну девушку он стращает.
Красна девушка испужалась,
За Румянцовым погонялась:
«Уж ты батюшка граф Румянцов!
Ты позволь со мной говорити,
Про мою армию спросити,
Про свою силушку сказати.
Я иду, иду в Россию замуж
За любимого твого сына,

За Ивановича Ивана,
За российского инарала».
Мы со вечера спать ложились,
Поутру мы рано вставали,
Ключевой водой умывались,
Шелковым платком утирались.
Начала девица писати,
Королю письмо отсылати:
«Приезжал ты, король, на свадьбу
Ко любимому свому сыну
Ко Ивановичу Ивану».

2

Как под Бе́ндером мы стояли,
Трое суточек простояли,
Мы не пивали и не едали,
С добрых ко́ней не слезали,
Мы белу стену пробивали.
Белой стены мы не пробили,
Короля в доме не застали,
Королевишну в полон взяли,
К белым шатрам привозили,
Пред Румянцова становили.
Румянцев-князь дивовался,
Красоте изумлялся:
«Что это за деви́ца,
Белолица, круглолица,
Черноглаза, черноброва,
Хороша больно уродилась!
Ты не плачь, не плачь, красна́ деви́ца,
Я отдам тебя замуж
За лучшего генерала,
За родного моего брата».

* * *

Как у нас было за городом за Венде́рой,
Не две тученьки не две грозные они
выкатались —
Выкаталася сила-армия во чисто́е поле,
Во чисто́м поле, в широкое раздолье.

Выходил тут сам-ат батюшко граф Суворов,
Камышевой своей тросточкой он комендрует:
«Становитеся вы, солдатушки, по правому
фланку,
Вы берите, робята, и не робейте,
Своих белых рук не жалейте».

ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывут,
Наши стройные казаки
Под Измаил-город идут.
Идут, идут казаченьки
Своим тихим маршем,
Идут, идут, маршируют,
Меж собою говорят:
«Трудна служба нам, казакам, —
Под Измаил-город поход,
Да еще того раструднее
Под пушечки подбежать.
Под пушечки подбежали,
Закричали враз «ура».
Ура, ура, город взяли,
Потрясли мы стены, вал».

НЕ ПЛУГАМИ ПОЛЕ РАСПАХАНО

1

Не черным-то зачернелось —
Зачернелось турецкое чисто поле;
Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами,
Засеяно поле не всхожими семянами —
Засеяно казачьими головами,
Заволочено поле казачьими черными кудрями.
Как не доехавши поля, Зоргин-генералушка
Становился над казачьими головушками.

Становившись, он прослезился:
«Понапрасну эти буйные головушки пропадают
Без верного-то служителя с Дону государева,
Без Ивана сына Матвеева Краснощекова».

2

Промежду-то Куры, между речушки,
Между Малки-реки да на мутненькой,
Не плугами-то оно, поле, вспахано —
Пораспахано оно, чисто полюшко,
Что не конскими оно копытушками,
А засеяно-то ли оно, чисто полюшко,
Что не всходами оно, семенушками,
А засеяно оно, поле чистое,
Казачьими головушками,
А заборовано оно, полюшко-то чистое,
Что на конскими оно хвостами.
Что никто-то, никто к этой рать-силе,
Что никто-то, никто к ней не привернется,
Лишь наезживал на эту силушку великую
Русский витязь князь Дмитрий,
Да дивился он на эту рать-силу побитую:
«От кого эта изменушка сучинилася?»
Отвечала одна голова ему, сказала:
«Солучилась эта изменушка не от казаченков,
Солучилась-то она, изменушка, от больших начальников».

3

Как за речкою то было за Утвою,
За Утвинскими то было за горами,
Распахана была одна пашенка,
Пашня была яровая.
Не плугом была пашня пахана,
Не плугом да и не сохою —
Распахана была эта пашенка
Казачьими копиями;
Не ржою была пашня засеяна,

Не ржой она, не пшеницей —
Засеяна была эта пашенка
Казачьими головами,
Заборонена была эта пашенка
Коневьими копыта́ми.
Засеял-то эту легку пашенку
Один млад полковничек.
Засеявши эту свою пашенку,
Сам он слезно тут заплакал:
«Расти, расти, моя легка пашенка,
Расти в поле, зеленейся,
На поливочку, моя легка пашенка,
На поливу не надейся!
Что польет тебя, мою пашенку,
С небес частым дождичком».

* * *

На Линии было, на Линеюшке,
На славной было на сторонушке,
Там построилась новая редуточка.
Во этой во редуточке стояла командушка,
Команда казацкая,
Во той во командушке
Приказным был Агуреев сын.
За неделюшку у Агуреева сердце не чуяло,
За другую стало сказывать,
Как за третию за неделюшку вещевать стало.
Наехали гости незваные, непрошенные,
Стали бить и палить во редуточку
И повыбили всю командушку казацкую.
Агуреев сын ходит-похаживает,
Свои белые ручушки поламливает,
Буйной головушкой покачивает:
«Вы сами, ребятушки, худо сделали —
Не поставили караула, сами спать легли!
Не бывать нам, ребятушки, на тихом Дону,
Не видеть нам, ребятушки, своих жен, детей,
Не слыхать нам, ребятушки, звону колокольного».

* * *

Да за славною за рекою за Кумою,
Под крутыми под Бештовыми под горами
Стояла там белокаменная дугеня.
Во дугени сидит млад черкесской князь Богоматов,
Перед ним стоит млад донской казак невольничек.
Да не так ли невольничек слезно плачет,
Ретивым сердцем невольничек воздыхает,
Он про батюшку тихий Дон вспоминает.
Богоматов-князь невольничка утешает:
«Ты не плачь, не плачь, молодой донской невольничек!
Отпущу я тебя, невольничка, на тихий Дон,
Поклонися ты, невольничек, всему войску Донскому,
А еще поклонись войсковому атаманушке».

ДВА НЕВОЛЬНИЧКА

Воздалече, воздалече в чистом поле
Пролегала не дорога — тропа малая,
Шли по ней два невольничка молодые,
Увидали два невольничка густой камыш,
Они просили камыш-траву ночлег себе:
«Прими ты нас, камыш, гостьми себе,
Дозволь ты нам суконные онучи просушити,
Ременные бахилочки тут провялити».
Легли тут добрые молодцы в камыш-траву.
Со вечера камыш-травушка приутихла,
Со полуночи камыш-травушка зашумела,
На заре камыш-травушка речь возговорила:
«Уставайте вы, невольнички молодые,
За вами есть черкесская зла погоня,
Рoсланбек-мурза с узденями недалеко».
Встрепенулись добры молодцы, в ход пустились,
Перед балкою они камышиной очутились.
Дошли вниз по ней молодцы до трясины,
Схоронились в ней молодцы со всем телом.
Росланбек-злодей до балки той доезжает,
Не нашедши их — за Кубань-реку завертает.

ПИСЬМО ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ

1

Ой да пишё, пишё-то, пишё король шведские,
Да государыне пишё самой:
«Ой да милосердная наша государыни!
Ну да замиримся-ко мы с тобой.
Ой да ты отдай-ко мои города ты,
Которые прежде ты нам побрала:
Ой отдай Ригу ту, Ригу о́тдай, о́тдай Ревель,
Отдай Нарву ту крепкий городок.
Аль да распиши ты нам ли палатушки
В каменной Москвы постоять,
Ой да нашой конницы, нашим драгунам
В пирской в славной-то стоять улице,
Ой да нашим графам, графам офицерам,
Ино да по купеческим стоять по́ домам.
Ой да самому-то ко́ролю шведскому,
Ему в славном городе стоять в Кремле,
Ему в Шелементьёвом стоять во́ дому».
Ой да милосердная наша государынька
Убояласе она того,
Ой да ею скорые резвые ноженки
Подломилисе стоючись,
Ой да белотельные царские рученки
Опустились оне о бока.
Ой да как по правую царскую рученку
Стоит Румянцов-от енерал,
Ой да как по левую царскую рученку
Стоит Потемкин-от енерал.
Ой да как возговорит ли-то, промолвит
Ну да наш Румянцов-от енерал:
«Ой да милосердная наша государыни!
Да не убойся-ко ничего.
Ой да не бывать-то вору ему собаке
Ну да в каменной во славно́й Москвы.
Ой да не стоять-то вору собаке
Ну да по купеческим славным домам.
Ой да уж мы встретим коро́ля шведского
Середи моря во губы́.

Ой да в славной в ревельской было во губы
Стоит тридцать-то кораблей,
Ой да сто́ит тридцать у нас три кораблика,
Всё стопушечные.
Ой да мы столики ему поставим —
Черные ох мы корабли,
Ой да мы скатертки ему постелим —
Тонкие белые паруса,
Ой да уж мы кушанья ему составим —
Черные ох мы пушечки,
Ой да уж мы черны пушечки поставим,
Чугунные ох мы ядрышка,
Ой да мы силушку прибьем, прирубим,
Короля-то мы в полон возьмем».

2

Пишет, пишет король шведский свое грозное письмо,
Свое грозное письмо к государыне нашей в Синод:
«Ты российская государыня, замиримся мы с тобой!
Замиреньице положим на трех славных городах.
Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славный город Коронштадт.
Не отдашь ты мне этих городочков — я не честию возьму,
Я не честию возьму, батальицу сочиню,
Батальицу сочиню, Петербург с Москвой возьму,
Я в Питере переднюю, в Москву приду ночевать.
Распиши-ка ты мне квартерушки по всей каменной Москве,
Моим славным бригадирам по господскиим домам,
Моим славным всем солдатушкам по всей каменной Москве,
Вот и мне ли, королю шведскому, в государевом дворце».
Испугалася, оробела государыня наша,
Закричала же государыня громким голосом своим:
«Ох вы гой еси, мои слуги, слуги верные мои!
Вы подите приведите Суворова-графа ко мне».
Вот приходит граф Суворов к государыне самой:
«Уж ты гой еси, государыня, не страшися ничего!
У нас есть чем принять, есть чем потчевать его.
У нас есть ли пироги, они в Туле печены́,
Они в Туле печены́, в Москве маком чинены́;

У нас есть ли сухари, они в Туле крошены́,
Они в Туле крошены́, в Москве высушены;
Еще есть ли у нас похлебочка — у солдата
на бедре,
У солдата на бедре, да что на левой стороне».

ПУГАЧЕВ

1

В тем сударыня простила,
Жить по-старому пустила.
Полтора года страдали,
Всё царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского казака
Емельяна Пугача
Сын Ивановича.
Он со силой собрался́,
Под Гурьев поднялся.
Стрельба была несносна,
Стоять было неможно.
Он видит, что не взять, —
Воротился взад.
С большой силой собрался́,
Под Яик поднялся.
Под Яик подходил,
Батальицу сочинил.
Они зачали палить,
Силу-армию валить.
Из Яика-городка
Протекла кровью река,
Круты горы закачались,
Сыра земля затряслась,
Сыра земля затряслась,
Мелка рыба вниз пошла,
Мелка пташка со гнезда.
Мелка пташка со гнезда
Укрепила Пугача
Сын Ивановича.

2

Ох ты батюшка Ленбурх-город!
Про тебя, Ленбурх, идет славушка,
Слава добрая, наречье хорошее,
Будто ты, Ленбурх, на красе стоишь,
На крутой горе,
На крутой горе, на желтым песке,
На желтым песке рассыпчатым,
На трех речушках да на устьицах:
Да первая речушка течет Самарушка,
Другая речушка — Яик-река,
Третья речушка — Урал-река.
По Урале-реке живут казаченьки,
По Яик-реке калмыченки,
По Самарушке живут татарушки.
По Уралу гулял генерал Пугач.
Как во матушке было во каменной Москве,
Молодой-то солдат на часах стоит,
На часах стоит, себе речи говорит:
«Не дают-то мне, доброму молодцу, волюшки
во Ленбурх сходить,
Во Ленбурх сходить, Пугача убить».

3

Из-за леса, леса темного
Не бела заря занималася,
Не красно́ солнце выкаталося —
Выезжал туто добрый мо́лодец,
Добрый мо́лодец Емельян-казак,
Емельян-казак сын Иванович.
Под ним добрый конь сив-бур-шахматный,
Сива гривушка до сырой земли,
Он идет спотыкается.
<. . . . .>
Вострой сабелькой подпирается,
Горючьми́ слезьми заливается:
«Что ты, мой добрый конь, рано
спотыкаешься?
Али чайшь над собой невзгодушку,
Невзгодушку, кроволитьице?»

Мы билися троя суточки,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.

4

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пуга́ченька, Емельян Иваныч,
Много ли перевешал князей и боярей?»
— «Перевешал вашей братьи семь сот семи тысяч.
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варо́винны возжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил».
Граф и Панин испужался, руками сшибался:
«Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
Поведите, повезите в Нижний городочек,
В Нижнем объявите, в Москве покажите».
Все московски сенато́ры не могут судити.

ВОР ГАВРЮШКА

Ты долина моя, долинушка, раздолье широкое,
Ничего на тебе, моя долинушка, не уродилось,
Уродился на тебе, моя долинушка, только садик зелен.
Мимо садика мимо зелена лежала дороженька,
Что лежала та доroженька неширокая.
Никто по той дороженьке не йдет, не проедет,
Проезжает же по той дороженьке один вор Гаврюшка,
Он на трех на своих троечках разношерстныих:
Перва троечка у него коней вороных,
Друга троечка у него-то коней гнедыих,
Третья троечка коней соловых.
Что гнались-то за вором Гаврюшенькой три погони:
Первая погонюшка — все солдаты,
Другая погонюшка — все жандармы,
Третья-то погонюшка — все казаки.
Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты за три.
Приезжает вор Гаврюшенька во город Воронеж,
Он атла́су и бархату закупает, —

Никто-то вора Гаврюшеньку не признает,
Что за купчика вора Гаврюшеньку почитают.
Случилось идти вору Гаврюшеньке мимо темницы,
Признавала вора Гаврюшеньку своя братья.
«Уж ты батюшка наш Гаврюшенька, разбей ты темницу,
Уж ты выпусти нас всех, молодчиков, на волю,
На ту ли на волюшку — на матушку на Волгу».
— «Уж вы братцы мои товарищи, мне теперь не время,
За мной гонят же, за Гаврюшенькой, три погони.
Первой-то я погонюшки не боюся,
Второй-то я погонюшке поклонюся,
Третьей-то я погонюшке покорюся».

* * *

Завродился-то вор Засорушка-Засорин в городе Ростове,
А теперича Засорушка-Засорин зá Доном кочует,
Он не 'дин-то, вор Засорушка, кочует — с братом
Ковалевым.
Вечерý поздно-позднешунько Засорин Яшка спать
ложился,
Поютрý рано Засорин Яшка подымался,
Он со травки со муравушки, Засорин, росой умывался,
Он на всход красного солнушка, Засорин, он богу
молился,
Что на все четыре сторонушки Засорин Яшка поклонился,
Он, Засорушка, с Ростовом-городочиком, Засорин
Яшка, распростился:
«Ты прощай-прощай, Ростов, славный городочек,
с частыми кабаками,
Оставайся кочевать, подлый городочек, с красными
рядами».
Как по этим по рядочкам Засорин да Яшка гуляет,
Он ко всякому замочику, Засорин, ключик подбирает,
Он и красные товары, Засорин Яшка, выбирает,
Он свому брату Ковалеву, Засорушка, товар отдавает.
Он про то, вор Засорушка-Засорин, он думу гадает,
Он думу всё гадает, Засорушка, что никто не знает:
Вор Засорушка-Засорин — вдруг его поймали,
Вдруг его поймали, Засорина, кнутом наказали,
Да кнутом наказали Засорушку да в Сибирь сослали.

* * *

На славныем на устьице Черноставском
Собирается собраньице молодецкое,
Собирается добрый мо́лодец вор Копейник
И со малыим со названыим братцем со Степаном.
Вечеру́ вор Копейник позже всех спать ложится,
Поутру́ раньше всех пробуждается,
Со травыньки со муравыньки росой умывается,
Лазоревыми алыми цветиками утирается
И на все на четыре сторонушки сам богу молится,
Московскому чудотворцу в землю поклонился:
«Вы здорово, братцы, все спали-ночевали?
Один-то я, добрый мо́лодец, нездоров спал,
Нездоров спал, несчастли́в встал.
Будто я ходил по конец синего моря,
Как синё море всё всколыхалося,
Со желты́м песком всё сомешалося.
Я левой ноженькой оступился,
За кропкое деревцо́ рукой ухватился,
За кропкое деревцо, за крушину,
За самую за вершину.
У крушинушки вершинушка отломилась,
Будто буйная моя головушка в море свалилась.
Ну, братцы товарищи, ступай, кто куда знает!»

ДОН ВОЗМУТИЛСЯ ОТ ТРЕХ ГЕНЕРАЛОВ

1

Никто-то про то не знает да никто не ведает,
Отчего же наш славный тихий Дон возмущается.
Воскутился-возмутился славный тихий Дон от трех
генералушек:
Как от первого генералушки — от Гудовича,
Как от второго генералушки — князя от Черкасского,
Как от третьего генералушки — князя Иловайского.
Как вечор-то ночесь Иловайский-князь во игры играл,
Он не в карты играл и не в наперсточки, а во бильярд
катал,

Прокатал-прогулял Иловайский-сын пару вороных
коней со колясочкой,
Еще пропил-прокатал Иловайский-сын всё житье-бытье,
всё свое именьице,
Еще пропил-прогулял Иловайский-сын весь наш славный
тихий Дон.
Как пропивши-промотавши, сел на лавочку он,
Потупил свои очи ясные и призадумался,
Он призадумавшись, стал указы фальшивые писать и по
войску рассылать:
Старых стариков во Кубань-реку бросать,
А девушек на фабричный двор брать,
А молодых ребят во солдаты брить.

2

Отчего тихий Дон смущается?
Смущается тихий Дон от генералов трех:
От первого генерала — от Поповича,
От другого генерала — от Гудовича,
От третьего генерала — от сына Каменцова.
Каменцов-сын всю ночь не спал,
Он с москалями проиграл,
Не в шашечки, не в бирюлечки, а в карточки.
Проиграл он славный тихий Дон,
Проигравши, сел призадумавшись,
Он роняет свои слезы на шелкову скатерть:
«Не бывать мне, сыну Каменцову, на Россеюшке,
Не видать мне, сыну Каменцову, отца и матушки,
Быть мне, сыну Каменцову, в застенушке».

3

Эту ночь-то не спал
Да наш Илованский-князь,
С москаликом во карточки проиграл.
Ой да москалёвинькая козырная карточка
По-сверх его она скрылася.
Ой да проиграл, да он проиграл,
Да наш Илованский-князь,
Свое да он злато-серебро;

Как еще да он проиграл,
Да наш Илованский-князь,
Свое да он войско донское;
Как еще да он проиграл,
Наш Степан Данилович,
Да батюшку славный тихий Дон.
Ой да как и сел, там он сел,
Сел он в кресла — призадумался,
Сел он — крепко призадумался,
Как повесил он свою буйную головушку
Ниже своих могучих плечей,
Ой да как притупил он
Свои ясные очушки
Во матушку во сыру землю,
Он вскричал-то, он вскричал
Да он громким голосом,
Своим да он громким голосом:
«Уж вы слуги вы мои,
Слуги вы мои верные,
Казаченьки вы линейнаи!
Послужите вы мне
Да вы верой-правдою,
Своей да вы грудью белою!»

* * *

Эх да как задумали солдат набирати,
Уж не много — тысяч сорок и четыре,
Сорок и четыре, казаченьки молодые.
Да как по́гнали солдат до Полтавы.
Вперед едут да всё генералы,
А по бокам едут да всё капитаны,
А позади едут да всё с барабанами:
Бьют-выбивают, горе утешают,
Молодым солдатам жалоб не задавают.
Эх да как погнали солдат до Полтавы,
Их заставили и рыть, и копати.
«Видно, нам же, братья, усем пропадати!
Не будет знати ни отец, ни мати,
Ни отец, ни мати, ни родна роди́на,
Ни родна роди́на, жена молодая».

ЖАЛОБА СОЛДАТ НА ПАВЛА

Уж ты батюшка светёл месяц,
Что же ходишь понизёшеньку,
Что ж ты светишь помалёхоньку,
Не по-старому, не по-прежнему?
В новом городе во Спленскому
Стоять вереи точены́е,
Всё точены́е, раскрашóные,
Дли верей стоить молодой солдат,
Молодой солдат, полковой сержант,
Он не так стоить, слезно плачется,
Он не так плачеть, что река льется:
«Подымитесь, ветры буйные,
Разнесите все желты пески,
Распахнися, шелковá парча,
Разломися, гробовá доска,
Подымися, наша матушка,
Милосердная государыня
Катерина Алексеевна!
Без тебя нам жить похужело,
Всему царству почежéлело
При твоем сыну любезному,
Что при Павлу при Петровичу:
Он загнал силу во Туретчину,
Поморил смертью голодною,
Познобил зимой холодною».

ПАВЕЛ НАБИРАЕТ РЕКРУТОВ

Наш батюшка славный царь
Павел-государь
Во своей славной Россеюшке
Разъезживает,
У солдатущек-ребятушек
Расспрашивает:
«Хорошо ли вам, ребята,
Во Россеюшке стоять
И с турком воевать?»
— «Ах наш батюшка белый царь,
Павел-государь!

Как турецкая земля
Много горя нам дала,
Много слез пролила».
— «Вы не плачьте-ка, ребята,
Не тоскуйте, молодцы,
Мы в Россеюшку пойдем,
Мы некрутиков <наберем>».
Отбирали молодцов
От матушек, отцов,
От матушек от родных,
От жен своих молодых,
От детушек милых.
Как охотников ведут,
Веселу песню поют,
За ним девушки идут,
Во платки слезы льют;
Женатых ведут —
За ним жены идут,
Горячи слезы льют,
Милых детушек несут.

РАЗБЕССЧАСТНЫЙ КОРОЛЬ ПРУССКИЙ

Разбессчастненькой король,
Король бесталанненькей
На свите родился,
Ён на конинькем, король,
Разъезжаить,
Ничего ж то король не знаить,
И только знаить то король
Про свою армеюшку —
Пошла под француза.
Что пришли-то, пришли
К королю газетушки
Да нерадошные,
За черною печатью.
Распечатал-то король
Свои газетушки,
Сам слезно заплакал.
«Мне не жаль-то, не жаль,

Королю, армеюшки,
Жалко-то мне
Одного сенатора,
А и что-то мне жалко
Своего племянничка,
Своего родного».
Что повесил-то король
Свою буйную головушку
К на направую сторонушку,
Приутупил-то король
Свои очи ясные:
«Уж ты девица моя,
Раскрасавица моя!
Подай же ты мне лист бумажки,
Перо со чернилом,
Напишу я во Прусскую землю».

ГУДОВИЧ И ШАХ ПЕРСИДСКИЙ

На заре то было всё на зорюшке,
На белой заре на утренней,
На закате было месяца ясного,
На восходе было солнца красного,
Проявились у нас вести новые,
Вести новые, грузинские.
Растворялись горы крутые,
Круты горы Кавказские,
Засверкали пики вострые,
Пики вострые казацкие.
Как пошли войска российские
На того шаха персидского.
Напереди идет Гудович-граф,
Он грозит шаху персидскому:
«Ты с... ты персидский шах!
Ты почто отрезал голову
Славному князю Цинцианову?
На кого ты, с..., понадеялся?»
— «Я понадеялся на Грузию, на грузинских князей,
Больше всего на Александрушку на царевича».

КАЗАКИ ИДУТ С КРОВОПРОЛИТЬИЦА ТУРЕЦКОГО

Не травушка, не ковылушка к земле клонится —
Царя белого армеюшка богу молится,
Царя белого армеюшка — донские казаки.
Помолившись, распростившись, на конь садилися,
Приложили свои вострые дротики на черну гриву,
Закричали, загичали, на удар пошли.
Они билися, рубилися день до вечера,
Со вечера до полуночи, а с полуночи до белой зари.
Не гусюшки и не лебеди на пролет летят —
Идут-то, идут донские казаки с батальицы,
Со страшного кровопролития турецкого,
Притомленных добрых коней в поводу ведут,
Кровавое свое платье цветное в тороках везут,
А царское знамечко-то на плечах несут.
Навстречу донским казакам генерал Платов:
«Где были вы, слуги верные, где вас бог носил?»
— «Мы идем-то, идем со батальицы,
С того страшного кровопролитьица турецкого».
Стоит тут генерал Платов призадумался,
Призадумавшись, он слезно плакать стал.

* * *

Не в лузях-то вода полая разливалася —
Тридцать три кораблика во поход пошли
С дорогими со припасами — свинцом, порохом.
Французский король царю белому отсылается:
«Припаси-ка ты мне квартир, квартир ровно сорок тысяч,
Самому мне, королю, белые палатушки».
На это наш православный царь призадумался,
Его царская персонушка переменилася.
Перед ним стоял генералушка сам Кутузов,
Уж он речь-то говорил, генералушка,
Словно как в трубу трубил:
«Не пужайся ты, наш батюшка православный царь!
А мы встретим злодея середи пути,
Середи пути на своей земли,
А мы столики поставим ему — пушки медные,

А мы скатерти ему постелим — вольны пули,
На закусочку поставим каленых картеч,
Угощать его будут канонерушки,
Провожать его будут всё казачушки».

* * *

Как заплакала Россиюшка от француза.
«Ты не плачь, не плачь, Россиюшка,
Бог тебе поможет».
Собирался сударь Платов да со полками,
С военными полками да с казаками.
Из казаков выбирали да есаулы,
Есаулы были крепкие караулы,
На часах долго стояли да приустали,
Белые ручушки, резвы ножечки задрожали.
Тут спроговорит-спромолвил да князь Кутузов:
«Ай вы вставайте ж, мои деточки, утром
пораняе,
Вы умывайтесь, мои деточки, побеляе,
Вы идите, мои деточки, в чистоё полё,
Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
Вы своёго свинцу, пороху не жалейте,
Вы своёго же французика побеждайте».
Не осточная звезда в поле воссияла —
У Кутузова в руках сабля воссияла.

* * *

Похвалялись злы французы
Всю Россиюшку пройти.
Расстроились, расплакались
Наши сенаторы.
«Вы не плачьте, не тужите,
Нам Платов поможет!»
Едет силушка российска
Со четыре страны,
Генерал казачий Платов
Со правого флангу.
Он во левой ручке держит

Шелков поводочек,
А во правой ручке держит
Подзорную трубку.
Высматривал Платов
Французскую силу,
Наказывал-приказывал
Своим канонирам:
«Канониры, бомбадеры,
Слушайте приказу!
Пушки, ружья заряжайте,
Огня не скрывайте!»
Запалил же злой французик
Из пушек картечью,
Генерал казачий Платов
Из казачьих ружьев.
Увидал-то злой французик
Огонь российский,
Увидавши огонечек,
Начал убегати.
Мы французика догнали,
Знамя отобрали.

* * *

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит —
Француз с армией валит,
Генералам говорит:
«Генералы, генералы,
Я возьму вашу Москву,
Я со ваших со церквей
Кресты, главы пособью!»
Уж как стал француз палить,
Только дым-сажа валит,
Во том ли во чаду
Красна солнца не видать.
Граф Платóв-генерал
Разъезжает на коне,
На своем добром коне,
По крýтой по горе;
Подъезжает граф Платóв

Ко силушке своей,
Ко донским каза́кам.
«Ох вы братцы молодцы,
Вы донские казаки́!
Нельзя ли вам, ребяты,
Караулы крепки скрасть?»
— «Не велика эта страть —
Караулы крепки скрасть».
Караулы покрада́ли,
За Дунай-реку метали.
Граф Платов-генерал
Усю силушку побил,
Он которую побил,
Которую потопил,
Остальную его силушку
Он у плен забрал,
Во Сибирь-город сослал.

* * *

От своих чистых сердец
Совьем Платову венец,
На головушку наденем,
Сами песни запоем,
Сами песни запоем —
Как мы в армии живем.
Мы в армеюшке бывали,
Провиянты получали,
Провиянты получали,
Ни в чем горя не знали.
У нас много пуль, картеч,
Нам некуда беречь.
Наши начали палить,
Только дым столбом валит —
Каково есть красно солнышко,
Не видать во дыму,
Во солдатскиим пылу.
Не ясён соко́л летает —
Казак Платов разъезжает,
Он по горке, по горе,
Сам на во́роном коне.

Он проехал, проскакал,
Три словечушка сказал:
«Ой еси воины-каза́ки,
Разудалы молодцы́!
Вы пейте-ка без мерушки
Зеленое вино,
Получайте-ка без расчету
Государевой казны!»
Как не пыль в поле пылит —
Француз с армией валит,
Генералушкам грозит:
«Уж и я вас, генералы,
Во ногах всех вотопчу,
В каменну́ Москву взойду,
Стену каменну пробью,
Стену каменну пробью,
Караулы все сменю —
Караулы крепки,
Перемены редки —
Свои новы постановлю!»

* * *

Наш батюшка казак Платов воружался,
Под Москвою со полками собирался.
Набирает казак Платов ясаулов,
Посылает ясаулов под француза.
Ясаулы-то француза порубили,
А французского майора в полон взяли,
Повели этого майора ко фельдмаршалу,
Ко тому ко фельдмаршалу ко Кутузову.
Стал его Кутузов выспрашивать:
«Ты скажи-скажи, майорик, ты скажи, французский,
Уж и много ль у тебя силы во Париже?»
— «У меня силы в Париже сорок тысяч,
У самого Наполеёна сметы нету».
Как ударил его Кутузов его в щеку:
«И ты врешь ли всё, майорик, лицемеришь!
Я угроз ваших французских не боюся,
До самого Наполеёна доберуся,
Доберуся, доберуся, я с ним порублюся».

Не краснó солнце в чистóм поле воссияло —
Воссияла у Кутузова вострая сабля
Над твоей ли над французской головою.

ПЛАТОВ В ГОСТЯХ У ФРАНЦУЗА

Святорусская земля,
Много славы про тебя,
Много славы про тебя,
Про Платова-казака.
У Платова-казака
Небритая борода,
Не стрижены волоса.
Платов голову остриг
И бородушку обрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину почитал,
На улочку выбегал,
За оградою встречал,
За белые руки брал,
В нову горницу вводил,
За дубовый стол садил,
За дубовый стол садил,
Чаем, кофеем поил,
На серебряном подносе
Сладкой водкой подносил.
«Выпей рюмку, выпей две,
Всю ты правду скажи мне.
Уж я всех же в Москве знаю
Генералов и господ,
Одного только не знаю
Я Платова-казака.
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому б много злата дал,
И в полон бы его взял,
И с живого кожу снял».
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.
«А начто злато терять,
Можно так его узнать:

Он со личика беленек,
Ростом, корпусом с меня,
Русы волосы его —
Как у брата моего».
У француза дочь Орина
Что догадлива была,
Из палаты выходила,
С купцом речь говорила:
«Ах ты купчик, мой голубчик,
Ты удалый молодец!
Ты подай мне свой портрет».
Портрет Платов вынимал,
На белые руки клал,
Из палаты вон бежал,
Зычным голосом кричал:
«Уж вы гой еси, ребята,
Вы донские казаки!
Вы подайте мне коня,
Как ясного сокола».
На коня Платов садился,
Как соколик ясный взвился,
Под окошки подбегал,
Таковы слова сказал:
«Ты ворона, ты ворона,
Подгуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Сокола в руках держать,
Что ясного сокола —
Платова-казака».

* * *

Как не две тученьки не две грозные
Вместе сходилися —
Как две силы-армеюшки
Вместе соезжалися:
Как одна сила-армеюшка
Она царя белого,
Как вторая сила-армеюшка
Короля французского.

Господа ли генералушки
Вместе сходилися,
Они думали крепку думушку
Все заедино:
«А когда же у нас, братцы, будет
Бой-батальица?
На осенний первый праздничек, братцы,
На Семенов день».
Как Семенов день приходит, братцы,
Как гора валит,
Как Семенов день проходит, братцы,
Как река бежит.
Как ударили из пушек, братцы,
Из винтовочек —
Покатилися с могучих плеч
Головушки,
Полилася басурманская кровь
На все четыре стороны.

* * *

Заводилася война
Середи бела дня.
А что начато палить,
Только дым столбом валит.
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму,
Только видно во дыму:
Не ясен сокол летит —
Добрый молодец гуляет
Он по крутой по горе,
Сам на вороном коне.
По казакам проскакал,
Два словечика сказал:
«Вы казаки, вы казаки
Военные мои,
Удалые молодцы!
Без размерушки пейте
Зеленого вина,
Посмелее поступайте

Со французом воевать!»
— «Уж мы рады воевать,
Слезны капли проливать!»
Не пыль в поле пылит,
Не дубровушка шумит —
Француз с армией валит.
Он валит-таки, валит,
Сам подваливает,
Сам подваливает,
Речь выговаривает:
«Еще много генералов
Всех в ногах стопчу,
Всея матушку Россеюшку
В полон себе возьму,
В каменну Москву зайду».
Генералы испугались,
Платком слезы утирали,
В поворот слово сказали:
«Не бывать тебе, злодею,
В нашей каменной Москве,
Не видать тебе, злодею,
Белокаменных церквей,
Не стрелять тебе, злодею,
Золотых наших крестов».
На лужку было, лужку,
Стоит армия в кружку,
Лопухов ездит в полку,
Курил трубку табаку.
Для чего не курить,
Зелена вина, вина не пить!
Свинца, пороху довольно,
Сила во поле стоит.
Уж мы билися, рубилися
Четырнадцать часов;
С пяти на десять пробило —
Стали силу разбирать,
Стали силу разбирать,
Стали полковничков считать.
Не нашли таких убитых
Полковничков до семи,
Енералов до восьми,
Мелкой солдатской силы

Сосчитать мы не могли:
Которы на горе —
По колен стоят в руде,
Которы под горой —
Тех засыпало землей.
Один такой лежит,
Таку речь говорит:
«Вы подайте-ко, ребятушки,
Чернилицу с пером,
Чернилицу с пером,
Лист бумаги со гербом,
Напишу я таку просьбу
Государю самому,
Государю самому,
Императору-царю:
Еще наш-от генерал
Много силы издержал.
Уж он пропил, промотал,
Досталь в карты проиграл,
Ин удары раздавал».

* * *

Собиралась наша сила-армия
В поход под француза,
Занимала себе лагерь
Да среди во чистого поля,
Покопали шанцы, батареи
Славно себе для запасу.
Батарейные командирушки
Славно квартируют,
Бомбардиры с гренадерами
Славно маршируют.
Случилася перепалушка
Со правого фланга,
Убили нашего полковничка
В грудь пулею свинчатою.
Упал наш полковничек
С конечка на сыру землю,
Закричал молодой полковничек:
«Стойте, дети, не робейте,

Свинцу, пороху не жалейте,
Свинцу, пороху достанет,
А нас, молодцев, не станет!»

* * *

Что во городе во Морше читали указы:
Пишет, пишет злой французик Росеюшку взять.
Расплакалися, разрыдалися наши сенато́ры.
«Вы не плачьте, не рыдайте, авось бог поможет!»
Мы поу́тру рано вставали в поход с полуно́чи,
Уж мы ночью с полуночи ко́ней оседлали,
Оседлавши своих ко́ней, под город Варшаву
В чисто поле выезжали, во фрунт становились.
Глядел-смотрел злой французик в подзорную трубку,
В подзорную трубку в росейскую силу.
Валит сила по всем сторонам по всем четырем,
Генерал казак Денисов по правому флангу,
Приказывал-наказывал своим бомбардерам:
«Вы женжуры, бомбардеры, слушайте приказу —
Пушки, ружья заряжайте, сабли вынимайте,
Без мого ли приказанья огня не открывайте».
Не успел сказать он речи, вдарил француз в плечи,
Застрелил его вор французик из пушки картечью.
Как росейский огонь горячий начал нагонять,
Солдатушки-ребятушки пошли в мостовую.
К быстрой речке подходили — перевозу нету:
Эта реченька Мяснушка — стоит вор французик.
Мы на лодках пер'езжали, француза нагоняли,
Француза нагоняли, знамена отбирали,
Француза нагоняли, знамена отбирали,
Отобравши знамена, в полон его взяли.

* * *

Похвалялся (вор) француз
Всю Россию разорить:
«Разорёмши Россиюшку,
К быстрой речке подойду!»
Подошедши к быстрой речке,

Стал хвалиться табуном:
«Запружу я речку Берёзу
Своим польским табуном,
Запружомши речку Берёзу,
Словно пó мосту пройду,
Сам на óтстань прочь пройду,
К государю подойду.
Государь ты князь,
Главный император наш,
Александра белый царь!»
Во Смоленском городи́
Стояли по колен в крови.
Сухарёв нам, хлеба выдавали,
Платья всякого спущали:
«Надевайте, русские солдаты,
Цветнó платье на себя!»
Да не полно ль вам, солдаты,
Во неверной земле жить,
Не пора ли вам, солдаты,
Во Россию выходить?
Мы снегами шли в колено,
Показалось три версты;
По полену дров нашли.
Находили по полену дров —
Со всей радостью берем,
Огонечек разведем,
Нову моду заведем:
Из соломы строить дом,
Утешенье было в нем.

* * *

Как повыше было Смоленска-города,
Что пониже было села Красного,
Что под рощею под зеленою,
Под березою кудрявою,
На большом зеленыем лугу,
Стоял тут лагерь русской армии,
Русской армии, гвардейских солдат.
Призадумавшись сидят, на Смоленск-город глядят:
Овладели славным городом неприятельски полки;

Уж досталось всё святое неприятельским рукам.
«Как бы, братцы, нам приняться, Смоленск-город свободить,
Смоленск-город свободить, неприятеля побить?»
Вдруг послышалась тревога
У палатки командирской,
Все солдаты встрепенулися,
Ружья взявши, в ряды становилися.
Как и вышел перед войско Волконский-князь,
Волконский-князь, командир этих солдат,
Уж и взго́ворит солдатам Волконский-князь:
«Ох вы храбрые солдаты, государю верные,
Государю верные, командиру послушные!
Мы пойдем-ко к неприятелям гостить,
К неприятелям гостить, Смоленск-город свободить!»
Как пошли-то солдатушки Смоленск-город свобождать,
Смоленск-город свобождать, французов выгонять.
Ко Смоленску приступили, они ружья зарядили,
Они ружья зарядили, в неприятеля палили,
Много били, истребили, остальных-то полонили,
Полонивши, их топили во Берёзоньке-реке,
Потопивши, отдыхали на зеленом на лугу,
На зеленыем лугу песни пели во кругу.

ГЕНЕРАЛ ЗАПРОДАЛ МОСКВУ

На гораньке было, на горе,
На высокой было, на крутой,
Тут строилась нова слобода,
По прозваньицу матушка Москва.
Всем губеренкам Москва красота,
Серым камешком Москва устлана,
Серым камешком, камнем скипером.
Размосковский был злой генерал,
Три суточки запил, загулял,
Он запродал матушку Москву
За три бочечки злата-серебра,
За четвертую — зелена вина.
Распечатали — мелко́й желто́й песок.
Сподымался с полдён вихорек,
Разносил он по полю желто́й песок.

* * *

Был на горке, на горе,
Видел нову каменну Москву.
Москва славна разорёна до конца,
Разорил Москву
Неприятель-вор француз.
Не один разорил —
Со всей армией,
Со всей армией,
С конной гвардией
Разорил Москву.
Заряжал француз
Ружья светленькие,
Ружья светленькие,
Пушки медненькие,
Он стрелял-палил
В каменну славну Москву.
Потряслася мать сырая земля.

* * *

Разорёна путь-дороженька
От Можайска до Москвы.
Еще кто ее ограбил?
Неприятель-вор француз.
Разоримши путь-дорожку,
В свою землю жить пошел,
В свою землю жить пошел,
К Парижу́ подошел.
Не дошедши до Пари́жа,
Стал хвалиться Парижо́м.
«Не хвались-ка, вор француз,
Своим славным Парижо́м!
Как у нас ли во России
Есть получше Парижа́,
Есть получше, пославнее —
Распрекрасна жизнь Москва.
Распрекрасна жизнь Москва,
Москва чисто убрана́,

Москва чисто убрана́,
Дикарёчком выстлана́,
Диким камнем выстлана́,
Желтым песком сыпана,
Желтым песком сыпана,
На бумажке списана,
На бумажке списана,
В село Урень при́слана».

* * *

Мы на о́граде стояли, не думали ни о чем,
Только думали о том — приубраться хорошо.
Не успели приубраться, к нам указы часто шлют,
К нам указы часто шлют — в поход скоро идти нам.
Во походе трудно было — всю дорогу маршем шли,
Всю дорогу маршем шли, к Волге-речке подошли.
Мы у речки простояли — перевоза здеся нет,
Несчастли́вый вышел час — подымался с гор туман,
Подымался с гор туман, француз силу собирал.
Разорёный путь-дорожка от Можайска до Москвы,
Уж кто эту путь-дорожку уж кто это разорил?
Разорил тоё дорожку неприятель-вор француз,
Разорёмши путь-дорожку, в свою землю жить пошел,
В свою землю жить пошел, ко Парижу подошел:
«Уж Париж мой, Парижо́к, Париж славный городок!»
— «Не хвались своим Парижем, не хвалися, вор француз!
Есть получше, покраснее — распрекрасна жизнь Москва,
Москва камнем выстлана́, желтым песком всыпана».

* * *

Вы кусты мои, кусточки,
Вы ракитовы кусты,
Вы скажите-ка, кусточки,
Всеё правду про сынка:
Где сыночек пьет, гуляет,
Где надежа мой пребыл?

Пребывает мой надежа
В чужой дальней стороне,
Во матушке во Москве,
У француза на войне.
Уж мы билися-рубилися
Разосенню темну ночь,
Разосенни ночи темны долги,
Близ четырнадцать часов.
Как во первом часу ночи
Сабли, ружья гремели,
Во втором часу ноченьки
С плеч головки летели,
Как во третьем часу ночи
Кроволитье протекло.
Протекло же это кроволитье,
Словно полая вода,
Заливало же это кроволитье
Все губернии, города.
Выходили ж царь с царицей
На прекрасное крыльцо,
Они крестились и молились,
Чтоб это кроволитье унесло.

* * *

Не спалось девке, не дрямалось,
Ничего во сне не вида́лось,
Только виделось — сон бессчастный:
Как буйны́ вятры́ подымались,
Со хором верха́ сорывали
Что по самые по окошки,
По хрустальные по стекольцы.
Не спалось девке, не дрямалось,
Ничего во сне не видалось,
Только виделось девке,
Как француз Москву разоряе.
Красну девицу в полон взяли,
Генералушку подарили.
Красная девица слезно плача,
Генерал девку унимая,
Шелковы́м платком утирая:

«Ты не плачь, не плачь, красна́ деви́ца!
Я куплю тобе три подарка».
— «Не хочу твоих трех подарков,
Ты пусти, пусти во Россею —
С родом-племеном повидаться,
С отцом с матерью распроститься».

* * *

Разбессчастненький-бесталанненький
Француз зародился,
Он со вечера рано спать ло́жился,
Долго почивать.
«Ничего ж ли-то я, французик ли,
Ничего не знаю:
Что побили его, его армию
Донские казаки;
Что мне жаль-то, мне жаль свою армию,
Есть еще жалчея —
Что вот сняли мому, мому родному,
Да родному братцу,
Что вот сняли ему, сняли йму головку,
Да головку.
Что мене ль-то, мене, всё французика,
В полон мене взяли.
Посадили мене, всё французика,
В темнаю темницу.
Что вот тошно ли мне, всё французику,
В темнице сидети.
Если б знал-то бы, знал я, французик ли,
Я б того не делал».

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ И ВОЛКОНСКИЙ-КНЯЗЬ

На заре было, братцы, на зореньке,
Заре было утренней,
На восходе-то у казаченьков
Было со́лнца красного.

Середи торгу, да базарушки,
Середь красной площади
Собиралися тут казаченьки
Они во единый круг.
Во кругу стоит у казаченьков,
Стоит раздвижонный стул,
На стулу сидит у казаченьков,
Сидит сам Волконский-князь,
Перед ним стоит разудаленький,
Стоит добрый молодец,
Он стоит, разудаленький,
Стоит, сам не тряхнется,
А русые его кудерюшки,
Кудри не шелохнутся.
Его бить не бьют, разудалого,
Его крепко спрашивают,
Из ума его, разудалого,
Его все выведывают:
«Ты скажи-скажи, разудаленький,
Скажи правду истинну —
Не король ли ты иль королевич,
Иль ты королевский сын,
Из иной ли ты из земелюшки,
Из земли грозен посол?»
— «Не тебе меня, разудалого,
Тебе меня спрашивать,
Да не мне тебе, разудалому,
Не мне тебе было сказывать.
А спросил бы меня, разудалого,
Спросил православный царь,
Я сказал бы ему, царю-батюшке,
Сказал правду истинну».

* * *

Во Уральском было, было славном городе,
По большой-то было, большой славной улице,
По проезжей было по Нетрясовой,
Как ведут-то, ведут доброго молодца.
Его резвы ноженьки крепко скованы,

Его белы рученьки назад связаны,
Чумбурчиком причумбурены.
Никто-то его, никто провожать нейдет,
Провожала его мать родимая;
Как по правый-то бок идет отец с матерью,
Как по левый бок идет весь род-племя,
Позади-то идет молода его жена,
Молода жена идет с малыми детушками,
С малыми детушками идет, слезно плачет.

* * *

Прощай, Томский и Тобольский,
Краснуфимский городок!
Все сударушки прощайте,
Нам теперя не до вас,
Нам приходит горький час,
Во солдаты везут нас,
Во солдаты, во рекру́ты,
Во чисто́ поле гулять.
В чи́стом поле при долине
Береза стоит.
Из-под белою только березы
Быстра речка протекла.
Течет речка, течет быстра
Мать широкая Уфа,
Как по этой ли по речке
Лёгка лодочка плывет,
Как во той ли лёгкой лодке
Все казаченьки сидят,
Про разлуку говорят:
«Ты разлука, злая скука,
Чужа дальна сторона!
Разлучила, развела
С отцом, матерью меня.
Отца, матери лишился,
Отъезжаю на Илек.
На Илинской на защите
Нет ни ягод, ни цветов,
Одна травка ковылок.

Уж и полно нам, ребята,
Полно горе горевать,
Уж мы станемте, ребята,
Станем пашенку пахать,
Мы арбузы рассевать,
Слезми горькми поливать,
В Еруслане продавать».

СЕМЕНОВЦЫ В КРЕПОСТИ

1

У нас было на святой Руси,
На святой Руси в славном Питере,
В Петропавловской славной крепости,
Что засажены были добры молодцы,
Добры молодцы все семеновцы.
Молодой-то солдат на часах стоит,
На часах-то стоит, думу думает.
Он и бьет штыком об сыру землю:
«Ох ты матушка сырая земля!
Расступись-ка на все четыре стороны,
Поднимитесь с гор, буйны ветры,
Разнесите вы желты пески.
Ты откройся, гробова доска,
Распахнися, золота парча,
Ты восстань, проснись, наша матушка
Катерина свет Алексеевна,
Ты выдь-ка на свой на парадный двор,
Посмотри-ка на свой на любимый полк,
На любимый полк на Семеновский.
У нас нынече в полку не по-старому,
Не по-старому, всё по-новому:
Начальнички у нас новые,
Все новые, бестолковые,
Разбили наш полк по всей армии,
По всей армии, опричь гвардии,
По тем полкам по армейскиим,
Оставших нас сослали на линию».

2

Что во славном городе что было во Питере,
Во славной крепосте да Петропавловской,
Тут сиди́ли, сиди́ли было да посиделшички,
Посиделшички, всё солдатушки,
Всё солдатушки, всё братцы гвардейские.
Из-за одно они думушку думали:
«Ты раздайся, раздайся, мать сыра земля,
И расколись-ко, было, гробова доска,
Ты восстань-ко, восстань, наша судароня,
Княгиня Катерина, было, Олексиевна!
Нам без тебя да житье трудное,
Житье трудное, да жизнь тяжелая.
Всё начальнички пошли строгие,
Всё поўковнички бестолковые.
Тут разбили, разбили Семеновский-то полк
Было по всей армии».

АРАКЧЕЕВ ВСЮ РОССИЮ РАЗОРИЛ

1

Бежит речка по песку, по песку, из Питера во Москву,
Из Питера во Москву,
Ой да не сама речка зашла, да зашла, неволюшка
да занесла,
Неволюшка да занесла.
Ох, вот по этой по реке, ой по реке, много плыли, плыли
кораблей,
Много плыли, плыли кораблей,
Они плыли, перплывали ровно триста кораблей,
Ровно триста кораблей.
Как на кажным на кораблички по пяти сот молодцов,
По пяти сот молодцов,
По пяти сот молодцов, ох да пловцов-песельничков,
Пловцов-песельничков.
Хорошо пловцы плывут, весело́ песни поют,
Весело песни поют,
Весело песни поют, разговоры говорят,
Разговоры говорят,

Разговоры говорят, всё Ракчеева бранят,
Всё Ракчеева бранят:
«Вор Ракчеев да он дворянин, расканальская сукин сын,
Расканальская сукин сын!
Всю Расею разорил, все дороженьки да он порыл,
Он порыл,
Все дорожки он порыл, лесом-садом он засадил,
Он засадил,
Лесом-садом засадил, солдат гладом поморил,
Солдат гладом поморил,
Солдат гладом поморил, наша жалованья утаил,
Наша жалованья утаил —
Хлебовоя, харчевоя, третья денежная,
Третья денежная.
Он на наши ведь на денежки он состроил в Москве дом,
Он состроил в Москве дом:
Он не низок, не высок, да трехэтажной вышины,
Трехэтажной вышины;
Раздиковинны палаты белы каменные,
Белы каменные,
Ой да белы каменные, стены раменные,
Стены раменные,
Стены раменные, ох да верхи бархатные,
Верхи бархатные,
Из крусталю потолок да позолоченной конек».

2

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу,
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущена.
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей.
Во всякием корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песенничков.
Сами песенки поют,

Разговоры говорят,
Все Ракчеева бранят:
«Ты Ракчеев-господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Дороженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Березами усадил,
Бедных людей прослезил».

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА

Выезжает Александр наш свою армию смотреть,
Обещался Александр наш к Рожеству домой прибыть.
Все праздничку на проходе — Александра дома нет.
«Пойду выду на ту башню, которая выше всех,
Погляжу я в ту сторонку, в коей Александр наш был».
По Питерской по дорожке пыль столбом (она) стоит,
Пыль столбом (она) стоит, молодой курьер бежит.
«Я пойду спрошу (курьера): „Ты куда, курьер, бежишь?
Ты скажи-ка нам (курьер) про Александру-царя“».
— «Вы скидайте алы шали, надевайте черной траур,
Всю правдушку вам скажу про Александру-царя:
Наш Александр-император в Таганроге жизнь скончал».
(Что) двенадцать генералов на главах царя несут,
Вот не двое ли армейских ворона́ коня ведут,
Не четыре ли гвардейских со знаменами идут.

ПЛАЧ КАЗАКА

В каменной-то ли Москве,
Было в конной гвардии,
У Ивана-то было у Великого,
Молодой-от казак на часах стоял,
Он не так-то стоял, стоял призадумавшись,
Призадумавшись, казак, призаплакавшись.
Он ударил ружьем об сыру землю:

«Ты раздайся-ка, расступися-ка, мать сыра
земля,
Ты раскройся-ка, гробова доска,
Распахнися, разорвися, золота парча,
Ты восстань-ка ли, восстань,
Наш православный царь,
Православный ли царь Александр Павлович!
Ты взгляни-ка, посмотри
На свою силу армию, на полковничков.
У нас в полку не по-прежнему:
Все полковнички сплутовалися,
Все казаченьки взволновалися,
На бела царя поднималися».

ЦАРЯ ТРЕБУЮТ В СЕНАТ

Время страшноё подходит —
Пошел турок воёвать
Да с англичанином скумился:
«Да нам нельзя Россия взять».
Да не в показанноё время
Да царя требуёт сенот.
Да царь недолго снаряжался,
Да на ямских он отъезжал,
Никому он не сказался,
Да только брату весть он дал:
«Ты сряжайся, брат, скоряе,
Да попроведаёшь меня,
Предает скорую смёртку —
Да похоронишь, брат, меня».
Ишша брат его йдет же
Да на руках книгу несет,
Книга страшна во пророках,
Да нищщо брат домой придет.
Брат немного время мешкал,
Да он за им в сугону гнал,
Ко сеноту приежджал же
Да часовым честь отдавал:
«Уж вы здравствуйте, ребята,
Да часовые вы стражи!

Не видали ле, ребята,
Да не прошел ле сенотóр?»
Друг на друга поглядели
Да все сказали «не видать».
Как един солдат-провор же
Да черным глазиком провел,
Черным глазиком провел.
Да часовых всех прирубал,
Часовых всех прирубал
Да двои двери вышибал,
Ко третьи́м дверям подходит —
Да на коленях брат стоит,
Перед им полковник ходит,
Да по прозванью офицер,
Носит саблю на весу:
«Да и царю голову снесу».
Ишша столько цáрю жизни,
Да покуль сабля не звилась.
«Ты ставай, брат, со коленей
Да из сеноту вон пойдем,
Из сеноту вон пойдем же,
Да мы сенотичёк зажгем.
Нам не дóроги сеноты
Да сенотóрские судьи».

* * *

О полюшко мое, да ли по́лё чистое турецкое!
Мы когда тебя, по́лё, проидем,
Мы когда тебя, по́лё, пройдем,
Когда чистое оно прокатитсе
И за Дунай мы перевалимсе,
Да все бугры ведь там, дороженьки,
Все места важны были, прекрасные,
И все были прекрасные.
На том поле на том чистоем
Мы сойдемся со неприятелём,
Мы сойдемся со неприятелём,
Да ли со такой ордой неверною,
Да со турецким славным корпусом,
Да со турецким славным корпусом.
<. . . . .> да середу,
На турецкой важной праздничек,
На турецкой важной праздничек
Да ли турки пьяны напивалисе,
Во хмелюшке турки похвалялисе:
«Да ли мы Россию всю насквозь пройдем,
Царя белого в полон возьмем».
Да граф Паскеев выговаривал,
Выговаривал Паскеев-граф:
«Не робейте-ко, ребятушки,
Да наши славные солдатики!
Мы туречину совсем возьмем,
Да во Россию мы жить пойдем,
У Россеюшку мы жить пойдем».

ПОД СЛАВНЫМ ГОРОДОМ ПОД ШУМЛОЮ

На ровной площади, на большой поляне
Стоял там Второй Тацын полк,
Стоял три неделюшки,
На четвертой-то на неделюшке приказ они получили —
Да идтить-то полку Тацыну под Шумной город.
Не пошел-то молодой полковничек большой дорогой,
Он пошел, молодой полковничек, крутыми горами,
Он крутыми-то горами, большими лесами.
Среди-то было пути, среди дороженьки несчастьице
случилася:
Как не черные-то вороны из лесов солеталися —
Турки храбрые из-за крутых гор на Тацына нападали.
Тут-то мои малолеточки дюжа перепужалися,
По темным-то лесам они разбежалися.
Кричит-то, кричит младой полковничек своим громким
голосом:
«Уж вы стойте, мои малолеточки, стойте, не робейте,
Государева свинцу, пороха не жалейте!»
Пробил-то бы, пробил молодой полковничек две заставы,
На третей-то на заставе сам головушку сложил.

СМЕРТЬ ХОРУНЖЕГО

1

Уж ты степь ли наша, степь, степь наша
широкая!
Широко-долго, степь, ты протянулася.
Пролегала во степи больша дороженька,
По этой дороженьке никто не прохаживал,
Никто следику не прокладывал,
Тут шел-то, прошел Падуров с полком.
Как за ним-то идет полк казаченьков,
Впереди-то идут бравые хорунжушки,
За хорунжушками младые уряднички,
За урядничками идет полк казаченьков.
Как у нас-то в полку несчастьице солучилося —
Как убили у нас бравого хорунжушку.
Как хорунжушки шашками возбрякнули,

А младые урядничкн песенку возгаркнули,
А полк-казаченьки слезнехонько восплакнули.
Не в чистом поле снежки забелелися,
Не алы цветы заалелися —
Забелелося тело белое,
Заалелася кровь алая.

2

Под славным было городом под Браиловым,
На ровной было на широкой площади,
Собирались там стрельцы-бойцы,
(Стрельцы-бойцы), все добрые молодцы.
Они бились и рубились с теми они со злодеями,
С теми турками они с неверными.
Несчастьице у нас в армеюшке, беда она сочинилась,
Безвременьице над нашей армеюшкой, беда она несносная:
Убивали у нас из армеюшки молодого хорунжего,
Попадала пуля ему, доброму молодцу, в ретивое сердце,
А коня-то доброго его грива прострелена,
Кровь течет по его груди, сбегает она по копыточкам.

ПОД БРАИЛОВОМ

Под славным городом под Браиловом
Собиралось тут собраньице, собрание немалое.
Предводителем был наш православный царь,
Он журил-бранил своего брата,
Своего брата, брателку родимого, всё князя великого:
«И зачем, почто, брателка, сюда зашел,
Ты сюда зашел, не в свою землю?
Не один ты зашел, завел силу-армию,
А еще ты завел лейб-гусарский полк.
У гусар в полку случилося несчастьице —
Убили в полку старшего полковничка,
А еще-то убили пятьсот гусар».

* * *

За Кубанью огонь горит — в поле стало дымно,
Пошли наши казáченьки — чуть сбрýицу видно.
Идут, идут казáченьки, назад поглядáют,
Назад, назад поглядáют, чежело вздыхают:
«Остаются наши дóмы, молодые жены,
Молодые наши жены и малые дети».
Как задумал казáченька в Грузьи померети,
Помер, помер казáченько во середу рано,
Положили казáченьку на травку-муравку:
«Лежи, лежи, казáченька, с вечера до ýтра.
Мы доложим полковничку — выроем могилу,
Как позволит граф Паскевич — сделаем гробницу,
И мы сделаем гробницу — темную темницу».
Тело несут, коня ведут, конь голову клонит.
«Проржи, проржи, конь вороной, против его дома».
Услыхала его мати в каменной палате:
«Кабы я была голубкой, была сизокрылой,
Я взвилáсь бы, полетела в Турецкую землю,
В Турецкую землю, на крайню границу,
На крайню границу, на его гробницу».

* * *

Как не травушка, не муравушка
К сырой земле клонится —
Царя белого армеюшка
Стоит богу молится.
Помолившись богу, она поклонилася,
Поклонившись, на удар пошла.
Как и билися и рубилися целый день до вечера
И темную ноченьку до белой зари.
Да и много ж там побито!
И убили полковничка Власова,
Да и там же с ним убили
Урядничка Дикова.

СИДЕНИЕ В ЗЫРЯНАХ

Вспомним, вспомним мы, ребята,
Как стояли в Зирянах
И не раз Хаджи-Мурата
Мы пугали на горах.
Вот тогда случилось дело,
И куда нехорошо,
Как татарское всё племя
Возмутилось заодно.
Дружно, дружно налегали
На Аварский наш отряд,
Пули, ядра осыпали,
А картечи — ровно град.
Вот нам пули все знакомы
И картечи нипочем,
Наши храбрые солдаты
Встретят нехристя штыком.
Как проклятый басурманин
Хотел шутку подшутить —
В Зирянах стоять заставил,
Вздумал гладом поморить.
Мы рогатую скотину
Всю вконец перевели,
Стали есть мы лошадину —
И варили, и пекли.
Вместо соли мы солили
Из патрона порошком,
Сено в трубочках курили,
Распростились с табачком.
Обносились, оборвались,
С плеч свалилось всё долой —
Тут-то мы хлопот набрались,
Чтоб управиться с зимой.
Мы рогожи одевали
Вместо бурок и плащей,
Ноги в кожи зашивали
После съеденных коней.
Так кавказские солдаты
Ходят об руку с нуждой,
Завсегда горем богаты —
Его носят за спиной.

КАЗАКИ ИДУТ НА ЭМБУ

1

Лежала путь-дороженька
По го́рам, по дола́м,
До славной вплоть до речки,
До речки до Еньбы.
Никто по той дорожке,
Никто не проезжал,
А шел-прошел по тропке
Один казачий полк.
А впереди пред ратью
Несут все знамена,
За знаменами едет
Полковник-молодец.
Выходит наш полковник
На гору высоку,
Глядел-смотрел полковник
В подзорную трубу,
Но ничего полковник
Тут в поле не видал,
А видел наш полковник
Одну речку Еньбу,
А вдоль по той по речке
Растет камыш-трава.
Со вечера та травка
Чего-то поднялась,
К полуночи камышик
Опять поприутих.
Вот так и наш полковник
С зарею поднялся,
Лишь выглянуло солнце,
В поход он собрался.
Попросим-ко, ребята,
Полковника-отца,
Попросим его дружно
Нам сделать здесь привал.
«Позволь, позволь, полковник,
Нам здесь поотдохнуть,
Еще позволь, полковник,
Нам ко́ней накормить,

Еще позволь, полковник,
Нам коней расседлать,
Казачие нам седла
Позволь здесь обсушить».

2

Мимо лесику, мимо бору сырого
Пролегала путь-дороженька,
Никто по ней не прохаживал
И никто по ней не проезживал,
Только шел-прошел один полк казаков.
Наперед у них ехал злой полковничек,
Злой полковничек ехал, князь Стрелковский.
«Прикажи ты нам здесь ночевати».
Князь Стрелковский на то рассердился,
И поехал он на крутые горы,
И берет во правую рученьку подзорную трубоньку.
И поглядывал на чисто поле далекохонько;
Как во трубоньку ничего ему не видно,
Только и видно ему — быстрая речка,
Как по речушке растет камыш-травка.
Как со вечера травка притихает,
Ко полуночи травка зашумела,
Ко белой-то заре травка завевала.

ПОХОД К СЫР-ДАРЬЕ

Пришел, братцы, новый год,
Мы идем все во поход.
Мы апреля дождались,
На поход мы поднялись.
Утром рано, чуть рассвет,
Трубач зорю протрубит —
Мы с постелей поднялись,
В путь-дорожку собрались.
Послы ноченьки не спали,
Их в походе провожали.
Мы песчаные мары́
Проходили и в жары,

На утренней на заре
Подходили к Сыр-Дарье.
На Дарье-речке стояли,
Легки лодки припасали,
Легки лодки припасали,
Посланничков переправляли.
Переправивши послов
До хивинских городов,
Проводили мы, простились,
На родину возвратились.

* * *

Как на той ли Горькой линии,
В Екатериновской славной крепости
Случилося вдруг несчастьице-
безвременница —
Простонала же мать сыра земля
Тяжелехонько да и грустнехонько.
Из-за гор то было, гор высокиих,
Из-за колочка из-за зеленого
Возмывала же туча черная —
Злы киргизушки кенисаринские.
Они сделали удар на Екатерининский
форштадт,
Они выжгли его, народ вырезали,
Во полон-то брали добрых молодцов,
Добрых молодцов, всё застрельщиков;
Во-вторых-то брали красных девушек,
Посадили они их на добрых коней,
Повезли они их на Дарью-реку,
На Дарью-реку к самому паше.
Там над молодцами дивовалися,
А над девушками надругалися.

КАЗАКИ СОБИРАЮТСЯ ЗА ДАРЬЮ-РЕКУ

Соберемся мы, казаченьки, во единый круг,
Станем мы на зеленый луг,
Станем думу думати заедино:
Кому из нас, казаченьки, атаманом быть?

Мы выберем атаманушку — Иванушку,
По прозванью полковника Дуниковского.
Со вечера Дуниковский приказ отдал всем:
«Чтобы были казаченьки во готовности,
Во готовности, во исправности;
Чтобы были у вас ружья чисты,
Ружья чисты, кремни востры.
А заутра нам, ребята, во поход идти
За тое ли за матушку за Дарью-реку,
Ко тому ли басурманину Кенисарову».

* * *

Издалеча, издалеча из чиста поля
Лежала-пролегала дороженька торная.
Что никто по той дороженьке не прохаживал,
Никто следичку по широкой не прокладывал,
Только шли-прошли казаки с моря синего,
Со такою со добычей шли со промыслу.
Становилися казаченьки в Улутавские луга,
Что во те же во кустички во тарновые,
Расседлали добрых коней, потреножили,
Потреножили добрых коней, в поле пустили.
Уж как сами казаченьки глупо сделали —
Не поставили караулу, сами спать легли,
Не почаили из Ултаву грозной высылки.
Подглядел-то, подсмотрел молодой шельма киргиз,
Он кидался, он бросался во все стороны
Ко тому же ли ко султану к азиатскому:
«Уж ты злой еси, наш батюшка азиятской земли
хан!
Не прикажи ты казнить, прикажи речь говорить.
Еще дай ты мне силы-армии много множество,
Много множество силы-армии — сорок тысяч
человек,
Сорок тысяч человек на пятьсот казаков».
Они билися-рубилися день до вечеру,
Разосенную темну ноченьку до белу свету,
Недостало у казаченек свинцу, пороху.

ПОХОД ПОД КУКАН-ГОРОД

Не белая заря, заря занималася,
Красное солнышко из-за гор выкаталося,
Получили мы приказ на второй эшелон —
Идти под Кукан-город.
Получивши, все богу молились
И друг с другом распростились,
А потом на ура пошли,
На ура-то пошли с главной батареюшки.
Вдруг несчастьице у нас случилося —
Убивали-то у нас храброго воина
Прапорщика Гурьева:
Попадала ему свинцова пуля
Во белую грудь, в самое ретиво сердце,
Пал-то он на сыру землю.

* * *

Сильно буря прошумела,
Взволновалася в море вода,
Меж народу пролетело:
Нам весной идти скоро в поход,
Ружья чисты нарезные,
Шашки вострые иметь.
Под начальством Горчакова
Нам и лестно было служить,
Хотя слова два-три скажет —
Мы пойдем на смерть.
Мы французов не боимся,
Мы летим туда стрелой.
Как под кустиком под ракитовым
Казак голову свою сложил.
Вот пронзила его сердце
Свинцова пуля, насквозь прошла.
Что никто к тому телу
Не прикоснется никогда.
Прилетели к тому телу
Три сизые голубки:
Как первая голубка —
Родна маменька была,

Как вторая-то голубка —
Родна сестрица была,
А как третья-то голубка —
Молода его жена.
Мать-то его плачет —
Как река льется,
Сестра его плачет —
С гор весной ручьи идут,
Жена его плачет —
Роса утренняя,
Солнце обогреет —
Роса утренняя долой.
Вы вороны, вороны,
Загумленные карги,
Разнесите мое тело
По чистому полю врозь.

* * *

А ой да ты корми... кормилец ты наш,
Ей ты наш славный тихий Дон,
Ты наш славный тихий Дон!
А ой да как быва... бывалыча, Дон,
Ей, бывало, быстер бежишь,
Бывало, быстер бежишь,
Ай и да как тепе... теперича, Дон,
Ей ты наш славный тихий Дон,
Теперя смутен ты стал.
А ой да помути... помутился, Дон,
Ей, весь ты сверху донизу,
Весь ты сверху донизу,
А ой да как от са... от самого, Дон,
Ей, от самого озера, озера Иванова
А ой да ну до са... до самого, Дон,
Ей, до самого города, города Черкасского.
А ой да помути... помутили Дон
Ей, его три земелицы,
Его три земелицы:
А ой да как одна, ну одна земля —
Ей да земелюшка, земелька турецкая;
А вот и как друга... другая земля французская,

Ей, ну землюшка она;
Ай вот и ну как тре... третия земля —
Ей, земля агличанская,
Земля агличанская.

ПЕСНЯ СЕВАСТОПОЛЬСКИХ СТРЕЛКОВ

Что ж это мелькает, братцы, меж кустов,
Словно пропадает?
Цепь проворная, стрелки, вперед,
Ружья заряжайте!
Цепь проворная, стрелки, вперед,
Ружья заряжайте!
Без дорожки, братцы, без пути мы
Всюду проберемся,
Ай, без дорожки, братцы, без пути мы
Всюду проберемся.
Где река, где река, плыви смелей,
Выйдем, отругнемся,
Ай, где река, где река, плыви смелей,
Выйдем, отругнемся.
Взвод стрелков, взвод стрелков, всегда вперед,
Сотня, врассыпную!
Ай, взвод стрелков, взвод стрелков, всегда вперед,
Сотня, врассыпную!
Протрубил, протрубил сигнальный рог,
Батальон сомкнулся,
Ай, протрубил, протрубил сигнальный рог,
Батальон сомкнулся.
Кто прилег, кто прилег в большой траве,
Кто за куст пригнулся,
Ай, кто прилег, кто прилег в большой траве,
Кто за куст пригнулся.
Кто первый, кто первый на вал зайдет,
Тому честь и слава,
Ай, кто первый, кто первый на вал зайдет,
Тому честь и слава.
Ай, севастопольцы-друзья, вперед,
Равнение направо!
Ай, севастопольцы-друзья, вперед,
Равнение направо!

* * *

Как решил султан турецкий
С нами шутку пошутить,
Он собрал господ пашей-начальников,
Стал им речи говорить,
Раз, два, три,
Стал им речи говорить:
«Господа паши-начальнички мои!
Я султан, султан турецкий,
Всему царству голова,
Я задумал думу крепку
И хочу вам рассказать:
В семьдесят седьмом году
Хочу с русским воевать,
Раз, два, три,
Хочу с русским воевать.
У меня войска немало,
Есть прекрасны крепостя́,
Дунай-речка не мала́я,
Там есть горы и леса.
Подойдем с войском к Дунаю,
Будем место занимать,
Мы построим батареи,
Будем русского встречать,
Раз, два, три,
Будем русского встречать.
Чрез Дунай пойдем в Россию,
Мы к Одессе подойдем,
После полночи на зорьке
Вот Одессу мы возьмем.
Пускай русские не знают,
Что в Одессе мы стоим,
Пройдем Каменку и Киев,
Где наш дед шапку забыл,
Раз, два, три,
Где наш дед шапку забыл!»
Солнце греет, месяц светит,
Заря алая встает,
Не туман с моря поднялся
И не сильный дождик льет —
Растревожились солдаты,

Барабан тревогу бьет.
Войско русское поднялось,
На врага в поход идет,
Раз, два, три,
На врага в поход идет.

ПОД ПЛЕВНОЙ

Не туман с моря поднялся,
Три дня кряду сильный дождик шел —
Князь великий перправлялся,
Через Дунай с войском он шел.
Он и шел с крестом, молитвой,
Чтобы турок победить,
Чтобы турок победить,
Всех болгар освободить.
Три мы ночи шли в походе,
Притуманилось у нас в глазах.
Государь нам дал свободу
Нá три чáса погулять.
Мы гуляли эти три часа,
Про нас знали только небеса.
Вдруг в войсках огонь открылся
И ударил военный сильный гром,
Город дымом весь покрыло,
Три часа не виден город был.
Заплакала наша Плевна,
Зарыдали все ее места,
Запропала турецкая слава
И не будет боле никогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты исторических песен, записывавшиеся в разное время разными собирателями, издавались преимущественно в составе многочисленных фольклорных сборников, где они далеко не всегда выделялись в самостоятельные разделы, а также — в виде разрозненных публикаций — на страницах периодических изданий, специальных трудов и т. д. Первым изданием, давшим большое число текстов исторических песен, было собрание М. Д. Чулкова, вышедшее в 70-е годы XVIII в.[1] Здесь еще не указывалось, кем, где, когда и от кого записаны песни; тексты, по-видимому, частично редактировались составителем, но большинство их является несомненно записями подлинных народных песен, произведенными скорее всего в солдатской и казачьей служилой среде. Целый ряд песен, опубликованных Чулковым, впоследствии собирателями не зафиксирован. В начале XIX в. увидел свет Сборник Кирши Данилова, существовавший в рукописном виде еще с первой половины XVIII в. и содержавший также ценные тексты исторических песен. Первая попытка свести воедино известные в печати материалы по русской исторической песне, принадлежавшая И. П. Сахарову (1839 г.), была серьезно испорчена тем обстоятельством, что составитель решил выдать все учтенные им прежние публикации за новые записи, ради чего пошел на фальсификацию, редактируя ранее опубликованные тексты и давая к ним фиктивные сведения о записи. Подлинных новых текстов в собрании Сахарова буквально единицы.

Значительный опыт сводного издания исторических песен, охватывающего период развития жанра от момента первых известных произведений и до середины XIX в., представляют 6-й—10-й тома «Песен, собранных П. В. Киреевским». В этом издании сделана попытка критически подойти к известным текстам, выделить подделки, систематизировать песни в их отношении к истории, собрать варианты и т. д. В настоящее время это издание как свод устарело во всех отношениях и сохраняет свое значение лишь постольку, поскольку в его составе опубликовано большое количество песен из коллекции Киреевского.

Во второй половине XIX — начале XX в. появляется большое число сборников народных песен, в составе которых находятся исторические песни, причем иногда их довольно много. Особенно богаты

[1] Полные названия упоминаемых здесь изданий см. ниже, в списке условных сокращений и в примечаниях к отдельным песням.

ими сборники казачьих песен — А. Савельева, А. Пивоварова, И. И. Железнова, Н. Г. Мякушина, А. И. Мякутина, А. А. Догадина, А. М. Листопадова и С. Я. Арефина, Ф. С. Панкратова и др. Однако публикации эти требуют самого критического отношения: составители казачьих сборников часто перепечатывали тексты из других изданий без всяких ссылок, помещали здесь произведения, не имеющие отношения к подлинной народной песне; с текстологической стороны эти издания чрезвычайно ненадежны.

Значительное число исторических песен может быть извлечено из классических сборников по русскому эпосу — П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. Д. Григорьева, А. В. Маркова, Н. Е. Ончукова и позже, в советское время, — братьев Соколовых, А. М. Астаховой и др.

Крупными дореволюционными изданиями по фольклору, в которых исторические песни занимали заметное место, выделяясь иногда в целые разделы, являются сборники П. В. Шейна, П. И. Якушкина, С. И. Гуляева, В. Н. Добровольского, М. Е. Соколова и др.

Наконец, значительный материал содержат такие издания, как «Известия Академии наук», «Летописи русской литературы и древности», «Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа», журналы «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения», местные статистические сборники и краеведческие журналы, губернские ведомости.

Вышедшая в 1915 г. книга В. Ф. Миллера «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.» (издание было завершено после смерти Миллера его учениками) составила фундаментальный свод текстов в пределах двух столетий. До самого последнего времени эта книга была основным пособием и источником для изучения русской исторической песни старшей поры. В настоящее время она также устарела — и по составу (многие старые публикации в ней оказались неучтенными, а за годы, прошедшие после ее появления, накопился большой дополнительный материал), и по принципам систематизации вариантов (Миллер брал за основу географию записей, совершенно не учитывая взаимоотношений между вариантами по характеру разработки сюжета), и по текстологическим приемам (тексты перепечатывались без всякой критики, с соблюдением всех особенностей источника и не вполне исправно), и, наконец, по полному отсутствию каких-либо примечаний. По образцу книги Миллера, со всеми свойственными ей достоинствами и недостатками, была издана в 1928 г. книга А. Н. Лозановой «Народные песни о Степане Разине».

Фольклорные публикации советского времени существенно расширили представления о русской исторической песне. Ценные тексты содержатся в изданиях Т. М. Акимовой, В. П. Бирюкова, Б. Н. Путилова, Ф. В. Тумилевича и др. Особо следует сказать о работе крупного знатока и исследователя донской казачьей песни А. М. Листопадова. В составе его обширного собрания специальный большой том отведен историческим песням. Ныне установлено, что песни эти в большинстве своем не являются точными записями, а представляют собою результат своеобразной редакторской работы Листопадова, который делал сводные тексты, создавал реконструкции, внося в за-

писанные им песни исторические имена, меняя имена персонажей, подтекстовывая под известные ему напевы ранее напечатанные песни и т. д. Так, почти все разинские песни (а их несколько десятков) в книге Листопадова являются плодом его собственной творческой работы. Листопадов выступал не столько как собиратель казачьей исторической песни, сколько как композитор-этнограф, подходивший к материалу со своими специфическими интересами. Поэтому для фольклорных изданий тексты Листопадова могут использоваться с крайней осторожностью.

В настоящее время Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР готовит к изданию полный научный свод русских исторических песен. Первый том — «Исторические песни XIII—XVI вв.» — вышел в свет в 1960 г.

В советское время появился ряд антологий по исторической песне, в том числе наиболее значительные из них — два издания Малой серии «Библиотеки поэта».

Настоящее издание является наиболее полным по охвату материала и по числу печатаемых текстов. При подготовке его были заново просмотрены многочисленные источники, содержащие тексты исторических песен, в результате чего был установлен основной корпус песенных сюжетов и отобраны наиболее ценные варианты по каждому сюжету. Преимущество при этом отдавалось текстам, в которых содержание песни передано с наибольшей полнотой, без искажений, в хорошо разработанных художественных формах. К сожалению, не все исторические песни представлены достаточно хорошими текстами, в иных случаях приходится мириться с текстами, в которых есть и частичные пропуски, и анахронизмы, и отдельные художественные недостатки. В отдельных случаях в примечаниях к соответствующим песням приводятся наиболее интересные и выразительные выдержки из вариантов, восполняющие недостатки печатаемых текстов, а также раскрывающие характер различной разработки сюжета. Некоторые песни печатаются в нескольких вариантах, благодаря чему читатель может получить более широкое представление о содержании той или иной песни и о различных выражениях одного и того же сюжета.

При отборе и подготовке текстов к печати большое внимание обращено на их атрибуцию, т. е. проверку их подлинности. Методика критики фольклорных текстов в науке почти совсем не разработана, атрибуция их встречает большие трудности, поскольку исследователь не имеет возможности опереться в этой работе на надежные документальные данные и должен делать выводы на основании текстологических сопоставлений и тщательного изучения источников. В ряде случаев такая работа не дает вполне достоверных результатов, поэтому приходится ограничиваться зачислением тех или иных текстов в разряд сомнительных. При подготовке настоящего издания было отведено довольно много текстов — как явно поддельных (фальсификации, скрытые перепечатки, крупные редакторские правки), так и вызывающих сомнение по каким-либо конкретным мотивам. Среди текстов, не включенных в издание по мотивам атрибуции, есть целый ряд таких, которые постоянно печатались в различных антологиях, в частности некоторые песни о Разине («Ах туманы вы мои, туманушки...» и др.), о Пугачеве, песни военно-исторического

содержания. В издании оставлено несколько текстов, относительно которых у составителя есть сомнения, но они пока недостаточно обоснованы (соответствующие оговорки сделаны в примечаниях). Дальнейшая работа по атрибуции исторических песен составляет одну из насущных научных задач. До тех пор, пока эта работа полностью не проведена, возможны ошибки в оценке отдельных текстов.

Все печатаемые тексты располагаются по крупным разделам, соответствующим основным этапам истории жанра. Внутри разделов общий хронологический порядок расположения (последовательность описываемых событий) сочетается с систематизацией по тематическим группам и циклам. Так, например, песни Петровского времени группируются по двум отделам — песни социального содержания и песни военно-исторического содержания. Песни начала XIX в., связанные с социальной проблематикой, выделены в особую группу и помещены вслед за песнями о 1812 г., хотя некоторые события, в них описанные, предшествуют по времени Отечественной войне. Строгое следование хронологическому принципу (песня за песней — в порядке хронологии событий, в них описываемых) во многих случаях нарушило бы впечатление цельности и определенного единства развития жанра. К тому же далеко не все песни могут быть более или менее точно соотнесены с определенными событиями.

Все печатаемые в настоящем издании песни пересмотрены в соответствии с едиными текстологическими принципами. Полностью сохранены те написания источников, которые передают морфологические и синтаксические особенности языка народных песен и их лексику. Некоторому редактированию подвергнута фонетическая сторона записей. Случаи, когда в написаниях отражаются обычные для русского языка фонетические явления, нами не сохраняются. Исправляются в соответствии с литературными нормами также написания, отражающие некоторые диалектные особенности произношения (мена Ц и Ч, смягчение некоторых согласных и т. п.). Сохраняются в том виде, как они даны в источниках, написания, отмечающие такие фонетические явления, которые связаны так или иначе с поэтической стороной текстов. Пунктуация заново пересмотрена в соответствии с современными правилами и с учетом специфики фольклорных текстов. Ударения показываются в тех случаях, когда они есть в источниках, либо тогда, когда написания в источниках дают возможность определить отступление от обычного ударения. Все тексты печатаются полностью, как правило — по первым публикациям, за исключением случаев, специально оговариваемых в примечаниях. Круглые скобки в текстах принадлежат источникам. В угловых скобках даны дополнения и конъектуры составителя, точки в угловых скобках означают слова, не поддающиеся прочтению или отсутствующие в источниках.

Условные сокращения, принятые в примечаниях:

Баранов — Песни оренбургских казаков с напевами, в 3-х выпусках. Собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов. Оренбург, 1913.

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. 1-е, СПб., 1873; изд. 4-е, тт. 1—3, М. — Л., 1949—1951.

ГО — Географическое общество СССР.
Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. 1. М., 1904.
Догадин — А. А. Догадин. Былины и песни астраханских казаков, вып. 1. Астрахань, 1911.
«Исторические песни XIII—XVI вв.» — Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подготовили Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М. — Л., 1960.
Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 6—10. М., 1864—1874.
Киреевский, Новая серия — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 2, чч. 1 и 2 (песни необрядовые). М., 1917, 1929.
Кирша Данилов — Древние русские стихотворения. М., 1804; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М. — Л., 1958.
Мякутин — Песни оренбургских казаков. Собрал А. И. Мякутин. Т. 1. Оренбург, 1904.
Пивоваров — Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885.
Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 1-е, чч. 1—2, М., 1861—1862; ч. 3, Петрозаводск, 1864; ч. 4, СПб., 1867; изд. 2-е, тт. 1—3, М., 1909—1910.
Савельев — Сборник донских народных песен. Составил А. Савельев. СПб., 1866.
Соколов — Чичеров — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948.
Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.
Чулков — Сочинения Михаила Дмитриевича Чулкова, т. 1. Собрание разных песен, чч. 1, 2 и 3 с Прибавлением, 1770—1773 гг. СПб., 1913.
Шейн, 1859 — П. В. Шейн. Русские народные песни. «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1859, кн. 3.
Шейн, 1877 — Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Песни былевые. М., 1877.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ XIII—XV ВЕКОВ

Авдотья Рязаночка. Впервые — Гильфердинг, 1-е изд., № 260; зап. от И. М. Кропачева, по прозванию Лядков, 65 л., из дер. Мамонова на Кенозере Олонецкой губ., в 1871 г. Печ. по 4-му изд., т. 3, № 260. *Король Бахмет турецкие* — позднейшая замена имени татарского царя. *Старые Казань-город подлесные.* Первоначально, очевидно, — Рязань. Старая Рязань — крупный политический

и культурный центр домонгольской Руси; разрушенная нашествием Батыя, Старая Рязань была затем восстановлена, но в конце XIV в. окончательно уничтожена. Упоминание Казани и Рязани рядом и одной вместо другой обычно для былин и исторических песен. *Авдотья Рязаночка.* Героиня песни, несомненно, — персонаж вымышленный. См. об этом подробнее: Б. Н. Путилов. Песня об Авдотье Рязаночке. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 14. М.—Л., 1958. *Да она пошла полону просить.* Смысл намерений Авдотьи Рязаночки разъясняется по другому варианту:

Стосковалася женка, сгоревалася:
У ней полонил три головушки —
Милого-то братца родимого,
Мужа венчального,
Свекра любезного.
И думает женка умом-разумом:
«Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единыя головушки
На дороги́ хорошие на выкупы».

(Рыбников, 2-е изд., т. 2, № 182)

Опочив держа — почивают, спят. *Да прошла-де вторую заставу.* Ошибка певца, должно быть — третью заставу. *Я замуж выйду — да мужа на́живу* и т. д. Мотив «Сестра выбирает брата» довольно широко представлен в фольклоре многих народов и в древних литературах. В основе его лежит характерное для родового строя признание решающей роли кровнородственных связей и особой близости родства между детьми. В песне эти представления получили позднюю историческую и психологическую трансформацию.

Девушка спасается от татар. Впервые полностью — «Живая старина», 1905, вып. 3—4, стр. 293; зап. В. Добровольским в дер. Березовке Дмитровского у. Орловской губ. в конце XIX в. Печ. по «Историческим песням XIII—XVI вв.», № 4. *Схороню тебе, сестрица,* и т. д. Описание того, как укрывает брат сестру, представляет своеобразное поэтическое овеществление типичных формул заговоров. Ср., например: «Каменною дверью запираю, за тридевять замков, за тридевять ключов. . .» и т. д. (Л. Н. Майков. Великорусские заклинания. СПб., 1868, стр. 521). *Царь крымско́й* — позднейшая замена татарского царя. *Раскутались* — раскрылись, может быть рассыпались. *Об сырой бело́й ками́нь* и т. д. Все это место с чудесными превращениями девушки напоминает отчасти сказки, отчасти легенды о необыкновенном спасении от татар русских городов, монастырей и т. д.

Мать встречает дочь в татарском плену

1. «Как за речкою. . .». Впервые — «Русские песни из собрания П. И. Якушкина». — «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 79. *За речкою Да за Дарьею.* В песнях о татарском полоне Дарья-река вряд ли обозначает конкретное географическое понятие,

скорее — это общее, эпическое наименование реки, отделяющей русскую землю от татарской. *Дуван дуванили* — делили добычу после набега. *Доставалася Теща зятю.* Аналогичный сюжет известен в песенном фольклоре других славянских народов. Особенно близки песни украинские (Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. 1, ч. 1. Киев, 1874, стр. 286—291) и польские (Polska epika ludowa. Wrocław — Kraków, 1958, стр. 71—72).

2. «Что в поле за пыль пылит...». Впервые — «Саратовский листок», 1875, № 256, затем — в изданиях сочинений М. Ю. Лермонтова. Печ. по «Историческим песням XIII—XVI вв.», № 25. Несомненно, это — запись народной песни; Лермонтов, возможно, подверг текст несущественной литературной правке. *Кужель* — кудель.

3. «Не шум шумит, не гром гремит...». Впервые — Киреевский, вып. 7, Дополнения, стр. 190; зап. Н. Борисовым в Шенкурском у. Архангельской губ. Текст принадлежит позднейшей («турецкой») версии песни и содержит реалии XVII — начала XVIII в.

Русская девушка в татарском плену

1. «Посидимте-ка мы, братцы, да побеседывам...». Впервые — «Былины в двух томах». Подготовка текста, вступит. статья и комм. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, т. 2. М., 1958, стр. 277; зап. П. М. Зиминой от Д. Мироныческой в с. Чердакла Куйбышевской обл. в 1939 г. Печ. по «Историческим песням XIII—XVI вв.», № 10.

2. «Не спалось-то мне, красной девушке...». Впервые — Киреевский, Новая серия, вып. 2, ч. 1, № 1603; зап. в г. Верея Московской губ., доставлено М. С. Мухановым.

3. «Среди торосинушки, середь площади...». Впервые — Киреевский, Новая серия, вып. 2, ч. 2, № 2404; зап. в г. Сызрани Симбирской губ. *Торосинушка* — мостовая из плитняка. *Золотница* — золотая монета.

4. «Не белая лебедка в перелет летит...». Впервые — в ст. Гр. Потанина «Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении». — «Этнографический сборник», вып. 6. СПб., 1864, стр. 92; зап. от Дьякова в ст. Бухтарме. *Скат жемчуг* — скатный, т. е. круглый, отборный жемчуг. *Дарья-река* — см. выше. *Калины мосты.* Калиновый мост — обычное название в былинах и сказках: гать, мощенная хворостом. *Ставочка* — камешек в перстне. *Смета* — счет, здесь: цена. *Тонула красна девица* и т. д. Записавший песню сделал к ней следующее примечание: «Конец этой песни, как говорят казаки, забыт, и один певец добавил от себя, что перевозчик бросился спасать девицу, вытащил мертвую и только тогда узнал, что это была его родная сестра».

Добрый молодец и татары

1. «Воздалече то было, воздалеченьки...». Впервые — «Донские песни из сборника В. Секретева». — «Донские областные ведомости», 1875, № 84. *С тиха Дона* — позднейшее приуро-

чение сюжета, происшедшее в казачьей среде. *Полохается* — пугается.

2. «Из Крыму было, Крыму, из Нагаю...». Впервые — Киреевский, вып. 7, стр. 56; зап. Языковым в Симбирской губ. *Из Крыму, из Нагаю.* Наименования эти принадлежат более позднему времени (не ранее XVI в.). *Дунай.* Название реки здесь эпическое.

3. «Эй, млад-то невольничек...». Впервые — Баранов, вып. 2, стр. 5. *Дунай.* Название реки здесь эпическое. *Шукал* — искал.

Щелкан

1. «А и деялося в Орде...». Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 4. Печ. по изд. 1958 г., стр. 28. *Рытый бархат* — бархат с узорами. *Червчатая камка* — пурпурная шелковая ткань с узорами. *Царь Азвяк Таврулович* — хан Узбек, правивший в Орде с 1313 по 1342 г. Отчество Таврулович скорее всего эпического происхождения: Таврул (Хостоврул) — имя татарского богатыря в «Повести о разорении Рязани Батыем». *Шурьев царь дарил... городами стольными.* Здесь отражена, по-видимому, характерная для политики Орды в XIII—XIV вв. посылка в русские города ханских представителей (баскаков). Русские имена «шурьев» — результат поздней замены. Перечень городов носит скорее всего случайный характер, за исключением, быть может, Костромы, которую в первой половине XIV в. неоднократно посещали татарские послы. *Любимый шурин Щелкан Дюдентевич.* Главный герой песни — лицо историческое: это Чол-хан, по русским летописям Шевкал или Щелкан, посланный Узбеком в 1327 г. в качестве баскака в Тверь и убитый там горожанами, возмущенными его жестокостью и чинимыми насилиями. *В дальную землю Литовскую.* Имеется в виду, конечно, земля Русская. Литовская земля, в которую царь посылает за данью, названа в соответствии с эпической традицией. Относительно деятельности Чол-хана в качестве сборщика дани из русских источников ничего не известно. *Невыходы* — невыплаченная дань. *Выходы* — дань. *И друга дарить* и т. д. По-видимому, «друга» — позднейшая замена слова «даруга» («дорога»), обозначавшего ханского сборщика дани. *Любимых шуринов, Двух удалых Борисовичев.* В данном месте упоминание о Борисовичах является лишним и отражает какую-то путаницу в тексте. Из дальнейшего ясно, что Борисовичи связаны с Тверью; по предположению историков, это тверской тысяцкий с братом, игравшие какую-то особую роль в восстании против Чол-хана. *Изошли* — захватили врасплох. *И тут его разорвали.* Известны две летописные версии о Тверском восстании 1327 г., обе расходящиеся с песней. Согласно одной, в Твери вспыхнуло стихийное народное возмущение, тверичи начали избивать татар и убили Щелкана. Согласно другой, выступление против тверичей было организовано князем Александром, Щелкан сгорел в подожженном по приказу князя дворе. *Ни на ком не сыскалося.* Здесь песня не согласуется с историей: на самом деле хан Узбек направил в Тверь карательный отряд, который опустошил город.

2. «На стуле на бархате...». Впервые — Соколов — Чичеров, № 253; зап. П. А. Грушниковым, Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым от И. М. Калинина на Суетин-острове (Кенозеро) Карельской АССР в 1927 г. *Возвяк* — хан Узбек (см. предыдущее примечание). *Фома, Ерема.* Имена взяты скорее всего из известной сатирической песни, где их носят персонажи, изображаемые не способными ни к какому делу и неудачниками. *Он... дарил Тотьмою... Новымгородом* — см. предыдущее примечание. *Ради чертова правежа.* Правеж в данном случае — взыскание долга. *У Щелкана не вырядишься* — т. е. с ним не сговоришься. *Подари Тверью-городом* и т. д. В варианте дополнение:

Двумя братцами родными,
Да князьям благоверныма —
Да Борисом Борисовичем
Да и Митриём Борисовичем.

(Гильфердинг, 4-е изд., т. 3, № 235)

Руда — кровь. *Марья Дудентьевна* — персонаж, разумеется, вымышленный. *Остыть бы те, брателко* и т. д. В одном варианте песня заканчивается словами об исполнении предсказания сестры:

И уехал Щелканушка,
Еще сам головой вёршил.

(Гильфердинг, 4-е изд., т. 3, № 269)

ПЕСНИ XVI ВЕКА

Кострюк

1. «В годы прежния...». Впервые — Кирша Данилов, 1804, № 21. Печ. по изд. 1958 г., стр. 32. *В той Золотой Орде* и т. д. В данном случае имеет место эпическое переосмысление реальных фактов: Иван IV женился на дочери кабардинского (черкесского) князя Темрюка Марии в 1561 г. Царь, разумеется, не ездил сам за невестой. *Купава* — красавица. *Грязи смоленския... лесы брынския* — традиционные эпические наименования природных преград, которые должен преодолеть герой. *Понял* — взял. *Шурин Мастрюк Темрюкович.* У Марии, жены Ивана IV, было два брата — Мамстрюк и Михаил. По мнению некоторых исследователей, в песенном образе Кострюка-Мастрюка отражены черты и судьба Михаила, который жил в Москве, подвергаясь насмешкам и преследованиям со стороны царя, и был казнен в 1571 г. Несомненно, что вся история с потешным поединком на пиру в песне полностью вымышлена. *Крестовая* — т. е. крестовая палата, приемная во дворце. *Он хочет Москву загонять, Сильно царство Московское.* В других вариантах намерения Кострюка раскрываются еще более определенно, например:

Он хочет каменну Москву в полон себе взять,
Он хочет взойти во Кремль-городок,

Он и хочет с нас пошлины брать,
С ворот поворотные,
А с дымов подымовные,
С молодиц повалешные,
А с девиц повенешные.

(Киреевский, вып. 6, стр. 122)

Никита Романович. Исторический прототип героя — брат первой жены Ивана IV Анастасии Романовны. Умер в 1585 г. Никита Романович действует также в песне о гневе Ивана Грозного на сына (см.), в песнях о Ермаке (см.), а также в былине о наезде литовцев — всюду как персонаж положительный: он встает на защиту справедливости и совершает героические поступки. *Середь Урья Повольского.* Вероятно, имеется в виду Юрьевец Поволжский, город на Волге, ниже Костромы. *Усы торженые* — т. е. выщипанные. *Сметь ли нага спустить* и т. д. Борцы просят у царя разрешения не просто побороть Мастрюка, но и раздеть его донага, опозорить. В некоторых вариантах яснее раскрывается и другой смысл вопроса борцов: они боятся в случае победы царского гнева:

«Сметь ли нам поборотися,
Да сметь ли нам поводитися
С государевым шурином?
. . .Но не будем ли в опале во царские?»

(В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.. Пг., 1915, стр. 119)

С борцами сходится и т. д. В вариантах этому предшествует эпизод договора об условиях борьбы (см. след. текст). *Колесом он бороться пошел; С носка бросил о землю.* Здесь изображаются различные способы борьбы, действительно существовавшие в народном быту. *Костылем попирается.* В вариантах всегда подчеркивается физическая немощность одного из борцов: Потаня обычно хром, горбат, неказист на вид. *Сграбился* — схватился. *Согнет корчагою.* Согнуть корчагою — смять, подломить. *Опустил о сыру землю.* В вариантах обычны детали, усиливающие комизм положения поверженного Кострюка: русский борец ставит его на голову, бросает о землю так, что у него «инда пуговки брякнули», «пучинушка пукнула» и т. д. В некоторых вариантах говорится, что Кострюк оказывается женщиной, переодевшейся в богатырское платье.

2. «У нас то было на святой Русе...». Впервые — Киреевский, вып. 6, стр. 138; зап. А. Харитоновым в Шенкурском у. Архангельской губ. *Во дальней земле во Литовской.* Здесь эпическое переосмысление (см. предыдущее примечание). *Дядюшка... Никита Романович.* Никита Романович — шурин Ивана IV. Эпитет «дядюшка» попал сюда из песни о гневе Ивана Грозного на сына (см.), где он вполне оправдан: там Никита Романович выступает прежде всего как дядя царевича Федора. *Чтоб учу́ли* — чтоб услышали. *Засто́лье* — место за обеденным столом. *Не во́ймует* — не внимает. *Оболокается* — одевается.

3. «При нынешних при царях...». Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 3, № 44; зап. в Пудоге неизвестным лицом для П. Н. Рыбникова от Г. Амосова из дер. Уная Губа Пудожского у. Олонецкой губ. *При досюлешних* — при прежних. *Царица-то крымская.* В вариантах добавляется: «Дочь царя турского». *Упала* — упава, купава, т. е. красавица. *Крылечко переное* — с перилами. *Гривня столовая* — гридня, комната в княжеских палатах. *Не с укладкою* — не с упадкою, т. е. смело, решительно. *Прикладка* — складная речь. *Толпица* — толпа. *Станица* — здесь: толпа, масса. *Ширинка* — здесь: шеренга, ряд. *Перекляды* — помост в наружных сенях. *Гиблются* — гнутся. *Переходы* — помост от наружных дверей до жилых покоев. *Поляница* — здесь: женщина-богатырша. *Тошто* — тогда. *Подпятницкая пятина.* Пятинами назывались в XV—XVII вв. районы, на которые делилась Новгородская земля. «Подпятницкая», по-видимому, название вымышленное. *Здынул* — поднял. *И глаз выворотил.* В варианте добавлено:

Да и с платьев его вытряхнули,
Оказался Кострюк черкашенин,
Оказался он девушкой.

(«Исторические песни XIII—XVI вв.», № 191)

В упалу — хорошо.

4. «А кто бы то дознал...». Впервые — Савельев, стр. 136. *Севрук* — переделанное из «Кострюк» (см. стр. 89). Данная версия, видимо, является довольно поздней и принадлежит казачьему творчеству. В ней полностью отсутствуют исторические реалии; из текста неясно, кто такой Севрук, где происходят события, но центральный эпизод — схватка с борцами — хорошо сохранился. *Зазымляючи* — подпирая. *Заводиться* — задираться, ссориться. *Зазымливаться* — гордиться, хвастать.

Взятие Казани

1. «Ох вы гости, гости званые...». Впервые — Киреевский, вып. 6, стр. 1; доставлено Варламовым. *Еще как государь-царь Казань-город брал.* В вариантах вслед за вступлением изображается поход Ивана Грозного под Казань, например:

Как он Грозен царь Иван Васильевич
Скоплял силушку ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года.
Сокоплёмши свою силушку, воевать пошел
Он под славное царство Казанское.
Не дошедши до Казани, становился,
Становился наш батюшка в зеленых лугах,
В зеленых лугах заповедныих.

(«Известия Академии наук», 1854, Прибавления, стр. 320)

К стр. 96—97

Со злым черным порохом — чаще и правильнее «с зельем-порохом». *Государево сердечко рассердитовалось.* Как показывают варианты, царь сердится не только из-за насмешек татар, но прежде всего из-за задержки взрыва:

Ах, как тут наш государь разгневался,
Что подрыв так долго медлится.

(*Чулков, ч. 1, № 125*)

Татарок-казанок в реку всех бросать. Варианты окончания песни в этой версии:

Приказал наш государь
Пушкарей своих дарить:
Всем пушкарям по пятидесят рублей,
Одному пушкарчику пятьсот ему рублей;
За то ему пятьсот —
К царю близко подходил,
Ему речи говорил.

(*«Этнографический сборник», вып. 5. СПб., 1862. стр. 28*)

Как стены бросать стало за Сулай за реку,
Все татаре тут, братцы, устрашилися,
Они белому царю покорилися.

(*Чулков, ч. 1, № 125*)

2. «Середи было Казанского царства...». Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 28. Печ. по изд. 1958 г., стр. 195. *Семион-царь, Симеен.* Казанский царь Едигер после падения Казани в 1552 г. был взят в плен и привезен в Москву; при крещении получил имя Симеона. *Что ночесь мне, царице, мало спалося.* Мотив сновидения, заключающего дурное предчувствие, в сходных выражениях встречается в былинах о Волхе, о Соломане и Василии Окуловиче, в песнях о Разине и др. *Прозритель* (встречается также «прозвитель») — провидец, предвидящий будущее. *Со темя ли пехотными полками; Канонеры* — анахронизмы, характерные для позднейших текстов старших исторических песен. *Булат-река* — Булак-река. *Царица Елена.* Имя казанской царицы в песне вымышлено. *В монастырь царицу постригли.* В «Казанской истории» (XVI в.) судьба казанской царицы излагается иначе: она не пожелала креститься, была отдана замуж за царя Шигалея и жила, по существу, в заточении. *Вынял ясны очи косицами* — т. е. подверг жестокому наказанию, ослепив царя. Косицы — виски. Песенная версия судьбы казанского царя не соответствует историческим фактам. *Он и взял с него царскую корону* и т. д. Финал песни выражает народное понимание значения взятия Казани. Тот же комплекс мотивов, с некоторыми дополнениями, есть в ряде вариантов песни о гневе Ивана Грозного на сына. *Перфида* — порфира, верхняя торжественная одежда царя.

«Соловей кукушку подговаривал...». Впервые — Чулков, ч. 2, № 134. Печ. по изд. 1913 г. *Молодецкие, всё солдатские*. В вариантах встречаются более архаичные наименования («головы стрелецкие»).

Набег крымского хана. Впервые — «Известия Академии наук», 1852, Прибавления, стр. 10; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. Печ. по изд. «Памятники старинного русского языка и словесности», вып. 2, СПб., 1907, стр. 12. *Кому у нас сидеть в каменной Москве* и т. д. Из исторических источников известно, что во время похода 1572 г. на Москву татары заранее разделили между собою города и уезды Русской земли. *Выходит Диви-мурзы сын Уланович*. Дивеевы мурзы неоднократно участвовали в нападениях крымских татар на Русь во второй половине XVI в. *У меня лежат там свет добры дни батюшка, Диви-мурза сын Уланович*. В 1572 г. Дивей-мурза был взят в плен и отправлен в Новгород. Таким образом, просьба татарина — пожаловать его Новгородом — содержит иронию по отношению к планам татар. *Прокличет с небес господень глас*. В прежних публикациях песни в «господень глас» включали пять строк, до слов «Побежал еси». Однако и последние три строки должны рассматриваться в составе «гласа», а не как прямое повествование. См. об этом: Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, стр. 195—196. *Семьдесят апостолов Опришенно Трех Святителей*. Речь идет здесь, по-видимому, о святых покровителях Москвы, которые должны помочь защитить город. Три святителя, вероятно, — три московских святителя: Петр, Алексий и Иона. Опришенно — кроме.

Иван Грозный под Серпуховом. Впервые — «Известия Академии наук», 1852, Прибавления, стр. 91; зап. Е. Фаворским в с. Павлово Нижегородской губ. *При алых светах* — при алых цветах. *Енералам всем, фельдмаршалам* — анахронизмы, обычные для военного словаря старших песен. *Лучилося* — случилось. *Максим Краснощеков*. Имя героя принадлежит, по-видимому, XVIII в. и вошло в песню скорее всего на основе некоторых поэтических ассоциаций: известны песни XVIII в. о Краснощекове, попадающем в плен к шведам или пробирающемся в стан прусского короля. В другом варианте имя героя также пóзднее — Михайлушка Гагарин. Исследователи без достаточных оснований соотносили героя песни с историческим лицом XVI в. — Михайлой Воротынским (Вс. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. 3. М.—Л., 1924, стр. 238—242, 293—295). *Сорочиночки*. Сорочины — традиционные эпические враги. *Шишимора* — здесь: обманщик. *Наш-ат Мишенька с полону едет* и т. д. Сопоставление заключительного эпизода с другими песенными сюжетами позволяет следующим образом раскрыть «второй план» песни и понять ее смысл в целом: бояре оклеветали Мишеньку, обвинив его в измене. На самом деле он попал в плен, притворно согласился перейти на службу к турецкому хану и, воспользовавшись доверчивостью противника, захватил город. В знак победы Мишенька везет царю пленных девушек. *Шахмат* —

вероятно, испорченное «бахмат», порода лошади, традиционный песенный эпитет. *Город Серпов, Серпух* — Серпухов. Название города не соответствует сюжету: Серпухов никогда не осаждался русскими войсками.

Смерть Михайлы Черкашенина. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 50. Печ. по изд. 1958 г., стр. 252. *Зарайский город* — Зарайск (Заразск) — старинный город и крепость в Рязанском княжестве. Заразск занимает большое место в цикле повестей о Николе Заразском, в который входит «Повесть о разорении Рязани Батыем»; в этой повести есть эпизод, отдаленно напоминающий содержание данной песни: княгиня Евпраксия стоит на верху терема, ожидая возвращения своего мужа, князя Федора, из татарского лагеря; узнав о гибели мужа, она бросается с малолетним сыном на руках вниз с терема. *За Рязанью за старою.* Эпитет «старая» напоминает, быть может, о Рязани периода домонгольского нашествия (см. стр. 320). *Атаман польский.* Польский, вероятно, в значении «степной», походный. *Михайла Черкашенин* — атаман донских казаков, участвовавший во многих военных событиях времени Ивана Грозного. Погиб при обороне Пскова от Стефана Батория. Возможно, что имя Черкашенина вошло в песню, сложенную много раньше и в связи с другими событиями. *Зазрила* — завидела.

Оборона Пскова от Стефана Батория. Впервые — «Денница», М., 1834, стр. 158; зап. Языковым в г. Сызрани Симбирской губ. *Король* — Стефан Баторий, король польский. *На первый на город на Полотский, На другой-то на город Велики Луки, На третий — на батюшку на Опсков-град.* Полоцк был захвачен войсками Стефана Батория в 1579 г., Великие Луки — в 1580 г., осада Пскова началась поздним летом 1581 г. *Сорок рот; солдаты... ружья чистили* — анахронизмы, обычные в текстах старших военно-исторических песен. *В зеленые луга государевы.* Здесь, очевидно, небольшой пропуск: король вызывает своего слугу и дает ему поручение, которое далее излагается. *Во город въезжай — не спрашивай* и т. д. Все это место напоминает былинные эпизоды появления татарского посла в Киеве. *За столами сидит воевода царёв.* По логике эпического повествования здесь — пропуск. Стефан Баторий должен изложить слуге свои требования (которые далее слуга повторяет защитникам Пскова), затем должно последовать описание поездки татарского посла, его появления в Пскове и только после этого — эпизод его встречи с Карамышевым. В исторических песнях такая последовательность повествования, обязательная для былин, постоянно нарушается. *Карамышев Семен Константинович* — персонаж казачьих исторических песен XVI—XVII вв. (см. ниже). Вошел в данную песню, вероятно, из песни о защите Волока Ламского (начало XVII в.), где его имя исторически более оправдано: Иван Константинович Карамышев был воеводой Волока Ламского во время осады города Сигизмундом. В вариантах упоминаются среди защитников Пскова Михаил Васильевич Скопин-Шуй-

ский, Микита Романович Вольхонской, Борис Петрович Шереметев; они также не имеют отношения к этому событию и вошли в поздние тексты песни из других исторических песен. *Отдай город Волок бе́з бою.* Певец, знавший, очевидно, сходную по сюжету песню о защите Волока Ламского, ошибся, назвав этот город вместо Пскова. *Хотенович* — очевидно, испорченное (по аналогии с былинным именем) Ходкевич — литовский гетман, участник польской интервенции начала XVII в., принимал участие в осаде Волока. *Сиповщички* — музыканты, играющие на сиповках, т. е. на свирелях, дудках.

Гнев Ивана Грозного на сына

1. «Когда воссияло на небе красное солнышко. . .». Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 2, № 34; зап. по поручению П. Н. Рыбникова Лысановым от А. П. Сорокина в Пудожской вол. Олонецкой губ. в 1860 г. Печ. по 2-му изд., т. 2, № 136, с несколькими поправками. *Сенаторы* — здесь анахронизм. *Поляница* — богатырь, женщина-богатырша. *Повывел измену из Казани, Рязани и из Астрахани. . . из Чернигова. . . из Нова-города.* В перечне городов отражены реальные исторические события (ликвидация Казанского и Астраханского ханства, разгром новгородской оппозиции), но есть здесь и дань эпической условности (упоминание Рязани, Чернигова, в вариантах — Киева). *За скамейками окольныма* — т. е. стоящими поодаль, в стороне. *Когда мы были во Нове-городе. . . Тут была измена великая.* Все это место представляет народно-песенный рассказ о карательном походе Ивана Грозного против Новгорода в 1570 г. Во всех известных вариантах рассказ этот пронизан явным сочувствием к новгородцам, ставшим — согласно песне — жертвами царской жестокости. *Никита Романович* — брат царицы Анастасии, шурин Ивана Грозного, упоминается или действует в ряде песен XVI в. *А мой братец Федор Иванович.* В 1570 г. царевичу Федору было 13 лет, он не нес за новгородский разгром никакой ответственности, и, может быть, поэтому в песне именно он представлен в роли спасителя новгородцев. В вариантах Федор

Впереди себя послал скора́ гонца,
Чтобы мужики новогородскии
По погребам они бы охитялися,
А железными бы доскамы задвигалися.
Он казнил чисто — не на́чисто.

(Гильфердинг, 4-е изд., т. 2, № 142)

Туляются — прячутся. *Окучаются* — скрываются. *Након* — раз. *Малая Малюта Стенька вор Скурлатов сын.* Обычно в вариантах — Малюта Скурлатов. Малюта Скуратов-Бельский — видный деятель опричнины, начальник отряда царских телохранителей, думный дворянин. *Торговал он товарами заморскима.* Изображение Малюты купцом более нигде в вариантах не встречается. Обычно говорится, что во время конфликта Малюта находится здесь же во дворце за пиршественным столом. *Он на Федора Ивановича сердит-то был.* Скорее всего это вольность певца. Обычно Малюта с готовностью

вызывается исполнить волю царя. *Платье опальное* — плохое, возможно также — дорожное. *Настасья Романовна* — первая жена Ивана Грозного, из рода Захарьиных-Юрьевых, умерла в 1560 г. Ее образ окружен в фольклоре известной долей идеализации, подчеркиваются ее кротость, ее стремление смягчить действия царя. *Седатый* — седой. *Постельник* — здесь: ближайший слуга. *Заздынута, здынута* — поднята. *Кому оставишь несчетну золоту казну?* В вариантах Малюта прямо просит Федора передать ему все богатство. *Выгалкнешь* — выплюнешь. *Кидал немилого постельничка.* Кроме эпизода заместительной казни в вариантах встречаются также эпизоды, в которых Никита Романович либо казнит самого Малюту, либо велит ему зарубить пса, чтобы окровавить саблю, которую палач должен показать царю. *А дай ты мне Никитину вотчину* и т. д. В вариантах имеется большое разнообразие в описании вотчины, которую просит Никита Романович: «Чтоб не было в ней иску да не отыску»; «Ктой уйдет в Микитину вотчину, тому бог спасен и царь вины простит»; «Что хоть с петли уйди, хоть коня угони..., хоть жену уведи» и т. д. Никитина вотчина может трактоваться как убежище для спасения московского люда от опричных порядков. Более широкий смысл ее, выходящий за пределы собственно XVI в., связан с утопическими представлениями широких народных масс об обетованной земле, могущей быть местом спасения от помещиков и царской власти.

2. «Как у нас было в каменной Москве...». Впервые — Киреевский, вып. 6, стр. 98; зап. А. Харитоновым в Шенкурском у. Архангельской губ. *Сиповочка* — дудка, свирель. *Царь Семион* — см. стр. 326. *Под мир.* Чаще и правильнее — под меч. *Вы сказните младого царевича.* В текстах данной версии песни Иван Грозный посылает на казнь сына за то, что тот, заявив о существовании измены, отказался назвать изменников. В этой версии действует один царевич, выступающий и как наветчик, и как жертва царского гнева. *Алешка Малютин Скурлатов сын* — Малюта Скуратов (см. выше.) *Дядя Никита Романов.* Никита Романович, брат царицы, является дядей осужденного царевича. *Разился* — бросался. *Дмитрий-царевич* — обычно Федор-царевич. *Учу́л* — услышал. *Тял* — ударил. *Большой угол* — передний угол под иконами.

Иван Грозный молится по сыне. Впервые — Догадин, № 13; зап. от И. А. Прокопова, А. Капустина и др. в ст. Пичуженской; от В. И. Мельникова и др. в ст. Александровской Астраханской губ. в 1902—1903 гг. *Молится... Ивану Великому.* «Иван Великий» обычно упоминается в песнях как одна из главных церквей в Кремле, наряду с Успенским собором. *Не стало млад царевича.* Ни эти слова, ни все содержание песни не дают оснований усматривать здесь отклик на факт убийства Грозным своего сына Ивана в 1581 г.

Иван Грозный и добрый молодец

1. «Что у нас было на святой Руси...». Впервые — Киреевский, вып. 6, стр. 194; зап. Языковым в г. Сызрани Симбир-

ской губ. *Тут бьют доброго молодца на правеже.* Правежом в древнерусском праве называлось взыскание с ответчика в пользу истца, сопровождавшееся публичным наказанием (битье батогами). *Лучилóся* — случилось. *Бурмистры-целовальнички.* Целовальниками назывались должностные лица, исправлявшие судебные, полицейские и финансовые обязанности. *Пытаем мы с него золоту казну.* В вариантах говорится, что казна, якобы похищенная добрым молодцем, принадлежит монастырю. *Почему тебе золота казна доставалася* и т. д. Рассказ молодца приобретает в вариантах иногда форму, близкую к эпосу, например:

Случилось мне, молодцу, идти чисты́м полём,
Я завидел в чистом поле — сы́рой дуб стоит,
Сырой дуб стоит в чистом поле, крековистый.
Что пришел я, добрый молодец, к сыру́ дубу́,
Что под тем было под дубом под крековистым
Что донские-то казаки они дел делят,
Они дел делили, дуван дуванили.
Подошел я, добрый молодец, к сыру дубу,
Уж как брал-то я сырой дуб посередь его,
Я выдергивал из матушки сырой земли,
Как отряхивал коренья о сыру землю,
Уж как тут-то добры молодцы испугалися,
Со делу они, со дувану разбежалися,
Одному мне золота казна досталася,
Что не много и не мало — сорок тысячей.
(«Исторические песни XIII—XVI вв.», № 297)

Дуван дуванили — делили награбленную добычу. *А за бесчестие заплатите ему пятьсот рублей.* Бесчестием в древнерусском праве считалось действие, которым наносилась кому-либо личная обида или оскорбление. Потерпевшему выплачивалось вознаграждение, размер которого определялся социальным положением и должностью потерпевшего. Герой песни принадлежит к числу тех, кто не имел права на получение вознаграждения за бесчестие («тати и разбойники»).

2. «Убирается да наш православный царь...». Впервые — «Записки Терского общества любителей казачьей старины», 1914, № 3, стр. 38; зап. Д. Борисовым в ст. Наурской Терской обл. в 1880-е годы. *Лес волжаный* — то же, что таволжаный, состоящий из мелкой ивы, тала (рос по берегам Волги).

Терские казаки и Иван Грозный. Впервые — Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступит. статья и комм. Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 3; зап. от Н. М. Литвина в ст. Старый Щедрин на Тереке в 1945 г. Печ. по «Историческим песням XIII—XVI вв.», № 289. *Гребенские наши казаки* — старейшие русские поселенцы на Тереке; их история начинается по крайней мере с середины XVI в.; получили свое наименование от Гребней — низких «черных» гор за Тереком, где они жили в XVI—XVII вв., составляя самостоятельное казачье войско. *Бывалыча* — бывало.

Подарю вас... быстрым Тереком со притоками. По предположениям историков, песня является откликом на событие 1555 г., когда Иван IV якобы принял делегацию гребенских казаков, «пожаловал» им терские земли и поручил защиту интересов Руси на Северном Кавказе. В редких вариантах сюжет оказывается приуроченным к донским казакам, что представляет несомненно позднейшее переосмысление.

Часовой плачет у гробницы Ивана Грозного. Впервые — «Записки Терского общества любителей казачьей старины», 1914, № 8, стр. 60; зап. Ф. С. Гребенцом у терских казаков. *Вы подуйте-ка ли вы, уж ветры буйные... Ты встань, восстань.* Первая, общепоэтическая часть обращения часового находит полное соответствие в похоронных плачах, которые исполнялись на кладбище вплоть до недавнего времени — либо в момент похорон, либо, что более характерно, во время поминаний. Основной смысл таких плачей в том, что они говорят о тяжкой жизни оставшихся и выражают надежду на сочувствие и помощь умершего. В свете этой традиции полностью проясняется и основная направленность комментируемой песни: к умершему царю обращаются с жалобой на современное положение. *Посмотри-ка, погляди на свою армеюшку* и т. д. Все плачи, обращенные к Ивану Грозному, заключают жалобы на положение армии, причем мотивы, содержащиеся в них, более соответствуют Петровскому времени и перекликаются с подобными же мотивами плачей, обращенных к Петру, Екатерине и др. Комментируемая песня хотя и возникла вскоре после смерти Ивана IV, но ее заключительная часть была впоследствии изменена и в своем первоначальном виде не сохранилась.

Ермак в казачьем кругу

1. «Как на речке было...». Впервые — Догадин, № 10; зап. от П. И. Киктева и др. в ст. Пичуженской Астраханской губ. в 1902—1903 гг. *Казаченьки волжские, Гребенские да донские.* В песнях о Ермаке постоянно упоминаются донские, гребенские, волжские, яицкие казаки как проживающие или действующие совместно, что не находит подтверждения в истории XVI в. В данном случае в песнях выражена более поздняя идея общеказачьего единства и представление о Ермаке как общеказачьем герое. *Нам на Волге быти* и т. д. Эта часть речи Ермака является поэтическим (не вполне точным в деталях) выражением конфликта, наметившегося между казаками и царской властью. В вариантах изредка излагаются непосредственные обстоятельства, приведшие к конфликту:

Некорыстна у нас шутка зашучена:
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персидского
Со всеми его солдатами и матрозами
И всем животом его покорыстовались.

(Кирша Данилов, 1958, стр. 86)

Идтить, не идтить нам На Иртыш-реку великую. Решение идти в Сибирь не могло возникнуть у казаков во время пребывания их на Камышинке. Можно предполагать, что песня сложилась уже после Сибирского похода, и трактовка событий в ней носит ретроспективный характер. *Пройдем к царю да поклонимся* и т. д. Захватив Сибирское царство, казаки вынуждены были силою обстоятельств идти на примирение и союз с царской властью. В песне эти события трактуются как заранее обдуманные казаками. Изучение вариантов показывает, что песня сложилась накануне Крестьянской войны и отразила настроения казацких масс, которые искали свободной жизни и в разбойных выступлениях, и в утопических надеждах на возможность мирных отношений с царской властью.

2. «Как на речке, на реке, братцы, было на Камышинке...». Впервые — «Записки Терского общества любителей казачьей старины», 1914, № 7, стр. 20; зап. Ф. С. Гребенцом у терских казаков. *Гребенские казаки* — см. выше. *На Яик идти, ребятушки* — см. выше. *Уж вы делайте, ребятушки, лодочки еловые.* Эту часть речи Ермака можно рассматривать как призыв продолжать разбойную жизнь. *Ташечки-колоночки* — вероятно, сумки, сделанные из дорогого меха.

3. «Ай, да на славной было, братцы, да на ре...». Впервые — Песни донских казаков, собранные в 1902—1903 гг. А. М. Листопадовым и С. Я. Арефиным, вып. 1. М., 1911, № 18; зап. в ст. Малодельской. *Ай, всё донские, гребенские* и т. д. — см. выше. *Собирались они... во единый круг.* В большинстве песен о Ермаке изображается казачий круг — собрание казаков, осуществлявшее самоуправление; атаман избирался кругом, круг решал и все другие важные дела. *Ай, ну пойдемтя-ка мы, братцы, на Куму.* В этой части речи Ермака отражены характерные для антифеодального фольклора мотивы поисков «обетованной» земли, где может быть устроена свободная жизнь. Кума — река на Северном Кавказе. *Кумские вершинушки.* Кума берет истоки в горах Северного Кавказа.

4. «Что пониже было города Саратова...». Впервые — «Известия ОРЯС Академии наук», 1904, кн. 1, стр. 25. Печ. по изд. «Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева». Новосибирск, 1952, № 36. *Становилися казаки во единый круг* — см. выше. *Никита сын Романович* — по-видимому, тот же персонаж, что и в песнях о Кострюке и о гневе Ивана Грозного на сына (см. выше).

Поход голытьбы под Казань. Впервые — «Саратовские губернские ведомости», 1854, № 16, стр. 74; зап. А. Н. Пасхаловой в Саратовской губ. Печ. по изд. «Известия Академии наук», 1854, Прибавления, стр. 319. *Музуры* (мазуры, музурушки) — матросы купеческих и промысловых судов на Каспии, бурлаки. *Ермил Тимофеич.* В вариантах этой и следующей песен имя «Ермак» почти не встречается, обычны формы — Ермил, Ермилушка, Ермоха. Иногда имя атамана или есаула — Степанушка. *Никитушка Романыч* — см. выше. *Еще как-то нам, ребята, Казань-город брать?* Эта часть речи атамана разъясняет смысл предполагаемого похода голытьбы

вверх по Волге — на помощь Ивану Грозному, который не может взять Казань. Исторические представления здесь смещены: в 1545—1552 гг., когда Иван IV вел осаду Казани, в низовьях Волги и на Каспии не могло быть русских людей и не было еще некоторых городов, перечисляемых в песне. Песня могла возникнуть не ранее конца XVI в., следовательно, события в ней, как и в некоторых других песнях, изображаются ретроспективно. В вариантах роль голытьбы во взятии Казани еще более подчеркнута:

Мы подкопы те копали под Казань-город,
Подрывали, подкатили сорковы бочки,
Сорковы бочки подкатывали с черным порохом,
Зажигали мы свечи воску ярого,
Ну и начало Казань-город и рвать и метать.

(«Исторические песни XIII—XVI вв.», № 316)

Разбойный поход на Волгу

1. «Как далече было, дале, во чистом поле...». Впервые — Киреевский, вып. 6, стр. 28; зап. в г. Симбирске, доставлено П. И. Юрьевым. *Морзорушки* — музурушки (см. выше). *Хайлы* — может быть, крикуны, горланы. *Никита Иваныч* — обычно Никита Романович (см. стр. 324). *В Жигулевских мы горах жить остановимся.* Хотя в речи атамана повторяются мотивы из песни «Поход голытьбы под Казань», смысл этой речи иной: атаман зовет своих людей к вольной разбойной жизни. Этот призыв более ясно выражен в других вариантах:

«Мы подёмтё разобьёмтё славные ка́рабли,
Мы татарскии, армянски, бусурманские.
Мы Царицын-городочек с вечера́ возьмем,
Остраканско славно царство во глуху́ полночь».

(«Исторические песни XIII—XVI вв.», № 324)

См. также следующий текст.

2. «Как далече-далече...». Впервые — «Живая старина», 1897, вып. 1, стр. 103; зап. А. Александровым от Д. Козырева в с. Рыбном на Ангаре, в 1893 г. *Ванюха Колечушко* — Иван Кольцо, казачий атаман, сподвижник Ермака, участник похода в Сибирь.

Взятие Ермаком Казани. Впервые — Пивоваров, № 15; примечание Пивоварова: «Эта огромная песня писана со слов казаков Богаевской станицы Федота Филиппова Цыганкова и Алексея Савельева Фарапонова. Пометка сделана на очень старинной рукописи, доставленной собирателю А. А. Леоновым». *Донские, гребенские со яицкими* — см. стр. 332. *Лодки-коломенки.* Коломенка — речное судно определенной вместимости и определенных размеров. *Кочеты* — колышки в бортах лодки, вместо уключин. *Потопчины* — здесь: сходни. *Кармазинная* — из ярко-алого сукна. *Наопашечку* — внакидку. *Буса* — судно больших размеров и определенной формы.

Тизичьи — от слова «тезики» (восточные купцы). *Места притинные* — укромные; возможно также — подлежащие охране, важные в каком-либо отношении. *Пушечки долгомерные* — т. е. дальномерные. *Воску ярого свечи догорают* и т. д. Аналогичным образом описывается взрыв в песне «Взятие Казани». Вся история с участием Ермака во взятии Казани целиком вымышлена и могла быть создана лишь путем ретроспективного осмысления событий. *Пожалуй ты нам батюшку тихий Дон.* В песне о взятии Ермаком Казани, как и в некоторых других песнях о Ермаке, выражена идея о том, что казаки заслужили право на вольную жизнь, на донские земли своими подвигами общегосударственного значения.

Ермак у Ивана Грозного. Впервые — «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год, изданная А. Корниловичем», стр. 336; зап. у донских казаков. *Хвалынское море* — Каспийское. *Бусы* — см. выше. *Корабли не орленые* — корабли, на которых не было царского герба. Ср. в предыдущей песне ответ Ермака Ивану Грозному. *Мы убили посланничка всё царского.* Летописи XVII в. сообщают о нападениях казаков на персидских («кызылбашских») послов. Об убийстве казаками русского посла в Персию см. следующую песню. *Лодочки-коломенки, Кочета* — см. выше. *Бабаички сосновые* — весла. *Доберемся мы до царства бусорманского.* Сибирский поход в известных песнях никогда не является предметом специального повествования. О нем упоминается лишь в речи атамана, в связи с планами казаков. Обстоятельное изложение похода в тексте Сборника Кирши Данилова принадлежит не песне, а преданию или, может быть, даже письменной традиции. В данной песне, как и в других, Сибирский поход является для казаков тем подвигом, благодаря которому они должны получить право на вольную жизнь на Дону. *Принесу я царю белому повинную* и т. д. Вся дальнейшая часть песни представляет скорее уже прямое повествование. Переход от эпизода сборов казаков к эпизоду встречи Ермака с Грозным совершается в песне не через сюжетное повествование о событиях фактически нескольких лет, а через рассказ атамана о Сибирском походе, изложенный в форме будущего времени, как план казаков. В данном случае перед нами — характерное проявление особенностей песенного сюжетосложения XVI в. *Я прощаю тебя* и т. д. В другой версии этой песни Иван Грозный, выслушав Ермака, спрашивает у бояр, как ему поступить с казаками. Старший боярин требует казнить Ермака. Возмущенный Ермак отрубает боярину голову, после этого Иван Грозный прощает казаков («Библиотека для чтения», 1861, № 3).

Казаки убивают царского посла

1. «На славной Волге-реке...». Впервые — Кирша Данилов, 1804, № 24. Печ. по изд. 1958 г., стр. 81. *Изголовь* — конец острова, мыс. *Беседы* — скамьи; место для сиденья под навесом. *Самбур Андреевич, Анофрей Степанович.* Эти имена встречаются еще только в одной песне о Ермаке из Сборника Кирши Данилова, в исторических источниках они отсутствуют. *Ярыя* — белые. *Гоголь* —

род дикой утки. *Майданы* — столы для игры. *Тавлеи* — шашки, шахматы, игральные кости: также — доски для этих игр. *Вальящетые* — литые, чеканные, точеные; в песне вообще — красивые, искусно сделанные. *Дуб крековистый* — т. е. кряжистый, крепкий. *Оружье долгомерное* — т. е. дальномерное. *Столы дорог рыбей зуб* — т. е. украшенные резьбой из моржовой кости. *И будут казаки На великих на радостях.* Примерно в этом месте песня о захвате казаками знатной турчанки переходит в песню об убийстве казаками царского посла. Данный текст представляет, по-видимому, контаминацию этих двух песен; вторая известна и по другим вариантам. *Персидской посол* — здесь: русский посол в Персию. *Коромышев Семен Костянтинович* — персонаж ряда исторических песен XVI—XVII вв. О возможных исторических прототипах этого образа см. стр. 328 и 346. *Ведал ли, не ведал о том персидской посол* и т. д. По-видимому, составитель Сборника Кирши Данилова, желая придать повествованию бо́льшую историческую содержательность и фактическую обстоятельность, вставил в песню два прозаических отрывка. Выделение прозы в пределах песенного текста сделано нами, конечно, несколько условно. *Солдаты, матрозы, капрал, гвардия* — все эти термины могли войти в песню не раньше Петровского времени. *Корысть* — здесь: добыча, пожива. *Драка некорыстная* — здесь, вероятно, плохая. *Животы* — здесь: богатство, достояние.

2. «Как собирались казаки на крут бережок...». Впервые — Гильфердинг, 1-е изд., № 202; зап. от И. Г. Захарова в дер. Куганаволок на Водлозере Олонецкой губ. в 1871 г. Печ. по 4-му изд., т. 3, № 202. *А есаул был... со Двины* — местная, северная деталь. *Семен Костянтинович Корамышевич* — см. стр. 328 и 346. *Сверсталася* — поравнялась. *Лодочка-коломенка* — см. стр. 334. *Как куды же мы, братцы, воровать теперь пойдем?* Это место связывает данную песню с песней «Ермак в казачьем кругу» (см. выше).

Ермак и турки. Впервые — «Дон», 1887, № 3, стр. 33. *На усть Дону тихого Построилась башенка* и т. д. О деятельности Ермака на Дону и о его столкновениях с турками из исторических документов ничего не известно. Если располагать песни из цикла о Ермаке в порядке хронологии изображаемых событий, данная песня должна быть отнесена к числу первых, так как в ней изображается, очевидно, жизнь казаков до их конфликта с царской властью. Возникла же эта песня скорее всего позже других, когда основной состав цикла уже сложился. *Бабаечки* — весла.

Ермак в турецком плену. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 38. Печ. по изд. 1958 г., стр. 211. *Земляные раскаты* — насыпь, площадка в крепости для установки пушек. *Засажон сидит... Ермак Тимофеевич.* Исторические свидетельства о пребывании Ермака в плену в Азове отсутствуют. Известны также безымянные версии песни. Сюжет приурочивался и к другим лицам. *Лучилося* — случилось. *Царь турецкий Салтан Салтанович.* Имя царя — эпическое, оно встречается и в других текстах Сборника. *Улановья* — татарские (турецкие) чиновники. *Тожно* — вслед за тем.

ПЕСНИ XVII ВЕКА

Гришка Отрепьев. Впервые — Кирша Данилов, 1804, № 26. Печ. по изд. 1958 г., стр. 79. *Прелестник* — обманщик, соблазнитель. *Злого расстригу Гришку Отрепьева* и т. д. Современные историки согласны в том, что самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия, якобы спасшегося от покушения на него в Угличе, был расстригой Гришкой Отрепьевым, из детей боярских. Лжедмитрий вступил в Москву 20 июня 1605 г. *Брал он, расстрига* и т. д. Лжедмитрий женился на дочери сандомирского воеводы Юрия Мнишека Марине. *На вешней праздник Николин день.* Бракосочетание Лжедмитрия и Марины состоялось 8 мая 1606 г. *А Гришка-расстрига он в баню с женой.* В этом эпизоде отражено в вымышленной форме характерное для Лжедмитрия и его польского окружения поведение, оскорблявшее национальные чувства москвичей. *Соян хрущето́й камки* — сарафан из узорчатой (а может быть, шуршащей, хрустящей) шелковой ткани. *Приспевать* — приготовлять. *К царице Марфе Матвеевне.* Мать царевича Дмитрия, седьмая жена Грозного, Мария Федоровна Нагая была пострижена в монахини (при пострижении получила имя Марфы) и долгие годы томилась в монастыре. Вынуждена была признать в Гришке Отрепьеве своего сына. *Потерян мой сын, царевич Димитрей Иванович, на Угличе От тех от бояр Годуновыех.* Царевич Дмитрий вместе с матерью и родными по матери — Нагими — был выслан в 1584 г. в Углич в связи с попыткой В. Бельского посадить его на престол. В 1591 г. Дмитрий погиб в Угличе при загадочных обстоятельствах. В словах Марфы Матвеевны отражена версия, согласно которой виновником смерти царевича был Борис Годунов, расчищавший себе таким образом путь к престолу. Царица Марфа при вторичном опросе восставшими признала, что сын ее погиб в Угличе. *Его мощи лежат в каменной Москве* и т. д. «Мощи» царевича Дмитрия были перенесены из Углича в Москву при царе Шуйском. *Тут стрельцы догадалися* и т. д. Указание на главную роль стрельцов в низложении Лжедмитрия — специфическая черта данного текста. В других вариантах говорится об участии «господ», «бояр», «думных дьяков». Один из характерных вариантов окончания:

Господа те бояра от обидни идут,
А вор Гришка ространжка
Из мыльни идет.
«Я процарьствую три часа,
Так процарьствую три дня,
Так процарьствую тридцать лет».
Господа же бояра догадалисе,
Брали его на копьица на вострые.

(Соколовы, стр. 312)

Бросался он со тех чердаков на копья вострыя и т. д. Лжедмитрий, спасаясь от восставших, упал из окна с пятнадцатисаженной высоты на Житном дворе, был подхвачен толпой и вскоре убит. Вариант окончания:

Стоит Гришка расстрижка Отрепьев сын
Против зеркала хрустального,
Держит книгу в руках волшебную,
Волхвуе Гришка расстрижка Отрепьев сын:
«Я стоял же, Гришка, нунь три годы,
Простою я тридцать лет».
Зглянул в окошко косевчато —
Обступила сила кругóм вокруг,
Всё сила с копьями.
Гришка расстрижка Отрепьев сын
Думает умом своим царскиим:
«Поделаю крыльица дьявольски,
Улечу нунь я дьяволом».
Не поспел Гришка сделать крыльицов,
Там скололи Гришку расстрижку Отрепьева.
Только тут Гришка царем бывал,
Только тут Гришка ведь царствовал.

(Гильфердинг, 4-е изд., т. 1, № 14)

Плач Ксении Годуновой

1. «Сплачется мала птичка...». Впервые — «Известия Академии наук», 1852, Прибавления, стр. 8; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. Печ. по изд. «Памятники старинного русского языка и словесности», вып. 2. СПб., 1907, стр. 5. *Сплачется на Москве царевна* — царевна Ксения, дочь Бориса Годунова. *Хочет постритчи, чернеческой чин наложити.* Накануне вступления Лжедмитрия в Москву здесь вспыхнуло восстание против правительства Годунова. Расправе подверглись дети Годунова, Ксению насильно постригли в монахини. *Ино* — но, то. Употребляется также как вставная незначащая частица. *Переходы* — здесь: коридоры, долгие сени, связывающие покои дома.

2. «А сплачется на Москве царевна...». Впервые — «Известия Академии наук», 1852, Прибавления, стр. 8; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. Печ. по изд. «Памятники старинного русского языка и словесности», вып. 2, СПб., 1907, стр. 10. *А светы браныи убрусы! Береза ли вами крутити?* Убрус — фата. В плаче Ксении есть мотивы свадебных песен и гаданий. Обвиться девичьей «красоте» (убор невесты) вокруг березки означало предсказать благополучное замужество. *А светы золоты ширинки! Лесы ли вами дарити?* По-видимому, имеется в виду свадебный обычай, при котором невеста раздает в дáр ширинки своей работы. Ширинки — здесь, скорее всего, полотенца, вышитые, из дорогой материи. *А светы яхонты сережки! На сучье ли вас задевати.* В свадебной песенной символике невеста нанизывает жемчуг на кусты. «На сучье» означает, вероятно, невозможность замужества. *Устюжна Железная* — Устюжна Железопольская, город на север от Москвы, неоднократно упоминается в исторических источниках в связи с событиями Крестьянской войны и польской интервенции.

Михайла Скопин

1. «Как бы во сто двадцать седьмом году...». Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 27. Печ. по изд. 1958 г., стр. 189. *Во сто двадцать седьмом году, В седьмом году восьмой тысячи* — т. е., по старому летоисчислению, в 7127 г. (1619). Дата названа неточно: события, описываемые в песне, начались в 1609 г. *Литва облегла со все четыре стороны.* «Литва» в данном случае — наименование польских интервентов. *Сорочина, черкасы, калмыки с татарами, со башкирцами, чукши с олюторами.* Наименования эти частью принадлежат эпической традиции, частью вошли сюда из поздних исторических песен; есть в них также отголоски сибирских впечатлений. Сходный перечень есть в былине «Добрыня чудь покорил...» из Сборника Кирши Данилова. *Скопин князь Михайла Васильевич* — князь Михайла Васильевич Скопин-Шуйский, родственник царя Василия Шуйского, выдвинулся во время борьбы за освобождение Москвы от осады польских интервентов в 1609—1610 гг. Успех в этой борьбе, достигнутый русскими войсками без сколько-нибудь значительного участия царя, стал связываться с именем Скопина, который благодаря этому приобрел большую популярность. Возник даже план провести на престол Скопина вместо царя Василия. Реакционные круги боярства, по-видимому, решили избавиться от Скопина. В конце апреля 1610 г. Скопин неожиданно заболел и умер, согласно народной молве — от отравления. Непосредственным виновником его смерти называли брата царя — Дмитрия Шуйского. *Он поход чинил ко Нову-городу; Писал... во Свицкую землю, Саксонскую.* Скопин был послан в Новгород для ведения переговоров со шведами об оказании ими военной помощи против интервентов. *Съезжей двор* — т. е. заезжий, постоялый двор. *Свицкий король Карлус* — Карл IX. *Я закладоваю три города русские.* Правительство Василия Шуйского вынуждено было уступить Швеции, за оказанную ею помощь, город Корелу с уездом и отказаться от каких-либо притязаний на Ливонию. *Своего любимого шурина, А того Митрофана Фунтосова.* Такого имени исторические источники не знают. Скопина сопровождал в Новгород, а затем вел переговоры в Выборге его шурин Семен Васильевич Головин. В имени Фунтосова преломились, может быть, воспоминания о Якове Понтусе Делагарди, командовавшем шведским войском во время событий 1609—1610 гг. *Как и будет почтарь в Полувецкой орде.* Чужая земля получает здесь обычное для былин эпическое наименование. *Скочил почтарь со добра коня.* В данном случае очевидна эпическая инерция повествования. *Отправляет силы со трех земель.* В составе шведского войска были наемные солдаты ряда европейских стран. *А не много, не мало — сорок тысячей* — обычное былинное преувеличение. Шведский отряд насчитывал около пятнадцати тысяч солдат. *Из Нова-города в каменну Москву... Он очистил царство Московское.* По песне получается, что Скопин действовал из Москвы против различных врагов Руси. При этом в перечне врагов отсутствуют исторические враги — поляки. Перед нами тот случай, когда исторические события в песне полностью растворяются в эпическом повествовании. *Литоргия* —

литургия, обедня. *И велику славу до веку поют* и т. д. Возможно, что в этом месте оканчивается одна песня о Скопине — об освобождении им Москвы — и начинается другая — об отравлении Скопина. *У того ли было князя Воротынского... А кума была дочи Малютина.* Скопин был крестным отцом сына князя Ивана Михайловича Воротынского. Крестной матерью была дочь Малюты Скуратова, жена Дмитрия Шуйского. Скопин внезапно занемог во время крестин. Современники приписали это отравлению, отраву поднесла ему якобы жена князя Дмитрия. *Еще нам, веселым молодцам, на потешенье* и т. д. Концовка песни обычно рассматривается как скоморошья припевка.

2. «Прикажи, сударь хозяин, Скопина проказать...». Впервые — «Живая старина», 1890, вып. 1, стр. 3; напеч. Л. Майковым из рукописного сборника начала XIX в. *Скопин* — см. выше. *Снаряжается Скопин в каменну Москву... да и во Шведскую... да во Немецкую.* Здесь традиционные эпические описания полностью подчиняют исторический материал. *Со всею поленицею.* Поленица здесь в собирательном значении — «богатырство». *Со Малютвой дочерью Курлатовой.* Исторические имена искажены (см. предыдущее примечание). *Шустовой* — видимо, вместо Шуйской. *Скопин своей матушки не слушает.* Нарушение материнского предостережения обычно для былинного героя. Далее следует описание богатырской поездки. *Бахманец* — испорченное «бахмат», порода лошади. *Не для-ради басы* — не ради красы. *Скумился с кумой крестовою* — см. предыдущее примечание. *У князя у Владимира* и т. д. — снова дань эпической инерции. *Пищики* — возможно, имеются в виду охотничьи дудочки для приманивания птиц (употр. иронич.). *Кабан* — кувшин, бутыль. *Представился* — преставился, умер. *Фата мелкотравчатая* — покрытая мелким узором.

3. «Ино что у нас в Москве учинилося...». Впервые — «Известия Академии наук», 1852, Прибавления, стр. 7; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. Печ. по изд. «Памятники старинного русского языка и словесности», вып. 2. СПб., 1907, стр. 2. *Ино* — см. стр. 338. *Гости* — торговые люди. *Васильевич князь Михаил* — Скопин-Шуйский (см. выше). *Мстисловской-князь* — возможно, имеется в виду Федор Иванович Мстиславский, после свержения Василия Шуйского стоявший во главе боярского правительства. *Воротынской* — Иван Михайлович Воротынский, после свержения Шуйского входивший в боярское правительство, затем — один из претендентов на престол во время выборов царя в 1613 г. *Расплачутся свецкие немцы* — имеются в виду шведы, входившие в состав войска, которым командовал Скопин. *Побежали немцы в Нóв-город.* Летом 1610 г. шведские войска начали интервенцию и захватили почти всю Новгородскую область. Летом 1611 г. они вошли в Новгород.

Поп Емеля. Впервые — Киреевский, вып. 7, стр. 20; зап. в г. Симбирске. *Ишел тут обозец.* Из дальнейшего явствует, что в песне изображается разбойный обоз. *А в седьмых-то санях Сам*

поп-ат Емеля. В вариантах Емеля не находится в составе обоза, а едет ему навстречу:

Ехала свадьба, семеры сани,
Семеры сани, по семеру в са́нях,
Семеро пешками, а всё с бердышками,
Семеро верхами, а всё с мешками.
Навстречу той свадьбе поп-от Емеля.

(Киреевский, вып. 7, Дополнения, стр. 119)

Один вариант имеет следующее продолжение:

Попадья Олена
На воду смотрела,
Ворам говорила:
«Не ездите, дети,
Во чужие клети,
Будет вам невзгода,
Будет непогода!»
Не слушались воры
Попадьи Олены,
Сели, засвистали,
Коней нахлыстали.

(Там же, стр. 120)

Донские казаки и Азов-город

1. «У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городу...». Впервые — «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год, изд. А. Корниловичем», стр. 246; зап. у донских казаков. *Во Черкасском городу.* Черкасск — центр Донского казачьего войска. *Тума* — выродок, чужак(?). *Сенька Маноцков.* По мнению некоторых исследователей, песня имеет в виду Левку Маницкого, перебежавшего в Азов к турецкому паше накануне осады крепости при Петре Первом. Перебежчик вернулся и был расстрелян (ср. Вс. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. 3. М.—Л., 1924, стр. 324). *Ярыжки* — пьяницы, мошенники, беспутные. *Перекинулся собака ко Азовскому паше.* Есть другая версия песни, в которой Маноцков выступает как лазутчик:

Он не столько пьет-гуляет — все меры примечает,
Как бы это нам узнать Азов-город взять.

(Пивоваров, № 30)

Старики-то пьют-гуляют и т. д. Существует самостоятельная песня, без упоминания Маноцкова, о том, как казаки думают об Азове. *Не поставили б они башенки на усть речки Каланчи, Не перекинули бы цепи через славный тихий Дон.* В XVII в. турки строили на реке Каланче башни, с помощью которых они преграждали казакам вы-

ход в Азовское море. Казаки не раз уничтожали эти башни. Кроме того, турки воздвигали укрепления в устье Дона и перегораживали реку толстыми цепями в несколько рядов. *Не подвели бы они струны ко звонким колоколам.* Казаки, очевидно, опасаются, что турки создадут сигнализацию, которая не позволит им скрытно пробираться к морю. *Зипунов-то доставать* — промышлять добычу, грабить.

2. «У нас было, братцы, на святой Руси...». Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 52; зап. П. М. Языковым в с. Головино Симбирской губ. *Иван Замо́рянин* — в исторических документах это имя не отмечено. «Заморянин» напоминает имена сказочных героев. *Тележеньки карли́нские* — может быть, от слова «карлинс», обозначающего продольный брус по судну. *Палуба* — возможно в данном случае крыша, настилка над телегой для укрытия воинов. Однако, может быть, здесь, как и в эпитете «карлинские», отражен мотив проникновения в Азов не в телегах, а в лодках. *Целовальнички* — см. стр. 331. *На стреножники* — обычно: не стреноживши. *Сиповочка* — дудка, свирель. *Товары дорогильные* — может быть, от старинного слова «дороги», означающего шелковую полосатую ткань. *Вставай ты, вставай, мой живой товар.* Сюжет о проникновении воинов в город скрытно, обманом, известен в фольклоре многих народов в различных разработках. Вс. Ф. Миллер указывает на сходные русские предания («Очерки русской народной словесности», т. 3, стр. 338—339). Несомненно, что песенный сюжет вымышлен, но возник он на конкретной исторической почве. Скорее всего, в песне речь идет о взятии Азова донскими казаками в 1637 г. Известны также версии с более поздним приурочением (см. ниже). Песенный сюжет отразился в «Сказочной» повести о взятии Азова (XVII в.).

3. «Шли казаки с моря Черного...». Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 75; зап. П. М. Языковым в с. Головино Симбирской губ. *Не доехатчи Чагану.* Чаган — приток Яика. В месте впадения Чагана в Яик стоял в XVII в. казачий городок. По-видимому, в данном тексте преломились события жизни уральских казаков. *Кайсаки* — старинное собирательное наименование кочевых народов Средней Азии, с которыми приходилось сталкиваться уральским казакам.

Во Сибирской украине, во Даурской стороне. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 42. Печ. по изд. 1958 г., стр. 217. *Украйна* — окраина. *Даурская сторона* — Даурией называлась область в бассейне Амура, от слияния Шилки и Аргуни до устья Зеи. *Острог* — укрепленное поселение. *Ясак* — подать, которую должны были платить народы Сибири, главным образом в виде шкурок пушных зверей. *Рогатки* — деревянная ограда. *Чеснок* — частокол, колья вокруг земляного вала. *Смолье* — деготь, с примесью смолы, приготовлявшийся на случай обороны для ночного освещения и для сбрасывания на осаждавших. *Идет бойдоской князец.* Название «бойдоской» (в документах XVII в. — «богдойский») относилось к китайцам и к народностям и племенам, жившим в Китае. Укрепление России на Амуре привело к временному обострению отношений с Китаем, однако уже в 80-е годы XVII в.

между двумя государствами установились длительные мирные отношения. *Полонили молодцов Двадцать пять человек* и т. д. Событие, описанное в песне, находит довольно точную аналогию в исторических документах. Нападение на острог произошло в марте 1655 г. Нападавшие побили двадцать казаков, выходивших в лес, а затем осадили острог. Казаки, располагавшие сильным огнестрельным оружием, отбили осаду. *Ружье долгомерное* — т. е. дальномерное.

Под Конотопом под городом. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 29. Печ. по изд. 1958 г., стр. 197. *За деревнею Сосновкою, Под Конотопом под городом.* В июне 1659 г. соединенные силы крымских татар и польской шляхты под Конотопом разбили отряд русских войск. *Калмыки со башкирцами* — обычные для текстов Сборника Кирши Данилова наименования, не соответствующие истории. *Словет* — слывет. *Полонили князя Пожарского.* Князь Семен Романович Пожарский, участвовавший в сражении под Конотопом, был действительно взят в плен. Во время допроса Пожарский выбранил хана «по московскому обычаю», плюнул ему в глаза, и хан велел тотчас же отрубить ему голову. *Шишимора* — плут, мошенник. *Послужи мне верою... Послужил бы тебе верою На твоей буйной голове.* Действительный исторический факт в данном случае разработан в традиционной эпической манере: аналогичные мотивы есть в былине об Илье Муромце и Калине, в старших исторических песнях, в воинских повестях. *Чембур* — повод, за который привязывают коня. *Загайкали* — зашумели, загикали. *А из полку было государева* и т. д. Вся эта часть песни, повествующая о том, как казаки выручают тело Пожарского, производит впечатление прозаического дополнения. Разбивку на стихи мы считаем в этой части условной. *Увязали липовой луб накрепко.* Липовый луб — внутренняя часть коры, употребляемая для различных целей, в данном случае — для переноса тела. *Домовище* — гроб. *Его тело вместо срасталося.* Мотив чуда, вероятно, не народно-поэтического, а житийно-легендарного происхождения.

Русское войско под Смоленском. Впервые — «Русский фольклор. Материалы и исследования», 3. М.—Л., 1958, стр. 359; зап. Т. А. Шубом от Ф. М. Галыжинского в с. Косухино в Русском устье (на р. Индигирке) в 1946 г. *Сар* — царь. *По горе, горе Покровской, Под славной город Смолинской.* Скорее всего имеется в виду неудачная для России война за Смоленск в 1632—1634 гг. У горы Покровской в 1633 г. шли кровопролитные сражения. *Шел Илья сын Мирославской.* К войне 1632—1634 гг. князь Илья Милославский не имел отношения. Он был воеводой во время войны 1654 г. и не пользовался любовью войска. *Велел схóняя он подрубити* — может быть, здесь намек на какие-то изменнические действия воеводы. Схоняя — очевидно, сходни.

Смоленск — «московское строеньице». Впервые — Гильфердинг, 1-е изд., № 161; зап. от И. А. Касьянова, 40 л., из с. Космозера (Кижи) Олонецкой губ. в 1871 г. Печ. по 4-му изд.,

т. 2, № 161. *Становился государь на ровно место.* В вариантах — «на лобно место». Исследователи сходятся на том, что в данной песне изображается Земский собор, скорее всего 1634 г. когда шла война за Смоленск. С названием «Земский собор» песня обычно публикуется в сборниках. Такому толкованию песни противоречит то, что во вступительной картине нет никаких реалий, относящихся собственно к Земскому собору. Картину эту надо признать вполне условной. К тому же, в песне речь идет не о планах взятия Смоленска, а о необходимости его защиты от врагов (см. ниже). *А отдать ли мне-то город Смоленец?* В варианте более четко:

«Что наступает король литовский,
Наступает-то на город на Смоленец.
...Станем ли за Смоленец постояти?»

(Рыбников, 2-е изд., т. 2, № 158)

По-видимому, в песне говорится о событиях, имевших место после 1654 г., когда Смоленск был взят русскими войсками. Во время русско-польской войны 1658—1667 гг. Смоленск вновь подвергался опасности; известно, что и в 70-е годы Польша рассчитывала вернуть Смоленск. Очевидно, что песня сложилась тогда, когда Смоленск был возвращен Россией и когда должен был получить окончательное разрешение вопрос о его судьбе (быть ли ему «московским» или «литовским»). *Тимофей сударь Иванович казанский.* В вариантах называются среди тех, кто готов отдать Смоленск, также князь астраханский, князь бухарский, «из больших бояр боярин», «из середних бояр боярин». *Не московское строеньицо — литовско.* Смоленск был захвачен Польшей и оставался у нее по перемирию 1618 г. *Илья сударь Иванович Хованский.* О каком Хованском идет здесь речь, неясно. Может быть, имя это случайно. Князь Иван Андреевич Хованский был воеводой во время войны 1658—1667 гг., потерпел ряд поражений, впоследствии участвовал в стрелецком восстании и был казнен. *Иван сударь Иваныч Милославский.* В вариантах называются среди тех, кто готов отстаивать Смоленск, также Данила Милославский и «из меньших бояр боярин». Возможно, здесь отразилось воспоминание о том, что стольники Милославские договорились о сдаче Смоленска поляками русским в 1654 г. В эти же годы воеводой был Илья Милославский.

«А под славным было городом под Ригою...». Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 32. Печ. по изд. 1958 г., стр. 206. *Под Ригою, Что стоял царь-государь по три годы.* Имеется в виду скорее всего неудачный поход под Ригу в 1656 г. *Наряжатися* — собираться. *Бывшей Алексей царь Михайлович.* Эпитет «бывшей» указывает на то, что песня (либо данный ее вариант) была сложена уже после смерти Алексея, скорее всего при Петре Первом, и содержала косвенный укор настоящему. *Воскикали* — закричали. *Напрокучила* — надоела. *Много холоду, голоду приняли.* Войска простояли под Ригой осенние месяцы, в условиях голода и бескормицы, терпя поражения. *А забудем бедность-нужу великую.* Мотив обе-

щания царя улучшить положение солдат встречается и в других солдатских песнях, иногда в явно иронической трактовке. В одной песне, например, царь обещает солдатам, прося послужить их еще три года:

«После трех лет я вас побалую —
По пяти рублев с полтиною,
По три аршина сукна веленого.
Вы пошейте себе мундирушки,
А остаточки — вам на шапочки,
Обрезочки — на перчаточки,
Лоскутьица — на заплаточки».

(Великорусские народные песни, изданные А. И. Соболевским, т. 6. СПб., 1900, № 215)

Осада Соловецкого монастыря

1. «На Москве было на базаре...». Впервые — «Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным». — «Летописи русской литературы и древности», кн. 1. М., 1859, стр. 127; зап. «на чугунке» (т. е. в пути на железной дороге. — *Б. П.*) от орловского мещанина в 1858 г. *Выбирали Ивана Петрова Из того ли из роду Салтыкова.* Об участии кого-либо из Салтыковых в осаде монастыря сведений нет. *Ты ступай-ка... ко монастырю... К Соловецкому, Ты порушь веру старую* и т. д. Песня связана с событиями Соловецкого восстания 1668—1676 гг. Соловецкий монастырь был расположен на островах Белого моря. Из сложного комплекса социальных и религиозных аспектов восстания в песне обращено внимание лишь на одну сторону — конфликт монастыря с центральной властью на почве отношения к «старой вере» и к реформам Никона (см. подробнее: К. В. Чистов. Некоторые моменты истории Карелии в русских исторических песнях. — «Труды Карельского филиала Академии наук СССР», вып. 10. Петрозаводск, 1958). *Как возговорит большой боярин.* В вариантах упоминается Мещеринов — воевода, участвовавший в осаде.

2. «Во Москвы то было, во царстве...». Впервые — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901, № 40; зап. от А. М. Крюковой в Нижней Зимней Золотице в 1899 г. См. предыдущее примечание. *Кенория* — киновия, монастырь. *Пешёрской* — очевидно, испорченное Мещеринов (см. предыдущее примечание). *Деревяга* — «мужик деревенский, жил по обедам» (объяснение певицы). *Порохом-то ли довблён* — достаточно ли обеспечен. *Дровяным-то в стену окошком* — «Окошко было заложено дровами» (объяснение певицы). *Жисть своёй жизнью скончалсе.* Вариант этой строки у певицы: «Он своей-то жизнию скончался». *Гавря* — гной.

Казаки убивают Карамышева

1. «Вниз-то было по матушке Камышинке-реке...». Впервые — Чулков, ч. 1, № 127. Печ. по изд. 1913 г.

Посланник царев, Карамышев князь Семен сударь Константинович. Царский воевода князь Иван Карамышев явился на Дон в июле 1630 г. с грамотой, в которой казакам предлагалось выступить под начальством турецкого паши в предполагаемой войне с Польшей. До казаков дошел слух, что Карамышев намеревается силой действовать на Дону, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами, чтобы принудить казаков к выполнению указа. Имя и отчество воеводы пришло в песню из песен XVI в. (см. выше). *Что донские, гребенские, запорожские... яицкие* — традиционная песенная формула; к событиям 1630 г. имели отношение только донские казаки. *Становили они пушечку, братцы, медную... Что палили они в лодочку-коломенку.* В действительности казаки убили Карамышева во время круга; тело князя было брошено в Дон (см. след. текст). По-видимому, песня об убийстве Карамышева в этой ее версии была сложена на основе ранее существовавших песен о столкновениях казаков с царскими воеводами (ср. выше песню об убийстве Ермаком царского посла). Лодочка-коломенка — см. стр. 334.

2. «Уж не травушка в чистом поле зашаталась...». Впервые — <В. Трутовский.> Собрание русских простых песен с нотами, ч. 2. СПб., 1778, стр. 15. Печ. по фотокопии, хранящейся в Гос. Публ. биб-ке им. Салтыкова-Щедрина. *Муровая* — зеленая. *Подымается с Москвы большой боярин.* Скорее всего имеется в виду князь Иван (по песне Семен Константинович) Карамышев (см. предыдущее примечание). *Ты суди, государь, нас праведной расправой* и т. д. — возможно, подправлено в записи.

Казаки изгоняют Карамышева. Впервые — <В. Трутовский.> Собрание русских простых песен с нотами, ч. 1. СПб., 1776. Печ. по фотокопии изд. 1782 г., хранящейся в Гос. Публ. биб-ке им. Салтыкова-Щедрина, стр. 18. См. предыдущее примечание.

Разин и казачий круг

1. «У нас то было, братцы, на тихом Дону...». Впервые — Чулков, ч. 1, № 137. Печ. по изд. 1913 г. *Черкасский город* — см. стр. 341. *В казачий круг Степанушка не хаживал* и т. д. События в песне излагаются как бы от лица войскового круга, в котором хозяевами к этому времени были «домовитые» казаки. *Думал крепку думушку с голутьбою.* Разин создал свой круг, состоявший из «голутвенных» казаков, из бедноты. *Поедем мы, братцы, на сине море гулять.* Речь Разина отражает планы участников движения на первом этапе — в 1667 г.

2. «Как у нас то было на тихом Дону, в славном...». Впервые — Догадин, стр. 17, вариант к песне № 18; зап. от Л. В. Блинова и др. в ст. Александровской; от братьев Агаповых и др. в ст. Красноярской; от братьев Прокоповых, А. А. Горшенева и др. в ст. Пичуженской Астраханской губ. в 1902—1903 гг. См. предыдущее примечание.

3. «Как у нас было на батюшке...». Впервые— «Терские ведомости», 1868, № 44; из сборника терских казачьих песен,

доставленного Г-в-м. *Есаул гребенской.* Эпитет «гребенской» внесен, конечно, гребенскими казаками, от которых записан текст. *Вы испейте-ка дорогого вина* — очевидно, правильнее в варианте: «Вы не пейте дорогого вина». *Золотой бунчук.* Часто упоминается в казачьих песнях как знак, символ власти атамана. Бунчук обычно представлял собою конский хвост, насаженный на украшенное древко. Бунчуки выносились при всех торжественных случаях, сборах, церемониях и т. д. *Чтобы выслать Сеньку Разина Во каменну Москву.* Возможно, что имеются в виду грамоты, которые привез на Дон в начале 1670 г. Евдокимов, имевший заданием поднять «домовитых» казаков против Разина. *Что не царские-де эвто грамоты* и т. д. Разин спросил у Евдокимова, кто прислал его на Дон — царь или бояре, и, услышав в ответ, что царь, обвинил Евдокимова, что тот привез поддельную грамоту. По приказу Разина Евдокимов был убит.

4. «Разливалася в зеленых лугах вода полая. . .». Впервые — Киреевский, вып. 7, стр. 32; зап. Д. А. Валуевым в г. Симбирске. *Муравлин чердак.* Чердак — нос судна, бак; муравленый — в данном случае, очевидно, употреблено как постоянный украшающий эпитет. *Бунчук* — см. выше. В данном случае певец, очевидно, не понимает значения этого слова. *Старшины* — верхушка «домовитого» казачества, возглавлявшая войсковой круг.

Поход разинцев на Яик

1. «Быстрехонько. . .». Впервые — Догадин, № 21; зап. от А. М. Дедова и др. в ст. Сероглазинской Астраханской губ. в 1902—1903 гг. *Сверх-то Горыныча.* Эпитет «Горынович» является традиционным в народной поэзии для некоторых рек (Яик, Терек). *Бунчук* — см. выше. *Вдоль по батюшке Уралушке.* Действия Разина на Яике (старинное название реки Урал) относятся к 1667 г.

2. «Яик ты наш, Яик ли сударь Горынович Яик! . .». Впервые — Великорусские народные песни. Изданы А. И. Соболевским, т. 6. СПб., 1900, № 9 (напечат. из рукописного сборника XVIII в.). Примечание в первой публикации: «Каждый стих повторяется». *Горынович* — см. выше. *Ветляный стружок* — сделанный из ветлы (вид дерева). *Бунчуг* — бунчук (см. выше). *Прозваньем вор-собака.* Здесь имеются в виду чуждые народу характеристики Разина, шедшие из правительственного лагеря. *Спасибо те, спасибо морю синему всему.* Эта и следующая строка по смыслу расходятся с содержанием первой части песни: Разин плывет с верховья Яика, т. е. к морю. *Колыванский остров* — по-видимому, испорченное Кулалинский, на котором находился казачий городок.

Разинцы на Каспийском море

1. «Тихѣхонько сине море становилося. . .». Впервые — Чулков, ч. 3, № 95. Печ. по изд. 1913 г. *Замерз-то наш воровской стружок.* Зиму 1668—1669 гг. разинцы провели на Каспийском море, у персидских берегов. Пробиваться к устью Волги, преодоле-

вая большие лишения и нападения персов, им пришлось весной и летом 1669 г. *Дуван* — добыча. Казаки вернулись из персидского похода с богатой добычей.

2. «Что пропились робятушки, промоталися...». Впервые — Чулков, ч. 3, № 65. Печ. по изд. 1913 г. *Море Хвалынское* — Каспийское. *Поглядимте мы, робята, на сине море.* Хотя имя Разина в этой песне не упоминается, по своему содержанию, по всем своим мотивам песня эта примыкает к предыдущей. *Раззаводились* — здесь, вероятно: разъединились, расстались.

3. «Как из славного царства Астраханского...». Впервые — Чулков, ч. 3, № 78. Печ. по изд. 1913 г. *Подымалась, снаряжалась грозна высылка.* Из Астрахани против Разина стрельцы высылались несколько раз в 1667—1669 гг., но успеха не имели. *Фузея* — ружье. *Заменю я вашу смерть животом моим* — традиционная песенная формула, служащая обычно для выражения просьбы героя о помощи, о спасении из беды. *Поймали молодца на острове* и т. д. По мнению исследователей, здесь отразилась судьба сподвижника Разина — Сергея Кривого. Вряд ли, однако, герой песни связан с каким-то реальным прототипом. Содержание песни не соответствует обстоятельствам гибели Кривого.

Разин и девка-астраханка. Впервые — «Саратовские губернские ведомости», 1854, № 16, стр. 74. *Прикажите-ка вы, горы... Чтобы Астрахань нам город В глуху полночь проехать.* Эти слова в данном тексте принадлежат разинцам. В вариантах песня начинается от имени войска, преследующего Разина:

Одну ноченьку нам ночевати.
...Пуль-поро́ху нам набирати.
...Пушки-ружья нам заряжати,
Стеньку Разина стреляти.

(«Живая старина», 1897, вып. 1, стр. 102)

Ваши пушки меня не возьмут. О волшебной неуязвимости Разина говорили еще при его жизни. Один воевода признавался, что он боится Разина, т. к. «того атамана и есаула пищаль, ни сабля, ничто не возьмет и все де войско они берегут» («Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов», т. 1. М., 1954, стр. 137). *Астраханска девка Маша.* В вариантах:

«В Астраханском городочку
Живет девка Машка,
Ко всему та девка
Меня научила,
Научила девка; приучила
С добрыми молодцами гуляти,
Из огнённых ружей стреляти».

(Там же)

«А только вобьеть и возьметь
Одна деука-астраханка.
Вот она мяне ссушила
И живот-сердца сокрушила».

(Смоленский этнографический сборник. Сост. В. Н. Добровольский, ч. 4. М., 1903. стр. 615)

Разин и воевода. Впервые — <В. Трутовский.> Собрание русских простых песен с нотами, ч. 3. СПб., 1779, стр. 11. Печ. по фотокопии, хранящейся в Гос. Публ. биб-ке им. Салтыкова-Щедрина. *Черноярской городочек* — г. Черный Яр на Волге, выше Астрахани. У Черного Яра, в частности, Разин разбил войско под командованием Львова. *Меня пулечка не тронет* — см. предыдущее примечание. *Со великого раскату воеводу долой сбросил.* С раската (насыпь или помост в крепости для установки пушек) был сброшен астраханский воевода князь И. С. Прозоровский.

Разин на Волге. Печ. по записи из архива Института русской литературы АН СССР; зап. З. И. Власовой от И. Ф. Носова, 51 г., в дер. Филипповской Усть-Цылемского р-на Коми АССР в 1955 г. *По полуночи, ребята, Казань-город проплывати.* В песне неточность: разинские струги идут вверх по Волге, поэтому Казань должна быть упомянута после Астрахани.

«Сынок» Разина в Астрахани

1. Гридитесь, ребятушки, на сторонку на свою...». Впервые — Киреевский, Новая серия, вып. 2, ч. 2, № 2117; зап. в дер. Сабурово Малоархангельского у. Орловской губ. *Гридитесь* — очевидно, от слова «грянуть». *Щебетко, щепетко* — щегольски, нарядно. *Косящето окно* — с косяками, обычный украшающий эпитет окна в народной поэзии. *Закричал ли губернатор.* Во всех многочисленных вариантах песни называется всегда именно губернатор; соответствующее XVII веку слово «воевода» отсутствует. *Сеньки Разина я сын.* Чаще — «сынок». Согласно утвердившемуся в науке мнению, «сынок» — это один из многочисленных разинских посланников, лазутчиков, проникавших в города с различными поручениями и агитационными заданиями. Главный смысл песни — в том, что «сынок» всем своим видом и поведением бросает вызов губернатору и предсказывает победное появление Разина.

2. «Что и во городе во Астрахани...». Впервые — «Саратовский сборник», вып. 1. Саратов, 1881, стр. 16; доставл. Ф. С. Голицыным из Хвалынского у., зап. от мордовки А. Филиповой, 80 л., из с. Мордовского Карагужа. *Щепетно* — щегольски, нарядно. *Хирсовый кушачок* — по предположению записавшего песню, фризовый кушачок, из фриза, т. е. толстой байки. *Белевые чулочки* — из мягкой отбеленной пряжи. *Прозумент* — позумент, тесьма или лента, цветная, с позолотой. *Придет батюшка скосна... Пришел батюшка воскосна.* Слово «скосна», «воскосна» скорее всего испорчено. В вариантах обычно упоминается «лодочка косна»,

в которой плывет Разин. Косна, косная — означает легкую лодку определенных размеров, распространенную на Волге.

3. «Мне вечор-то, вечор...». Впервые — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 27, стр. 91; зап. М. Карпинским от Ф. Васильевой в ст. Червленной Терской обл. в 1899 г. *Что тебе-то, добру молодцу, Быть убитому.* Песня о том, как молодцу приснился сон, заключавший предсказание его близкой гибели, принадлежит к числу безымянных лирических. В контаминации с песней о «сынке» устойчиво встречается в репертуаре терских казаков, но в терских вариантах имя Разина в первой части контаминации отсутствует; публикации в некоторых сборниках текстов о зловещем сновидении с именем Разина являются сомнительными по подлинности. *Шипетко* — щепетко, щегольски.

«Сынок» Разина перед царем. Впервые — «Известия ОРЯС Академии наук», 1904, кн. 1, стр. 37; зап. С. И. Гуляевым на Алтае. *Подгорели у ясного сокола желты ноги.* Песня о соколе, подпалившем крылья и окруженном злыми воронами, принадлежит к безымянным героико-лирическим. Имеющиеся несколько публикаций текстов, в которых в параллель к судьбе сокола описывается участь Разина, вызывают сомнения в подлинности. В данном тексте — не параллель, а контаминация песни о соколе с песней о «сынке»; оба сюжета сильно сокращены, необычным для второго сюжета является то, что «сынок» встречается не с губернатором, а с царем.

«Вы леса ль мои, лесочки, леса темные...». Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 2, № 41; зап. в г. Петрозаводске от неизвестного лица из Екатеринбургского у. Пермской губ. *Я гулял-то ровно тридцать лет* — обычное эпическое число. *Дунай-река.* Здесь названа в соответствии с песенной традицией. *Перевоз кричал.* В некоторых былинах и балладах эпизод переправы героя через реку символизирует борьбу за счастье и знаменует его героическую победу. Неудачная переправа означает трагическое поражение героя. *Приходили тут сотоварищи* и т. д. Эта вторая часть песни в вариантах обычно отсутствует, песня оканчивается просьбой Разина. *Латы серпентинные* — у Даля: серпентин — зеленоватый твердый камень змеевик. *Дунай-река, Амур.* Оба названия употреблены здесь в эпически-условном смысле.

«Вы леса мои, леса, братцы, лесочики, леса темные...». Впервые — Киреевский, вып. 7, стр. 40; зап. в дер. Андроновское Лихвинского у. Калужской губ. *Дунай-река.* Название реки эпическое.

«Не шуми ты, шумка, во поле, зеленой дуброве...». Впервые — «Донские песни из сборника В. Секретева». — «Донские областные ведомости», 1875, № 81. *Кто бы во синем море достал желтого песочку.* Песня о добром молодце, который тоскует и призывает кого-нибудь вскрыть ему грудь, чтобы

узнать, отчего болит его сердце, принадлежит к безымянным лирическим. Имя Разина было внесено сюда позднее, что не повлекло изменений в экспозиции песни. *Пред белым царем ответ надо держать.* Здесь очевиден переход к финалу известной разбойничьей песни «Не шуми мати зеленая дубровушка». Начало песни также соответствует началу «Не шуми мати. . .». Эта разбойничья песня как бы обрамляет песню о тоскующем Разине.

«Есаул сообщает о казни Разина

1. «На заре то было, братцы, на утренней. . .». Впервые — Чулков, ч. 1, № 134. Печ. по изд. 1913 г. *Насадик* — т. е. насад, речное судно. *На славной Красной площади Отрубили буйну голову.* Разин был казнен 6 июня 1671 г. на болоте за Москвой-рекой.

2. «А из тихого из шелкова из затону. . .». Впервые — Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.—Л., 1935, № 24; зап. А. Н. Пасхаловой в Саратовской губ. в 50-е годы XIX в. Печ. по записи из архива ГО. *Затон* — залив, бухта.

Песня разинцев

1. «Ты возмой, возмой, туча грозная. . .». Печ. по записи из архива ГО; зап. А. Н. Пасхаловой в Саратовской губ. в 50-е годы XIX в.

2. «Ты взойди, взойди, солнце красное. . .». Впервые — М. Стахович. Собрание русских народных песен, тетр. 1. М., 1851, стр. 2—3.

3. «Вы леса наши, лесочки, леса наши темные. . .». Впервые — Шейн, 1859, стр. 156; зап. от Н. Картавенкова в с. Усть-Урень Симбирской губ.

Расправа с губернатором. Впервые — Чулков, ч. 3, № 54. Печ. по изд. 1913 г. *Однорядочны кафтаны* — т. е. однобортные, без ворота, долгополые. *Камка* — шелковая ткань с разводами. *Канаватные бешметы.* Канават — шелковая ткань, цветная и узорочная. *Шильцом каблучки.* Высокие тонкие каблуки — обычная деталь в описании сапог в былинах и песнях. *Они ждали-поджидали губернатора к себе.* Песня об убийстве губернатора, известная в нескольких вариантах, не называет Разина. Возможно, что она сложилась вне связи с движением Разина, но по своему содержанию и по художественным особенностям непосредственно примыкает к разинскому фольклору.

Казаки убивают князя Репнина. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 41. Печ. по изд. 1958 г., стр. 216. *Коловинские острова* — может быть, имеется в виду Кулалинский остров, на котором разинцы устроили городок; городок был разгромлен высланными из Астрахани стрельцами. *Майданы терския* — игорные столы. *Тавлеи* — шашки, шахматы, игорные кости, может быть также доски для этих игр. *Репнин Данила Александрович.* Об убийстве казаками воеводы Репнина исторических сведений нет, неизвестен

также в истории Д. А. Репнин. Воеводой в Астрахани был Борис Репнин, в 1643 г. ему было велено организовать стрелецкие высылки на Яик против донских казаков. По мнению некоторых комментаторов, в имени и отчестве героя преломились воспоминания об Александре Даниловиче Меншикове (см. песню о нем — стр. 203).

«Еще что же вы, братцы, призадумались. . .». Впервые — Чулков, ч. 2, № 151. Печ. по изд. 1913 г. *Супостат-злодей — генерал лихой.* В тексте Чулкова нет имен, которые указывали бы на конкретно-историческое приурочение песни. В очень близкой по тексту и весьма сомнительной по подлинности публикации П. Мельникова («Иллюстрация», 1861, № 198, стр. 358) вместо генерала назван «воевода лихой Шереметев сын», вместо «высылки солдатские» — «высылки стрелецкие», после строки «И мы, братцы, ведь не воры. . .» вставлено «Стеньки Разина мы вольные работники». Скорее всего песня не принадлежит к собственно разинским, но непосредственно примыкает к ним по содержанию, основным мотивам и художественным подробностям, хотя текст ее и содержит ряд поздних реалий.

«Ах ты наш батюшка Ярославль-город! . .». Впервые — Чулков, ч. 1, № 187. Печ. по изд. 1913 г. *На корме сидит атаман с ружьем.* Песня о разбойниках, плывущих в лодке, и о любовнице атамана, пересказывающей сон, который предрекает всем гибель, принадлежит к безымянным разбойничьим (удалым), скорее всего сложилась она уже за пределами XVII в. Некоторые мотивы ее, типичные для удалых песен, сближают ее с песнями разинского цикла, однако в целом она этому циклу не принадлежит.

ПЕСНИ КОНЦА XVII—НАЧАЛА XIX ВЕКА

Возвращение князя Голицына. Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 3, № 48; зап. от Леонтия Богданова из дер. Середка Кижской вол. Олонецкой губ., в 1860 г. *Большой князь Голицын по лужкам гуляет.* Князь Василий Васильевич Голицын (1643—1714) стоял во главе правительства царевны Софьи. В песне имеется в виду возвращение Голицына из неудачного похода в Крым в 1687 и 1689 гг., стоившего больших жертв. Софья пыталась устроить своему фавориту торжественную встречу и отметить мнимую победу наградами, но истинные итоги Крымского похода были всем ясны. *Что Москвою князю ехать — ему было стыдно.* В одном варианте добавлено: «Отчего же князю стыдно? Что первый изменщик» (Киреевский, вып. 8, стр. 42). *Приезжает-то князь Голицын* и т. д. В вариантах:

Вот он крался, князь, пробирался улицей Тверскою,
Что и улицей Тверскою, Охотнаим рядом.

(Киреевский, вып. 8, стр. 41)

У князя есть карета — худые лесоры.
«Поворачивай, ребята, глухим переулком!»

(Там же, стр. 43)

Государь-император — анахронизм: титул императора был принят Петром в 1721 г. *Още жалуешь нас* и т. д. Петр был против награждения Голицына и не принял его по возвращении в Москву. После переворота 1689 г., когда к власти пришло правительство Петра, Голицын был арестован и сослан в Пустозерск. Варианты к финалу песни:

«Нету, нету тебе, князю, нет ни городочка,
Ни малого, ни большого нету Ярославца».

(Там же, стр. 47)

«Я пожалую тебе, вор собака, во поле хоромы,
Что в чистом поле хоромы, ни крыты, ни мшёны,
Ни крыты, ни мшёны, столбы не твержёны».

(Там же, стр. 50)

Атаман Фрол Минаев. Впервые — Кирша Данилов, 1818, № 61. Печ. по изд. 1958 г., стр. 289. В рукописи лист с этой песней сильно испорчен, и отдельные места не поддаются прочтению. Некоторые места в данном тексте приводятся по прежним изданиям. *Взял у них государь-царь <. . . .> город.* Здесь имеется в виду, по-видимому, общая политика Петра Первого, направленная на ликвидацию остатков самостоятельности казаков. *Крепкий Лютик* — турецкий форт Лютик, прикрывавший подступы к Азову со стороны Дона. Был взят русскими войсками в 1696 г. Упоминание его в данном контексте не оправдано. *Черкасский городок* — см. стр. 341. *Бунчуг* — см. стр. 347. *Фрол сын Минеевич* — Фрол Минаевич Минаев был атаманом Донского казачьего войска с 1680 по 1700 г. *Самому ли мне, атаману, в Москву ехати* и т. д. Фрол Минаев несколько раз бывал в Москве. Он старался мирными способами уладить отношения казаков с царским правительством. *Залегли пути-дороги. . . еще от вора от Васьки от Голицына.* По-видимому, имеются в виду последствия несчастного похода в Крым (см. стр. 352), в котором участвовали и донские казаки под командованием Фрола Минаева. *Дороги увольные* — возможно, свободные. Далее рукопись в настоящее время совершенно испорчена. Пользуясь тем, что отдельные слова были прочитаны К. Калайдовичем (изд. 1818 г.) и П. Шеффером (изд. 1901 г.), можно дать следующий вариант окончания песни:

<Что> зл<ата> труба <в> царстве протруб<ила,>
<Прогласил надежа благоверны царь:>
А и гой есть атаман и с донскими казаки!
У тебя, у атамана, есть казачий суд,
Есть ли <. . . . . .> непорядочно живет <. . . .>

Воевода Долгорукий и казаки. Впервые — Гребенцы в песнях. Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895, стр. 38. *По славному Дону тихому Изволил наш Долгорукий-князь гулять.* По-видимому, имеется в виду приезд на Дон в 1707 г. полковника Ю. В. Долгорукого (см. ниже).

Игнат Некрасов

1. «На заре то было ранней утренней...». Впервые — Песни казаков-некрасовцев. Запись песен, вступит. статья и сведения о сказителях Ф. В. Тумилевича. Ростов-на-Дону, 1947, № 34; зап. от А. И. Ивануткиной, 61 г., на хут. Новонекрасовском Краснодарского края в 1946 г. *Долгоруков* — полковник Ю. В. Долгорукий, командовал карательным отрядом, посланным правительством Петра Первого в 1707 г. на Дон для борьбы с казачьей вольницей и действовавшим с большой жестокостью. Убит казаками в октябре 1707 г. *Ой, да он срубил ему бойну голову... Как ушел-то, ушел да Игнат-сударь со тиха Дона.* В песне объединены два события, на самом деле разделенные во времени и связанные с разными лицами. Ю. В. Долгорукий был убит К. А. Булавиным, который возглавил затем восстание на Дону. После поражения восстания и последовавшей за этим полной ликвидации самостоятельности донского казачества часть казаков во главе с Игнатом Некрасовым, сподвижником Булавина, ушла осенью 1708 г. на Кубань, находившуюся в то время под властью Турции.

2. «Возмутился славный наш тихий Дон...». Впервые — <И. П. Сахаров.> Песни русского народа, ч. 4. СПб., 1839, стр. 277; сообщено В. И. Далем из Оренбургской губ. *Возмутился и совершился.* Возможно, ошибка записывавшего: правильно — «со вершины». *Город Черкасский* — см. стр. 341. *Игнатьюшка Иваныч Некрасов* — см. предыдущее примечание. *Сорок тысяч* — число это, очевидно, эпическое. С Некрасовым ушло несколько тысяч казаков, затем к нему на Кубань бежали еще из разных мест России. *Тумы* — выродки. *Пишет... К графу Долгорукому.* О Ю. Долгоруком см. выше. Возможно, что здесь имеется в виду майор В. В. Долгорукий, брат убитого казаками воеводы, посланный во главе больших сил для подавления восстания на Дону.

3. «Да никто про то не знает, да никто не ведает...». Впервые — Мякутин, стр. 36; зап. М. Т. Лобановым от Деревенскова. *Долгоруков-князь.* Неясно, идет ли речь о Ю. Долгоруком, убийство которого послужило сигналом к Булавинскому восстанию, или о В. Долгоруком, возглавившем карательную экспедицию на Дон в 1708—1709 гг. *Некрасов сын* — см. выше. *Матушка Катеринушка* и т. д. Видимо, в этой части песни преломились более поздние представления казаков-некрасовцев. В преданиях, записанных от их потомков, рассказывается о том, что казаки ушли на Кубань уже после смерти Петра Первого, при Екатерине, которая якобы решила полностью подчинить казачество. *Войском Донскиим... всё некрасовским.* Представления о том, что Некрасов стоял во главе Донского войска, также отражены в преданиях.

4. «Что на славной на речке...». Впервые — «Терские ведомости», 1868, № 51; из сборника терских казачьих песен, доставленного Г-в-м. *Кошумовка* — вероятно, испорч. Камышинка. *Там жили... С Дону некрасовцы.* Типичный для исторических песен пример ретроспективной характеристики: на самом деле образование группы казаков-некрасовцев произошло после того, как казаки бежали от царских преследований. *Мы пойдемте-ка, братцы, за Дунай-реку.* Вторичный уход некрасовцев — с Кубани за Дунай — совершился в 1740 г. и затем в 80-е годы XVIII в. *Со всей святостью.* Имеется в виду какой-то священный для некрасовцев предмет, возможно — знамя со старообрядческим крестом, о котором упоминается в позднейших преданиях некрасовцев.

Солдаты судят Долгорукого. Впервые — О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Пг., 1916, стр. 61; зап. от М. Д. Кривополеновой на Пинеге. *Середи-то было Китаю да славного города* — имеется в виду Китай-город в Москве. *Дай нам суд на князя да Долгорукого.* О каком из Долгоруких идет речь, неясно. *Слега* — жердь. *Семи она верхов.* В данном случае верхи — вершки. *Ты отдай нам наше жалованье.* Упоминание о солдатском жалованье, присваиваемом начальником, встречается в ряде песен (см. ниже).

Казаки бранят Меншикова. Впервые — Чулков, ч. 1, № 126. Печ. по изд. 1913 г. *Снарядные стружки* — снаряженные. *Смурые кафтаны* — из простого, грубого некрашеного сукна. *Пестрядинные рубашки* — из пестряди, грубой пестрой ткани. *С зачесами чулочки* — домотканые шерстяные чулки с мохрами. *А бранят они, клянут князя Меншикова.* В вариантах — князя Репнина. Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — ближайший сподвижник Петра. В песне отразилась, очевидно, память о Меншикове как человеке, известном безудержными злоупотреблениями, взяточничеством и т. д.

Князь Гагарин. Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 297; зап. П. В. Киреевским в с. Ильинском Московской губ. в 1832 г. *Князь Гагарин* — Гагарин Матвей Петрович, один из богатейших людей Петровского времени, служил сибирским губернатором, за злоупотребления властью, хищения и взяточничество был казнен в 1721 г. *Дом... на Тверской* и т. д. Дворец М. П. Гагарина в Москве на Тверской ул. был известен как выдающееся произведение архитектуры начала XVIII в. и как один из самых роскошных княжеских домов Москвы. В доме Гагарина были зеркальные стены, а потолки из стекол, и туда была пущена вода, в которой плавали рыбы. *Уж и дай, боже, пожить, во Сибири послужить.* Характерное для исторических песен повествование о действительно происшедшем в форме предположений героя.

Казаки бранят князя. Впервые — Чулков, ч. 2, № 131. Печ. по изд. 1913 г. *Александрийски рубашки* — т. е. из александрейки, красной бумажной ткани. *Что про князя и с детьми.* См. выше сходные по содержанию песни, в которых князь назван по

имени. *На те ли он на денежки палаты становит.* Сходный мотив встречается в песнях о Гагарине и Аракчееве. *Его гром тамо убил.* Ударом молнии был убит на охоте в 1738 г. С. Д. Голицын, казанский губернатор.

Загорелась Москва от больших господ. Впервые — «Донские песни из сборника В. Секретева». — «Донские областные ведомости», 1875, № 82. *Отчего эта кременна Москва загоралася* и т. д. В вариантах:

Загоралась от князей, от бояр,
От большого господина Шереметьева.
Ходила его верная ключница
Во нові́ подвалы,
Заронила она, заронила
Воску ярого свечу.
Оттого каменна́ Москва загорелась.
(Киреевский, вып. 7, Дополнения, стр. 126)

Загоралась-то наша кременна Москва
От князей-бояр да от вдовушки.
Входила-то она, вдовушка боярская,
В свой пороховой выход,
Зажигала-то она, молодая вдовушка,
Свечу ярую там,
Зажигала свой пороховой выход.
От того-то огня-полымя
Загоралась кременна Москва.
(«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 15, стр. 82)

Варианты показывают, что песня заключает в себе всегда обвинение «больших бояр», князей, по злому умыслу либо недосмотру которых происходит пожар в Москве. В песне упоминаются имена Гагарина и Шереметева, т. е. владельцев самых богатых домов Москвы XVIII в.

Пострижение царицы

1. «У нас в Москве нездорово. . .». Впервые — Народная поэзия Горьковской области, вып. 1. Составитель и редактор В. М. Потявин. Горький, 1960, стр. 216; текст извлечен из Горьковского обл. архива, место и время записи неизвестны. *Высылает царь царицу* и т. д. Евдокия Федоровна Лопухина, первая жена Петра Первого, была по приказу царя сослана в Суздальский монастырь и пострижена в монахини в 1698 г. *Ты прости, прости, моя грановитая палата* и т. д. Вариант:

«Ох вы гой естя, мое белокаменны палаты,
Уж мне в вас, палатушки, не бывати,
От свова царя ласкова слова не слыхати».
(«Известия Академии наук», т. 1, Прибавления, 1852, стр. 121)

И стречает государыню игуменья (с) сестрами и т. д. Вариант:

Встречат ее игуменья с сестрами.
Тут возговорит благоверная царица:
«Отойдись ты прочь, игуменья с сестрами,
Не на час я к вам пришла часовати,
Ни на едну тёмну ночку ночевати —
Я пришла к вам веки вековати».

(Там же)

Во тли — вероятно, во тот ли.

2. «Возле реченьки хожу млада...». Впервые — «Русский архив», 1863, № 2; зап. В. И. Далем и В. Ф. Одоевским в 1862 г. «с голоса 80-летней дамы, которая в детстве переняла от няни». См. предыдущее примечание.

Проводы на Ладожску канавушку. Впервые — Чулков, ч. 1, № 165. Печ. по изд. 1913 г. *Ладожска канавушка* — Ладожский обводный канал от устья Волхова до истоков Невы, начатый строительством в 1718 г.

Добрый молодец и Петр Первый. Впервые — Рыбников, 1-е изд., ч. 2, № 42; зап. от Кузьмы Романова, слепого сказителя из дер. Лонгасы Кижской вол. Олонецкой губ. в 1861 г. *Искал себе поединщичков* — традиционный былинный мотив. *Хоть малый жеребеечек* — здесь: хоть малую часть. *Голячок* — нищий. *Черленый вяз* — обычное оружие былинных богатырей. *Был ли ты красть монастыря Румянцева.* Из других вариантов явствует, что золотая казна, которую отбил добрый молодец, похищена разбойниками из монастыря. *Ходи-гуляй по чисту полю* — ср. выше песню XVI в., в которой Иван Грозный освобождает доброго молодца от наказания.

Петр Первый и молодой драгун. Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 37; зап. В. И. Далем на Урале. *За проклад* — ради забавы, увеселения. *Не пущал царя на сыру землю.* Сходным образом описывается в некоторых вариантах победа борца над Кострюком (см. стр. 84). *Сполать* — исполать, хвала.

Стрелецкий круг

1. «На святой-то Руси в кременной Москве...». Впервые — «Терские ведомости», 1868, № 51; из сборника терских казачьих песен, доставленных Г-в-м. *Собирались... Во единый круг.* Начало этой песни восходит к песням о Ермаке. *А теперь казнить велит.* Несомненно, что обстановка, изображаемая в песне, имеет своей фактической основой подавление стрелецкого мятежа и массовые казни стрельцов осенью 1698 г.

2. «Как у нас то было во матушке кременной Москве...». Впервые — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 15, стр. 84; зап. П. Семеновым в ст. Слеп-

цовской Терской обл. *Окошечко косящатое* — см. стр. 349. *Он на нас, стрельцов, разгневался* — см. предыдущее примечание. *А тебя, стрелецкого атаманушку* и т. д. Главари стрелецкого мятежа в песнях не называются, образ атаманушки более соответствует образам казачьих руководителей, запечатленным в песнях XVI—XVII вв.

Стрелецкий атаманушка и царь Петр. Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 18; зап. Языковым в г. Сызрани Симбирской губ. *Не можно ли тебе, сударь, нас, стрельцов, простить?* Как и в песнях, печатаемых выше, тема самого мятежа здесь полностью обходится, а все внимание сосредоточивается на заключительной его фазе, когда стрельцы должны были нести расплату перед царем. *Чоботы* — сапоги. *Панцуры* — панцири. *Уж и вот-то я с боярами подумаю*. В вариантах ответ царя различен:

«И нет от меня вам милости.
Ступай сбирай стрелецкое свое войско,
Гони ты их на Красну площадушку,
А которых на поле на Куликово то:
Кого стану казнить, кого вешати,
С тебя, с атамана, голову рубить».

(Киреевский, вып. 8, стр. 17)

«Поезжай ты скоро во слободы стрелецкие,
И я там буду кого любить, кого жаловать,
И кого буду казнить и вешать».

(Там же, стр. 21)

«Да бог простит те за все вины, да и я прощу!»
. . .Опять никто нейдет к белу царю с повинною.
На то же православный царь осержаился,
Приказал их всех казнить-вешать.

(Там же, стр. 20)

Казнь стрелецкого атамана. Впервые — Чулков, ч. 2, № 129. Печ. по изд. 1913 г. См. предыдущее примечание. *Каменеет сердце молодецкое* и т. д. Возможно, что эта строка и следующие четыре подправлены в записи.

Царь и Долгоруков-князь. Впервые — «Терские ведомости», 1868, № 51; из сборника терских казачьих песен, доставленного Г-в-м. *Долгоруков-князь*. Возможно, в песне глухо преломились воспоминания о В. В. Долгоруком, примкнувшем к сторонникам царевича Алексея и сосланном за это в 1718 г.

Взятие Азова

1. «Ах, бедные головушки солдатские. . .». Впервые — Чулков, ч. 2, № 141. Печ. по изд. 1913 г. *Сиповочка* — дудка, свирель. *Еще как нам Азов-город взяти*. Азов был взят русскими

войсками в 1696 г. *Раскаты* — вал или крепостное укрепление. *Кровь нечестивая* — возможно, подправлено собирателем; эпитет «нечестивая» не характерен для народных песен.

2. «Нам пора-то, робятушки, с кабаку идти!..». Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 59; зап. А. М. Языковым в с. Станичное Симбирской губ.

3. «Собирается православный царь под крепкой Азов-город...». Впервые — «Известия Академии наук», 1852, Прибавления, стр. 124; зап. Е. Фаворским в с. Павлово Нижегородской губ. *В кажную тележку сажал по пяти молодчиков*. Песня является, видимо, переработкой, примененной к событиям Петровского времени, более ранней песни о взятии Азова (см. стр. 155). *Багрецовые сукна*. Багрец — ткань багряного цвета.

4. «Как у нас-то было, братцы, на святой Руси...». Впервые — «Русская старина», 1871, октябрь, стр. 458; зап. А. Ф. Гильфердингом от И. Гусева в Новоладожском у. Петербургской губ. в 1871 г. *Как с-за тех столов да сыродубыих*. Все начало песни полностью выдержано в былинной манере, характерной для северных певцов. *Сострой мне тележек двоеколыих* — ср. предыдущую песню, а также песню на стр. 155. *Суконце багрецовое* — см. выше. *Гости азовские* — торговые люди. *Погримывать* — греметь. *Сймена* — семена.

Война с королем шведским

1. «Как далеченько было во чистóм поле...». Впервые — М. Е. Соколов. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губ. Петровск, 1896, № 10; зап. в с. Кутьино Петровского у. в 1895 г. *Подзорушки* — вероятно, подвесная кайма на полотне шатра. *Позументы* — тесьма, обшивка из красивой ткани. *Сйповочка* — дудка, свирель. *В Туле сушены* — очевидно, намек на тульские оружейные заводы.

2. «По доroженьке по Московской...». Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 119; зап. Н. Борисовым в г. Шенкурске Архангельской губ. *Артикул мечут* — исполняют ружейные приемы. *Шереметев-граф* — см. стр. 360. *Сряжается мой батюшка из Москвы в поход* и т. д. Эта часть текста известна как самостоятельная песня, в частности она есть в вариантах, приуроченных к походу Ивана Грозного на Казань. *Печаловать* — заботиться, печься. *В немогуте* — в нездоровье.

3. «На царский праздник на велик день...». Впервые — «Известия Академии наук», 1852, Прибавления, стр. 124; зап. Е. Фаворским в с. Павлово Нижегородской губ. *Борис Петрович Шереметев* — см. стр. 360.

4. «Собирался-то большой барин...». Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 126; зап. П. И. Якушкиным в с. Андроновское Лихвинского у. Калужской губ. *Смета* — счет, число.

Под славным городом под Орешком

1. «Злодей, злодей ретиво сердце!..». Впервые — Чулков, ч. 3, № 190. Печ. по изд. 1913. *Орешек, Шлиссельбург*.

Русская крепость в истоках Невы — Орешек — в течение 90 лет находилась в руках у шведов и называлась Нотебургом; была взята русскими войсками и переименована Петром в Шлиссельбург.

2. «Как по крутому по красному бережку...». Впервые — Чулков, ч. 2, № 123. Печ. по изд. 1913 г. *Шлюшин* — Шлиссельбург. *С осторожностью вы... гуляете* — по-видимому, исправлено в записи. *Своего царя вы защищаете.* Вариант окончания:

«Исполать вам, донские братцы казаки,
Что опасно вы по Неве-реке гуляете,
Заправлявши свое ружье свинцом, порохом».

(В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М., 1960, стр. 206)

3. «Не под городом было под Орешевым...». Впервые — «Записки Терского общества любителей казачьей старины», 1914, № 10, стр. 62; зап. Ф. С. Гребенцом у терских казаков. Текст отнесен нами к песням Петровского времени предположительно.

4. «Как по славной матушке Неве-реке...». Впервые — Чулков, ч. 3, № 75. Печ. по изд. 1913 г. *Шереметев* — Б. П. Шереметев (см. ниже) возглавлял осаду Орешка. *Преображенские и семеновские* — солдаты Преображенского и Семеновского полков, преобразованных Петром из потешных войск в регулярные гвардейские полки в 1691 г. *Ко Слюсельбургскому* — Шлиссельбургскому. *Начинали рыть подкопы глубокие.* Крепость была взята после многодневного пушечного обстрела, разрушившего ее стены. Эпизод с подкопом и взрывом стен в песнях конца XVII — начала XVIII в. стал своеобразным «общим местом», воспринятым из песни XVI в. о взятии Казани (см. стр. 96). *Устрашило храбрых неприятелей* — вероятно, добавлено в записи.

Шереметев и шведский майор

1. «Во славном городе в Орешке...». Впервые — Кирша Данилов, изд. 1818 г., № 39. Печ. по изд. 1958 г., стр. 213. *Орешек* — см. выше. *Шлюшенбурх* — Шлиссельбург (см. выше). *Идет тут царев большой боярин.* В вариантах:

Из славного из города из Пскова
Подымался царев большой боярин.

(Киреевский, вып. 8, стр. 129)

В поход пошел — он и шел всё топя́ми,
Всё топя́ми, всё грязя́ми,
Всё темными лесами.

(Там же, стр. 128)

Борис сын Петрович Шереметев — Б. П. Шереметев (1652—1719), известный полководец Петровского времени, генерал-фельдмаршал, участвовал во всех решающих сражениях со шведами. *Вошли они*

во Красную Мызу. Сражение у Красной Мызы произошло в 1702 г., оно предшествовало взятию Орешка. *А сколько-де силы в Орешке.* В вариантах:

«И много ли силы с генералом,
С самим генералом Шлипенбахом?»

(Там же, стр. 133)

«Много ли силы-войска с Левеноптом?»

(Там же, стр. 136)

Генералы Шлиппенбах и Левенгаупт — участники Северной войны. *Не с упадкою* — т. е. смело, решительно. *Сметы нет* — счета нет. *И тут государь звеселился.* В вариантах песня продолжается описанием последовавшего сражения, например:

Не две грозные тучи на небе всходили —
Сражались два войска большие,
Московское войско со шведским.
Запалила тут Шереметева пехота
Из мелкого ружья и из мортиров.
Как не гром пред тучею грянул —
Троил-пушка разродилась,
У боярина сердце разъярилось.
Не сыра мать земля расступилась,
Не синее море всколебалось —
Примыкали штыки на мушкеты,
Бросали ружья на погоны,
Вынимали вострые сабли,
Приклоняли булатные копья,
Гнались за шведским генералом
До самого города до Дерпта.

(Чулков, ч. 1, № 123)

2. «В тысяча семьсот первом годе. . .». Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 170; зап. Н. Борисовым в г. Шенкурске Архангельской губ. в 1845 г. *В тысяча семьсот первом годе, Во месяце было во июле.* В песнях смешиваются две даты: 1701 — возобновление крупных военных действий — и 1709 — Полтавская битва. *Как под славным городом под Полтавой.* В данном тексте сюжет о сражении под Красной Мызой и взятии в плен майора (см. предыдущий текст) обрамлен песней о Полтавской битве. Обрамление это — вторичного порядка, поэтому оно несколько искусственно. *Во Полтаве есть московская пехота, Сам царь-государь поспешает.* Войска Карла XII осадили Полтаву 27 апреля. Небольшой гарнизон оборонял город в течение двух месяцев, пока не подошла армия Петра. *Он поход держит в землю Шведску.* Здесь начинается песня о пленении шведского майора, перебивающая в данном тексте песню о Полтавской битве. *Под Красну*

Мызу — см. выше. *Обск* — Псков. *Борис Петрович Шереметев* — см. выше. *Благодёр* — по-видимому, испорченное «бригадир». *Ко этой реке ко Можже.* Река Можжа в географическом словаре не отмечена. Здесь, собственно, кончается песня о пленении шведского майора. *Чеснок* — возможно, здесь частокол, палисадник. *Распахана шведская пашня* и т. д. Заключительная часть, содержащая метафорическое изображение поля битвы, известна в виде самостоятельной песни, с различными конкретными приурочениями (см. ниже).

Взятие Риги. Впервые — Григорьев, № 209; зап. от Г. Трубкина в дер. Кеврола на Пинеге. *Три ветлёные стружка.* В другом варианте более верно: «Три военных корабля». *Той же первой роты гренадерское.* Гренадерские роты, создававшиеся из отборных солдат, были введены во всех полках в 1704 г. *Их же приносило к Риги к каменной стены.* Осада русскими войсками Риги происходила в 1709—1710 гг. *Шеймы* — якорные канаты. *Шелку шохматинского.* Обычно — шемахинского, традиционный украшающий эпитет в былинах и песнях. *Подкопы копали всё глубокие* и т. д. Рига была взята в результате длительной осады и усиленной бомбардировки. Об эпизоде подкопа и взрыва см. стр. 38. *Стали проздравляти императора-царя* — обычный в песнях анахронизм: Петр принял титул императора в 1721 г.

«Как во славном-то во городе было в Колывани...». Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 215; зап. П. В. Киреевским в Рязанской губ. *Колывань* — старинное русское название Ревеля (ныне — Таллин). *Наша матушка... наш город... наши караулушки.* Песня ведется как бы от лица осажденных, но из всего тона ее, из подбора образов явствует, что она прославляет русское оружие. *Шведская королевна* — в данном случае лицо вымышленное. Из последующих слов явствует, что она представлена в песне как сестра шведского короля. *Как российский-то царь ... разъезжает.* В более полном варианте:

Уж как белый царь к городу подступает,
И он шанцы-батареи отбивает,
В белокаменну стену стреляет.

(Киреевский, вып. 8, стр. 216)

Своих-то солдатушков в наш город впущает. Ревель был взят русскими войсками в 1710 г.

Царь плывет к Стекольному. Впервые — Чулков, ч. 1, № 164. Печ. по изд. 1913 г. *По Хвалынскому* — по Каспийскому. Обычное для певцов смешение названий: должно быть в данном случае «по Верейскому», т. е. по Балтийскому. *Тетивочки* — здесь, вероятно, корабельные канаты. *Подзоры* — здесь, вероятно, навесы на палубе. *Что далеко ли до Стекольного.* Стекольный — Стокгольм. Может быть, в песне отражены события 1720 г., когда русский флот подходил к Стокгольму.

Царь Петр в земле Шведской. Впервые — в ст. А. Пыпина «Народные стихи и песни (извлечения из рукописей)». «Отечественные записки», 1858, № 1, стр. 306; зап. Максютиным в г. Починки Нижегородской губ. в 1791 г. *Преображенские гренадеры.* См. о них стр. 362. *Стекольное государство* — от народного названия Стокгольма Стекольным. Вся история с посещением Петром Первым Швеции полностью вымышлена.

Солдат плачет у гробницы Петра

1. «Ах ты батюшко светел месяц!..». Впервые — Чулков, ч. 3, № 80. Печ. по изд. 1913 г. *Во соборе Петропавловском.* В Петропавловском соборе Петропавловской крепости находятся гробницы большинства русских императоров и императриц начиная с Петра Первого. *Ах ты матушка сыра земля* и т. д. — см. стр. 332. *Дожидают они... полковника преображенского, Капитана бомбандирского.* Имеются в виду военные звания Петра. Варианты окончания песни в данной версии:

«Твоя силушка во строю стоит,
Твой любимый полк в поход пошел,
В поход пошел под Азов-город».

(Киреевский, вып. 8, стр. 282)

«Без тебя мы осиротели,
А осиротев, мы обессилели».

(Чулков, ч. 1, № 122)

2. «У нас было на святой Руси...». Впервые — Киреевский, вып. 8, стр. 289; зап. П. В. Киреевским в с. Воронки Звенигородского у. Московской губ. в 1833 г. *У Ивана было у Великого* и т. д. Москва и Кремль называются обычно в песне-плаче, адресуемом Ивану Грозному. В данном случае это след влияния такой более ранней песни на песню о Петре (ср. предыдущий текст). *Вся наша силушка побитая* и т. д. Варианты к песне в этой версии:

«Наша армия во строю стоит,
Во руках ружья держат, сами слезно плачут.
Аль, ребятушки, у вас прыянту нет,
Прыянту нет, сухарей не стаёт?»

(Киреевский, вып. 8, стр. 290)

«Без тебя царство помутилося,
Все солдатушки разбежалися.
Отчего они разбежалися?
Оттого они разбежалися —
Караулы стали крепкие,
Перемены стали редкие,
А мундиры зеленые,

А морозы студеные,
А сапожки-то на босу́ ножку».

(Там же, стр. 292)

«Ах, служили мы на границе три годочка...». Впервые — <И. П. Сахаров.> Песни русского народа, ч. 4. СПб., 1839, стр. 289; сообщ. В. И. Далем из Оренбургской губ. *Иванушка Иванович Фролов.* Фролов был атаманом Донского войска с 1735 по 1738 г.

На том было дворе Шереметьевом. Впервые — Савельев, стр. 149. *Уж ты ягодка, ты смородинка* и т. д. — традиционный зачин лирических песен о судьбе девушки. *На том-то было дворе Шереметьевом...* Основываясь на упоминании в песне Шереметьева двора и на наличии в ней мотива просьбы о помиловании родителей, которым угрожает ссылка, П. А. Бессонов в примечаниях к тексту, помещенному им в т. 9 «Песен, собранных П. В. Киреевским» (стр. 3—4), связывает содержание песни с событиями конца 20—30-х годов XVIII в. По одному его предположению, Прасковьюшка — это либо Екатерина Алексеевна Долгорукова, либо Наталья Борисовна Долгорукова, которые просят о помиловании Алексея Григорьевича Долгорукова и его жены в тот момент, когда их вместе с другими членами семьи ссылают в Березов. По другому предположению, которое Бессонов считал более вероятным, Прасковьюшка — это сама жена А. Г. Долгорукова Прасковья Юрьевна, просящая за своих детей (в дочь она «претворена» якобы «при распространении песни»). Оба предположения не опираются на сколько-нибудь серьезные аргументы, поэтому вопрос о реальной основе песни остается открытым. Из текста не явствует, что Прасковьюшка и ее родители принадлежат обязательно к высшей среде.

Казнь Долгорукого. Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 8; зап. Улыбышевой в Тульском у. Тульской губ. *Ведут... князя Долгорукого.* По-видимому, имеется в виду один из четырех Долгоруких, казненных в 1739 г. в Новгороде по обвинению в заговоре против Анны Иоанновны.

Казнь боярина. Впервые — Чулков, ч. 2, № 130. Печ. по изд. 1913 г. *Ведут князя-боярина.* Возможно, что песня представляет собою безымянную версию песни о казни Долгорукого (см. предыдущее примечание). Некоторыми исследователями песня относится ко времени стрелецкого мятежа. *Не руди* — не кровавь.

Ванька Каин. Впервые — <Матвей Комаров.> Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина... Второго французского мошенника Картуша... СПб., 1779, стр. 109. *Новой сыщичек... по прозванью Иван Каинов.* Иван Осипов Каин (род. в 1718 г.), знаменитый московский вор, затем —

сыщик, за мошенничество и грабеж был в 1755 г. сослан на каторгу. Был известен как ловкий, удалой мошенник. Жизнеописание Каина пользовалось в XVIII в. большой популярностью. С именем Ваньки Каина связывались многочисленные песни — удалые, разбойничьи, лирические, печатавшиеся в приложениях к его жизнеописанию.

Бегство Лещинского. Впервые — «Терские ведомости», 1868, № 51; из сборника казачьих песен, доставленного Г-в-м. *С полону бежать князю Лещинскому.* По-видимому, речь идет о Станиславе Лещинском, претенденте на польский престол, ставленнике Франции и Швеции. Избранный сеймом, он бежал в Гданьск, когда Россия, поддерживавшая кандидатуру Августа, ввела в Польшу свои войска. Лещинский находился в Гданьске во время осады его русскими войсками и в июне 1734 г., накануне капитуляции города, бежал в Пруссию. *Фолейторы* — форейторы, верховые при лошадях в упряжке. *Пятьсот жандар* — т. е. жандармов.

Солдаты готовятся идти на приступ. Впервые — Чулков, ч. 3, № 156. Печ. по изд. 1913 г. *Раскаты широкие* — вал или крепостное укрепление. *Навохрены* — начищены, натерты охрой. *Генерал Левашов* — по-видимому, В. Я. Левашов, генерал-аншеф, командовавший некоторое время русской армией, осаждавшей Азов в 1735 г. *Фельдмаршал* — очевидно, Миних, первоначально командовавший войсками, осаждавшими Азов.

Краснощеков в плену

1. «Приуныло, приумолкло войско донское...». Впервые — «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год, изданная А. Корниловичем», стр. 341; зап. у донских казаков. *Взяли Краснощекова в полон шведы.* Иван Матвеевич Краснощеков — бригадир Донского казачьего войска. Во время русско-шведской войны в августе 1742 г. близ Гельсингфорса попал с отрядом в болото, после тяжелого боя раненым был взят в плен и здесь умер. По некоторым сведениям, в плену Краснощеков подвергся жестоким пыткам. *Левенгаупт* — главнокомандующий шведской армией в войне 1741—1742 гг.

2. «Что сказать ли вам, братцы, про диковинку...». Впервые — Чулков, ч. 3, № 53. Печ. по изд. 1913 г. *Поимали же Краснощекова на черной грязи* — см. предыдущее примечание. *Хан крымский... злы татаре.* Наименования эти, не соответствующие исторической основе песни, внесены, вероятно, позднее, скорее всего донскими казаками.

3. «Не от тучи, не от грома, не от солнышка...». Впервые — Чулков, ч. 1, № 132. Печ. по изд. 1913 г. *Загоралася в чистом поле ковыль-трава.* Песня о том, как сокол, подпаливший крылья, сидит окруженный воронами, известна в качестве самостоятельного произведения. Расширение содержания этой песни путем добавления второй части — о герое, попавшем в беду, — произошло, по-видимому, сравнительно поздно, и его нельзя признать во всех отношениях удачным. *Когда был Краснощеков во неволюшке* — см. выше. *Заменю я вашу смерть животом моим* и т. д. — см. стр. 348.

К стр. 241—242

Иван Краснощеков — млад охотничек. Впервые — Савельев, стр. 95. *Кум-река* — р. Кума на Северном Кавказе. На Куме в XVIII в. казаки укрывались от царского правительства. *Кумские отноженки* — видимо, ответвления реки. *Долгомерная* — дальномерная. *Семипядная* — от слова «пядь», обозначающего старинную меру длины в четверть аршина. *Восьмибляшная* — т. е. с бляхами — металлическими накладками, которыми украшалось оружие. *Насечка позлаченая* — нарезной узор на ружье с выкладками по нему из позолоченной проволоки. *Подсошечек* — подставка, подпорка для ружья.

«Как не пыль в поле пылит...». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 95; зап. П. В. Киреевским в Симбирской губ. В первой публикации был напечатан сводный текст, составленный путем включения в основной текст строчек из других вариантов. Эти дополнения, выделенные в первом издании курсивом, нами исключены. *Как не пыль в поле пылит.* Распространенным является также другое начало песни:

Ох вы нуте-ко, робята,
Ой вы нуте, господа,
Споем песню про себя,
Мы не сами про себя —
Про люто́го короля.

У лютого короля
Чужа сила, не своя,
Полонёна, нанята,
Золота казна дана —
Сорок тысяч серебра.

(Киреевский, вып. 9, стр. 98)

Прусак с армией вали́т. Из анализа вариантов и некоторых реалий явствует, что в песне имеется в виду сражение при Гросс-Егерсдорфе в августе 1757 г., одно из наиболее значительных в Семилетнюю войну. Современники расценивали его как одно из самых ожесточенных в европейских войнах. *Лопухин* — В. А. Лопухин, генерал-аншеф, командовал во время сражения при Гросс-Егерсдорфе левым крылом русской армии; был убит, когда в критический момент сражения встал во главе нескольких батальонов и повел их в атаку. *Они билися, рубилися.* В вариантах перед этой строкой:

Таки речи говорит:
«Починайте-ко, робята,
Вы со правого крыла!»
Наши зачали палить,
Только сажица валит.

(Там же, стр. 101)

Потемкин-генерал. Анахронизм. В вариантах среди виновников больших потерь армии называются также Абросим-генерал (т. е., вероятно, главнокомандующий Апраксин), Румянцев, им противопоставляется Суворов:

Ты Абросим-генерал,
Всеё силу растерял,
Ко́е пропил-промотал,
Ко́е в карты проиграл.

(Там же, стр. 99)

Князь Румянцев-генерал
Много силы истерял,
А Суворов-генерал
Свою силу утверждал,
Мелки пушки заряжал,
Короля во полон брал.

(Там же, стр. 97)

Генерал наш господин
Он столует ли, пирует
Со прусским королем,
Проедает, пропивает
Он всю армию ему.

(Там же, стр. 107)

В связи с тяжелым положением русской армии и отступлением ее из Восточной Пруссии в войсках распространялись слухи об измене командиров. Осуждению подвергался, в частности, фельдмаршал Апраксин. *Заметало всю землей.* Вариант окончания (после слов Лопухина):

Караулы крепки,
Перемены редки,
Морозы студёны,
Камзолы зелёны.

(Там же, стр. 101)

Взятие Берлина

1. «Что не белая береза к земле клонится...». Впервые — Шейн, 1877, стр. 118; зап. Шумилиным в Крап. у. Тульской губ. *Что тяжка-тяжка служба царская.* В варианте:

Еще горчей-тошней того служба царская,
Служба царская, нужда крайняя.
И ни день-то, ни ночь нам, солдатушкам, угомону нет:
Темная ночь настанет — мы на часах стоим,
Как белый день настанет — во строю стоим,
Во строю стоим, по ружью держим.

И стояли мы, солдатушки, трое суточки,
Не пиваючи и не едаючи.

(Шейн, 1877, стр. 117)

Пруцкой король — прусский король Фридрих II. В момент, описываемый в песне, находился с армией в Силезии. *Доставалась моя укрепушка царю белому... енаралу Краснощекому.* Берлин был занят русскими войсками в октябре 1760 г. и оставлен ими через несколько дней, после того как стало известно о приближении армии Фридриха. Федор Иванович Краснощеков, сын И. М. Краснощекова (см. о нем стр. 365), генерал-майор Донского казачьего войска, участник ряда походов и войн с Турцией, Персией, во время Семилетней войны участвовал во многих сражениях, во время наступления на Берлин преследовал силы пруссаков до Потсдама. *Молодую королеву во полон брали.* Мотив этот в песне является вымышленным. Вариант окончания:

«Ты скажи-скажи, королевна, куды Прус-король бежал?»
— «Я голосом вам кричала — вы не слышали,
Шелковы́м платком махала — вы не видели,
Он на 'кошечко садился сизым голубем,
Под столом сидел прусской король — серым котиком,
Он из терему вылетывал — вольной пташечкой».

(Киреевский, вып. 9, стр. 155)

2. «Что не стадичко из черных галочек подымалося...». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 171; зап. в Чернском у. Тульской губ. См. предыдущее примечание. *Целовальнички* — здесь: сидельцы в кабаке.

«Краснощеков у прутского (короля) загулял...». Впервые — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 15, стр. 332; зап. В. Кикотем в ст. Умахан-Юртовской Терской обл. Сюжет песни, полностью вымышленный, совпадает с сюжетом песни «Платов в гостях у француза» (см. стр. 279). *Краснощеков* — Ф. И. Краснощеков (см. выше). *Прутской король* — прусский король Фридрих II.

Чернышев в плену в Кистрине

1. «Ты звезда, звезда восточная...». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 125; зап. Н. Борисовым в г. Шенкурске Архангельской губ. *По заявью* — при восходе. *Во Кистри́не, славном городе.* Кистрин (Кюстрин) — одна из сильнейших прусских крепостей на Одере. *Тут стояла светла свѐтлица* и т. д. Основные картины и мотивы этой песни ранее встречаются в песне «Ермак в турецком плену» (см. стр. 139). *Косящатое окошечко* — см. стр. 349. *Околенка* — рама. *Ободверины* — дверные косяки. *Укла́дные* — стальные. *Остоялся* — остановился. *Чернышев Захар Григорьевич* (1722—1784) — крупный военный деятель второй поло-

вины XVIII в., генерал-фельдмаршал. Участвовал в Цорндорфской битве 1758 г., был захвачен в плен и заточен в крепость Кюстрин. Осенью, по договору об обмене пленных, вернулся и участвовал далее в войне. *Кабы был я на своей воле* и т. д. — ср. аналогичные мотивы в песнях «Под Конотопом под городом» и «Краснощеков в плену» (см. стр. 159 и 239). *Нéшто* — авось.

2. «Что под славным было городом. . .». Впервые — Чулков, ч. 3, № 157. Печ. по изд. 1913 г. См. предыдущее примечание.

Возвращение Краснощекова. Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 173; зап. Языковым в с. Головино Симбирской губ. *Краснощеков* — очевидно, Ф. И. Краснощеков, участник Семилетней войны (см. стр. 368). *Напоил-то меня* и т. д. — традиционная песенная метафора, составляющая основу многих военно-исторических и военно-бытовых песен.

«Прошли казачушки с моря Черного. . .». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 116; зап. Языковым в с. Станичное Симбирской губ. *Со того... батальица со турецкого ... Напоил-то нас прутскóй король.* В песне соединены впечатления Семилетней и русско-турецкой войны.

Возвращение Суворова. Впервые — в статье Гр. Потанина «Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении». — «Этнографический сборник», вып. 6. СПб., 1864, стр. 105; зап. около Семипалатинска. *Земля Шведская, земля Турецкая; злой пруцкой король* — обычное для эпоса смешение исторических представлений. *Суворов-князь.* Образ Суворова дан здесь вне какой-либо конкретной реальной истории, он включен в традиционный сюжет о кончине смертельно раненного в сражении героя. В данном сюжете имя героя легко заменимо, нередко здесь действует безымянный персонаж.

Армия идет в Прусскую землю. Впервые — Чулков, ч. 2, № 125. Печ. по изд. 1913 г.

Солдаты в Прусской земле

1. «Травынька-муравынька, ковылочик! . .». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 113; доставл. Языковым из Симбирской губ. *Под Кистрúном-городочком.* Прусская крепость Кистрин (Кюстрин) осаждалась русскими войсками в 1758 г. *Батальица генеральна На славным чистым поле Лебедяне.* Возможно, здесь вспоминается г. Лебедин, сыгравший важную роль в подготовке Полтавской битвы. *Маркитанты* — торговцы при армии.

2. «Долина моя широкая. . .». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 114; зап. А. М. Языковым в Симбирской губ. *Загнал-то нас. . . прусскóй король* и т. д. Возможно, что имеются в виду события 1762 г., когда Петр III по вступлении на престол заключил мир с Пруссией и передал в распоряжение Фридриха II заграничную русскую армию.

Идут новобранцы. Впервые — Чулков, ч. 2, № 127. Печ. по изд. 1913 г. *Уж как отдал нас нерусскому началу.* Можно предполагать, что песня имеет в виду Петра III, который сделал фельдмаршалом своего дядю немца Георга, стремившегося ввести в армии прусские порядки.

Солдаты штурмуют турецкую крепость

1. «Еще кто у нас, робята, в каменно́й Москве бывал. . .». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 213; зап. в Московской, Орловской и Симбирской губ. *Визирь* — высший правительственный сановник в Турции; здесь: главнокомандующий турецкой армией. *Про турецкую войну*... Видимо, имеется в виду русско-турецкая война 1768—1774 гг. В варианте после третьей строки есть продолжение:

> Кто в походе не бывал, нужды-горя не видал,
> А кто в походе-то бывал, много нужды принимал,
> Много нужды принимал и сухарики едал.
>
> *(Киреевский, вып. 9, стр. 215)*

Князь Румянцев-генерал — П. А. Румянцев (1725—1796), генерал-фельдмаршал, выдающийся русский полководец. Прославился во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. *Суворов.* А. В. Суворов командовал в войну 1768—1774 гг. корпусом.

2. «Что же мы, робятушки. . .». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 216; зап. в Московской, Орловской и Симбирской губ. *Про мирзи́р-город* — очевидно, из испорченного и неверно понятого слова «визирь» (см. предыдущее примечание). *Румянцев* — см. выше.

Румянцев и красная девица

1. «Мы вечор в торгу торговали. . .». Впервые — Шейн, 1859, стр. 162; зап. от скотницы Аннушки из с. Милятина Можайского у. Московской губ. *Румянцев* — см. выше. *Ты поди, поди в России замуж* и т. д. Данный сюжет сложился, вероятно, в результате переосмысления и переработки песен о русских девушках полонянках, понуждаемых идти замуж за татарина.

2. «Как под Бе́ндером мы стояли. . .». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 236; зап. Языковым в с. Яракля Симбирской губ. *Бендеры* — турецкая (впоследствии русская) крепость в Бессарабии, на правом берегу Днестра, неоднократно осаждалась русскими войсками. В песне, по-видимому, имеется в виду осада и взятие Бендер в 1770 г., сопровождавшиеся большими потерями с обеих сторон. *Короля в доме не застали, Королевишну в полон взяли* — мотив этот в песне является вымышленным (см. предыдущее примечание).

«Как у нас было за городом за Вендёрой. . .». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 260; зап. П. В. Киреевским

в Новгороде от солдата, уроженца Тульского у. Тульской губ., в 1834 г. *Вендéра* — Бендеры (см. выше). *По правому фланку* — т. е. флангу.

Взятие Измаила. Впервые — Мякутин, стр. 64; зап. И. И. Ивановым. *Ночи темны, тучи грозны* и т. д. Так нередко начинаются и другие солдатские песни о различных военных кампаниях конца XVIII—XIX в. Некоторые из них развиваются по той же схеме, что и данная песня. *Измаил-город* — мощная турецкая крепость, была взята после ожесточенного штурма в декабре 1770 г.

Не плугами поле распахано

1. «Не черным-то зачернелось...». Впервые — Савельев, стр. 133. *Зоргин-генералушка* — по предположению П. Бессонова, ген. С. Г. Зорич, участник русско-турецкой войны 1768—1774 гг., взятый в плен турками в сражении при Рябой Могиле. *Иван сын Матвеев Краснощеков* — И. М. Краснощеков, казачий герой, участник многих войн и походов первой половины XVIII в. (см. песни о нем на стр. 239). По-видимому, события, которые подразумеваются в песне, происходят на памяти людей, знавших Краснощекова.

2. «Промежду-то Куры, между речушки...». Впервые — «Записки Терского общества любителей казачьей старины», 1914, № 7, стр. 30; зап. Ф. С. Гребенцом от терских казаков. *Кура* — река на Северном Кавказе. *Малка* — река на Северном Кавказе, южнее Куры, приток Терека. *Русский витязь князь Дмитрий.* Строка вызывает сомнение в подлинности. *От кого эта изменушка сучинилася?* Из этих строк явствует, что гибель казачьего войска рассматривается в песне как следствие чьей-то измены.

3. «Как за речкою то было за Утвою...». Впервые — Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб., 1890, стр. 59; зап. от А. Ф. Голохвостова, казака 1-й Уральской станицы. *Утва* — река в зап. Казахстане.

«На Линии было, на Линеюшке...». Впервые — Савельев, стр. 104. *Линия* — Кавказская военная линия, состоявшая из системы укреплений и казачьих станиц от Каспийского моря до Черного. Здесь имеется в виду Кубанская линия. *Редуточка* — небольшое укрепление на Линии между станицами. *Агуреев.* Казачий отряд Ф. Агуреева, исполнявший службу на Кубанской линии, подвергся нападению горцев во главе с Шейх-Мансуром поздней осенью 1786 г.

«Да за славною за рекою за Кумою...». Впервые — Савельев, стр. 105. *Кума* — см. стр. 336. *Под... Бештовыми под горами* — имеются в виду горы в районе нынешнего Пятигорска: Бештау, Машук и др. *Дугеня* — постройка. *Князь Богоматов* — возможно, Баматов, княжеская кабардинская фамилия.

Два невольничка. Впервые — Пивоваров, № 140; сообщ. А. А. Иноземцевым. *Бахилочки* — обувь, особого вида сапоги. *Уздени* — название особой группы феодалов в Кабарде и Адыгее. *За Кубань-реку* и т. д. Кубань долгое время была границей между русскими поселениями и турецкими владениями и немирными аулами.

Письмо шведского короля

1. «Ой да пишё, пишё-то, пишё король шведские...». Впервые — Гильфердинг, 1-е изд., № 237. Печ. по 4-му изд., т. 3, № 237; зап. от И. Калитиной, 49 л., на Кенозере Олонецкой губ. в 1871 г. *Пишё король шведские* и т. д. События, предполагаемые в песне, относятся скорее всего к 1780 г. Шведский король предъявил правительству Екатерины II требование — уступить часть территорий, приобретенных Россией по Ништадтскому и Абосскому мирным договорам, а также разоружить флот. *В Шелементьёвом дому* — имеется в виду дом Шереметева, один из самых известных и богатых в Москве XVIII в. *Румянцов* — см. стр. 370. *Ой да уж мы встретим корóля шведского Середи моря во губы́.* Военные действия в 1780 г. шли преимущественно на море. Губа — залив.

2. «Пишет, пишет король шведский свое грозное письмо...». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 88; зап. в Рязанской губ. См. предыдущее примечание. *Синод* — очевидно, вместо «Сенат».

Пугачев

1. «В тем сударыня простила...». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 245; зап. Языковым в с. Головино Симбирской губ. Начало по другому варианту:

Того месяца сентября
Двадцать пятого числа
В семьдесят первыим году
Во Яике-городу
Приходили к нам скоры вести —
Не бывать нам на месте.
Яицкие казаки
Бунтовщики были, дураки.
Не маленькая была их часть,
Задумали в един час —
Генерала они убили.
В том немало их судили,
Государыня простила,
Жить по-старому пустила,
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя...

(И. И. Железнов. Уральцы, т. 3. СПб., 1910, стр. 166)

В первых строчках песни упоминаются волнения на Яике, предшествовавшие восстанию Пугачева. И. И. Железнов приводит следующее замечание казака, певшего песню; сказав, что он «дальше запамятовал», он затем прибавил: «Да и смолоду-то я не очень любил петь ее: солдатска она! Солдаты же, чтоб их одрало ... и приплели тут «донского казака — Емельяна Пугача». А по-нашему ... он был не Пугач, а настоящий Петр Федорович» (там же, стр. 168). *Из Яика-городка Протекла кровью река.* А. С. Пушкин записал на Урале отрывок песни:

Из Гурьева городка
Протекла кровью река.
Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один.

(Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, стр. 457)

2. «Ох ты батюшка Ленбурх-город!..». Впервые — Шейн, 1859, стр. 146; зап. от К. Ослова в выселке Александровом Корсунского у. Симбирской губ. Примечание собирателя: «Дальше, к сожалению, певец не помнил, а говорит, что песня довольно долгая». *Ленбурх-город* — Оренбург. *Самарушка* — след бытования песни на Волге. *Яик-река, Урал-река.* Певец, видимо, не знает, что Яик и Урал — разные названия одной и той же реки. *Во Ленбурх сходить, Пугача убить.* «Здесь представлено лукавое желание служивого вырваться из столичной неволи и разгуляться с самозванцем по привольной степи» (Н. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875, стр. 83).

3. «Из-за леса, леса темного...». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 247; зап. в Оренбургской губ. *Вострой сабелькой подпирается* — эти слова должны относиться уже к Пугачеву. По-видимому, между этой и предшествующей строками есть пропуск.

4. «Судил тут граф Панин вора Пугачева...». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 248; зап. Языковым в с. Головино Симбирской губ. *Граф Панин* — П. И. Панин, генерал-аншеф, во время Пугачевского восстания был назначен главнокомандующим войсками в Оренбургском и Поволжском крае. Панин приехал в Симбирск тотчас же после того, как туда привезли захваченного Пугачева. А. С. Пушкин следующим образом передает разговор Панина с привезенным к нему на двор Пугачевым: «Кто ты таков? — спросил он у самозванца. — «*Емельян Иванов* Пугачев», — отвечал тот. — «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — продолжал Панин. — «*Я не ворон* (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), *я вороненок, а ворон-то еще летает»*. .. Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клок бо-

роды» (Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 8. М.—Л., 1949, стр. 263). *Варовинны возжи* — веревочные. *Все московски сенаторы не могут судити.* Возможно, слова эти связаны с представлениями певцов о том, что Пугачева — «законного» царя Петра III — не могли судить.

Вор Гаврюшка. Впервые — «Саратовские губернские ведомости», 1854, № 22, стр. 108. Гаврюшка, по мнению Мордовцева, это атаман волжских разбойников Гаврила Буков, зимовавший на Медведице в 1775 г. и в следующем году бежавший из Новохоперской крепости. Н. Аристов считает возможным отнести песню и к Гавриле Кремневу, выдававшему себя за Петра III в 1766 г. в Воронежской губ. (Н. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875, стр. 89).

«Завродился-то вор Засорушка-Засорин в городе Ростове...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 102; зап. П. И. Якушкиным в дер. Андроновское Лихвинского у. Калужской губ.

«На славныем на устьице Черноставском...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 107; зап. В. И. Далем в Оренбургской губ. *Кропкое* — хрупкое, ломкое. *Крушина* — хрупкое дерево.

Дон возмутился от трех генералов

1. «Никто-то про го не знает да никто не ведает...». Впервые — Мякутин, стр. 68; зап. от Г. Гурьева в ст. Рассыпной в 1902 г. *Воскутился-возмутился славный тихий Дон.* Содержание песни связано с событиями 1792 г. По распоряжению правительства шесть казацких полков должны были переселиться на Кавказ с Дона. Среди донских казаков произошли волнения. *Гудович* — генерал И. В. Гудович, начальник Кавказской линии в 1790—1797 гг., инициатор плана переселения казаков. *Черкасский* — имя, по-видимому, вымышленное. *Иловайский* Алексей Иванович (ум. 1796) — генерал, атаман Донского войска с 1775 г. Участвовал в подавлении восстания Пугачева и в поимке самого Пугачева. Проводил на Дону политику притеснений. Видимо, казаки считали его лично ответственным за решение о переселении. *Стал указы фальшивые писать.* По песне получается, что решение переселить казаков не имело официальной силы, а было сфальсифицировано Иловайским.

2. «Отчего тихий Дон смущается?..». Впервые — Савельев, стр. 98. См. предыдущее примечание. *Попович* — имя скорее всего вымышленное. *Гудович* — см. предыдущее примечание. *Каменцов* — имя либо вымышленное, либо испорченное Каменский. О каком Каменском может идти речь, неясно.

3. «Эту ночь-то не спал...». Впервые — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 39, стр. 74; зап. В. А. Водарским в станицах Червленной и Староглодковской Терской обл. в 1901 г. См. выше.

«Эх да как задумали солдат набирати...». Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 213; зап. Д. А. Валуевым в Симбирской губ. *Жалоб не задавают* — т. е. чтобы солдаты не горевали, не жаловались. *Родúна* — семья. *Жена молодая* — правильнее «ни жена молодая».

Жалоба солдат на Павла. Впервые — Киреевский, вып. 9, стр. 264; зап. в Лихвинском у. Калужской губ. *В новом городе во Спленскому* — испорчено. Обычно в плачах называется Успенский собор в Москве. *Дли верей.* Вереи — столбы, на которые навешиваются ворота, обычно упоминаются в былинах. В данном случае певец, видимо, путает вереи и двери. *Без тебя нам жить похужело.* В песнях-плачах солдаты (казаки) обращаются к умершему царю (здесь — к царице Екатерине II) с жалобами на свое положение.

Павел набирает рекрутов. Впервые — в ст. М. Семевского «Торопец 1016—1863 гг.». — «Записки Русского географического общества», 1864, кн. 2, исследования и материалы, стр. 212; зап. в г. Торопце (или Торопецком у.) Псковской губ. *С турком воевать.* Во времена царствования Павла Россия с Турцией не воевала. *Охотники* — подставные рекруты, нанятые взамен тех, кому положено идти.

Разбессчастный король прусский. Впервые — Киреевский, Новая серия, вып. 2, ч. 1, № 1608; зап. Кавелиным в дер. Клин Верейского у. Московской губ. *Разбессчастненькой король.* В вариантах определеннее: «Разбессчастненький-бесталанненький наш-ат король прусский». *Пошла под француза.* Как установлено Э. С. Литвин, в песне речь идет о событиях 1806 г., когда Пруссия, находившаяся в то время в союзе с Россией против Франции, потерпела поражение в войне с Наполеоном. *Мне не жаль-то, не жаль... армеюшки, жалко-то мне... своего племянничка.* Очевидно, имеется в виду разгром прусской армии под Иеной и гибель принца Людвига — племянника короля Фридриха-Вильгельма (объяснение Э. С. Литвин). Варианты знают другое окончание:

«Оседлайте вы, слуги-лакеюшки,
Коней вороныих,
Мы поедемте, слуги-лакеюшки,
Поедем гуляти,
Не гуляти-то мы, слуги-лакеюшки,
На вой воевати,
На свою-то мы, слуги-лакеюшки,
Армéю смотрети.
Уж и как-то наша армеюшка
Там она воюет?
Не воюет-то наша армеюшка —
Горечко горюет,
Что горюет-то наша армеюшка,
Сама слезно плачет».

(Киреевский, вып. 9, стр. 111)

Гудович и шах персидський. Впервые — Савельев, стр. 103. *Пошли войска российские На того шаха персидского.* Имеются в виду события русско-персидской войны 1804—1813 гг. *Гудович-граф* — И. В. Гудович (1741—1820), генерал-фельдмаршал, был назначен главнокомандующим в Грузии в 1806 г., после смерти Цицианова. *Ты почто отрезал голову Славному князю Цицианову?* П. Д. Цицианов (1754—1806) — генерал, главнокомандующий в Грузии, руководил присоединением к России ряда княжеств в Азербайджане, находившихся в зависимости от Ирана. Был вероломно убит в феврале 1806 г. одним из нукеров бакинского хана при переговорах о сдаче Баку русским войскам. Нукер застрелил Цицианова, а затем отрубил ему голову. *На Александрушку на царевича.* Грузинский царевич Александр, сын царя Ираклия II, был ярым противником присоединения Грузии к России. В 1800 г. бежал в Иран, признал себя подданным шаха и в течение ряда лет вел борьбу против России.

Казаки идут с кровопролитьица турецкого. Впервые — Пивоваров, № 92; сообщ. А. А. Леоновым. *Дротики* — здесь: пики. *На пролет* — здесь, по-видимому: в отлет, на зиму. *Торока* — ремни у седла. *Навстречу донским казакам генерал Платов.* М. И. Платов (см. ниже) участвовал в русско-турецкой войне 1806—1812 гг.

«Не в лузях-то вода полая разливалася...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 1; зап. в Ефремовском у. Тульской губ. *Не в лузях-то вода ...Со припасами — свинцом, порохом.* Более развернутое начало в варианте:

Как во той-то было во Французской землюшке,
Проявился там сукин враг Наполеон-король.
Собирал он себе армеюшку по разным землюшкам,
Нагружал он свои галерушки разными товарами,
Как да и теми было товарами — свинцом, порохом.

(*Савельев, стр. 100*)

Французский король царю белому отсылается и т. д. Сюжет песни в развернутом виде известен уже в XVIII в. (см. стр. 262). *Его царская персонушка переменилася* — т. е. царь переменился в лице.

«Как заплакала Россиюшка от француза...». Впервые — Григорьев, № 96; зап. от Ф. Ошурковой, 27 л., в дер. Чаколе на Пинеге. Примечание собирателя: «Про эту песню ходит среди крестьян следующая легенда. Эта песня будто бы была запрещена. Сначала ее пели солдаты, и, между прочим, в Петербурге, но однажды, когда они пели ее, проезжал генерал. Генералу она не понравилась за свою первую фразу... и вот ее запретили» (стр. 294). *Платов* — Матвей Иванович Платов (1751 — 1818), герой Отечественной войны, атаман Донского казачьего войска

с 1801 г. В первый период войны 1812 г. отличился во главе казачьего кавалерийского корпуса, прикрывавшего отступление русских войск. Затем организовал ополчение донских казаков, руководил действиями казачьих войск в течение всей войны.

«Похвалялись злы французы...». Впервые — Уральский фольклор. Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949, стр. 48; зап. И. Я. Стяжкиным от М. С. Суворова, 67 л., в г. Каменск-Уральске Свердловской обл. в 1946 г. *Платов* — см. выше.

«Не пыль во поле пылит...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 35; зап. П. В. Киреевским в Орловской губ. Примечание собирателя: «Песня тягольная» (т. е. протяжная). Начальные строки песни и отдельные выражения повторяют соответствующие места песни XVIII в. «Как не пыль в поле пылит...». *Платóв-генерал* — см. выше. *Нельзя ли... караулы крепки скрасть.* Тот же мотив см. в песне «Солдаты штурмуют турецкую крепость». *Дунай-река.* В данном случае название реки условное.

«От своих чистых сердец...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 37; зап. А. М. Языковым в Симбирской губ. *Платов* — см. выше. *Наши начали палить* и т. д. Эти строки ранее встречаются в песне XVIII в. «Как не пыль в поле пылит...».

«Наш батюшка казак Платов воружался...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 47; зап. П. В. Киреевским в с. Воронки Звенигородского у. Московской губ. в 1833 г. *Платов* — см. выше. *Французского майора в полон взяли* и т. д. Весь этот эпизод восходит к песне Петровского времени — о захвате в плен шведского майора (см. стр. 226). *Сметы нету* — счета нет.

Платов в гостях у француза. Впервые — Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952, № 47; зап. в Барнауле. *Платов... У Француза в гостях был* и т. д. Сюжет песни полностью вымышлен.

«Как не две тученьки не две грозные...». Впервые — Мякутин, стр. 82; зап. от Ф. Барбусова, 76 л., в ст. Оренбургской в 1903 г. *На Семенов день.* Семенов день отмечался 1 сентября. Близость этой даты к дате Бородинского сражения, а также создаваемое песней впечатление большой битвы позволяют некоторым исследователям видеть в песне отклик на Бородино.

«Заводилася война...». Впервые — в ст. «Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным». — «Летописи русской литературы и древности», т. 1. М., 1859, стр. 129; зап. С. В. Максимовым в Архангельской губ. *Заводилася война... Сам подваливает.* Эта часть песни представляет переработку, применительно к войне 1812 г., песни из времен Семилетней войны — «Как не пыль в поле пылит...». *На лужку было, лужку* и т. д. Отсюда и

до конца текст представляет вариант песни «Как не пыль в поле пылит...» без каких-либо явственных попыток применения к событиям 1812 г. *Лопухов* — Лопухин (см. стр. 366). *В руде* — в крови.

«Собиралась наша сила-армия...». Впервые — Пивоваров, № 101; сообщено Н. А. Сальниковым. *Шанцы* — окопы, небольшие укрепления. *Покопали... батареи* — здесь, очевидно, площадки для установки батарей.

«Что во городе во Морше читали указы...». Впервые — Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина, ч. 1. М., 1889, № 96; зап. в ремонтной команде Орденского и Малороссийского драгунских полков от запевалы родом из Тамбовской губ. *Морша* — может быть, Моршанск, город в Тамбовской губ. *Мы поўтру рано вставали... под город Варшаву* и т. д. В песне объединены события начала войны и ее завершающего этапа. Русские войска вступили в Варшаву в начале 1813 г. *Генерал казак Денисов* — вероятно, В. Т. Денисов (1777—1822), генерал-майор, герой Отечественной войны, особенно отличившийся при преследовании французов. *Застрелил его вор французик.* Это место в песне не соответствует фактам. *Пошли в мостовую* — может быть, в значении «на предмостные укрепления». *Мяснушка* — по-видимому, испорченное Вислушка, Висла.

«Похвалялся (вор) француз...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 22; зап. Языковым в Симбирской губ. *Запружу я речку Берёзу* и т. д. В ноябре, во время отступления Наполеона, французские войска были окружены у р. Березины и понесли огромные потери — около 30 000 чел. *К государю подойду...* Эта и след. три строчки в песне неуместны. *Во Смоленском городй.* По-видимому, имеются в виду оборонительные бои за Смоленск в июле-августе 1812 г. *Да не полно ль вам, солдаты, Во неверной земле жить.* Вероятно, речь идет о пребывании русской армии за границей. *Мы снегами шли в колено* и т. д. Картина эта скорее передает трудности, с которыми сталкивалась русская армия во время зимней кампании 1812 г.

«Как повыше было Смоленска-города...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 23; зап. П. В. Киреевским от неизвестной исполнительницы в дер. Касимовке Малоархангельского у. Орловской губ. *Повыше было Смоленска ... пониже было села Красного.* По-видимому, имеется в виду г. Красный, под которым в ноябре 1812 г. французы понесли тяжелое поражение. Указание места стоянки лагеря вполне условно, поскольку Красный находится к западу от Смоленска. *Под рощею под зеленою* и т. д. Если рассматривать содержание песни в связи с событиями поздней осени — зимы 1812 г., то картина эта должна быть признана чисто условной. *Волконский-князь* — может быть, П. М. Волконский, генерал-фельдмаршал, участвовал в боях при переправе французов

через Березину. *Ко Смоленску приступили.* Русские войска вступили в Смоленск в начале ноября 1812 г. без боев, преследуя отступавшего противника. *Топили во Берёзоньке-реке.* При переправе через Березину в ноябре 1812 г. французы понесли огромные потери.

Генерал запродал Москву. Впервые — в ст. Гр. Потанина «Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении». — «Этнографический сборник», вып. 6. СПб., 1864, стр. 104. *Он запродал матушку Москву.* Предположение Потанина, что песня относится к князю В. В. Голицыну (см. стр. 352), по-видимому, неосновательно.

«Был на горке, на горе...». Впервые — Фольклор Урала, вып. 1. Исторические сказы и песни (Дооктябрьский период). Собрал и составил В. П. Бирюков. Челябинск, 1949, стр. 38; зап. от Е. Е. Селиверстова, 70 л., в г. Усть-Катаеве Челябинской обл. в 1937 г.

«Разорёна путь-дороженька...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 7; доставл. Лихутиным из г. Симбирска и приволжских губ. Примечание собирателя: «Песня в нынешнем употреблении „беседная“». *Еще кто ее ограбил? Неприятель-вор француз.* В варианте полнее и более стройно:

Уж и кто тебя, дорожку,
Кто дорожку разорил?
Разорил меня, путь-дорожку,
Неприятель-вор француз.

(Киреевский, вып. 10, стр. 9)

Дикарёчек, дикий камень — так называли раньше гранит и другие кремнистые породы. В вариантах — белый камень. *На бумажке списана* — т. е. нарисована; по-видимому, имеются в виду лубочные картинки с видами Москвы, которые широко распространялись в деревнях. *Урень* — село в Симбирской губ.

«Мы на о́граде стояли, не думали ни о чем...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 11; зап. М. П. Лисицыным в Скопинском у. Рязанской губ. *На о́граде* — на границе. *Приубраться* — здесь: приготовиться к походу. *Француз силу собирал.* Далее в песне пропущены две строчки, восстанавливаемые по другим вариантам:

Француз силу забирал, сорок пушек заряжал,
Сорок пушек заряжал, путь-дорожку разорял.

(Киреевский, вып. 10, стр. 13)

«Вы кусты мои, кусточки...». Впервые — «Фольклор Саратовской области», кн. 1. Составлена Т. М. Акимовой. Саратов,

1946, № 23; зап. А. Н. Лозановой в дер. Поник Балтайского р-на Саратовской обл. в 1926 г.

«Не спалось девке, не дрямалось...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 3; зап. П. И. Якушкиным в с. Данково Рязанской губ. *Не спалось девке ... Со хором верха́ сорывали.* Так начинаются некоторые песни о татарском полоне (см. стр. 68). *Как француз Москву разоряе.* В варианте:

Француз Москву разоряет,
С того конца зажигает,
В полон девок забирает.
(Киреевский, вып. 10, стр. 5)

Ты не плачь, не плачь, красна́ девица и т. д. Все это место восходит к песням о татарском полоне (см. стр. 68). *Я куплю тобе три подарка.* В варианте:

«Куплю тебе три подарка:
Первый подарок — алу ленту в ко́су,
А другу́ю голубую,
А третию разноцветну».
(Там же)

«Разбессчастненький - бесталанненький...». Впервые — «Русские песни из собрания П. И. Якушкина». — «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 93; зап. в дер. Сабурово Малоархангельского у. Орловской губ. в 1858 г. *Сняли мому... родному братцу... головку.* Мотив этот восходит к песне о бессчастном прусском короле (см. стр. 272). Весь текст в значительной части является переделкой, применительно к войне 1812 г., этой песни.

Добрый молодец и Волконский-князь. Впервые — в ст. Уральца «Заметка об уральских казачьих песнях». — «Уральские войсковые ведомости», 1886, № 26. *Волконский-князь* — Г. С. Волконский, оренбургский генерал-губернатор в 1803—1807 гг. По-видимому, содержание песни связано с событиями, происходившими в Уральском войске в начале XIX в. В связи с введением нового уложения среди казаков произошли волнения; Волконский руководил усмирением казаков. *Стоит добрый молодец.* Записавший песню сделал к этой строке примечание: «Вариант — „Стоит сам Павлов-казак"». Е. И. Павлов был во главе тех, кто участвовал в волнениях на Урале. Его наказали кнутом, вырвали ноздри, наложили клейма и сослали на каторгу. *Не тебе меня, разудалого* и т. д. Вариант окончания:

«Я не царь, не царевич и не королевский сын,
Я из иной земли млад посланничек,
Велел-то, велел мне царь всё разведати, всю правду проведати».
(Мякутин, стр. 72)

«Во Уральском было, было славном городе...». Впервые — Мякутин, стр. 74; зап. от Н. Секретева в ст. Рассыпной в 1903 г. См. предыдущее примечание. *Как ведут-то, ведут доброго молодца.* В варианте добавлено: «Безвинного, беспричинного». Это место сходно с соответствующими описаниями в песне «Иван Грозный и добрый молодец» (см. стр. 116).

«Прощай, Томский и Тобольский...». Впервые — Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке Мензелинского у. Уфимской губ. Н. Пальчиковым. СПб., 1888, № 75. В публикации указано, что отдельные строки повторяются два и три раза. *Прощай... Краснуфимский городок* и т. д. По-видимому, в песне имеются в виду события, происходившие в Оренбургском казачьем войске в начале XIX в. В связи с нежеланием казаков добровольно переселиться на вновь создаваемую линию по реке Илеку, правительство решило ликвидировать станицу Красноуфимскую, а жителей ее переселить на новые места (1820 г.). Сопротивление казаков было сломлено лишь после того, как часть их была предана военному суду, а несколько человек подвергнуты наказанию и отправлены в солдаты. *Во солдаты везут нас* и т. д. Песня здесь поется как бы от лица тех казаков, которых подвергли наказанию за сопротивление. *Отъезжаю на Илек* и т. д. В этой части песни передаются настроения переселяющихся. Переселение окончательно состоялось в 1826 г. *Еруслан* — может быть, г. Бугуруслан.

Семеновцы в крепости

1. «У нас было на святой Руси...». Печ. по записи из архива ГО; зап. А. Н. Пасхаловой в Саратовской губ. в 50-е годы XIX в. *В Петропавловской славной крепости, Что засажены были добры молодцы.* В октябре 1820 г. произошло восстание Семеновского полка. После жестокого подавления восстания весь полк был заключен в Петропавловскую крепость. В варианте:

Как и эвтот полк, полк Семеновский,
Весь засоженный, завоеванный,
Весь за крепостью за каменной стеной.

(«Записки РГО», 1864, кн. 2, стр. 212)

Молодой-то солдат на часах стоит и т. д. Поскольку далее солдат обращается к Екатерине от лица семеновцев, он сам принадлежит к ним. Изображение его стоящим на часах идет от обычной традиции песен — плачей (см. стр. 233 и 271). В варианте:

Все солдатушки думу вздумали,
Думу вздумали, слезно всплакнули,
Слезно всплакнули, ружьям брякнули,
Ружьям брякнули, громко вскрикнули.

(Там же)

Ты откройся, гробова доска. Обычно в песнях такого типа говорится, что часовой стоит в соборе у царской гробницы. *У нас ныне в полку не по-старому* и т. д. В варианте:

«Как и эвтот полк во строю стоит,
Во строю стоит, он в огню стоит,
Он в огню горит, во всем полыме.
. . .Посмотри-кася да на любезный полк,
Ах, на любезный полк да на Семеновский.
Мы горячу кровь проливали,
И хранцузов в полон брали,
И каменну Москву отбивали».

(Там же)

Разбили наш полк по всей армии . . . Оставших . . . сослали на линию. Семеновский полк был расформирован, «зачинщики» прогнаны сквозь строй и затем сосланы на каторгу.

2. «Что во славном городе что было во Питере. . .». Впервые — Соколовы, стр. 313; зап. от С. В. Карпова, 60 л., в дер. Большое Заречье Кирилловского у. Новгородской губ. в 1909 г. См. предыдущее примечание.

Аракчеев всю Россию разорил

1. «Бежит речка по песку, по песку, из Питера во Москву. . .». Впервые — «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. 24. Саратов, 1908, стр. 142; зап. М. Е. Соколовым от С. А. Феодуловой, из с. Чубаровка Сердобского у. в 1899 г. *Бежит речка по песку* и т. д. Другое начало:

На синеньком на́ море,
Во Кронштадтской гавани
Полтораста кораблей.
На каждом корабличке
По пяти́ сот молодцов.

(Киреевский, вып. 10, стр. 206)

Всё Ракчеева бранят. А. А. Аракчеев (1769—1834) — всесильный временщик при Павле и Александре I. Особенно печальную славу снискала его деятельность после 1812 г., в частности по организации военных поселений. *Всю Расею разорил* и т. д. В очерке В. Г. Короленко «В облачный день» ямщик поет песню об Аракчееве. Приводимые в очерке строки представляют ценный вариант:

Да Аракчеев господин,
Да ен всеё дороженьку березкой усадил.
. . .Да он тебя, дороженька, березкой усадил.
. . .Да всеё Рассеюшку в раззор раззорил!
. . .И-э-э-эх, моя березынька, дороженька моя.
. . .И-й-эх, моя березынька, дороженька моя.

...И-й-эх, ты мать Рассеюшка, хрестьянская земля.
...Да э-эх, Ракчеив наш, Ракчеив генерал,
На тую ль на дороженьку... хрестьян выгонял.
...Да й-э-э-эх, тая ли дороженька-а-а да кровью полита!

(В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах, т. 3. М., 1954, стр. 242)

Все дорожки он порыл, лесом-садом он засадил. В вариантах говорится также: «дороженьку березкой усадил», «канавушки порыл» и т. д. Военные поселенцы несли на себе бремя изнурительных и часто бессмысленных работ по рытью и очистке канав, строительству и ремонту дорог и т. д. Березки входили в обязательные планы военных поселений — ими были усажены главные улицы, их надо было поливать летом каждое утро. Таким образом, в приводимых словах песни сжато выражено отношение к двум сторонам жизни в военных поселениях: к тяжелому труду и к показному благополучию и внешнему порядку, с маниакальной тщательностью соблюдавшемуся Аракчеевым. *Он состроил в Москве дом* и т. д. Все это место скорее всего перешло в песню об Аракчееве из более ранней песни о Гагарине (см. стр. 204). Вариант окончания:

Подле эвтих же палат
Быстра речка протекла,
Не сама ли протекла —
С-по фонтану спущена́;
Жива рыбка пущена́ —
Серебряна чешуя,
Золотая голова.
...Во горенке во ново́й
Кроватонька тесова́,
На кроватоньке тесовой
Перинушка пухова́,
На перинушке пухо́вой
Тут Рачаев сам лежал,
Он окошко отворял,
Всё палаты выхвалял:
«Широки наши палаты
Белокаменные,
Не хуже наши палаты
Государева дворца;
Только тем они похуже —
Золотого угла нет,
Золотого угла нет,
Серебряна потолка».

(Киреевский, вып. 10, стр. 206)

2. «Бежит речка по песку...». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 211; из записей А. С. Пушкина в Псковской губ., переданных поэтом П. В. Киреевскому. См. предыдущее примечание.

К стр. 296—297

Смерть Александра. Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 197; зап. Языковым в Симбирской губ. *Пойду выду на ту башню* и т. д. Из вариантов явствует, что слова эти принадлежат матери Александра. Обычно им предшествуют строки:

Его матушка родима
Темны ночи мало спит.

(Киреевский, вып. 10, стр. 198)

Его маменька родима день и ночь его ждала.

(Мякутин, стр. 109)

Наш Александр-император в Таганроге жизнь скончал. Александр умер в Таганроге 19 ноября 1825 г.

Плач казака. Впервые — в ст. В. Плотникова «Песни казаков Сибирского казачьего войска». — «Записки Семипалатинского подотдела Западно-сибирского отдела РГО», вып. 2. Семипалатинск, 1905, стр. 6—7; зап. в поселке Ямышевском Павлодарского у. *Все казаченьки взволновалися.* Возможно, что в заключительных строчках песни содержится глухой отклик на события 14 декабря 1825 г.

Царя требуют в Сенат. Впервые — Григорьев, № 132; зап. от Н. П. Шиловой в дер. Березинке на Пинеге. По словам собирателя, эта песня «по р. Пинеге слыла запрещенной». *Пошел турок воёвать Да с англичанином скумился.* Эти слова больше соответствуют обстоятельствам Крымской войны 1853—1856 гг. Возможно, что такое начало вошло в песню значительно позже ее создания. *Царя требуёт сенот.* Историческая основа песни может быть раскрыта предположительно. Царь — Николай Первый, сенот — Государственный совет. После известия о смерти Александра Николай присягнул брату Константину, не зная, что Константин еще при жизни Александра отказался наследовать престол. Члены Государственного совета, узнав об этом, пригласили Николая на заседание, а когда тот отказался прийти, явились к нему сами. Поздно вечером 13 декабря состоялось заседание Совета, на котором Николай объявил о своем вступлении на престол. Весь остальной песенный рассказ о попытке «сенатóров» убить царя и о спасении его братом основывается, по-видимому, на противоречивых и искаженных слухах, проникших в народ, о событиях, происходивших в Петербурге в конце ноября — в декабре 1825 г. в связи с воцарением Николая, восстанием декабристов и причастностью к этим событиям различных лиц из высших правительственных учреждений (см.: Н. Ончуков. Песни и легенды о декабристах. — «Звенья», т. 5. М.—Л., 1935). *Да только брату весть он дал.* Брат — очевидно, отсутствовавший в это время в Петербурге Михаил, за которым Николай послал накануне официального объявления о вступлении на престол. *Книга страшна во пророках, Да*

нищцо брат домой придет — т. е. брат, прежде чем ехать вдогонку за царем, смотрит в какую-то книгу, желая узнать, не вернется ли царь домой. *В сугону* — вдогонку. *Да не прошел ле сенотóр?* В варианте:

«Не прошел ли этта царь,
Православный государь?»

(*«Звенья», т. 5, стр. 14*)

Солдат-провор — т. е. ловкий, расторопный, плут. Вариант окончания:

Царь да брата увидал,
На резвы ноги вставал.
«Те спасибо, братец милой,
Те спасибо, брат родной,
Поманил бы час-минуту,
Скоро не было меня,
Скоро не было меня,
Срубили голову меня».

(*Соколовы, стр. 316*)

ПЕСНИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

«О полюшко мое, да ли пóлё чистое турецкое!..». Впервые — Соколов — Чичеров, № 245; зап. П. А. Грушниковым, Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым от И. П. Худякова, 85 л., в дер. Рыжково на Кенозере Карельской АССР в 1927 г. *И за Дунай мы перевалимсе.* Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. русская армия форсировала Дунай в апреле 1828 г. *Важны* — здесь: прекрасные. *...да середу.* Первые слова этой строки не были, очевидно, записаны собирателями. В вариантах соответствующее место приводится так: «На злосчастный день во середу», «Вó несчастный день во среду». *Граф Паскеев* — И. Ф. Паскевич (1782—1856), с 1827 г. — командующий Кавказским корпусом и управляющий Кавказским краем, руководил военными действиями на кавказском участке войны.

Под славным городом под Шумлою. Впервые — Савельев, стр. 106. *На ровной площади.* Начало по другому варианту:

Как под славным было городом под Шумлою,
Что на ровной было площади, на большой поляне.

(*Пивоваров, № 117*)

Да идтить-то полку Тацыну под Шумной город. Шумной город — Шумла, турецкая крепость за Дунаем, которую русские войска осаждали в течение длительного времени в русско-турецкую вой-

ну 1828—1829 гг. Одним из донских казачьих полков командовал полковник Тацын. *Малолеточки.* Так у казаков в прошлом называли молодых парней (от 17 до 19 лет), еще не принявших присяги и несших службу дома, в станице. *На третей-то на заставе сам головушку сложил.* Казачий полк был неожиданно окружен турками под крепостью Силистрией и почти весь уничтожен. В сражении погиб и Тацын.

Смерть хорунжего

1. «Уж ты степь ли наша, степь, степь наша широкая! ..». Впервые — Мякутин, стр. 114; зап. от Я. Косогорскова в ст. Гирьяльской в 1899 г., от Л. Барбусовой в ст. Оренбургской в 1903 г. *Падуров с полком.* Казачий оренбургский полк, которым командовал есаул И. В. Падуров, участвовал в 1829 г. в русско-турецкой войне. *Хорунжушка* — хорунжий, младший офицерский чин в казачьих войсках. *Урядник* — унтер-офицерский чин в казачьих войсках. *Как убили у нас бравого хорунжушку.* Вариант окончания:

Как убили, братцы, во полку
Старшего хорунжушку,
Что не вовсе его убили,
Крепко его ранили.
Как упал-то, упал
Он на сыру-то землю,
В ковыль-травыньку.
Собегалися к нему
Звери лютые,
Растерзали-то его
Они тело белое.
Солеталися к нему
Черные вороны,
Что повыклевали ему
Они очи ясные.

(Баранов, вып. 2, стр. 43)

2. «Под славным было городом под Браиловым...». Впервые — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 15, стр. 298; зап. Бутовой в ст. Бороздинской. *Браилов* — город в Румынии, на левом берегу Дуная, с крепостью внутри. В течение трех месяцев 1828 г. русские войска вели осаду Браилова, в ходе которой шли ожесточенные и кровопролитные бои. Крепость была взята в июне. *Хорунжий* — см. выше.

Под Браиловом. Впервые — Мякутин, стр. 113; зап. Н. К. Бухариным от И. И. Мелехова, 70 л., в поселке Чернореченском Павловской станицы в 1888 г. *Под славным городом под Браиловом...* — см. предыдущее примечание. *Он журил-бранил своего брата... князя великого.* Вел. князь Михаил Павлович, брат

Николая I, командовал войсками, осаждавшими Браилов. По песне получается, что он ответствен за затянувшуюся осаду и за большие потери, которые несла русская армия.

«За Кубанью огонь горит — в поле стало дымно. . .». Впервые — Киреевский, вып. 10, стр. 93; зап. Д. Тихомировым в Ряжском у. Рязанской губ. *Грузия, Паскевич, Турецкая земля* — эти названия и имена позволяют соотнести содержание песни с событиями 20—30-х гг. XIX в.

«Как не травушка, не муравушка. . .». Впервые — «Терские ведомости», 1868, № 52; из сборника казачьих песен, доставленного Г-в-м. *Власов* — командир Моздокского полка, был убит в 1839 г. во время штурма Ахульго — крупной крепости Шамиля в Дагестане.

Сидение в Зырянах. Впервые — Т. П. Пассек. Из дальних лет, т. 1. СПб., 1878, стр. 408; сообщ. В. А. Потто. *Стояли в Зирянах . . . Аварский отряд.* В песне описывается один из эпизодов Кавказской войны. Отряд русских войск под начальством полковника Д. В. Пассека был окружен в небольшом укреплении Зыряны в Дагестане крупными силами горцев, которыми командовал Хаджи-Мурат. Оборона длилась с середины ноября до конца декабря 1843 г. Подробности, рисуемые в песне, близко к действительности передают лишения, которые терпели осажденные. Впоследствии мотивы эти перешли в другие военно-исторические песни.

Казаки идут на Эмбу

1. «Лежала путь-дороженька. . .». Впервые — «Отечественные записки», 1848, № 6—7, стр. 140; зап. М. И. Иваниным у уральских казаков. *До речки до Еньбы.* По-видимому, содержание песни связано с событиями конца 1839 — начала 1840 г., когда отряды Оренбургского казачьего войска были посланы для участия в походе на Хиву. Соединение отрядов произошло на р. Эмбе.

2. «Мимо лесику, мимо бору сырого. . .». Впервые — Шейн, 1859, стр. 135; зап. от Н. Картавенкова в с. Усть-Урень Симбирской губ. *Только шел-прошел один полк казаков. . .* — см. предыдущее примечание. *Князь Стрелковский* — по-видимому, имеется в виду С. Т. Циолковский, генерал-майор, участвовавший в Хивинской экспедиции и считавшийся одним из главных виновников неудачи похода.

Поход к Сыр-Дарье. Впервые — Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб., 1890, стр. 87; с рукописи И. И. Железнова. *Послы ноченьки не спали, Их в походе провожали.* По-видимому, имеется в виду поход четырех сотен уральских казаков в Среднюю Азию для сопровождения военной миссии в Хиву и Бухару в начале 1841 г. *Марьі* — курганы.

«Как на той ли Горькой линии...». Впервые — Мякутин, стр. 137; зап. Н. К. Бухариным от Н. Клишина в ст. Рассыпной. *Горькая линия* — одна из укрепленных линий, созданная в 1835—1836 гг. от г. Орска до р. Уры. *Из-за колочка из-за зеленого.* Вероятно, имеется в виду ко́лок, т. е. лесок. *Киргизушки кенисаринские.* Имеется в виду националистическое феодальное движение в Казахстане в 1837—1846 гг., возглавлявшееся султаном Кенесары Касымовым. Кенесары неоднократно совершал набеги на казачьи поселения. В 1844 г. нападению подвергся Екатерининский форпост. *Форштадт* — поселение вокруг крепости, слобода.

Казаки собираются за Дарью-реку. Впервые — Мякутин, стр. 136; зап. Н. К. Бухариным от Ф. И. Донецкого в Изобильном поселке Буранной станицы Оренбургской губ. *Дуниковский* — полковник. Под начальством Дуниковского пять сотен оренбургских казаков выступило в 1842 г. из Орска против Кенесары Касымова (см. предыдущее примечание). Действия продолжались в 1843—1844 гг.

«Издалеча, издалеча из чиста поля...». Впервые — в ст. Гр. Потанина «Юго-западная часть Томской губ. в этнографическом отношении». — «Этнографический сборник», вып. 6, 1864, стр. 107; зап. около Семипалатинска. *Улутау* (Алатау) — горный хребет в Средней Азии. *Ко султану к азиатскому* и т. д. Вероятно, имеются в виду неоднократные столкновения казаков с отрядами Кенесары Касымова (см. выше).

Поход под Кукан-город. Впервые — Мякутин, стр. 143; зап. Н. К. Бухариным в ст. Нижнеозерной в 1890 г. *Кукан-город.* По объяснению собирателя, это кокандский город Ак-Мечеть. Оренбургские казаки участвовали в штурме Ак-Мечети в 1853 г. *Гурьев* — лицо историческое; был смертельно ранен под Ак-Мечетью.

«Сильно буря прошумела...». Впервые — В. Е. Гусев. Русские народные песни южного Урала. Челябинск, 1957, № 9; зап. В. Караковским от И. В. Бочкарева, 73 л., в с. Могутовском Брединского р-на Челябинской обл. в 1951 г. *Горчаков.* Князь М. Д. Горчаков во время обороны Крыма командовал отрядом, в котором уральские казаки несли службу на аванпостах. *Как под кустиком под ракитовым.* Описание гибели казака и оплакивания его матерью, сестрой и женой в данном тексте восходит к более ранним военно-бытовым песням. *Прилетели к тому телу* и т. д. Отсюда и до конца песни мы даем иную по сравнению с первой публикацией разбивку на строчки.

«А ой да ты корми... кормилец ты наш...». Впервые — Песни донских казаков, собранные в 1902—1903 гг. А. М. Листопадовым и С. Я. Арефиным, вып. 1. М., 1911, № 40; зап. в ст. Старо-Григорьевской. *Теперя смутен ты стал* и т. д. Основные мотивы данной песни известны в составе других донских песен, как

исторических, так и безымянных. *Черкасск* — административный центр Донского казачьего войска до начала XIX в. В данной песне упоминается в соответствии с песенной традицией.

Песня севастопольских стрелков. Впервые — Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступит. статья и комм. Б. Н. Путилова. Грозный, 1946, № 177; зап. от А. Г. Рогожина в ст. Червленой на Тереке. *Севастопольцы-друзья.* Это обращение позволяет с известной долей вероятности отнести песню ко времени Крымской войны 1853—1856 гг.

«Как решил султан турецкий...». Впервые — Исторические песни. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. В. И. Чичерова. «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1956, стр. 312; из рукописного сборника, зап. в ст. Голубинской Сталинградского окр. в 1920-е годы. *В семьдесят седьмом году.* В 1877 г. началась русско-турецкая война. *Где наш дед шапку забыл* — намек на поражения турок на землях Украины.

Под Плевной. Впервые — «Сказки и песни Вологодской области». Составители С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955, № 28; зап. А. Вецрумб в дер. Скалино Грязовецкого у. в 1920-е годы. Исправл. по изд.: Исторические песни. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. В. И. Чичерова. «Библиотека поэта», Малая серия, Л., 1956, стр. 315. *Князь великий.* Вероятно, вел. кн. Николай Николаевич, главнокомандующий русской армией. По другому объяснению, румынский князь Карл, под командованием которого русско-румынские войска осаждали Плевну. *Плевна* — болгарский город, превращенный турками во время войны 1877—1878 гг. в укрепленный район. Осада его продолжалась четыре с половиной месяца. Плевна была взята в конце 1877 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН

СОДЕРЖАНИЕ[1]

Исторические песни

ПЕСНИ XIII—XV ВЕКОВ

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ПЕСНИ XVI ВЕКА

ПЕСНИ XVII ВЕКА

ПЕСНИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

НАРОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректоры *О. К. Ковалева* и *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 26/X 1961 г. Подписано в печать 23/II 1962 г. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 12 3/4 (20,91). Уч.-изд. л. 23,31. Тираж 18 000. Заказ № 1467. Цена 82 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

